

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ

МУСО ТОШМУҲАММАД ЎҒЛИ
ОЙБЕК

МУКАММАЛ АСАРЛАР ТЎПЛАМИ

Таҳрир ҳайати:

Марат Нурмуҳамедов, Комил Яшин,
Шоназар Шоабдурахмонов, Иззат Султон,
Ҳомил Ёқубов, Зарифа Саидносирова

ЎЗБЕКИСТОН ССР «ФАН» НАШРИЕТИ

А. С. ПУШКИН НОМИДАГИ ТИЛ ВА АДАБИЕТ ИНСТИТУТИ

МУСО ТОШМУҲАММАД ЎҒЛИ
ОЙБЕК

МУКАММАЛ АСАРЛАР ТЎПЛАМИ

ҚУШИМЧА ЙИГИРМАНЧИ ТОМ

Рус тилида ёзилган асарлар

МАҚОЛАЛАР
НУТҚЛАР
ТАҚРИЗЛАР

ТОШКЕНТ — 1985

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

МУСА ТАШМУХАМЕДОВИЧ
АЙБЕК

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Редакционная коллегия:

Марат Нурмухамедов, Камиль Яшен,
Шаназар Шаабдурахманов, Иззат Султан,
Хамиль Якубов, Зарифа Саиднасырова

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ им. А. С. ПУШКИНА

МУСА ТАШМУХАМЕДОВИЧ
АЙБЕК

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ДВАДЦАТЫЙ ТОМ

Произведения, написанные на русском языке

СТАТЬИ
РЕЧИ
РЕЦЕНЗИИ

ТАШКЕНТ — 1985

Ойбек «Мукаммал асарлар тўплами»нинг ушбу, қўшимча томига адабнинг кам маълум бўлган ва эъдон қилинмаган адабий-танқидий мақолалари, нутқлари ҳамда тақризлари киритилди. А. И. Дейч билан ҳамкорликда ёзилган «Алишер Навоий» адабий-танқидий очерки ҳамда тугалланмай қолган «Халқ қалқони» пьесасининг мавжуд парчалари ҳам ушбу томдан жой олди. Мазкур томга киритилган барча материаллар Ойбек томонидан рус тилида ёзилган.

Том кенг филологлар оmmasига мўлжалланган.

В настоящий дополнительный том Полного собрания сочинений Айбека включены малоизвестные и неопубликованные литературно-критические статьи, речи и выступления, а также отзывы и рецензии писателя. В том вошли написанные совместно с А. И. Дейчем литературно-критический очерк «Алишер Навоий» и фрагменты незавершенной пьесы «Щит народа». Все материалы, включенные в настоящий том, написаны Айбеком на русском языке.

Для филологов широкого профиля.

Изоҳлар билан нашрга тайёрловчилар:

Наим Каримов
Раъно Иброҳимова

Масъул муҳаррирлар:

Нинель Владимирова
Наим Каримов

О $\frac{4702570200-3101}{M355(04)-85}$ 318—85

© Ўзбекистон ССР «Фан» нашриёти, 1985

Ойбек. 1948 йил фотоси

МАҚОЛАЛАР
НУТҚЛАР
ТАҚРИЗЛАР

МАҚОЛАЛАР ВА АДАБИЙ-ТАНҚИДИЙ ЛАВҲАЛАР ПОЭЗИЯ СОВЕТСКОГО УЗБЕКИСТАНА

Современная узбекская советская художественная литература является одной из самых важных побед Октября в области культуры.

Трудящиеся Узбекистана, еще вчера только не знавшие ничего другого, кроме религиозно-мистических газелей* таких поэтов, как Машраб, Софи Аллаяр, Ахмед Яссави**, сегодня имеют свою собственную поэзию.

Узбекская советская поэзия выросла в жестокой борьбе за пролетарскую гегемонию в литературе, в борьбе с буржуазией и ее певцами, поэтами-националистами.

Строительство социализма сделалось важнейшей задачей трудящихся. И литература стала на службу социализму. Только благодаря органической связи узбекской литературы с практикой строительства социализма повысился ее художественный и идейный уровень.

Многие поэты пересмотрели свой творческий путь. В этот период Х. Алимджан, Уйгун создали решительный перелом в своем мировоззрении и в творчестве.

Сегодня
врагам отвечая в бою,
присягаю стране,
в которой расту,
мобилизованным остаюсь,
на переходном мосту!

(Х. Алимджан)***

Это — не простая декларация. Поэт своими произведениями подтверждает эту творческую мобилизацию.

Уйгун, раннее творчество которого характеризова-

---

* Газель—песня, романс, ода, сонет, стих любовного содержания.

** Машраб, Софи Аллаяр, Ахмед Яссави — старые узбекские поэты.

*** Литобработка всех переводов принадлежит А. Лаврентьеву.

лось пассивно-созерцательными взглядами, также переходит к великой тематике эпохи:

В руках зажав
поводья лет,
Летим вперед, к цели...
В эпоху врезать
новый след
лишь только мы сумели!

Творчество Гафура Гуляма, Гайрати, Уйгуна, Х. Алимджана, Шейхзаде, Эргаша, Джасура, Хасана Пулата и других поэтов органически связано со строительством социализма. Поэты вышли из круга узко индивидуалистических идей и понятий. Это показывает рост поэзии. Взоры наших поэтов обращены не во внутрь себя, не в свое «я», а к жизни, к активному познанию, отражению и изменению ее.

Наши дни богаче, чем годы
прежней страны,
Наши годы — целым жизням
прежним равны...
Наши дни нам диктуют
суровый закон
— Дайте угля, металла
тысячи тысяч тонн!
Столько же хлопка требуют
властно они,
дни строительства, наши
ударные дни...
(Г. Гулям)

Рост мировоззрения поэтов, переход к новой тематике и вообще новое содержание поэзии потребовали новых форм. Как результат нового отношения к жизни у поэтов начинает зарождаться система новых образов. Поэты отвергают архаические каноны литературы эксплуататорских классов. Поэты активно ищут новые формы, новые стилистические способы, соответствующие величественной эпохе.

Сплав труда —
Бронированный кулак...
По шахматной доске истории
ударил мы, воскликнув: «Итак,
шах объявлен!»
Враги проспорили!
(Шейхзаде)
Спешит страна,
отставая, идут

века, времена...
Гранитный камень — труд.
(Х. Алимджан)

Каждый поэт создает свои характерные индивидуальные черты, творчески самоопределяется, что показывает работу поэтов над собой.

Но в стихотворениях некоторых поэтов еще встречаются образы, оставшиеся в наследство от феодально-буржуазной литературы. Отдельные поэты еще не освободились от старых литературных традиций. Например, в стихотворении Гайрати «Девушка-ударница» есть строки:

Небесные девушки-звезды
улыбаясь, глядят с высоты...

В стихотворении «На окупке» встречаются строки:

Солнце, расчесав кудрей атлас,
То резво мигает,
То бровью играет,
Из уст его смех долетает до нас...

Показателем творческого мужания узбекской советской поэзии является создание больших поэтических полотен — поэм. Среди них особого внимания заслуживают поэмы Эргаша. Каковы недостатки, присущие появившимся поэмам? Поэтам не всегда удается раскрыть тему. В поэмах центр внимания большей частью устремляется не на человека, а на вещи. В индустриальной поэзии, например, довлеют машины, станки, техника. События, происшествия, вещи берутся не как результат активности людей, а сами по себе. А человека, который их создал, нет. Если же в некоторых произведениях поэт говорит о людях, то эти люди тонут в вещах и событиях. Человек не является хребтом произведения, не возвышается до степени собирательного типа. Поэма Эргаша «Разве виноват этот сумашедший» тоже не свободна от этих ошибок.

Правда, это явление преобладает в произведениях начинающих писателей, но нельзя отрицать вообще наличия в узбекской советской поэзии некоторой склонности к техницизму и абстрактной революционности.

Наша эпоха — эпоха героизма. Показ в художественных произведениях новых людей, изменение человека — одна из величайших задач современной литературы.

Мы должны показать как из людей, только вчера употреблявших палец вместо пера, погрязших в религиозном суеверии, выросли герои, активные строители социализма. Показу героев посвящены лишь немногие произведения («Джантемир» Уйгуна, «Гриша» Х. Алимджана, есть несколько произведений у Эргаша и Хасана Пулата).

Историческое постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций» вызвало большой подъем в узбекской литературе.

Писатели начали сознавать, что только стоя на позиции пролетариата, только вооружась его мировоззрением, можно правильно отразить жизнь, создать подлинно художественное произведение.

Выросли десятки молодых начинающих поэтов, у которых вышли сборники стихов, — Карим Ахмади, Ш. Сагдулла, С. Абдулла, С. Турды, Эминджан Аббас, Уктай, Джигай и др. Среди этой молодежи есть поэты, давшие совершенные произведения:

Пустыня прошлого воскресла
в бодром шуме.
ее заставили мы лугом
зацвести....
И русла рек, метавшиеся в
безумьи,
Соединив, направили по нужному пути.
(С. Турды)

Творчество поэтической молодежи не лишено идейных и формальных недостатков. Молодой поэт Эминджан Аббас свое стихотворение «Марш трактора», пытаясь имитировать шум трактора, начинает бессмысленной тараторщиной. Советская поэзия должна быть поэзией, написанной простым языком, близким и понятным трудящимся массам.

Подобных примеров можно привести очень много. Молодым поэтам нужна большая помощь, чтобы верно направить их творчество.

Гегель в своей «Эстетике» говорил: «Героические эпохи дают великие темы искусству». Наша эпоха — эпоха величайшего героизма. Социалистический реализм есть орудие познания и правдивого отображения всего многообразия нашей эпохи. Но наша бушующая эпоха, исполненная героизма, может дать большой материал

также и для революционно-романтических, глубоко эмоциональных песен, поэм. В узбекской советской литературе уже начинают появляться первые ростки революционного романтизма. Стихотворение Уйгуна «К цветущим садам коммунизма» несет в себе элементы революционного романтизма.

Как дни идут
походкой молодой!
Как музыка дней ясна!
От полюса до полюса
шар земной —
цветами наряжает
великая весна.

В стихотворении поэта Шейхзаде «Из книги жизни» романтическими мазками обрисовано величие, своеобразие наших дней. Поэтому лучезарность наших дней получается еще сильнее. Поэт воспевает радость жизни в нашу эпоху, которая заключается в стремлении к коммунизму:

Скажите,
имеющие право сейчас
на жизнь полнокровную такую,
может ли сердце
увясть у нас,
Коль после зимы —
весна ликует!
Захлестни меня,
вымой пеной струи,
ты, времени великий водопад.
Я лягу на чистые колени
твой...
О музыка чувств,
звучащая в лад!
Я жить хочу,
Жить — в трехзначном числе!
Я к коммунизму должен
прийти
в грядущий полдень лет.

Здесь воспевается радость жизни и труда в нашу эпоху. Это ода радости бытия в стране, строящей новую жизнь.

У нас еще широко не обсуждались теоретические вопросы социалистического реализма и революционного романтизма. Необходимо обратить серьезное внимание на это дело. Перед советской литературой, перед советской поэзией стоят большие задачи: перевоспитание трудящихся, выработка художественного чутья, перевод на

язык художественных образов идей и идеалов нашей эпохи. Роль художественной литературы в ликвидации капиталистических пережитков в сознании людей громадна. Но, чтобы выполнить эти задачи, писатели и поэты должны сами расти, овладеть учением Маркса и Ленина, упорно повышать свой культурный уровень, чтобы глубоко осмысливать социалистическую действительность.

За последние годы мы достигли больших успехов в поэзии. Но величественная эпоха требует произведений большого искусства. И мы их дадим. Под знаменем социалистического реализма и революционного романтизма мы откроем новые страницы советской поэзии.

ОТОБРАЗИТЬ В ЛИТЕРАТУРЕ ВЕЛИЧИЕ НАШЕЙ ЭПОХИ

До постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. мои произведения изредка появлялись в литературном мире. Постановление ЦК создало большую творческую среду.

За период после постановления ЦК я сумел написать три поэмы и несколько стихотворений. Я стремлюсь к тому, чтобы мои произведения были политически полноценны и художественно яркие. Я стараюсь изжить узко индивидуалистические, голо эстетические элементы моего творчества и создать глубоко идейные произведения.

В период выполнения первого пятилетнего плана, изменившего лицо нашей отсталой страны, в период ожесточенной классовой борьбы, в эпоху мировых исторических успехов Советского Союза я повернул свое творчество в сторону отображения правды социалистического строительства. Я намерен показать на практике этот поворот и довести его до конца.

Скоро откроется XVII съезд ленинской партии. Миллионы строителей, ударников великой страны встречают его великими делами.

Мы, писатели Узбекистана, до сих пор еще не дали больших произведений, которые во всей полноте показали бы величие нашей эпохи, глубокие изменения, появившиеся в жизни, сознании трудящихся. Мы должны направить все наши силы в эту сторону. Я встречаю великий съезд партии следующим: заканчиваю поэму из колхозной жизни «Ураз», работаю над романом, в котором будет изображена жизнь советской интеллигенции и поворот в нашу сторону части старой интеллигенции. Этот роман был начат мною очень давно.

Кроме того, я приступил совместно с товарищем М. Асимовым к написанию пьесы. В этой пьесе мы намерены показать значение и роль политотделов в колхозах.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ ЭПОХИ

Каждый писатель может найти в докладе ЦК ВКП(б) XVII партсъезду замечательные материалы, характеризующие нашу эпоху. Этот доклад не только знакомит с самыми волнующими вопросами нашей действительности, но и ярко освещает задачи великих работ, стоящих перед партией, перед каждым советским писателем.

С сожалением надо отметить, что многие писатели Узбекистана все еще ведут себя замкнуто, зная жизнь только по газетам. В результате они не могут уловить ведущие темы нашей эпохи, берут события изолированно, без понимания их связи со всемирно-историческими процессами, происходящими сейчас в Советском Союзе.

Вот таким писателям надо особо вдуматься в материалы доклада, вдуматься и безоговорочно переключиться на конкретную реализацию этих материалов.

Одним из моментов доклада является уничтожающая, яркая и сочная характеристика «честных болтунов», т. е. таких партийцев, которые дело заменяют красивыми словами. Многие наши писатели не умеют отличать таких говорунов от подлинно полезных работников и зачастую, показывая партийца, приводят его монологи, «красивые» речи, но не показывают, как он работает, какой из него производительник, организатор. Разоблачать «честных болтунов!».

УЗБЕКСКИЕ КЛАССИКИ

Современная узбекская литература впитала в себя лучшие традиции русской и западноевропейской литературы. Но основной питающий ее родник — замечательное литературное наследство, оставленное выдающимися представителями узбекской литературы. Это литературное наследство имеет свои вековые традиции, огромную поэтическую культуру, накопленную многими столетиями.

История узбекской литературы своими истоками уходит в самые отдаленные времена. Уже в XII веке имелись художественные произведения, сохранившие свою ценность до наших дней.

Одним из первых представителей узбекской литературы является поэт-суфий Ходжа Ахмед Яссави, который пользовался широкой известностью не только в Узбекистане, но и далеко за его пределами. Его творчество, отличавшееся большим мастерством, простотой художественных форм и языка, оставило значительный след в истории развития узбекской литературы.

Упадок литературного творчества и вообще всей узбекской культуры в результате монгольского нашествия в XIII в., причинившего огромный ущерб экономической жизни страны, сменился бурным расцветом литературы и других видов искусства в XV в.

XV век является периодом расцвета светской поэзии. Эта утонченная поэзия впитала, если можно так выразиться, все соки великолепного художественного творчества крупнейших поэтов Востока — Фирдоуси, Хисрау, Низами, Джами.

В этот период появляются замечательные узбекские поэты Лутфи, Атаи, Навои, Бабур, поднявшие узбек-

скую литературу на новую высоту. В эту же эпоху, именуемую историками и литературоведами «золотым веком» узбекской литературы, происходит формирование литературного узбекского языка.

Крупнейшим поэтом XV века, подлинным классиком узбекской литературы является Алишер Навои.

Навои отдал всю жизнь поэзии и наукам. Кроме тысяч газелей и больших эпических поэм, Навои написал десятки произведений научно-исторического характера. Прекрасно образованный по тому времени человек, он занимался не только поэзией, но и другими видами искусства. Он изучал музыку, живопись, скульптуру, стремясь внести в них нечто новое.

Навои сыграл в узбекской литературе исключительную роль — поднял знамя борьбы за узбекский язык. До него узбекский язык считался нелитературным. Господствующие классы относились к нему, как к «деревенскому». Ученые и поэты писали на иранском языке. В придворных и аристократических кругах были в моде исключительно иранский язык и иранская поэзия.

Навои, прекрасно владевший иранским языком, писавший на этом языке, считавшийся «двуязычным» поэтом, начал упорную борьбу за господство в узбекской литературе не иранского, а узбекского языка. Им был написан специальный труд, посвященный теоретическому обоснованию преимущества тюркских языков перед иранским.

В своем произведении «Сравнение двух языков» он выступил как ученый-лингвист и на многих примерах доказал богатство своего родного языка. Он призывал поэтов и прозаиков писать только на родном языке, чтобы было понятно народу.

Навои был одним из тех поэтов, творчество которых отличалось многообразием жанров, богатством сюжетов. Его сборник стихов «Большой диван» содержит около двадцати тысяч двустиший, его «Хамса» («Пятерица») состоит из пяти поэм в 4000—5000 строк каждая. Особенно большую художественную ценность представляют поэмы «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун» и «Семь планет».

Эти поэмы своими корнями уходят в народное творчество. Навои положил в основу своих произведений известные легенды, которые живут на Востоке с неза-

памятных времен. В них он всегда противопоставлял идею справедливости насилию и тирании. Он протестовал против произвола и угнетения народа «сильными мира сего». Он говорил, что корона и пышная жизнь дворцов созданы на крови и слезах народа.

В своих газелях Навои — глубокий, яркий лирик, в них преобладают любовные мотивы. Эти газели исключительно музыкальны. Навои придавал особое значение изяществу формы. Его стихи блещут неожиданными, своеобразными метафорами и сравнениями.

Непревзойденный мастер поэзии Навои оказал огромное влияние на развитие узбекской литературы. Он сказал, однако, воздействие не только на узбекскую литературу. Влияние его творчества сказалось в определенный период и на литературе Азербайджана и Турции.

Трудящиеся массы Узбекистана, освобожденные от векового гнета ханов, феодалов, баев и получившие возможность приобщиться ко всем культурным ценностям, могут сейчас во всей полноте освоить то огромное литературное наследство, которое оставил великий поэт Навои — один из крупнейших представителей классической узбекской литературы.

ПОВЕСТЬ О НАВОИ

Основной моей литературной работой прошедшего 1940 года была повесть об Алишере Навои. В ней я показываю эпоху Навои, его современников — представителей науки и искусства. В 1941 году я рассчитывал закончить эту повесть.

В прошедшем году я был занят и переводами выдающихся произведений мировой литературы на узбекский язык: перевел вторую часть хрестоматии по античной литературе, где собраны образцы римской поэзии, драмы и прозы. Эта книга вышла. Впервые на узбекском языке опубликованы произведения античных писателей. Принимал я участие и в переводе первой части хрестоматии (греческая литература).

Около двух тысяч строк мной переведено из бессмертной поэмы Гете «Фауст». Книга выйдет в свет в 1941 году и познакомит узбекских читателей с творением великого немецкого поэта.

Прошедший год был для меня ценен и тем, что на узбекском и русском языках опубликован мой первый роман «Священная кровь».

[МОЯ РАБОТА НАД
«ЕВГЕНИЕМ ОНЕГИНЫМ» ПУШКИНА]

Я полюбил Пушкина еще в годы учебы в техникуме. После долгих просьб учитель русского языка достал мне несколько произведений Пушкина, которыми я зачитывался, оставаясь один в общежитии. Пушкин стал моим любимым поэтом, его произведения я перечитывал по несколько раз, а некоторые стихотворения знал наизусть.

Поступил в университет. Учиться стало гораздо сложнее. В нескольких школах преподавал узбекский язык и литературу. Но сердце и мысли мои были заняты Пушкиным.

В 1936 году началась широкая подготовка к большому пушкинскому юбилею. В план УзГИЗа был включен ряд произведений Пушкина.

«Евгений Онегин» является одним из больших и сложнейших произведений Пушкина. Много думал я над этим произведением, и весной 1936 года рискнул взяться за перевод моего самого любимого произведения Пушкина «Евгений Онегин».

Пушкин — гениальный поэт. Перевод его сложнейшего и предельно глубокого произведения был ответственной работой.

Узбекская литература и узбекский язык богаты словарным запасом, но в произведениях Пушкина встречаются такие выражения, которые свойственны только русскому языку.

Группа переводчиков Пушкина — Хамид Алимджан, Зулфия, Абдулла Каххар, Шейхзаде, Тимур Фаттах — все мы устроились в отдельных юртах на уютном склоне чимганской горы и принялись за перевод.

Помню, Хамид Алимджан всегда приходил ко мне,

как только устанет от работы. Мы совместно обсуждали произведения Пушкина. Прекрасные картины природы, чистый горный воздух, густые душистые горные цветы, изумрудно-прозрачные горные ручьи.

Заслушивались соловьями, которые беспрестанно пели свои весенние песни. Все это давало отдых сердцу, уму.

Иногда, когда уставали от перевода, для нас источником вдохновения были произведения Пушкина. Начитавшись их, мы сами временами сочиняли небольшие стихотворения. Например, мои стихотворения «Пушкин», «Шиповник» — стихи из этого цикла.

В сборнике «Қуёш қўшиғи» в раздел «Чимганские записки» включены избранные стихотворения из этого цикла.

Когда мы сильно переутомлялись, то совершали походы на горные вершины. На огромных могучих скалах медленно таял снег, маленькие горные речки с шумом стекали вниз. Ежедневно раза два поднимался я на вершину «Двенадцать ключей». Любил побродить в одиночку. Женщины приносили вишню, абрикосы, яблоки. Вспоминается кумыс, который мы пили под веселые шутки в чайхане. Вообще, Чимган — красивый горный край, с чистым, прозрачным воздухом.

20 августа, закончив перевод «Евгения Онегина», вернулся в Ташкент. Но когда начал перечитывать перевод, то оказалось, что отдельные главы переведены слабо. Впоследствии пришлось много трудиться над этими частями. Таким образом, после упорного, усиленного труда мне удалось к середине зимы закончить всю работу.

Пушкин — гениальный поэт. Когда бы я не перечитывал свой перевод «Евгения Онегина», мне всегда хочется еще и еще раз переработать, исправить его. Конечно, еще много надо работать над ним.

С НОВЫМИ СИЛАМИ — ЗА ТВОРЧЕСКИЙ ТРУД

*Беседа с действительным членом Академии наук УзССР,
лауреатом Государственной премии
писателем Айбеком*

Закончился Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Литераторы — представители всех национальных литератур нашей страны — 12 дней обсуждали широко и всесторонне важнейшие проблемы литературного творчества, ставшего у нас частью общенародного дела.

Наш корреспондент обратился к делегату съезда, видному узбекскому советскому писателю Айбеку с просьбой рассказать о том, как проходил съезд, поделиться впечатлениями о встречах с советскими и зарубежными писателями.

— Если каждая новая книга писателя,— сказал Айбек,— его экзамен перед народом, то второй съезд был как бы «всеписательским» экзаменом перед многомиллионным советским читателем. Все, что сделано в нашей литературе за последние 20 лет, было подытожено в докладах, содокладах и в выступлениях делегатов. Писатели вели большой разговор о мастерстве, о том, чтобы книги наши были бы глубже, правдивее, художественнее.

Особенность второго съезда в том, что на нем были широко и полно представлены все отрасли многонациональной советской литературы. Если во время первого съезда у некоторых народов нашей страны литература только зарождалась, то сейчас мы можем с гордостью сказать: замечательная советская жизнь отражается теперь в литературных произведениях, написанных на всех языках братских народов дружной советской многонациональной семьи. Сознать это радостно. Хорошо сказал русский писатель и мой старший товарищ по оружию Федор Гладков:

«...За истекшие годы во многих литературах малых по численности, но великих по духу народов Советского Союза писатели коллективно совершили тот труд, ко-

торый свершил Пушкин для русского народа: они одновременно установили свой родной литературный язык и создали литературу на этом родном языке». Об успехах узбекской советской литературы съезду докладывал Абдулла Каххар, он вышел на трибуну, и весь зал приготовился внимательно слушать его. Не берусь сказать точно, что чувствовал Каххар, выступая перед съездом, но уверен, что его, так же, как и всех нас, — делегатов от писателей Узбекистана, — во время речи не покидало ощущение глубокой заинтересованности в судьбах узбекской литературы со стороны наших братьев — русских, украинцев, армян, белорусов, якутов, представителей всех народов нашей Родины.

Маяковский в 1929 году писал, что у нас «врагов много по ту сторону красных баррикад». Но он уже тогда написал и о наших друзьях за рубежом. Теперь их намного больше. Их лучшие представители были гостями нашего съезда. Из Франции, Голландии, Англии, Чили, Бразилии, чтобы засвидетельствовать свое глубокое уважение к советской литературе и ее работникам, приехали к нам Луи Арагон, Тойн де Фрис, Джек Линдсей, Пабло Неруда, Эльза Триоле, Жоржи Амаду. Я встретил на съезде посланцев прогрессивной интеллигенции стран Востока — Али Сардара Джаффри, Ахмада Аббаса, Хусейна Мурувве, Саида-Али Нафиси.

Активно участвовали в работе съезда писатели стран народной демократии.

У советских писателей, на каком бы языке они ни писали, в каких бы жанрах ни работали — одна великая цель. Своими произведениями они стремятся помочь партии и государству в коммунистическом воспитании народа. Пример русской советской литературы — старшей сестры национальных советских литератур — вдохновляет нас в творческих исканиях. Писатели Узбекистана должны работать так, чтобы каждый новый роман, новая пьеса, повесть, стихи, сценарий, рассказы показали жизнь, человека во всем расцвете и многообразии. Нас призвал к этому в своем обращении к съезду ЦК партии. Возвратившись из Москвы, писатели сядут за рабочие столы, другие разъедутся по республике, чтобы найти в жизни то, чего не было подчас в иных книгах — серьезные, глубокие конфликты, красоту труда.

Я сейчас заканчиваю новую повесть о борьбе простых людей Пакистана за лучшую жизнь своего народа.

ВНИМАНИЕ БРАТСКИМ ЛИТЕРАТУРАМ

Если на Первом Всесоюзном съезде писателей мы говорили только о зарождении, начальных шагах многих наших национальных литератур, то сейчас, спустя два десятилетия, эти литературы приходят ко Второму писательскому съезду уверенной поступью. У каждой из этих литератур есть и свои трудности, нерешенные вопросы и творческие проблемы, о чем предстоит серьезно поговорить.

Я думаю, что вопросы творческой практики братских литератур займут достойное место в большом разговоре на Втором Всесоюзном съезде писателей. Наряду с решением главных проблем развития всей нашей многонациональной советской литературы съезд призван уделить пристальное внимание разбору конкретных вопросов, важных для каждой литературы.

Принципиального и серьезного обсуждения на съезде требует, например, вопрос о поэтических формах. Некоторые поэты среднеазиатских республик настойчиво пытаются вложить в старые, отжившие поэтические формы новое содержание. Это приводит к искусственности, фальши. Разговор о правильном творческом использовании огромного богатства поэтических форм народной и классической поэзии будет полезен для всех литераторов, независимо от того, в каком жанре они работают.

Хотелось бы также, чтобы на съезде шла речь и об общественном лице писателя — воспитателя, пропагандиста, о его связи с народом, о необходимости для литератора регулярно разговаривать с читателями не только со страниц книг, но и с газетных полос, с трибун лекционных залов и рабочих клубов.

Нет сомнения, что Второй Всесоюзный съезд писателей окажет могучее влияние на дальнейшее развитие советской литературы и совершенствование творчества каждого литератора.

СЛАВА РУССКОМУ НАРОДУ

В этот день, когда миллионы дехкан, рабочих, интеллигенция республик Советского Востока с гордостью осуществляют свое незыблемое демократическое право выборов высших органов государственной власти, наша мысль обращена к великому и могучему русскому народу.

Каждый, кто пойдет в этот день к урне, вспомнит, что только в результате Великой Октябрьской социалистической революции его народ получил возможность свободного развития в братской семье, семье народов Советского Союза.

Как не вспомнить, что за годы первых пятилеток под руководством великой партии Ленина при бескорыстной, щедрой помощи русского народа Узбекистан ликвидировал свою вековую экономическую отсталость, небывало развил производительные силы, поднял материальное благосостояние и культуру.

Седая история народов Узбекистана знает немало походов и битв. Но никогда узбекский народ в борьбе за свободу и независимость Родины не напрягал так своих моральных сил и материальных возможностей, как в Великой Отечественной войне. В героической борьбе против врагов Родины он шел рука об руку с великим русским народом, спаявшим все народы Советского Союза и явившим пример героизма и стойкости, мужества и отваги, терпения, выносливости, воли к победе. У русских воинов бойцы других национальностей учились стойкости, военному искусству, умению побеждать врага.

С помощью русского народа узбекский народ, как и другие народы Востока, не только утвердил у себя са-

мый передовой общественный строй, но, опираясь на социалистическую систему хозяйства, благодаря ленинской национальной политике добился мощного развития промышленности, создал передовое социалистическое сельское хозяйство.

В труднейшие дни войны русский народ нашел силы двигать вперед промышленное развитие Узбекистана, превратить его в один из арсеналов страны. К нам были переведены десятки современных заводов. В дни войны узбекские и русские рабочие, строители, инженеры создали целые отрасли новой промышленности, каких Узбекистан не знал до войны,— станкостроение, машиностроение, новые шахты, рудники, электростанции.

С большой любовью и вниманием относится русский народ к развитию нашей национальной социалистической культуры. Узбекский народ справедливо гордится именами своих поэтов, ученых, мыслителей. Творчество великого гуманиста прошлого Алишера Навои, поэтов-демократов Фурката, Мукими, труды гениальных ученых Авиценны, Улугбека неразрывно связаны с жизнью и чаяниями народа, его надеждами на светлое будущее. Но лишь Октябрьская революция открыла все возможности для гигантского роста нашей культуры. Книги впервые стали подлинным достоянием народа. На великих произведениях классиков марксизма-ленинизма, на идеях Ленина учились и учатся наша молодежь, интеллигенция.

Развитие советской узбекской литературы тесно связано с великой русской литературой. Под ее благотворным влиянием узбекская советская литература обогатилась новыми великими идеями, а также жанрами, формами и приемами. На произведениях Пушкина, Толстого, Гоголя, Чехова, Горького, Маяковского учатся узбекские писатели. За короткий срок в Узбекистане выросли талантливые поэты, прозаики, драматурги. Произведения Г. Гуляма, Шейхзаде, А. Каххара, Миртемира и других пользуются широкой известностью во всем Советском Союзе. Узбекский народ создал свои национальные драматические и оперные театры, развивает новую музыку, живопись.

От поголовной неграмотности узбекского населения мы прошли путь до всеобщего начального образования и до создания Академии наук Узбекской ССР. Число учащихся в кишлаках возросло в 289 раз! В Узбеки-

стане — 38 высших учебных заведений, 60 техникумов.

Создание своих национальных индустриальных кадров и интеллигенции — величайшее достижение узбекского народа.

Замечательным показателем культурного подъема узбекского народа является раскрепощение женщин, их активное участие в государственной, хозяйственной, культурной жизни. Свыше 15 тысяч юношей и девушек учатся в высших учебных заведениях и средней школе.

В созидательном мирном труде растет и крепнет дружба народов Советского Востока со всеми народами Советского Союза, со своим старшим братом — русским народом. Советский Узбекистан гордится дружбой с русским народом. Голосуя за кандидатов блока коммунистов и беспартийных, наш народ будет голосовать за партию Ленина, за нерушимый союз братских народов.

Слава великому русскому народу!

[ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ]

Талантливый грузинский народ, имеющий богатое литературное наследство, отмечает дату 120-летия со дня рождения и 50-летия смерти своего славного сына Ильи Чавчавадзе.

Великий художник слова, писатель и поэт, крупнейший общественный деятель, смелый мыслитель — вот каким предстает перед нами Илья Чавчавадзе.

Его творческая деятельность составила целую эпоху. Его прекрасные, глубоко душевные стихи выражают думы, чувства и мысли грузинского народа. Его проза, яркая и глубоко реалистическая, пленяет и захватывает нас и сейчас. Вся многогранная деятельность Чавчавадзе, смело вторгающегося в жизнь, служит примером беззаветной любви и преданности, бескорыстного служения народу.

Страстный патриот, Чавчавадзе верил в творческие и революционные силы своего народа, в его светлое будущее.

И вот сейчас свободный и счастливый грузинский народ, а вместе с ним и все народы нашей страны чтут его память.

Илью Чавчавадзе знают и любят не только в его родной Грузии. Его произведения читают и заучивают во всех уголках нашей Родины. Его творчество стало достоянием всех советских народов.

ПРАЗДНИК ЛИТЕРАТУРЫ

Мухтар ага Ауэзов — действительно знаменитый, действительно великий, высокий, как гора, гигант-писатель.

Еще будучи юношей, я познакомился с его произведениями и по сей день глубоко уважаю его и люблю. Мухтар Ауэзов — драматург, замечательный писатель, знаменитый академик и настоящий ученый. Его поэмы глубоко содержательны, его образы яркие, его романы написаны живым и чистым языком.

Я с большим увлечением и наслаждением изучал его творчество. В его произведениях много острого казахского фольклора. Чистые, яркие образы оставляют большое впечатление.

Мухтар Ауэзов — замечательно зрелый и сильный писатель. Он создал крупное, большой глубины произведение об Абае, в котором с особым мастерством показана жизнь Абая от детства и до старости и создан его яркий образ. В произведении выпукло отражена богатая, многогранная жизнь великого поэта казахского народа.

Я восхищаюсь казахской литературой! Созданный Мухтаром Ауэзовым замечательный образ Абая произвел на меня глубокое впечатление.

Абай, ученый и поэт, ворвался, как яркий луч света, в темную дореволюционную жизнь казахского народа. Он много читал и учился у Навои, Физули, Фирдоуси. Он много и с большим старанием трудился. Он хорошо понял и осознал значение русской литературы и с большим вниманием изучал произведения прекрасной плеяды русских поэтов, восхищаясь ими.

Находясь в тюрьме, Абай при свете керосиновой

лампы проводил многие ночи за чтением русской литературы. Тюремная стража даже шутила: «Ишь ты, киргиз хочет быть ученым. За бабушку, за дедушку хочет учиться? Мало что ли тебе дня?»

Видя тяжелое положение своего народа, Абай от всего сердца жалел его. Он боролся за народ с царскими чиновниками.

В романе много захватывающего.

Еще молодой Абай ночью приехал к любимой девушке. Его встреча с ней и образ любимой очень тонко и лирично выписаны. К сожалению, он не смог жениться на ней.

Еще один момент. Поэт, в степи, хорошо не помню, где-то на привале, видит во сне любимую и просыпается от близкой его сердцу прекрасной любимой песни. Он поражен и думает: «Ветер это или любимая? Нет, это поет она». И, взволнованный, выбегает из юрты. С каким умением изображены переживания поэта, чувства и душевные волнения его!

В романе многие образы отшлифованы и отточены с большим мастерством, например, чрезмерная жестокость Кунанбая, яркие образы умной, любящей и доброй матери и мудрой бабушки. Видно, доброта и любовь большого сердца Абая унаследованы от матери и бабушки. Много в романе прекрасных положительных образов. Много действий. Здесь, в моем маленьком высказывании, нельзя подробно рассказать обо всем.

В романе, например, показано, что Абай перевел на казахский язык «Евгения Онегина» Пушкина и сделал это гениальное произведение русской литературы доступным своему народу.

Абай всю жизнь страдал и боролся за судьбу безжалостно эксплуатируемого, притесняемого казахского народа.

В романе описывается, как Абай, сидя на холме, погружается в море мыслей. Его сердце переполнено любовью к народу, горем народа, надеждой на счастье народа. Язык романа полнокровен, образы романа богаты, ярки, совершенны.

Писателю и драматургу Мухтару Ауэзову исполнилось 60 лет, но он молод и силен. Еще многие годы, многими прекрасными произведениями он будет служить советской литературе. Желаю ему долгой и счастливой жизни, крепкого здоровья, больших творческих успехов.

ОБ УЗБЕКСКОЙ ПОЭЗИИ 30-х ГОДОВ

Путь развития узбекской литературы за 30 лет очень сложен. От революционных песен, стихов, от декларативно-лозунговых произведений начала революции, от поэзии малых агитационных форм, в которых звучали отклики революционных боев узбекского народа против его угнетателей, узбекская литература неуклонно шла вперед, к углубленному показу образов советских людей, к созданию широких полотен, отображающих нашу советскую современность.

Литература 20-х годов была еще слишком слаба для создания крупных художественных произведений, которые смогли бы отразить все те колоссальные сдвиги, которые произошли в жизни нашей страны после Великой Октябрьской социалистической революции. В произведениях этого периода мы еще не видим образов живых людей, строителей социализма, борцов за новые, социалистические формы жизни.

Характерной обобщающей темой большинства произведений этого времени был гимн освобожденному труду и свободному человеку, однако, идейное содержание в этих произведениях еще не раскрывалось во всей своей сложности и глубине и не давало широких жизненных обобщений.

Другой характерной темой произведений узбекской литературы этого периода была тема раскрепощения женщины Востока. Этой теме посвящено огромное количество поэтических произведений. Однако тема раскрепощения женщины выливалась в этих произведениях лишь в формы призывов к свободе, тому, чтобы сбросить путы старого патриархального уклада, в форму призыва к уходу от душного быта ичкари. Реального

же, жизненно правдивого образа борющейся узбекской женщины литература того времени не создала. Много произведений было посвящено производственной теме, но поэты не шли дальше внешнего описания заводской обстановки, фабричных гудков, т. е. чисто внешнего показа производственной жизни. Образ же рабочего, мастера-производственника, овладевающего высотами современной техники в литературе этого периода еще не был создан.

Осуществление довоенных пятилеток, коллективизация сельского хозяйства, которые в корне изменили облик нашей страны, подняли ее экономику и культуру на невиданную до этих пор высоту — способствовали быстрому развитию узбекской советской литературы.

В литературу пришли новые писатели, появилось стремление к новым художественным стилям, формам, жанрам, идейный и художественный уровень произведений многих писателей значительно вырос. Повысились и требования читателя к художественной литературе.

Изучение великой русской литературы нашими писателями оказало решающее влияние на развитие узбекской литературы, на возникновение новых жанров и форм. Лучшие узбекские поэты учились мастерству у великих русских поэтов-классиков и крупнейших современных советских поэтов — у Маяковского, Багрицкого, Тихонова и других.

Начинает развиваться жанр поэмы — так, в поэме «Джантемир» Уйгун стремится дать образ молодого человека, борца за новую жизнь, новые человеческие отношения.

В поэме «Дильбар — дочь эпохи» (Айбека) — автор пытается показать стремление к свободе, к культуре, к яркой, насыщенной жизни женщины-узбечки. В лице своей героини Дильбар автор намеревается раскрыть образ современной узбекской женщины — активной участницы и строителя новой жизни.

Поэт Гафур Гулям в поэме «Кукан» создает образ потомственного батрака, увидевшего возможность настоящего человеческого счастья в колхозной жизни.

В произведениях, посвященных строительству индустриальных гигантов, развитию хлопководства, колхозному быту, чувствуется переход от общих внешних опи-

саний к живому, полнокровному художественному показу.

Народные стройки способствовали внедрению литературы в гущу народных масс. Произведения, созданные на стройках, отражающие пафос народного строительства, героизм строителей, прочитанные тут же самими поэтами, находили в лице участников строек отзывчивых читателей и слушателей.

Лучшими нашими поэтами были созданы стихотворные письма, обращенные к Коммунистической партии. Их слушали на строительствах десятки и сотни тысяч колхозников, участников новостроек. Эти поэтические письма, рассказывающие о трудовых подвигах нашего народа, о его творческих дерзаниях, о дружбе народов, о преданности партии Ленина, являются документами огромного исторического значения и лучшими образцами узбекской советской поэзии.

ЛЮБИМЫЙ ПОЭТ

Исполнилось пятьдесят лет со дня рождения Хаида Алимджана — поэта яркого и неповторимого дарования, поэта больших чувств и новаторских поисков, сыгравших значительную роль в развитии узбекской литературы.

Летом 1944 года смерть трагически оборвала путь Хаида Алимджана, но за свою короткую жизнь он своими произведениями уверенно вошел в многонациональную нашу поэзию.

Мы услышали его звонкий голос в 1929 году, когда появилась первая тонкая книжка стихов «Весна». Она сразу же полюбилась читателям. Как и вторая, а затем и третья.

Поэт мужал и рос вместе с народом. В тридцатых годах Алимджан создал замечательную поэму «Зейнаб и Аман» — о светлой любви, о праве человека на счастье, о новых человеческих взаимоотношениях. Настольной книгой детворы и школьников стали подкупающие своей простотой его сказки в стихах — «Симург» и «Айгуль и Бахтияр».

Страстно звучал голос Хаида в суровые годы Великой Отечественной войны. Не раз видели его на передовой, слушали там его стихи — горячие, призывные.

Большой поэт, крупный ученый-литературовед, Хаид Алимджан был певцом дружбы народов нашей страны. Он написал и через всю свою жизнь пронес такие строки:

О, Россия! Россия! Твой сын, а не гость я.
Ты — родная земля моя, отчий мой кров.
Я — твой сын, плоть от плоти твоей, кость от кости —
И пролить свою кровь за тебя я готов.

Долгие годы Алимджан стоял во главе писательской организации республики. Он был добрым и требовательным помощником молодых писателей, человеком прекрасной души.

Многолетняя дружба связывала Хамида Алимджана с выдающимися представителями советской литературы А. Фадеевым, А. Толстым, Н. Погодиным.

Прошло много лет с тех пор, как узбекские писатели потеряли своего любимого товарища. Но он и сейчас живет среди нас.

Скажите всем: я буду жить всегда!
Я не умру, о други, никогда!
В живой душе народа буду жить,
В желании свободы буду жить.

БЕССМЕРТНАЯ ПЕСНЯ

Наш народ издавна дружит с песней, а песня Хамзы словно родилась в сердце народа — так она близка ему и понятна. В ней — красота родных долин, чистейшая струя горных родников, величие народной души. Мелодии, созданные Хамзой, захватывают и волнуют. Незабываемы революционные песни Хамзы, с которыми бойцы революции шли в бой за свободу и за светлое будущее народа.

Драматические произведения Хамзы отличаются трагедийной силой. Образы, созданные им, подлинно народные, это живые люди, чьи страдания и борьба оставляют неизгладимый след в душе. Необычайно яркое, многоцветное, острый язык произведений Хамзы.

...Реакционеры убили Хамзу. Они боялись его — эти измен, прятавшиеся до поры под камнем, им была ненавистна и его неустранимость в борьбе за новую жизнь и просветительская деятельность.

...Там, в Шахимардане, носящем теперь по праву гордое имя Хамзабад, я побывал дважды. Здесь пришли ко мне слова поэмы, посвященной выдающемуся сыну узбекского народа, его бессмертию:

Горы здесь — одна другой все круче;
Здесь Хамза лежит — среди гор родных;
И ему, наверно, видны тучи
И орлы летящие видны...
Память, нерушимая, как скалы,
Над тобою высится, поэт...
Нам святой твоя могила стала,
Для тебя, и правда, смерти нет!
За тебя — вся жизнь твоя былая,
Смерть твоя — невежества клеймо.
Ты врага изгнал из недр Алая,
Словно смертью победил самой!

...Хамза — явление исключительное, неповторимое. Стихи его, песни, все его многогранное творчество — национальная гордость узбекского народа и драгоценное достояние всей нашей многонациональной советской культуры.

СВЕТОЧ МИРА И СЧАСТЬЯ

Коммунизм! Сколько глубоких раздумий вызывает это слово. Оно воскрешает в памяти борьбу и надежды многих поколений, их мечты о светлом будущем, о справедливом обществе, где не будет угнетенных и угнетателей, где человек человеку будет братом. От неясных мечтаний об этом строе до научно обоснованной, конкретно и всесторонне разработанной программы строительства этого строя прошло человечество свой путь.

Обнародованный проект «Программы Коммунистической партии Советского Союза» обогащает нас множеством новых мыслей, идей. С неодолимой силой захватывает сознание этот план строительства коммунизма, равного которому еще не было в истории человечества. Вчитываясь в исключительный по глубине и яркости анализа проект Программы, нельзя сдержать радостного волнения от сознания близости коммунизма, от уверенности в правильности наших расчетов, от сознания, что вековая мечта народов стала уже не мечтой, а конкретным планом действия. Сердце наполняется гордостью за нашу ленинскую партию, всей своей героической историей, беззаветным, беспрецедентным служением народу, своей правотой и мудростью доказавшую, что нет для нее неразрешимых задач.

С особой силой прозвучали для меня слова о торжестве ленинской национальной политики партии, о необходимости еще большего упрочения дружбы и братского сотрудничества всех народов СССР. История моего народа являет собою ярчайший пример торжества этой политики. На моих глазах узбекский народ совершил буквально орлиный взлет. Преобразования, проис-

шедшие в моей республике, поистине грандиозны. В степи выросли и поднимаются корпуса заводов-гигантов, появляются новые зеленые оазисы жизни в пустынях, возникают каналы, белокаменные здания в Голодной степи, само название которой красноречиво говорит о ее прошлом. Но самое главное — возрождение народа, распрямившего согнутые веками рабства плечи, вздохнувшего полной грудью, так ярко проявившего дремавшие в нем веками таланты.

Навсегда канули в прошлое его нищета, отсталость. А какие необозримые дали предстанут перед нами в ближайшем десятилетие! Еще краше расцветет жизнь, еще более захватывающие горизонты откроются перед нами!

Все что достигнуто вдохновенным трудом узбекского народа, все чем богата моя республика, достигнуто благодаря дружбе народов нашей страны, благодаря братской помощи русского народа, обусловлено тем, что Коммунистическая партия твердо ведет нас по ленинскому пути.

Наша страна предстает сейчас перед всем миром как светоч воплощаемой вековой мечты народов, как светоч надежды, счастья и мира.

НЕ УСТАВАТЬ ВАМ, ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Со времени первых шагов к покорению космоса прошло всего несколько лет. Но за это время советские ученые не раз изумляли мир своими победами.

Маленьким кажется нам сегодня наш первый спутник, запущенный в октябре 1957 года, но какие большие надежды он породил! И вот сейчас мы являемся свидетелями осуществления этих надежд, свидетелями блистательных побед нашей науки, подвигов наших отважных космонавтов.

Подумать только: давно ли мы зачитывались фантастическими романами о полете человека на Луну?

Думалось, что нас отделяют от этого полета чуть ли не столетия. И с затаенной завистью думали о том счастливом поколении людей, которые будут свидетелями этого полета. Такая зависть вполне понятна, ибо для человека огромное счастье — познание и раскрытие тайн далеких миров. Вот почему сообщения ТАСС о новых полетах советских космических кораблей наполнили наши сердца чувством великой гордости за великую Родину, за родную Коммунистическую партию. Этот взлет свидетельствует о том, что не далекие потомки, а наш современник станет свидетелем полета человека на Луну, а может быть и на другие планеты.

Мне хочется обратиться к талантливым и трудолюбивым ученым и рабочим, создавшим чудесные космические корабли, к нашим смелым и мужественным космонавтам — Андрияну Григорьевичу и Павлу Романовичу и их друзьям — будущим космонавтам — с узбекским традиционным приветствием: «Хорманглар, дустлар!» Не уставайте Вам, дорогие друзья, в своих подвигах, в покорении космоса.

ОДНА БОЛЬШАЯ И СВЕТЛАЯ СУДЬБА

Пользуясь представившимся мне случаем, я рад сердечно приветствовать дорогих армянских братьев и выразить благодарность замечательным армянским писателям за проведение недели узбекской литературы. Проведенная в Узбекистане неделя армянской литературы и проводимая сейчас в Армении неделя узбекской литературы развивают взаимное обогащение культур наших народов. Эта форма братского сотрудничества стала замечательной традицией, в которой проявляется великая сила братской дружбы народов нашей страны.

Наши народы — братья, у них одна большая и светлая судьба, Великий Октябрь освободил наши народы, вывел их на путь дружбы и счастья. Советский строй, Коммунистическая партия обеспечили небывалый расцвет литературы и искусства наших народов. Нас роднит вековая жизнеутверждающая сила бессмертных идей коммунизма. Дружба наших народов — показатель жизненной неодолимой силы нашей великой Родины. Сейчас, когда я пишу эти строки, мне вспомнилась моя молодость, когда я впервые серьезно и основательно познакомился с древней культурой армянского народа. В середине 30-х годов я работал над переводом на родной язык эпоса «Давид Сасунский» — величайшего памятника армянского народного творчества. Вспоминается, с каким наслаждением я читал и перечитывал эту эпическую поэму, как с каждым разом я находил для раздумья новые и новые образы и идеи. В этой эпической поэме, на мой взгляд, с наибольшей силой проявилась великая идея и чувство Родины, выражены с огромной силой героический образ армянской

земли. В «Давиде Сасунском» своего цветения достигли лучшие стороны армянской культуры.

Знакомство с этим произведением и перевод его на узбекский язык (мне очень приятно, сообщить, что в моем переводе «Давид Сасунский» вновь был переиздан в этом году) оставили во мне неизгладимое впечатление, показали мне, сколько жизненных сил заложено в армянской культуре, в армянском народе. Очень и очень много пришлось пережить армянскому народу в течение своей многовековой истории, но он сохранил в себе силы для будущего развития. И в наше советское время мы видим, какого невиданного расцвета достиг армянский народ в братской семье народов нашей великой Родины.

ЛИТЕРАТУРА, ОТКРЫВШАЯ ПЕРЕДО МНОЙ НОВЫЙ МИР

Все мы находимся под огромным впечатлением от встреч руководителей партии и правительства с творческими работниками. У нас происходили дискуссии, обмен мнениями, большой принципиальный разговор о литературе и искусстве. Как известно, отдельные неустойчивые художники оказались в болоте абстракционизма, и они были справедливо подвергнуты резкой критике.

Решительно выступив против идейных шатаний, проповеди мирного сосуществования идеологий, Коммунистическая партия призвала литераторов и всех творческих работников раскрывать и в ярких образах запечатлевать в художественных произведениях советскую действительность в ее развитии, величие подвигов советского человека.

Советская литература и искусство развиваются в тесной связи с жизнью народа. У нас идет постоянный обмен духовными ценностями между братскими советскими народами. В настоящие праздники социалистической культуры превращаются декады братских литератур и искусства. На этот раз мы встречаем участников декады русской литературы и искусства.

Русская культура, и прежде всего русская литература с ее революционными традициями, народностью, гуманизмом, с ее высоким художественным мастерством, оказали и продолжают оказывать благотворное влияние на развитие узбекской советской литературы. Мы, первое поколение узбекских советских писателей, почувствовали это с первых же дней Великой Октябрьской социалистической революции.

С детских лет я любил читать с упоением, с трепетным волнением в сердце стихи Алишера Навои, уносясь

в мир поэзии. Под глубоким впечатлением находился я и от прекрасных газелей большого азербайджанского поэта-лирика Физули. В двадцатые годы сам начинаю пробовать писать стихи: сначала подражал знаменитым поэтам, а потом стал находить свои рифмы, свой поэтический размер. Но в то время у нас не было книг по литературе на узбекском языке.

Вот тогда-то пришли мне на помощь русские учителя. Началось с изучения русского языка. Мой учитель Горянов, веселый, жизнерадостный человек, часто на уроках, когда трудно было понять то или иное русское слово, чертил на классной доске различные фигурки, движением рук, выражением глаз, мимикой — всем сердцем старался научить нас русскому языку. Это он, дорогой моему сердцу, глубоко уважаемый учитель, первым дал почувствовать силу и красоту русского слова, понять и полюбить навсегда русскую литературу, найти в ней истинное наслаждение.

Навсегда запали мне в душу стихи и поэмы Пушкина. Я полюбил всем сердцем прекрасную пушкинскую поэзию. Она ввела меня в мир больших литературных образов, воплощавших передовые, прогрессивные идеи того времени. Меня поражало художественное мастерство Пушкина, Лермонтова и других русских поэтов. До сих пор помню толстую, в красном переплете книгу стихов и поэм Пушкина. Еще и еще читал, и все больше проникался любовью к великому поэту, все больше понимал глубокий смысл его произведений. Некрасов — замечательный народный поэт, но я почему-то по молодости что ли, тяготел больше к романтическим стихам Пушкина, Лермонтова, Блока. Они были для меня самыми любимыми поэтами.

Я с большим удовольствием читал полные жизни произведения Гоголя. Он знает жизнь со всеми ее корнями. Гоголь живо, с большим мастерством описывает события, изумительно лепит литературные образы.

Л. Н. Толстой — гений, несравненный талант. Каждое его произведение — глубоко философское, монументальное. Даже его дневники хочется перечитывать снова и снова. Каждый раз, когда читаю Толстого, вижу новую сторону его таланта, новый свет его гения.

С исключительным мастерством показывается жизнь в рассказах Чехова. Он мастерски умеет короткой фра-

зой рассказать о многом. Его произведения бессмертны. Я учился у Чехова, умеющего описывать явления жизни одним-двумя штрихами.

Моя любовь к Горькому безгранична. Горький — величайшая вершина мировой литературы, наша надежная опора, гордость, слава. Это гений, живший и творивший на великих волнах и в пламени революции, — любимый писатель трудящихся всего мира.

В 30-е годы я узнал поэта-богатыря Маяковского — пламенного бойца и певца социалистической революции, глашатая интересов рабочего класса. С интересом знакомился с поэзией Николая Тихонова и Михаила Светлова. При другом удобном случае хочу написать об этом подробнее, ибо их творчество является большой школой для меня и многих других узбекских поэтов.

Знать, изучать русскую литературу, чувствовать тонкости ее языка, ее живое поэтическое творчество — это большая школа для наших молодых поэтов и писателей. Чтобы создавать литературу, достойную нашей светлой и прекрасной жизни, поэты и писатели должны овладеть высоким художественным мастерством, они должны быть всегда впереди жизненного потока, трудиться и творить во имя торжества коммунизма.

Об этом мы и поговорим на встрече с нашими русскими друзьями — участниками декады русской литературы и искусства. Мы уверены, что в дни этой декады у нас будут происходить душевные беседы, широкий обмен мнениями и опытом. Все это, несомненно, будет способствовать успешному решению задач, поставленных июньским (1963 г.) Пленумом Центрального Комитета КПСС перед советской литературой и искусством.

ФАКЕЛ В НАДЕЖНЫХ РУКАХ

Я не ошибусь, если скажу, что за последние десять лет в узбекскую литературу пришли столь сильные молодые поэты и прозаики, что влияние их ощущаем на себе и мы, люди, давно связавшие судьбу с писательским творчеством. Наши молодые коллеги заметно ускорили развитие прозы и поэзии благодаря тому, что активно осваивают и отображают современность.

Удается это молодым потому, что они тесно связаны с жизнью народа, обладают большой эрудицией, разносторонней культурой, воспитаны на лучших традициях многонациональной советской литературы. Как и другие мои ровесники, я горжусь нашей сменой. Молодежи подчас не хватает профессионального опыта и навыка, но это дело наживное. А главное — талант, стремление познать сущность сегодняшней действительности, чувство высокой ответственности, требовательности к себе — у них есть. Эти качества и рождают писателя.

Я внимательно слежу за творчеством молодых. Меня волнуют стихи Хуснитдина Шарипова, их искренность и нежность, их гражданский пафос. Не меньше радости мне доставляют и поэты Эркин Вахидов, Гульчехра, Сайяр Пулат, Азиз Абдураззаков. Недавно я прочел кое-что из их новых работ. Они еще больше укрепили мою веру в светлое поэтическое будущее этих авторов. Они растут от стиха к стиху, от книги к книге так же, как и одаренные рассказчики, очеркисты и романисты Ульмас Умарбеков, Учкун Назаров, Джонрид Абдуллаханов.

Сегодня в день торжественного праздника я могу с уверенностью заявить, что мы с любовью и верой передаем славный факел нашей литературы молодым. Дерзайте, творите во славу своей великой Родины!

ХУДОЖНИК МУЖЕСТВЕННОГО ТАЛАНТА

Нет в мире страны, где так высоко оценивается труд художника, где он окружен такой всенародной заботой и любовью, как у нас. Но в то же время в мире, быть может, нет народа, который более требовательно относится к своим художникам, чем наш народ. Вот почему нелегко у нас дается подлинная слава, ее завоевывает лишь тот, кто весь свой талант, весь жар своей души посвящает делу народа.

Шолохов Федин, Корнейчук, Леонов, Турсун-заде, Тычина, Упит...

В течение десятилетий их мужественные и суровые творения доставляют нам огромную радость. Правда жизни в ее самом высоком понимании — высший, благородный принцип творчества этих замечательных художников.

И сегодня, когда вдохновенный труд моих дорогих друзей по перу увенчался высшей и почетнейшей наградой, я хочу сказать: пусть их жизнь и высокий труд будут лучшим примером тем, кто честно служит своей Родине...

ВЕЛИКИЙ УЧИТЕЛЬ

Велика и неопенима роль Максима Горького в развитии мировой литературы. Творчески усвоив достижения передовой русской и мировой литературы, М. Горький стал основоположником литературы социалистического реализма, литературы нового, социалистического общества. В этом его великая историческая заслуга.

Имя Горького обозначает исходный пункт в истории многонациональной советской литературы.

Моему писательскому поколению довелось вступать в жизнь в период стремительного обновления нашего общества, в пору ожесточенной классовой и идеологической борьбы. Немало из молодых поддавалось тогда псевдоноваторским лозунгам формалистов, вульгаризаторов и прочих псевдоноваторов. К тому же следует иметь в виду, что у многих советских народов, в том числе и у узбекского, не было прозы в ее современном виде; зарождение реалистической, социально-психологической прозы приходится здесь на 30-е годы. Поэтому, какой непоправимый ущерб понесла бы тогда многонациональная советская литература, если бы восторжествовали уводящие от борьбы за великие идеи формалисты.

Творчество Горького, его сердечно-щедрые советы помогли нам, молодым, найти правильный путь — путь художественной правды. Всем своим гигантским творчеством, всем своим щедрым сердцем он указывал нам этот путь. И вечное спасибо ему за это, потому что это многое определило в нашей литературе.

Я считаю для себя большим счастьем, что уже при вступлении в литературу я познакомился с творчеством Горького. Ближе всего мне в творчестве Горького его

влюбленность в человека, в красоту его труда, в людей сильных духом, стремящихся вперед, способных восстать против затхлой старой жизни, горьковская страстная ненависть к угнетению человека. Большое впечатление на меня произвела замечательная особенность горьковских произведений — гордое чувство, с которым люди, испытавшие всю тяжесть подневольного труда, рвут рабские путы и вступают в смелый бой со своими угнетателями.

В этой гордости и героика борьбы, и вера в победу.

В гигантском творчестве Горького, в его титанической деятельности мне дорога каждая черта, ибо все, что написано Горьким, сделано крупно, сильно, ярко, а его общественная деятельность самого огромного размаха. Мне бы хотелось отметить еще одну заслугу Горького. Одной из наиболее трудных для литературы областей является отображение движения самих народных масс, и здесь для нас, писателей, особенно ценно горьковское наследие, его творческий опыт. Писатель-революционер в своих произведениях сумел раскрыть душу русского народа, проявившего великую революционную волю и героизм. Из общественной деятельности Горького хочется еще раз подчеркнуть замечательные особенности — заботу о литературе, о молодых писателях, способность радоваться чужому таланту. Ведь это самый верный признак душевного бескорыстия и щедрости. И эта горьковская черта мне также очень дорога.

Глубоко постигая жизнь народа, утверждая в сердцах людей человеческие законы морального кодекса строителей коммунистического общества, мы в своих творческих поисках опираемся на горьковское наследие. В наших книгах живет главный горьковский завет о литературе великих идей и больших чувств, о неразрывной связи литературы с народом.

Мы всегда учимся и будем учиться у нашего великого наставника. И сейчас, отмечая 100-летие со дня рождения М. Горького, мы являемся свидетелями того, как сердечно относятся и наши молодые писатели к горьковским заветам, как советский народ, все прогрессивное человечество высоко чтит и уважает этого неустанного борца за подлинную и благородную человечность в литературе, за народное счастье.

НУТҚЛАР

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ОБСУЖДЕНИИ КИНОСЦЕНАРИЯ «ХАМЗА» В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА

26 декабря 1940 года

Я считаю себя не компетентным в этом жанре, в жанре киносценария, так что мои замечания, конечно, носят не обязательный характер и присутствующие товарищи могут с ними не согласиться.

Во-первых, этот сценарий произвел на меня хорошее впечатление. Как художественное произведение сценарий доходит до читателя. Товарищи сумели создать сюжет, сумели объединить различные события и показать в этом сценарии облик писателя-борца Хамзы. Но мне кажется, что в нем есть и некоторые недостатки. Не знаю, насколько они глубоки, может быть, просто это мои личные взгляды. В сценарии очень много рассуждений, персонажи много рассуждают. Возьмем, например, рассуждение о музыке: узбекской и европейской. Беседы, которые имеют место между профессором Фуадом и композитором, поэтом Хамзой. Когда читаешь этот сценарий как художественное произведение, то это очень хорошо, но не знаю, как с точки зрения кино. Не будут ли тяжелы эти моменты? Все рассуждения о музыке — это большая проблема, проблема о которой раньше говорили и сейчас говорят и, думаю, еще будут говорить.

В сценарии персонажи много рассуждают о двух композиторах — Моцарте и Сальери. Для тех, кто знаком с европейской литературой, с произведениями Пушкина и т. д., для них это будет понятно, но для простого зрителя, колхозника, для рабочих и широких масс трудящихся рассуждения о Моцарте и Сальери будут пустым звуком, поскольку зритель не знает Моцарта и Сальери, не знает, какая была между ними связь и чем кончилась дружба между этими композиторами.

Все это для широких масс будет непонятно, они не знакомы с этой историей, а такие рассуждения в сценарии занимают довольно большое место.

Нельзя было показать превосходство европейской музыки, к чему стремился Хамза, другим способом, не проблематичным рассуждением о музыке европейской и узбекской, а показать это реально, другими средствами киноискусства? По-моему, очень наглядно выступило бы два взгляда на искусство, на природу и сущность музыки. Именно точка зрения Фуада-националиста, консерватора и точка зрения композитора, поэта, передового человека своего времени — Хамзы.

Потом, по-моему, в кинофильме интрига, хотя и есть, но не очень остра. Думаю, что с появлением поэта Хамзы в Шахимардане мракобесы сразу заметили его приезд и начали против него интригу. Они решили убить Хамзу не тогда, когда Хамза уже проявил себя как борец за новое, как борец за культуру, а раньше, они готовили это убийство, выдумывали способы покончить с Хамзой. По-моему, они даже и издевались над Хамзой. Всякий поступок Хамзы для них казался чем-то сверхъестественным, они натравливали против Хамзы неосознательных людей. Вот все интриги в конце концов привели к тому, что Хамза стал жертвой реакционеров.

Поэтому, по-моему, можно было бы эти эпизоды несколькими оживить средствами киноискусства.

События здесь, в этом сценарии текут ровно, без волнений, без особо волнующих сцен. Можно было шире показать гнездо этих мракобесов в Шахимардане. Ведь мы знаем, что это было настоящее гнездо мракобесов. Тут, наверное, устраивались разные религиозные обряды, например, «зикр». Ведь «зикр» сам по себе очень картинный. Каким способом мракобесы обманывали народ — этого мы не видим, хотя там есть муллы, они молятся, но тех способов, тех выдумок, при помощи которых они обманывали народ, этого в сценарии не видно. По-моему, не так трудно эти эпизоды взять из реальной жизни...

Когда Рамзетдин приезжает в Шахимардан, он встречается с чайханщиком. Этот чайханщик, по-моему, не типичен здесь. Нужно было взять типичного представителя имущих классов, хотя бы ишана. Ведь ишан — это не просто представитель религии, не только духов-

ное лицо, он владел большим имуществом, и движимым и недвижимым, вот тогда эта фигура была бы ярче. Или вместо чайханщика надо было взять крупного домовладельца, кулака, или, повторяю, ишана, который сочетает в себе и духовные качества, и светские. Он обманывает народ и благодаря тому, что он имеет земли, он эксплуатирует крестьян, батраков в своей деревне.

Хамза показан здесь как композитор, а нужно было показать его и как поэта. Ведь Хамза живой человек, у него есть свои своеобразные привычки, манеры. Поэтому нужно было в живых условиях показать это, показать Хамзу, не только занимающегося определенным делом, но и как простого гражданина, который, может быть каждый день ходил на прогулку, путешествовал по горам, писал стихи и т. д. Ведь он мог читать свои стихи простому кишлачному люду. Все это во многом оживило бы образ Хамзы.

**ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ОБСУЖДЕНИИ РОМАНА
«СВЯЩЕННАЯ КРОВЬ» В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА**

20 февраля 1941 года

Я согласен со многими замечаниями. История революционного движения в Узбекистане, история борьбы трудящихся масс Узбекистана до сих пор очень мало отражена в больших художественных произведениях. Но эта тема показа жизни недавнего прошлого, показа тяжелой эксплуатации имеет огромное политическое значение. Особенно это нужно для молодежи, для подрастающего поколения.

Всем известно, что были люди, которые идеализировали прошлое, идеализировали ханство. Всем известно, что враги народа стремились восстановить старую жизнь, полную горечи, эксплуатации, тяжелую жизнь. Они в любой момент были готовы продать родину империалистической державе. Вот поэтому показать жизнь полуколониального Туркестана, как она есть, имело большое политическое и воспитательное значение.

Я в своем романе,— а это мой первый роман, до этого я не занимался прозой, хотя писал отдельные очерки,— стремился показать два полюса: жизнь бедняков и жизнь богачей. Показать именно эти два полюса: нищету и богатство, и постепенный рост, развитие самосознания трудящихся масс. Я довольно хорошо знаю эту жизнь; отчасти мне самому привелось своими глазами видеть жизнь бедняков и жизнь богачей. Следовательно, воспоминания детства, с одной стороны, рассказы взрослых, постарше меня людей, с другой,— вот в результате чего у меня накопилось значительное количество материала, наблюдений, фактов, которые я хотел отразить в большом произведении, и этим произведением стал обсуждаемый сегодня роман «Священная кровь». Я работал над этим романом сравнительно не-

долго, я закончил его в течение восьми—девяти месяцев, а над отделкой романа работал еще два—три месяца, в общем в течение одного года сумел закончить эту вещь.

Я сознательно старался ограничить рамки романа, чтобы обеспечить некоторую композиционную стройность, и не хотел вдаваться в те области, которые я сам мало знаю. Обычно от писателя требуют, чтобы он, если берет какую-нибудь эпоху или период жизни, показал все. По-моему, это не совсем верно. В романе «Священная кровь» я показываю только небольшой кусок жизни. Правда, тема романа большая, требует показа двух миров, показа жизни богачей и бедняков — основного, определяющего стержня всего дореволюционного режима, но все же эта тема, как бы она ни была велика, не исчерпывает всего многообразия эпохи. Поэтому, конечно, я не утверждаю, что в моем романе эпоха отражена во всем многообразии. Можно, например, взять какую-нибудь одну сторону жизни какого-нибудь периода или эпохи. Например, можно написать роман или повесть о положении женщины в колониальном Туркестане, можно написать о безземелье крестьянства в дореволюционном Туркестане, можно написать и на эту тему роман, повесть, поэму, можно написать большую вещь и о проблеме воды до революции, но если от каждой вещи мы будем требовать, чтобы автор показал эпоху во всем ее охвате, то это, по-моему, просто невозможно. Автор обычно берет определенную тему, создает определенные образы и вокруг этих образов дает картину жизни, картину эпохи.

Вообще во всяком художественном произведении основное — это образы, характеры; без них нет художественного произведения. События и явления жизни всегда получают смысл, содержание через образы людей. Читатель может быстро забыть те или иные события, явления, картины, которые описаны в произведении, но образы, характеры, созданные автором, надолго, иногда на всю жизнь сохраняются в памяти. Именно образы, характеры имеют воспитательное значение. Положительные образы формируют сознание читателя, отрицательные — отталкивают, проливая свет на неблагоприятные поступки. Именно в этом сила художественной литературы. Без характеров, без образов худо-

жественная литература не имеет силы внушения, силы воздействия на психику, на сознание читателя.

Конечно, насколько мог, я старался создать целый ряд образов, целый ряд характеров. Я не говорю, что они одинаково закончены, одинаково живы, одинаково ярки и наглядны. Но, несомненно, что большинство образов романа «Священная кровь» убедительны.

По мнению читателей и авторитетных в вопросах литературы товарищей, образы убедительные, а раз образы убедительные, писателю кое-что удалось. И автор в известной степени достиг своей цели. Я не хочу сказать, что все образы законченные; еще многие не совсем отделаны, не совсем ярки. Что касается мнения некоторых товарищей о том, что образы главных героев не динамичны и статичны, я должен сказать, что это, быть может, касается образов второстепенных, но не основных...

Товарищ Виленский во многом прав, но насчет статичности образа Юлчи, я не могу с ним согласиться. Я знал, что товарищ Виленский читал роман, но после его выступления я начинаю сомневаться в этом.

Г о л о с с м е с т а. Ведь он редактировал.

А й б е к. Но, однако, он не видит разницы между Юлчи в первой главе и в последней.

В и л е н с к и й: Я говорил о бесконфликтности.

А й б е к. Какая же здесь бесконфликтность; конфликты есть и довольно серьезные. Потом товарищ Виленский требует коренной перемены в сознании семидесятилетнего старика — настоящего шакала Мирза-Каримбая. Он был шакалом, шакалом и остался. Но в дальнейшем, если развить этот образ, то могут быть лишь усилены его хищнические инстинкты.

В и л е н с к и й. От него требовались действия.

А й б е к. Основная задача, которая стояла, стоит и будет стоять перед советской литературой,— это задача создания образов наших людей, показа советской действительности. Советский человек должен был стать основной темой, основным творческим источником всей нашей советской литературы. До сих пор этот важнейший вопрос еще не решен, по этому пути писатели не идут. В поэзии мы имеем отражение советской действительности, имеем советскую тематику, показ советских людей, но в романах, повестях до сих пор советская действительность не была никак отражена.

Вот тут почти все товарищи изъявили желание, чтобы я написал продолжение этого романа, показал людей советской действительности, показал судьбы некоторых героев в условиях Советского Узбекистана. Об этом я давно мечтаю, давно этого желаю. Когда мы года два тому назад устроили читку этого романа, и тогда товарищи говорили, что необходимо его продолжать. Я непременно (это необходимо) напишу роман. Может быть, это будет не формальное продолжение, но в каком-то аспекте это будет продолжением, романом, отражающим советскую действительность. Действительно, в нашей послереволюционной жизни есть очень много интересных событий, интересных больших явлений. Ну взять, хотя бы вопросы укрепления Советской власти, обороны, гражданскую войну, борьбу против басмачества, земреформу, раскрепощение женщин, коллективизацию и ряд других крупных, больших тем, которые до сих пор ожидают своего отражения. Я буду писать большой роман, который охватит эти основные явления, основные события советской действительности, и покажу людей нашей эпохи.

Конечно, в «Священной крови» есть много недостатков и в композиционном отношении, и в отношении языка и стиля, мы еще не научились так тщательно работать над вещью, как работали классики. В дальнейшей работе я постараюсь изжить такие недостатки.

В конце разрешите мне выразить благодарность поэту Шейхзаде за его блестящий доклад и всем товарищам, которые приняли участие в обсуждении романа.

**ДОКЛАД, НА ОБЩЕГОРОДСКОМ СОБРАНИИ,
ПОСВЯЩЕННОМ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ**

И. А. КРЫЛОВА

Теперь очень редко пишут басни. Басня, как жанр, почти устарела. Но великий русский поэт-баснописец Иван Андреевич Крылов, завоевавший почетное место в великой русской и мировой литературе, живет и будет жить навеки. Ибо его слова отмечены гением народа, они своими корнями уходят в глубину жизни, они не знают увядания.

Прошло сто лет со дня смерти замечательного русского баснописца; за этот промежуток времени произошли глубочайшие изменения во всех областях жизни нашей страны и ее народов, изменились мысли, понятия и вкусы, произошли огромные перемены в языке, стиле и в самих методах и приемах литературного творчества. Но мудрый сын русского народа, поэт-баснописец Иван Андреевич Крылов, воплотивший в своем творчестве глубокую мудрость и нравственность философа, все больше и больше завоевывает сердца людей. Его богатые мыслями, непревзойденные по совершенству формы басни с большой любовью переводятся на разные языки.

Он является любимейшим писателем миллионов детей, школьников разных народов и стран.

Иван Андреевич Крылов по своему происхождению близок к народным массам. Его отец, Андрей Прохорович, был мелким армейским служащим. Дворянство Крылова было не родовое. Отец Крылова не имел никаких земель. Таким образом, Иван Андреевич с малых лет испытал всю горечь судьбы людей из низов общества. После смерти отца, когда Ивану Андреевичу Крылову было всего девять лет, семья Крыловых осталась без всяких средств существования. Десятилетний маль-

чик, обремененный непосильно тяжелой ношей забот, конечно, не мог и думать о получении систематического образования. Крылов был самоучкой, его пытливый ум питают кое-какие книги, оставленные его отцом.

Крылов начинает службу очень рано. Но за должность провинциального секретаря он получает мизерное жалованье. Атмосфера мелких наемных слуг крепостнического строя, в которой испокон веков господствовал дух рабской зависимости от господ, начальников, привычки низкопоклонства, лжи и лицемерия не убили в душе мальчика-Крылова чувство протеста против феодальных и крепостнических порядков. Он видел, что государственный строй помещиков-крепостников основан на насилии, произволе, несправедливости и угнетении, что все цари и вельможи, все эти титулованные блюстители порядка, составляющие вершину социальной пирамиды, совершают подлости; под маской блеска и приличия высшее дворянское общество ведет пустую, развратную жизнь. И не случайно то обстоятельство, что юный Крылов, желающий посвятить себя литературе, выступает не со сладкозвучными песнями, как это часто мы наблюдаем в первых творениях юных поэтов, а с кинжалом острого сатирического слова, направленного против нищеты и бесправия. В четырнадцать лет от роду он пишет комическую оперу «Кофейница» — первое произведение, в котором Крылов показывает жестокое, нечеловеческое обращение светской женщины, дворянки со своими рабами — крепостными крестьянами. Крылов смело идет по пути социальной сатиры. Следующие за «Кофейницей» драматические произведения — «Бешеная семья», «Сочинитель в прихожей», «Проказники» и др. — направлены против того же высшего дворянского общества, в котором автор видит лицемерие, роскошь и полное разложение нравов. Сатира Крылова по своей сути направлена против всевозможных привилегий аристократии и вельмож. Крылов, бедняк-разночинец, резко, даже грубо выступает и против дворянской эстетики, он смело обрушивается на некоторых стихотворцев придворно-сентиментальной поэзии конца XVIII века. Для молодого Крылова слово — это стрелы, разящие врага насмерть. Каждая его пьеса — это политический памфлет, отрицающий тот порядок, ту действительность, которые правители считают естествен-

ными, разумными и незыблемыми. В комедийно-реалистическом изображении Крылова картины дворянской жизни выступают во всей своей безобразной, отталкивающей выразительности. Но этим первым драматическим произведениям смелого, протестующего юноши Крылова не суждено было попасть на сцену. Они были слишком колючими для зрения господ.

С 1787 года Крылов принимает активное участие в журналах. Через два года он создает свой собственный ежемесячный сатирический журнал «Почта духов». В это время Крылов сотрудничает с замечательным революционным писателем, философом-материалистом Радищевым. Передовой, светлый ум своего времени, поборник свободы и демократии, непримиримый враг угнетения и крепостничества, Радищев, несомненно, оказал огромное идейное влияние на молодого Крылова.

«Почта духов» Крылова является одним из лучших идейных журналов того времени. В нем Крылов печатает свои замечательные сатирические произведения, полные ненависти и злобы к крепостническому самодержавному государству, угнетающему народные массы. Он смело нападает на бюрократический аппарат, он подвергает резкой критике все стороны тогдашней российской действительности, разоблачает все пороки высшего общества, создает галерею сатирических образов чиновников всех мастей и рангов. Крылов как сын народа, чувствующий всеми своими жилами единую кровью с ним, защищает его интересы.

Перо Крылова дышит любовью к народным массам. Он простого, бесправного крестьянина, не имеющего, кроме своего собственного имени, никаких атрибутов благородства, ставит выше дворян — аристократов, которые кичатся своим родословным деревом и голубой кровью своих предков. В «Почте духов» Крылов пишет: «Мещанин, добродетельный и честный крестьянин, преисполненный добросердечием, для меня во сто раз драгоценнее дворянина, считающего в своем роде до тридцати дворянских колен, но не имеющего никаких достоинств, кроме того счастья, что родился от благородных родителей, которые также, может быть, не более его принесли пользу своему отечеству, как только умножали число бесплодных ветвей своего родословного дерева». Здесь Иван Андреевич Крылов выступает как истин-

ный патриот своего народа и отечества. По Крылову, истинное достоинство человека не в аристократизме его предков, не в его родословном дереве, а в том, какую пользу принес он своему отечеству, своему народу.

Во многих письмах, напечатанных в «Почте духов», Крылов с жестокой правдивостью, с тонким пониманием всех таинств изображает моральное разложение светского общества, всю гнилость его интимной жизни. Писатель волшебной рукой как бы приподнимает занавес, за которым во всей безобразной наготе выступает перед глазами читателей гнусная лживость той любви, той невинности и тех возвышенных чувств, которыми нарядилась аристократия в России — «из-под позолоты выступает мед», как говорит узбекская поговорка. «Почта духов» была закрыта — господствующий класс не хотел признать в зеркале Крылова правды своего бытия. Иван Андреевич тогда вместе с небольшой группой единомышленников — бедняков, самоучек, как он сам, организует типографию и начинает издавать журнал «Зритель», и продолжает свою критику власть имущих, и выступает против дворянской, салонной, сладкострунной поэзии, которой были чужды горе и чаяния простого народа

После «Зрителя» Крылов издает журнал «Петербургский Меркурий», который через год вынужден прекратить свое существование, несмотря на то, что журнал несколько умерил свой тон в вопросах, щекотливых для государства крепостников. Правительство, боящееся, как огня, революционных идей в связи с победой принципов, провозглашенных Французской революцией, начинает беспощадно преследовать людей передовой общественной мысли. Крылов в 1794 году покидает Петербург, голос замечательного сатирика, демократа, глашатая обличительного в литературе на целое десятилетие умолкает.

В 1806 году Крылов возвращается в Петербург, опять вступает в литературный мир. Но теперь в его творчестве намечается новый замечательный путь: он пишет басни, и скоро Крылов становится знаменитейшим баснописцем, непревзойденным мастером и завершителем в русской литературе басенного жанра...

**ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ
ПРЕЗИДИУМА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА**

6 сентября 1945 года

Об обязанностях членов Президиума Союза писателей

До настоящего времени некоторые члены Президиума не участвовали активно в работе Президиума. Члены Президиума не отчитывались за проделанную работу. Больше того, некоторые члены Президиума неаккуратно посещали очередные заседания. Это, конечно, совершенно ненормальное явление, и как следствие— работа в течение года велась неудовлетворительно. Многие недостатки нашей работы как хозяйственного, так и творческого характера объясняются тем, что Президиум работал недружно и некоторые его члены не чувствовали ответственности за порученный им участок работы.

Подобным явлениям нужно положить конец.

Я — писатель и не хочу целиком отдавать свое время организационно-хозяйственной работе в Союзе писателей. Я могу один-два раза в неделю принимать участие в обсуждении вопросов творческого характера. Тов. Шарипов загружен работой административно-хозяйственной и помимо этого должен заниматься вопросами творческими.

Мы намеряем открыть ряд отделов: прозы, драматургии и др. и, безусловно, со всей этой суммой вопросов мы не сумеем справиться.

Я предлагаю, чтобы каждый член Президиума был прикреплен к определенному участку работы, за который бы отчитывался перед Президиумом.

**О составлении сборника стихотворений узбекской
советской поэзии на татарском и казахском языках**

Нужно установить тесную связь с литературой братских народов, в первую очередь с литературой наро-

дов Средней Азии. За четверть века этой живой связи не было. Существует много хороших романов на туркменском, казахском языках — мы их не знаем. Не знаем, чем занимаются таджикские поэты. Вина в одинаковой мере ложится и на нас, и на представителей литературы этих народов. По-видимому, было проявлено взаимное равнодушие. Теперь, после войны, народы Советского Союза хотят ближе познакомиться друг с другом, установить культурную связь, которую мы и начнем с ознакомления с литературами братских республик.

Было бы хорошо, если бы узбекские писатели написали о героизме казахского народа на фронте и в тылу, а казахские писатели — о жизни узбекского народа. Начнем эту творческую связь с переводов.

За четверть века мы выпустили небольшую книгу стихов великого казахского поэта Абая, и то в связи с его юбилеем. Казахские друзья хотят иметь книгу стихов наших лучших узбекских поэтов. И я думаю, если мы сумеем составить хорошую книгу стихов и представить казахским писателям, то они в 1946 году сумеют ее выпустить. Такую же книгу необходимо создать и на татарском языке.

Об издании стихотворений Саят-Новы на узбекском языке

Юбилейный комитет просит, чтобы на узбекский язык была переведена книга стихов известного армянского поэта Саят-Новы в связи со 150-летием со дня его смерти. Армянская литература — одна из самых древних литератур Советского Союза. Мы должны изучать армянскую литературу, чтобы обогатить нашу художественную культуру.

О создании художественных произведений, отражающих борьбу узбекского народа за хлопок

Этот вопрос обсуждался много раз. В прошлом году мы хотели создать книгу стихов и очерков о жизни и борьбе лучших людей хлопковых полей, которые в прош-

лом году выполнили план и в этом году хотят дать стране миллион тонн хлопка. В прошлом году мы почти не выполнили своего обещания: появилось лишь несколько очерков, несколько статей передано по радио, но ни одного большого произведения о труде наших колхозников, об успехах, достижениях, о героях колхозных полей написано не было. Ряд писателей побывал в колхозах, но они пока ничего не написали. Это — Х. Гулям, Чусты, Миртемир, Усманов Мажид, Кедров, Абдулла Каххар, Айдын, Тураб Тула, Саид Ахмад.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ДИСПУТЕ,
ПОСВЯЩЕННОМ ПЬЕСЕ ШЕЙХЗАДЕ «ДЖЕЛАЛЕДДИН»
В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА

2 октября 1945 года

Очень много говорили о достоинствах и недостатках пьесы «Джелаледдин». Я не буду повторять мысли выступивших товарищей. Действительно, пьеса «Джелаледдин» сыграла огромную роль в развитии новой драматургии за последние три—четыре года. Среди пьес, созданных в годы Великой Отечественной войны, богатством мыслей и законченностью образов — как положительных, так и отрицательных — выгодно отличается пьеса Шейхзаде.

Основной недостаток пьесы кроется в идеализации самого образа Джелаледдина. Главный, центральный герой произведения является воплощением самых возвышенных качеств. Этой идеализации образа не отрицает и сам автор. И идейно-художественные, и другие недостатки объясняются именно этим — излишней идеализацией героя.

Шейхзаде говорит, что Джелаледдин является сыном своей эпохи, но в пьесе он показан не совсем так. Если бы Джелаледдин был сыном своей эпохи, сыном Мухамед Хорезм-шаха, пьеса была бы избавлена от многих недостатков. Беда в том, что образ является сплошным воплощением добродетелей. Отсутствие критического подхода к действительности — недостаток не только пьесы «Джелаледдин», но и многих других пьес, написанных на исторические темы.

Почему образ Джелаледдина так идеализирован? Это имеет свое объяснение. Образ создан в годы Великой Отечественной войны. Тогда перед писателем, драматургом был поставлен актуальный вопрос — создание таких произведений, которые воспитывали бы народ в духе патриотизма; произведений, которые воодушев-

ляли бы народ. Поэтому писатели, разрабатывающие историческую тему, не очень считались с историческими документами, с фактами.

Когда в 1941 году я написал либретто оперы «Махмуд Тараби» о ремесленнике, возглавившем народные массы против Чингиза, я встретил возражение: герой у меня погибает, а он должен остаться в живых. Товарищи мотивировали это тем, что обстановка требовала создания произведений, вдохновляющих народ на беззаветную борьбу за Родину, даже если события и не соответствовали историческим фактам. В конце 1941 года, когда гитлеровские полчища подходили к Москве, нужно было произведение, которое влило бы в сердца наших людей новые силы, веру в победу. Поэтому герой должен был остаться в живых.

«Джелаледдин» создан в годы войны, когда от поэта требовали произведения глубоко воспитательного значения. Вполне естественно, что поэт хотел показать Джелаледдина таким, каким это нужно было в данный момент. Но все-таки в этом стремлении Шейхзаде несколько перешел границы.

Здесь много говорили о недостатках и достоинствах пьесы. Такая критика очень помогает драматургу, особенно начинающему. Но все же я не могу согласиться с тем, что вопрос о пьесе Шейхзаде «Джелаледдин» уже решен. Действительно, второй этап жизни и деятельности Джелаледдина — вопрос большой и очень серьезный. Мы все знаем о Джелаледдине по тем источникам, которые составили наши историки. В этих исторических документах на персидском, арабском, тюркском языках Джелаледдин предстает рыцарем, вождем народных масс, возглавившим борьбу народных масс против орд Чингизхана. Он — настоящий сын своей Родины. Но кроме этого, мы должны были изучить и те источники, которые имеются в Грузии, Армении и Азербайджане, то, что пишут грузинские, армянские и азербайджанские историки. К сожалению, эти источники мы знаем плохо. Необходимо было отнестись к этому образу более осторожно, нужно было изучить документы, источники и на других языках, чтобы лучше понять роль и значение Джелаледдина в истории народов Средней Азии и Кавказа. Я думаю, что разрешение этого вопроса на сегодняшнем диспуте закончено не будет.

Оценка роли и значения Желаледдина в истории различных народов требует привлечения многих специалистов и различного материала, различных источников.

Я думаю, мы отнесемся к этому вопросу серьезно, объективно, научно.

Что касается пьесы «Желаледдин», как произведения драматургии,— это одна из самых лучших, самых замечательных высокохудожественных пьес, созданных за последние годы в узбекской драматургии.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА ОБЩЕМ СОБРАНИИ ПИСАТЕЛЕЙ г. ТАШКЕНТА

29 октября 1945 года

Мы заслушали интересный доклад т. Петрова и интересное выступление Орловой. К сожалению, наши докладчики не сумели дать полного анализа положительных и отрицательных моментов, которые имеются в этих альманахах. Мы хотели услышать от докладчиков глубокую, серьезную критику. Конечно, узбекская литература шире и глубже, чем она представлена в альманахах. Мы не можем сказать, что в этом альманахе представлено все лучшее. Товарищи уже отмечали, что альманах создавался в предельно короткие сроки. Первый альманах был посвящен двадцатилетию нашей республики и создан буквально в течение двух—трех недель.

«Литературный Ташкент» и «Зафар» были приурочены к нашему пленуму. В альманахах помещены неплохие вещи, есть, конечно, и посредственные, есть и слабые. Я думаю, что в дальнейшем редколлегия альманаха отнесется более серьезно к подбору материала: пусть книга получится меньше по объему, но лучше по качеству.

Товарищи говорили о недостатках нашей поэзии и драматургии. Товарищ Петров, внимательно ознакомившись с материалами альманахов, отметил основные недостатки нашей поэзии: отсутствие художественной простоты, гиперболизм, свойственный нашей классической литературе, гиперболизм, не связанный с реальной жизнью, и известная риторичность. Эти отрицательные моменты характерны для современной поэзии. Хотелось бы, чтобы наша поэзия поскорее избавилась от этих недостатков. Во многих произведениях нет художественной простоты и чувствуется огромное механическое

влияние фольклора и классической литературы Востока. Это все, несомненно, лишний груз, мешающий развитию нашей поэзии.

Особенно явна незрелость стихотворений молодых поэтов: есть тема, мысли, но они еще не могут свои чувства облечь в законченную художественную форму. Поэтому во многих стихотворениях наших молодых поэтов мы встречаем иногда лишь отдельные яркие строчки, интересные сравнения, а в целом стихотворения оставляют желать лучшего, не имеют законченной художественной логики.

Тов. Вифлиемский критиковал отдельные моменты романа Шевердина чисто языкового порядка. Мне трудно судить о языке русского писателя. Но роман, который пишет Шевердин, думаю, получится очень интересным. В главах, которые помещены в «Литературном Ташкенте», мы видим настоящий, подлинный узбекский быт. Этот роман ярко рисует определенные слои узбекского общества. Мы имеем здесь живой национальный колорит, в произведении М. Шевердина нет и тени экзотики, в чем его основное достоинство. Борьба с басмачами до сих пор не была отражена в художественной литературе.

Шейхзаде призывал поэтов заниматься и прозой. Это большой и актуальный вопрос. Наши поэты абсолютно не интересуются прозой, а мы знаем, что многие современные русские поэты — настоящие большие поэты — пишут и прозу. И создают хорошие прозаические произведения. Симонов — прекрасный поэт, но он пишет роман, очерки.

Прекрасный поэт Тихонов выступил со своими интересными рассказами и очерками. В прозе выступают и другие поэты. Они умеют сочетать поэзию с прозой.

Призыв Шейхзаде поэтов вполне уместен. Но нельзя сказать, что наша поэзия так богата кадрами, что мы можем всех поэтов привлечь к прозе. Поэзия сама не избавлена от многих недостатков. В поэзии еще не созданы образы наших людей, образ советского человека.

В этих книгах есть много недостатков. Выразим пожелание, чтобы следующие номера альманахов были лишены этих недостатков, и товарищи повнимательней относились бы к подбору материала, обратив внимание на более актуальные вопросы нашей литературы.

**ВЫСТУПЛЕНИЕ НА РАСШИРЕННОМ ЗАСЕДАНИИ
ПРЕЗИДИУМА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА**

23 мая 1946 года

В Москве почти готова «Антология узбекской поэзии», которая охватывает нашу литературу с древнейших времен до наших дней включительно. В переводе «Антологии» участвуют лучшие поэты Москвы, и мы уверены, что через месяц—полтора она будет сдана в производство, а в конце этого года или в начале 1947 г. выйдет в свет.

По решению Совета Министров УзССР в этом году мы приступаем к созданию «Антологии узбекской прозы». Если «Антология узбекской поэзии» является памятником художественной узбекской культуры в форме поэзии, то «Антология узбекской прозы» станет также памятником узбекской художественной литературы, только в другом жанре — жанре прозы.

До сих пор из прозаических произведений наших классиков почти ничего не переведено на русский язык. На самом же деле узбекская классическая проза не так бедна; есть немало произведений философского, научного, исторического характера. Есть много прекрасных сказок, немало народных произведений романтического характера, которые до сих пор неизвестны русскому читателю.

Собрать лучшие образцы нашей художественной прозы, показать все ее богатство — само по себе имеет большое культурное и политическое значение в смысле выявления и использования культурного наследия прошлого.

Мы имеем все возможности, подготовить «Антологию узбекской прозы», организовать перевод основных материалов в Ташкенте и обеспечить лучшими редакторами.

Прежде всего нужно ознакомиться со всем богатством произведений прозы. Есть немало народных романов, неизвестных даже специалистам, литературоведам, востоковедам. Поэтому необходимо провести подготовительную работу, проверить по каталогам библиотек, Института восточных рукописей АН УзССР и собрать все те произведения, которые мы хотели бы использовать для «Антологии». С этой целью мы организовали группу товарищей — Х. Якубова, М. Асимова, Порса Шамси, которой поручили эту серьезную и кропотливую работу — отбор материалов. Эти товарищи хорошо знакомы с классической литературой, они помогут собрать тот материал, который нужен для «Антологии» и представят нам список произведений. Группа недавно приступила к работе и еще не закончила ее.

**ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ОБЩЕМ СОБРАНИИ ПИСАТЕЛЕЙ
г. ТАШКЕНТА**

5 июня 1946 года

О положении в современной узбекской драматургии

Несмотря на то, что создан ряд весьма интересных драматургических произведений на исторические темы, узбекская драматургия по сей день остается одним из наиболее отсталых участков нашей литературы. Основной недостаток нашей драматургии — полное отсутствие произведений на современную тему. Наши, особенно молодые, драматурги привыкли работать так: берут какую-либо народную поэму, народный эпос, народную сказку и, используя готовый сюжет, создают произведение, так называемую пьесу. Но этих товарищей можно назвать не драматургами, а драмописцами. Взять народную поэму, разбить ее на действия, заставить героев древней истории, героев народного творчества произносить модернизированные слова о свободе, о народе — это еще не драматургия. Я снова подчеркиваю: особенно молодые драматурги пошли по такому неправильному пути.

Тов. Верхацкий правильно назвал основное зло, основной недостаток драматургии — наши драматурги плавают на поверхности, стараются создать видимость действия, видимость героизма, а настоящих людей, настоящего героя нет. Нет настоящей интриги, конфликта, нет настоящего действия.

Вчера мы устроили читку произведения одного известного драматурга — Акрамова. Произведение называется «Раушан». Темой послужило восстание 1916 года. На эту тему было написано множество драматических произведений и последняя пьеса о восстании 1916 года ничем не отличается от предыдущих. Эта пьеса создана по самой примитивной, грубой схеме: две группы людей — баи, помещики, кулаки, русские чи-

новники — на одной стороне, а на другой — бедняки, ремесленники. Эти два полюса ругают друг друга. Это грубая схема. На самом деле — это огромное событие, определенный этап развития истории революционного движения узбекского народа. И эта большая тема превращена автором в несерьезную вещь.

Нам пора создавать произведения драматургии, которые будут ставиться не только театрами Самарканда, Ташкента, но и Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы и т. д., чтобы нам не пришлось краснеть, выслушивать оценки вроде того, что пьеса неплохая, но в ней еще много детского, наивного. А наши произведения драматургии на самом деле носят черты наивности, примитивности.

Необходимо создание произведений драматургии, произведений музыкальной драмы, либретто для опер и произведений для тюзов. Это большая и серьезная задача. У нас очень мало профессионалов-драматургов, но мы уверены в том, что в создании драматических произведений примут участие не только драматурги-профессионалы, но и писатели, поэты. Общими усилиями всего коллектива можно реализовать это большое постановление. Мы имеем право ожидать от наших поэтов, прозаиков хороших произведений драматургии. Уйгун и Шейхзаде никогда не занимались драматургией и уже создали серьезные пьесы «Джелаледдин» и «Навои», другие поэты также начинают писать драмы.

Что касается организации консультаций, то это рискованная вещь. Тогда нарушается тайна конкурса. Руководители, консультанты могут раскрыть тайну, скажут: такой-то драматург работает над такой-то темой. Лучше устроить диспуты по важнейшим вопросам драматургии и помимо этого устраивать разбор конкретных произведений классиков и русских драматургов нашего времени и учиться на конкретных примерах у тех или иных драматургов.

О работе для радио

Радио является одним из могучих орудий пропаганды. Обязанность каждого писателя — систематически выступать по радио. Писатель сам заинтересован в этом, так как издательство по известным причинам работает

плохо, выпускает мало книг. Поэтому передача по радио произведений наших писателей является также методом пропагандирования литературы, способом передачи народу своих творений.

До сих пор наши писатели и поэты неплохо участвовали в работе радиокомитета и мы должны еще больше привлекать писателей к систематическому выступлению по радио.

Основная задача, которая стоит перед работниками радиокомитета — это изгнание халтуры. Передают по радио такие произведения, такие газели, которые не имеют никакого содержания, а благодаря музыке, живому голосу они как-то воспринимаются, но сами по себе газели бессодержательны. А если содержание и есть, то оно не отвечает задачам и требованиям нашей художественной литературы. Описывается абстрактная платоническая, слишком слащавая любовь. Воспеваются черные глаза, стрелы-брови и т. д. Все это слишком устарело и пора уже от этого отказаться. Возникают трудности — чем заменить такой репертуар? Нет хороших текстов для песен?

В этом виноваты композиторы. Они требуют текстов песен, но стоит взять сборник стихов лучших наших поэтов, и в каждом из них можно найти достаточное количество хороших стихотворений, которые можно переложить на музыку. Наши композиторы плохо знают нашу поэзию, в результате чего не могут воспользоваться уже готовым материалом.

Кроме того, нужно больше обращать внимания на художественные качества передаваемых произведений. Я знаю, что работники радиокомитета, желая заполнить программу, передают произведения очень слабые и беспомощные в художественном отношении. Необходимо более тщательно подбирать материал.

Вы требуете от писателей выделить 5—6 человек в качестве рецензентов. Однако вам известно, что писателей, которые могут дать рецензию не так уже много. Следует учесть и то, что писателям приходится очень много работать. Взять хотя бы создание драматических произведений. В результате конкурса мы должны получить десятки произведений для театров. Мы призываем писателей работать, с одной стороны, над драматическими произведениями, над созданием песен, с дру-

гой, отправляем их в колхозы для встречи с хлопкоробами. Газеты требуют от них очерков, статей. Нам очень трудно. Наши требования к писателям велики — они должны работать над собой, создавать художественные произведения в разных жанрах. Если писатели будут совершенствовать свое мастерство, то в результате будут выполнены и наши требования. Но отрывать писателя от его творческой работы для рецензий, для создания радиопередач — очень трудно.

Мы можем рекомендовать некоторых товарищей, но обязать их мы не можем, чтобы они работали над собой и создавали романы, повести, рассказы, очерки и т. д.

Относительно обсуждения ваших месячных планов литературного радиовещания — это вполне приемлемая вещь. Если вы заранее представите свой план, то мы обсудим его и дадим свои предложения.

Об изучении и пропаганде хорезмийской литературы

Содержательное выступление Шейхзаде и целый ряд его конкретных предложений должны стать программой работы по Хорезму. Хорезм — древний очаг культуры. Народ Хорезма внес огромный вклад в узбекскую культуру. Он выдвинул из своей среды прекрасных музыкантов, замечательных шахматистов, прославленных поэтов и десятки великолепных, серьезных ученых-историков. Семитомный труд прославленного историка Кантемира был впервые переведен на узбекский язык в Хорезме. Там в самые тяжелые времена эксплуатации и ханского произвола народ не переставал создавать культурные ценности. Мы здесь одобряем все предложения поэта Шейхзаде, сводящиеся к следующему:

1. Создание антологии хорезмских поэтов с древнейших времен до наших дней.

2. Написание целого ряда книг, изображающих жизнь ученых и больших поэтов Хорезма, по типу серии «Жизнь замечательных людей». Есть темы, которые должны быть решены не писателями, а научными работниками.

3. Просить Институт языка и литературы включить в тематический план целый ряд тем по истории и литературе Хорезма. Эти темы уже включены в тематический план, следует лишь увеличить их количество.

4. В наших журналах — русских и узбекских — больше печатать произведения современных узбекских поэтов и время от времени организовывать на страницах газет «литературную страницу», посвященную Хорезму — его культуре и искусству.

До сих пор Союз писателей работал недостаточно хорошо. Союз представлял собой организацию писателей главным образом Ташкента. Творческой связи с областями нет. Мы недавно назначили секретарей и председателей отделений Союза писателей в Самарканде, Ургенче и Андижане. Мы должны установить настоящую деловую творческую связь с областями, направляя туда наиболее подготовленных товарищей. То же самое нужно сделать и в отношении Хорезма. В Хорезме любят музыку, песни, поэтов. Хорезмийцы — очень гостеприимный народ. В этом году нужно организовать творческие командировки ряда писателей, поэтов в Ургенч и в Хорезм с тем, чтобы эти товарищи помогли молодым хорезмским поэтам, организовали там ряд докладов, лекций, своих выступлений.

5. Систематически собирать и записывать фольклорный материал Хорезма.

ДОКЛАД НА ОБЩЕГОРОДСКОМ СОБРАНИИ ПИСАТЕЛЕЙ г. ТАШКЕНТА

12 сентября 1946 года

Товарищи, мы должны были давно провести общегородское собрание писателей Ташкента, посвященное итогам XI пленума СП СССР, но за последние два-три месяца в Ташкенте происходило несколько конференций, посвященных Навои, 800-летию Москвы и т. д. Кроме того, недели две-три наши писатели находились на Фархадской и на других народных стройках, а также были заняты своей творческой работой.

Вопросы, поднятые на XI пленуме СП СССР, не являются временными вопросами; эти вопросы имеют и будут иметь значение не только сейчас, но и в будущем. Поэтому разрешите нам с некоторым запозданием поговорить об итогах XI пленума СП СССР и в основном о тех задачах, которые стоят перед нашей советской узбекской литературой, перед писателями всего Узбекистана.

XI пленум отличался от пленумов, происходивших ранее. До него многие конференции и пленумы, посвященные вопросам литературы, носили в основном торжественный характер; люди обращали внимание на праздничную сторону дела, больше было декларирования. XI пленум был деловым пленумом, вопросы были поставлены принципиальные, были подвергнуты анализу и критике основные недостатки нашей литературы и продемонстрированы достижения всей советской литературы.

На пленуме с большим и очень содержательным докладом выступил генеральный секретарь СП СССР товарищ Фадеев.

В своем докладе товарищ Фадеев затронул вопросы, касающиеся всей советской многонациональной литера-

туры. Тов. Фадеев сумел показать ее новые достижения.

В последнее время произошли огромные сдвиги во всей советской литературе. Крупнейшие писатели нашей страны, не только России, Украины, но и союзных республик, за этот период создали замечательные произведения прозы, поэзии и драматургии. Но основными произведениями, большими полотнами являются произведения таких крупных прозаиков и писателей нашей страны, как Шолохов, Фадеев, Эренбург, Катаев, Каверин, Павленко, Василевская, Симонов, Абдулла Каххар, Мухтар Ауэзов, и другие писатели нашего Союза. Эти писатели создали за последнее время произведения, достойные советского читателя.

За последнее время произошло событие огромного значения, событие, которое, несомненно, будет играть большую роль в дальнейшем развитии всей нашей советской литературы,— это приток большого отряда молодых дарований в нашу литературу.

За последнее время в литературе народов Советского Союза появились десятки, сотни имен молодых поэтов, писателей, большинство, конечно, поэтов, но и среди молодых прозаиков имеются крупные имена, есть писатели, уже завоевавшие славу во всем Советском Союзе.

Молодые писатели в своих произведениях, посвященных советской действительности, темам современности, показывают жизнь советских людей, героев фронта, тыла в период Великой Отечественной войны и тот трудовой героизм, трудовой подъем всего советского народа, который мы наблюдаем в послевоенный период, в период четвертой пятилетки, пятилетки дальнейшего восстановления и развития народного хозяйства СССР.

Товарищ Фадеев в своем докладе наряду с другими основными вопросами поставил в центр внимания вопрос о советском патриотизме.

Большинство произведений, созданных за последние годы, так или иначе, в той или иной степени затрагивают эти вопросы. Во всех лучших произведениях советских писателей, созданных за последние годы проявляется чувство советского патриотизма. Но нет еще таких произведений, которые бы показали патриотизм советского народа, советских людей во всем его многообразии и глубине. И товарищ Фадеев призвал советских писателей обратить на этот вопрос особое

внимание. Советский патриотизм должен стать душой всей советской литературы.

Художественные журналы намного улучшили свою работу. Многие серьезные журналы начали печатать на своих страницах лучшие произведения, показывающие героику наших дней. Многие журналы начали обращать внимание на творчество молодежи, выдвигать новые имена в области литературы.

Намного улучшилась работа отделов общественно-политических, критики и библиографии. Появились интересные статьи, разъясняющие линию партии в области литературы и искусства. Появились серьезные статьи, раскрывающие суть националистических взглядов и других проявлений чуждой советским людям идеологии. Появились статьи, обличающие низкопоклонство перед западной литературой.

Надо отметить, что эти журналы в последнее время стали уделять гораздо больше внимания литературе народов СССР. Это очень важно. Мы должны показать свои лучшие произведения через русский язык и сделать их достоянием народов всего Советского Союза.

Каждый писатель должен стремиться к тому, чтобы его произведение появилось на русском языке и печаталось в серьезных, крупных журналах, вышло отдельной книгой или брошюрой и стало достоянием миллионов советских читателей.

Теперь все журналы требуют произведения писателей Узбекистана. Я получаю от редакторов этих журналов письма, в которых они требуют статьи, очерки, стихи, лучшие произведения нашей прозы, поэзии и драматургии.

Редактор журнала «Новый мир» товарищ Симонов, в своем письме как раз говорит о необходимости систематического получения таких произведений для его журнала.

Все это очень хорошо и приятно, потому что раньше эти журналы мало уделяли внимания Узбекистану, вообще литературе народов Советского Союза. Но вся беда в том, что нам очень трудно получить произведения от наших писателей, поэтов. Наши писатели очень щедры на обещания, на всякие «хоп», «хорошо», «напишу», «сделаю», а когда поставишь вопрос ребром, спросишь, «что у тебя нового, хорошего?», то ответом

будет молчание. Часто союзу очень трудно удовлетворить самое скромное требование наших газет и журналов, которые просят написать небольшую статью в 5—6 страниц на машинке о произведениях советской литературы. Но кому не скажешь, все только обещают. Возьмем товарища Шарипова. «Литературная газета» по случаю годовщины Октябрьской революции должна была организовать полосу, посвященную узбекской советской литературе. Узбекские писатели должны были написать несколько небольших статей, портретов и одну небольшую статью о переводах художественных произведений с русского и других языков народов Советского Союза за последние 30 лет. Ну, скажем, что за последние 30 лет переведено, какие произведения классиков, какое влияние оказали эти переводы на нашу литературу.

Но прошло два месяца, а мы до сих пор не имеем такой статьи, хотя заказали нескольким товарищам. И вот из-за этой статьи газета не может организовать соответствующую полосу. Стыдно делается. А ведь среди писателей много партийных, коммунистов, но они совершенно не чувствуют ответственности, нисколько не думают об интересах узбекской советской литературы, их больше занимают собственные интересы и дела.

Так работать в дальнейшем, конечно, нельзя. Кроме того, мы должны дать лучшие наши произведения для этих журналов, произведения, которые стали бы популярными среди читателей всего Советского Союза. Мы должны перевести на русский язык те произведения, которые показали бы нашу республику, ее людей, ее народные стройки. Вот таких произведений, к сожалению, нет, и на наши письма и телеграммы мы получаем пока молчание.

Далее товарищ Фадеев в своем докладе очень подробно говорил о работе писательских организаций республик. В последнее время во многих писательских организациях творческая работа оживилась. Все это, говорит товарищ Фадеев, является результатом правильного понимания и применения мудрых решений нашей партии. Где правильно поняли и правильно проводили решения партии и правительства о литературе, о журналах, о репертуаре, там мы имеем хорошую работу и хорошие результаты этой работы.

Большой подъем произошел в братской украинской

литературе. Десятки больших, полноценных художественных произведений прозы, поэзии, драматургии, посвященные советской действительности, созданы за последнее время писателями Украины.

На Украине писатели сумели изжить пережитки буржуазного национализма в области художественной литературы, исторической науки и литературоведения.

Украинские советские писатели с помощью ЦК партии Украины сумели вскрыть и осудить не только факты пошлости, аполитичности, безыдейности в творчестве отдельных писателей Украины, но и извращения в вопросе развития украинской литературы в трудах некоторых ученых.

В результате всего этого эти товарищи сумели поднять настоящую творческую работу, создать замечательные произведения во всех жанрах, особенно в жанре прозы.

В молодых прибалтийских республиках даже писатели старшего поколения постепенно переходят на современные темы; появились новые имена, новые дарования, которые пишут о нашей советской действительности. Но, конечно, не все идет гладко, ЦК партии Казахстана вскрыл шовинистические взгляды, извращения в трудах Института языка и литературы казахской Академии наук. Казахский литературовед Исмаилов в своем труде «Казахская советская литература» допустил ряд серьезных ошибок и извращений. Исмаилов в своем труде идеализирует прошлое Казахстана.

Товарищ Фадеев в своем докладе очень правильно критикует и вскрывает корни этих ошибок. И дает правильную постановку вопросов. Я думаю, что эти слова тов. Фадеева должны стать руководящими в области изучения литературы в Узбекистане.

Вот что он говорит: «Здесь явная путаница понятий, забывают, что у нас были две России — Россия царская и Россия декабристов, Белинского, революционных демократов, народовольцев, марксистов-ленинцев, Россия Пушкина, Толстого, Чехова и Горького.

Это, во-первых. Во-вторых, кроме колонизаторской России, существовали другие государства-хищники, угрожавшие существованию малых народов. Мы не хотим, чтобы идеализировали колонизаторскую Россию, но мы хотим, чтобы видели историческую необходимость

и прогрессивность вхождения в состав российского государства целого ряда народов, чтобы не быть им задавленными другими хищниками, которые увели бы эти народы с той великой дороги, на которую они могли встать благодаря наличию передовой революционно-демократической России, матери величайшей культуры, России большевиков, России, первой прорвавшей фронт империализма».

Я думаю, что слова товарища Фадеева имеют большое значение, ибо в области изучения литературы в Узбекистане, в Средней Азии часть авторов допускает ошибки в этом вопросе. Они не понимают того, что существовали две России — Россия царская, Россия — тюрьма народов и Россия революционно-демократическая, Россия революционно-демократических идей. Товарищи идеализировали прошлое, восхваляли древнейших царей. Это имеет место в литературе Армении. Товарищ Фадеев резко критиковал все недостатки армянской литературы в этой области.

Товарищ Фадеев указал на ошибки некоторых азербайджанских литераторов, которые идеализируют феодальную эпоху, называя ее золотым веком в азербайджанской истории. Конечно, все это не выдерживает никакой критики. Эпоху керменшахов, иранских царей нельзя назвать золотым веком в азербайджанской литературе. Это не имеет никакого научного основания.

Товарищи, как вам известно, еще существует капиталистическое окружение: во многих странах еще имеются фашиствующие элементы, крайние реакционеры, шайки империалистов, проповедующих новую войну. Идеологическая борьба в этих условиях обостряется. Мы должны неустанно вести борьбу со всеми проявлениями чуждой советским людям идеологии и укреплять советскую идеологию во всех областях науки и знаний, в том числе в области литературы и искусства.

Борьба с низкопоклонничеством перед западной культурой, борьба против буржуазно-националистических пережитков, борьба с идеализацией прошлого — это одна из важнейших политических задач нашего времени в области идеологии и литературы.

Товарищ Фадеев со всей большевистской принципиальностью разоблачил все проявления, чуждые советским людям.

Мы знаем, что буржуазия и ее идеология проповедают самые темные, самые грязные и подлые идеи, инстинкты и взгляды. Буржуазная литература, философия, и искусство нашего века насквозь проникнуты мистикой, мракобесием. Эта литература, искусство и философия буржуазии антинаучны, антинародны. Они лишены всякого света, разума и истины.

У нас в Узбекистане, если не наблюдается в литературе низкопоклонничества, то имеет место идеализация прошлого, чрезмерное восхваление представителей дворцовой литературы. Мы должны вести борьбу с этими тенденциями, ибо советская литература самая передовая, самая мощная, богатая и разнообразная литература, которая проникнута светом солнца нашей великой эпохи.

Наша литература на подъеме, она развивается на основе социалистического реализма, который органически объединяет революционно-романтические начала. Суть этого социалистического метода очень правильно и глубоко разъяснена нам.

Однако таких произведений, отвечающих высоким требованиям нашей эпохи, пока вообще мало, а в Узбекистане они очень редки, их почти нет. Но мы должны создать такие произведения.

Как обстоит дело у нас теперь в нашей узбекской литературе?

Возьмем область поэзии. Этот участок считается самым передовым, лучшим и т. д. Это правильно. У нас поэтов несколько десятков, но за последнее время поэзия еще не дала крупных полотен за исключением нескольких поэм.

Появилась поэма Мирмухсина на колхозную тему, появилась поэма Аскада Мухтара, и еще некоторые молодые поэты работают над поэмами. Заканчивается поэма о Герое Социалистического Труда; Хамид Гулям работает над поэмой о Фархадстрое. Эта поэма была отмечена в докладе товарища Фадеева как явление, обещающее рост нашей поэзии.

Наши маститые в области поэзии пока еще молчат. Они пишут так же, как писали во время войны или даже до войны. Их творчество никаких сдвигов в сторону повышения мастерства не имеет.

Нужно обратить внимание на большие формы в поэзии и создать произведения сюжетного характера.

Была высказана очень хорошая мысль поэтами Твардовским и Верой Инбер. Они говорили, что поэзия наша растет потому, что она сближается с прозой. Это сближение поэзии с прозой является главным. Пора поднять в поэзии вопросы, которые раньше поднимала проза, стремиться показать широкую картину жизни, показать образы людей. Советские поэты стали содержательнее отображать картины жизни, поэзия вбирает в себя научную терминологию, названия, монологи, диалоги и т. д. Наши поэты от общего описания, восхваления должны перейти на этот путь, на путь отображения живой жизни, на создание сюжета. Когда поэт пишет стихотворение, то там только хлопок, а хлопко-роба нет; когда пишет о Москве, то там москвичей нет, там одни здания. Красная площадь, Мавзолей. Это десятки раз уже повторено в нашей поэзии.

Недостатков в нашей поэзии очень много. Товарищ Умар Хамидов принес мне 15 стихотворений для журнала, и я не мог ни одного выбрать. Все повторяют друг друга, все это просто рифмованные фразы.

Мы должны обращать внимание на то, чтобы отходить от старых форм и приемов и смело идти к отображению жизни. Так что мы должны теперь, говоря разным языком Веры Инбер, усилить грузоподъемность нашей поэзии. У нас очень плохая грузоподъемность поэзии, очень слабая. Многие поэты давно не пишут, один говорит, что занят в УзГИЗе, другой находит еще какой-нибудь предлог и т. д.

Наши писатели начали путешествовать по стране, стали посещать народные стройки, колхозы, Фархадстрой и т. д.

Малопишущие поэты должны сейчас сказать, какие трудности у них есть, чем мы должны им помочь и т. д. Мы уже говорили об У. Исмаилове, о творческой деятельности Э. Аббасова и других.

Если взять область драматургии, то и она очень отстала. За последнее время, кроме двух пьес Туйгуна и Уйгуна, мы ничего не создали. Мы надеялись на то, что конкурс нам поможет, что мы по крайней мере получим 2—3 хороших пьесы, но оказалось, что из 75 пьес жюри не могло рекомендовать театру ни одной.

А кроме того, еще плюс 30 пьес по республиканскому конкурсу. Это выходит свыше 100 пьес, и ни одна из этих пьес не отвечает требованиям.

Это показывает, что наши драматурги и те товарищи, которые желают быть драматургами, в идейном отношении отстали, над собой не работают и некоторые из них не знают, что такое драматургия и какими специфическими чертами отличается этот жанр. Если они будут хорошо знать русскую и западноевропейскую драматургию, т. е. будут учиться, то смогут создать хотя бы одно произведение. Все это показывает крайнюю идейную нищету и беспомощность наших драматургов и тех, которые желают стать драматургами. Одним желанием драматургом не станешь.

Если взять область прозы, то всем известно, что наша проза очень молодая, она теперь только начала развиваться. В области прозы мы никого назвать не можем, кроме двух—трех писателей. Но я должен сказать, что улучшение в прозе уже есть, оно сказывается с каждым днем. Многие наши молодые поэты стали писать очерки и рассказы. Это очень хорошо: до сих пор существовал такой взгляд — поэт может писать только стихи, а проза для него недосыгаема. Этот взгляд неправильный.

Товарищ Фадеев говорил, что надо командировать наших молодых поэтов на производство, в колхозы и обязать их написать не только стихи, но и рассказы и очерки, а потом они могут продолжать работу в области поэзии. Каждый поэт должен знать, что такое проза и должен владеть этой формой. Он должен пробовать себя в прозе. Я говорил об этом молодым поэтам, советовал, чтобы они наряду со стихами писали рассказы.

Но все же я должен повторить, в области прозы работает немного товарищей. Лицо нашей литературы определяет именно этот жанр; нашу литературу знают по многочисленным прозаическим произведениям. Будущее нашей литературы — это проза, и с помощью наших молодых писателей мы должны поднять этот отстающий ныне жанр.

Что мы делаем для изучения литературы классической и советской, как работает Институт языка и литературы Академии наук Узбекистана?

Я должен сказать, что до сих пор не создана «История узбекской литературы».

Жизнь и творчество наших поэтов-классиков изучены недостаточно, особенно эпоха, в которой жил и творил тот или иной поэт, для нас еще не совсем ясна. Существуют целые периоды, совершенно темные для науки. Мы до сих пор не изучили литературу XV века в Коканде, Бухаре и Хорезме. О жизни и творчестве многих весьма неплохих поэтов, живших недавно, мы знаем очень мало. Возьмем Мукими, что мы знаем о его жизни? Ничего. А Мукими жил 40—45 лет тому назад, и многие его современники сейчас здравствуют. Но у нас никто этим вопросом не занимается. Теперь в связи с юбилеем Алишера Навои мы изучаем XV век, но еще многое из этой эпохи является для нас спорным.

В области языка также существует много спорных вопросов, даже люди образованные пишут по-разному, потому что в области орфографии господствует полный разлад. Если взять нашу советскую литературу, ей уже 30 лет, пора изучить эту литературу, показать пути развития советской литературы за эти 30 лет, показать этапы ее развития и дать оценку творчества отдельных ведущих наших поэтов и писателей, а самое главное — поднять важнейшие теоретические вопросы нашей советской литературы, вопрос языка, вопрос социалистического реализма, вопрос создания форм, вопрос влияния русской литературы, вопрос влияния классической литературы и т. д.

Людей, разрабатывающих такие проблемы, у нас почти нет. У нас литературоведы, как правило, изучают только классическую литературу. Многие кандидаты наук работают в Институте языка и литературы, в самаркандском и других институтах, но они специализируются по классической литературе.

В тематических планах Института языка и литературы вопросы современной советской литературы занимают очень скромное место: одна-две темы, которые, как правило, не выполняются, а просто числятся в плане. В Институте работает несколько научных сотрудников—литературоведов, но Институт до сих пор не вовлекает их в разработку вопросов советской литературы.

Каримов мог бы хорошо работать в области советской литературы, можно было подготовить специалистов

по советской литературе. Институт очень мало уделяет этому вопросу внимания. В Институте работают десятки лингвистов, из них многие являются кандидатами наук, но они тоже очень плохо изучают вопросы современной узбекской литературы. Над «Бабур-наме», например, работают несколько лет, это хорошо, но актуальными вопросами нашего современного языка тоже необходимо заниматься и интересоваться.

Кроме того, Институт каждый год обещает дать «Словарь». Словарь — это могучее орудие для научного работника и для писателя. Там имеется целый сектор, собран миллион карточек, но ни одного словаря до сих пор нет, ни русско-узбекского, ни узбекско-русского. Они хотят дать идеально правильный словарь, но таких словарей вообще не бывает. Институт очень мало обращает внимания на вопросы узбекской литературы. Я должен сказать, что Институт должен учесть все недостатки в работе, исправить эти ошибки, и в 1948 году в тематическом плане эти вопросы должны быть отражены, должны иметь свое место. Думаю, что товарищ Шарипов сегодня об этом скажет.

Я не стану пересказывать все то, что говорил товарищ Фадеев или другие писатели на пленуме. Это, мне кажется, и не нужно, так как вы все читали их доклады. Я изложил только основные моменты и самое важное. В связи с этим мы должны по-большевистски правильно поставить наши важнейшие вопросы в литературе, вскрыть наши недостатки, подвергнуть их критике и наметить пути дальнейшего развития нашей советской узбекской литературы.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СОБРАНИИ ПИСАТЕЛЕЙ
г. ТАШКЕНТА

27 сентября 1946 года

К нам из Москвы приехали писатели гг. Щипачев и Либединский. Они приехали сюда, чтобы познакомиться с нашими писателями, с нашей жизнью, чтобы, в свою очередь, познакомить нас с теми вопросами, которые были обсуждены на собраниях писателей г. Москвы.

Мы решили устроить товарищескую встречу-беседу.

Вы все прекрасно знаете, что перед нашими поэтами, писателями стоят новые задачи. В нашей литературе очень много вопросов, которые мы должны разрешить и наметить пути дальнейшего развития нашей советской литературы.

Если взять область поэзии, драматургии, прозы, то во всех этих областях, на всех участках нашей работы есть проблемы, которые ждут своего разрешения.

Я думаю, что наши писатели скажут о своих творческих планах, о своих замыслах, скажут о наших недостатках, которые известны всем и которые мы должны ликвидировать.

Я знаю, что многие товарищи не смогли выступить на общем собрании писателей г. Ташкента, потому что желающих было очень много, а времени не хватало, и мы не могли удовлетворить просьбы этих товарищей. Сейчас эти товарищи могут здесь высказать свои соображения именно по тем вопросам, которые их волнуют.

За последнее время мы провели ряд творческих собраний, и в выступлениях товарищей были вскрыты основные недостатки нашей литературы. Теперь задачи нам ясны. Мы знаем, чем болеет наша поэзия, прекрасно знаем состояние художественной прозы, знаем, какими недостатками страдает наша советская драматургия, как отстает от жизни важнейший участок литературы —

детская литература. Мы знаем огромные требования, которые предъявляются к нашим писателям, работникам кино. Мы до сих пор не имели своих сценаристов. В самом деле, в Узбекистане с 1921 г. существует кинофабрика, которая выпускает фильмы, имеет громадные средства, но до сих пор ни один узбекский писатель не дал полноценного сценария. Так что все формы и жанры нашей литературы требуют от писателей работы большого напряжения. Некоторые произведения, заслуживающие внимания, были написаны на исторические темы, эти произведения имели в свое время положительный характер, но что касается современности, то о ней забыли. Товарищи пишут рассказы, очерки, фельетоны на современные темы, но эти произведения страдают в большинстве своем малохудожественностью, советская жизнь показывается односторонне, схематически, не вскрываются характеры, часто авторы допускают ошибки, не могут отличить главного от второстепенного, не могут понять сущности явлений. Кроме того, наши писатели очень мало изучают жизнь, у них нет жизненного опыта, который нужен для каждого добросовестного писателя. Нет постоянной живой работы над собой, нет культурного обогащения. Об этом мы говорили сотни раз, не было ни одного собрания, где бы не говорили о необходимости учиться, о необходимости осваивать культуру, но нам было трудно сдвинуться с мертвой точки. Многих писателей наших трудно заставить выехать из Ташкента. Предлагаешь выехать в командировку, они соглашаются, но не выезжают и находят разные предлоги, причины и т. д.

Основа нашей экономики — хлопок. Узбекистан — хлопковая база Советского Союза, благосостояние народа зависит от развития хлопководства. Узбекистан имеет сотни первоклассных колхозов, где труд поставлен на высокий уровень. У нас тысячи первоклассных хлопкоробов, замечательных людей, трудом и умением которых восхищаются все: наш колхозник побил все мировые рекорды по хлопководству. Но до сих пор нет полноценного произведения, показывающего его жизнь, борьбу и достижения. Зато мы имеем тысячи однообразных, бледных стихов, где воспевается белое золото. Значит и в поэзии мы могли бы дать произведения, заслуживающие внимания.

Драматургия. Не было пьесы, которая бы стояла на уровне современной драматургии, в этой области много примитивизма, схематизма и т. д.

Наши писатели понимают задачи, стоящие перед ними, перед нашей литературой, но отсутствие больших полотен объясняется иногда просто тем, что товарищи боятся взяться за большие полотна (Реплика: Смелости не хватает). Это объясняется тем, что у них нет запаса культуры. Многие наши писатели, особенно молодые, плохо знают не только русскую литературу, но и литературу братских народов, и даже свою родную литературу.

Поэтому мы поставили вопрос об организации курсов. Теперь задачи нам ясны — мы должны поднять нашу литературу на новую ступень, создать в области прозы, поэзии и драматургии произведения, отражающие жизнь нашего народа, его достижения, показать советского героя нашего времени, советского человека. В Узбекистане таких героев очень много. В каждом кишлаке, в каждом колхозе, в самых отдаленных районах мы встречаем десятки тысяч прекрасных людей, но пока эти герои ждут своего писателя.

Надо сказать несколько слов о работе Союза.

На общегородском собрании писателей товарищи правильно критиковали работу ССП, работу руководства, работу Президиума. В прошлом году тайным голосованием был избран Президиум. Участники пленума надеялись, что товарищи, выдвинутые в качестве членов Президиума, достойны уважения, они могут оказать большую помощь нашей литературе. Однако я должен сказать, что Президиум работал очень плохо. Может быть, я виноват, что не смог организовать работу, я не обладаю организаторскими способностями. Кроме того, я занят в Академии, и, как вы знаете, я писатель и должен работать над своими произведениями. Легко критиковать и говорить, что товарищи не пишут, а вот я сам давно не работаю, так как не имею возможности. В 1943 г. я, закончив роман «Навои», начал новый роман и до сих пор не могу продолжить работу над ним.

Мы думали, что каждый член Президиума будет вести определенный участок работы и отвечать за работу на данном участке. Мы распределили функции, участки: секцию поэзии, секцию прозы, секцию переводчиков,

творческую секцию. Но почти вся эта работа провалена. Многие ведущие писатели подают плохой пример молодым,— отсутствие дисциплины, отсутствие постоянной творческой работы, отсутствие желания помогать Союзу, участвовать в творческих собраниях, на читках, в обсуждениях произведений молодых писателей. Этими отрицательными качествами обладают многие наши ведущие писатели.

Есть у нас немало молодых поэтов, прозаиков, которые хотят работать. Они аккуратны, дисциплинированы, болеют за работу Союза, посещают все творческие вечера, заседания, выполняют порученную им работу. но они сами нуждаются в помощи, им необходимо расти творчески. Вместо того, чтобы помогать им, мы их заставляем выполнять общественную работу, а ведущие писатели безучастны к судьбе Союза. Если и впредь будет так работать Президиум, то от наших хороших пожеланий, от наших собраний будет мало толку. Теперь настало время, когда Президиум должен взять все участки работы Союза в свои руки и отвечать перед писательской общественностью за их работу.

Если мы не сможем перестроить всю нашу работу, если будем работать так, как работали до сих пор, мы не сумеем ликвидировать наши недостатки, подняться на новую высоту.

Разрешите выразить глубокую благодарность нашим друзьям, московским писателям — тов. Либединскому и поэту тов. Щипачеву за прекрасные выступления, за душевные, содержательные беседы и за ценные советы. Думается, что мы будем укреплять нашу творческую связь.

На этом разрешите закончить собрание.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА ОБСУЖДЕНИИ КИНОСЦЕНАРИЯ «АЛИШЕР НАВОИ»

4 октября 1946 года

Товарищи сделали правильные и дельные замечания, вскрыли основные недостатки, которыми страдает сценарий.

Авторы ставили цель — создать образ Навои, без образа Навои этот фильм теряет для нас значение. Как **показан образ Навои?** Некоторые утверждают, что недостаточно ярко и содержательно. Мы знаем, что Навои — поэт, государственный деятель крупного масштаба, покровитель науки, искусства, покровитель народа, борец за лучшие идеалы человечества. Навои всю жизнь борется за интересы народа.

Отражает ли эти качества созданный в сценарии образ Навои, имеет ли он эти черты? Как правильно сказал Сабир Мухамедов, Навои показан как государственный деятель, который исключительно занят урегулированием беспорядков, происходящих во дворце или вокруг дворца. Навои показан слабовольным, и в конце концов иранский шпион Наджмеддин одерживает победу и над Навои, и Хусейном Байкарой, и всей государственностью узбекского народа, человек, который ненавидит и государство, и узбекский народ, ненавидит культуру узбекского народа и его лучших людей. Часто повторяется фраза «Ты проклятый иранец», «Ты — иранец», значит он представитель иранской политики. Как получилось, что враждебная идеология одерживает победу над великими людьми, над лучшими представителями узбекского народа, над поэтом, мыслителем Алишером Навои. И действительно ли коварный визирь сумел «провести» и Навои, и Хусейна Байкару. Во-первых, это исторически неверно, во-вторых, и политическая постановка вопроса неправильная. На самом деле Навои был сильнее, умнее и дальновиднее Наджмеддина. Мы знаем, что Навои сумел до кон-

ца разоблачить Наджмеддина и всех его сторонников, и Наджмеддин словно изгнанник, словно последний человек, вынужден был покинуть страну.

Навои — сильная натура, он сумел вовремя разоблачить этих интриганов и заставить Хусейна Байкару отдать распоряжение о казни. В конце концов Навои одержал полную победу над врагами. Навои сумел обуздать всех этих бесившихся царевичей, беков, которые подняли головы в тот момент, когда в Хорасане разгорелись страсти, ведущие к дроблению страны, распаду государства.

Навои проявляет волю, но это негативная воля, потому что он уходит. Султан Хусейн показан слабавольным, недальновидным, глупым. Особенно в последних эпизодах. Правы те товарищи, которые говорили, что эта тема не разработана, есть отдельные законченные эпизоды, но народ и Навои не показаны.

В киносценарии стремились показать Ходжамны — друга Навои не так, как следовало бы. Мы знаем, что Ходжамны, несмотря на то, что он был шейхом, принимал активное участие в государственной жизни Хорасана, он был очень энергичным, он был активнейшим деятелем того времени, он часто вмешивался в политическую борьбу, когда это было нужно, он высказывал свои взгляды. Вот такого великого человека — мудреца вы показали дервишем, который любит уединение, который после приезда Навои говорит: все кончено, вот книги, займемся поэзией. Это неправильно, до конца жизни Ходжамны вместе с Навои боролся за интересы народа. Эти моменты я считаю основными недостатками.

Я должен сказать, что киносценарий с точки зрения кинодраматургии сделан неплохо, есть интересные эпизоды. В первой части Хусейн Байкара показан интересно и Навои показан живо, а во второй половине все образы теряют силу, все, кроме Наджмеддина.

Наша задача обсудить любое произведение художественной литературы и высказать свое мнение. Мы не можем навязывать своих взглядов и идей авторам этого киносценария. Тем более, что авторами являются известные поэты и писатели, опытные во всех жанрах литературы. Пусть же товарищи подумают над теми замечаниями, которые были высказаны.

**ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ
ПРЕЗИДИУМА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА**

5 октября 1946 года

В феврале мы организовали секции. Отдельные молодые товарищи уже работают как штатные работники. Секцию драматургов поручили поэту Шукрулло, прозу — Магруфу Хакимову, поэзию — Рамзу Бабаджанову. Эти товарищи, несмотря на то, что им трудно, работают и ведут организационную работу, устраивают читки, организывают обсуждение пьес и сценариев. Мы надеялись, что эти товарищи смогут организовать работу, а члены Президиума осуществлять руководство.

Однако некоторые члены Президиума не чувствуют ответственности, и секции работают плохо. О видах секционной работы вам известно, и доказывать то, что и так ясно каждому из вас, не стоит. Если бы эти секции выполняли свои обязанности, а члены Президиума руководили бы как следует, то многие недостатки, которыми страдает наша литература, не имели бы места.

Теперь перед нашим Союзом стоят огромные и очень ответственные задачи. Мы в своей резолюции общегородского собрания обещали устранить все наши недостатки и создать произведения, отвечающие требованиям жизни. В резолюции мы писали, что будем помогать друг другу, развивать критику и самокритику. Но на деле мы еще не перестроились.

У нас имеются отделения в Самарканде, Ургенче и Андижане.

Самаркандским отделением руководит Саид Назаров, он иногда приезжает к нам и делает доклад о проделанной работе, а чем занимаются отделения Андижана и Ургенча мы не знаем.

В Андижанском отделении секретарем был избран Карим Ахмади, но этот товарищ не проявляет никакой инициативы. А что касается работы хорезмского отделения, пусть т. т. Миртемир и Шейхзаде расскажут здесь об этом. Мы должны серьезно руководить областными отделениями.

**ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ИНФОРМАЦИОННЫХ СООБЩЕНИЯХ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКАНСКИХ СОЮЗОВ
ПИСАТЕЛЕЙ НА ЗАСЕДАНИИ СЕКРЕТАРИАТА СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ СССР**

18 октября 1946 года

Собрание писателей в г. Ташкенте, на котором рассматривались актуальные вопросы развития узбекской литературы, прошло очень бурно и на высоком теоретическом уровне. Активное участие в нем приняли представители ЦК партии Узбекистана, и на заключительном заседании с яркой речью выступил секретарь ЦК КП(б) Узбекистана тов. Юсупов.

Были вскрыты основные недостатки в узбекской советской литературе и серьезные ошибки отдельных наших поэтов, драматургов и писателей.

Если взять драматургию, то мы наблюдаем огромное увлечение исторической тематикой и сюжетами фольклора. За последние 5—6 лет сцены узбекских театров буквально заполнили образы ханов, царей, беков, феодалов, образы богатырей эпических поэм и т. д. Наши драматурги, увлекаясь историческими темами и фольклором, совершенно забыли о советской действительности, оторвались от современной тематики. Поэтому у нас до сих пор нет ни одного драматического произведения, ни одной пьесы, в которой были бы правдиво и художественно показаны образы советских людей.

Многие исторические произведения в годы войны выполнили свою определенную роль и имели большое значение. Например, пьеса «Джелаледдин» Шейхзаде, или «Алпамыш» Сабира Абдуллы. Эти произведения в годы войны служили патриотическому воспитанию советского зрителя. Но во многих исторических пьесах имела место идеализация образов исторических лиц.

Например, в пьесе «Навои» идеализирован образ героя. Навои велик, нет сомнения, но Навои, все-таки

был человеком своей эпохи. Навои никогда не выступал против власти Тимуридов. Он мечтал о просвещенном монархе. Навои не мог представить себе иной формы правления, как государство во главе с султаном, а из пьесы вытекает, будто Навои боролся против царя и мечтал о республиканском государственном строе.

В многочисленных произведениях на современную тематику советская действительность показана схематично и примитивно. В пьесе «Рискованная шутка» о колхозной жизни колхозники, советские люди показаны невежественными, грубыми, некультурными; колхозники не дружны между собой, не обмениваются опытом, наоборот, они питают друг к другу какую-то злобную зависть. Центральное место в этой пьесе занимает кража друг у друга удобрий, навоза.

Пьеса «Рискованная шутка» была снята вообще, а пьеса «Навои» должна быть переработана.

Если взять поэзию, мы в этой области имеем очень серьезные недостатки. В годы войны песни и стихи, созданные узбекскими поэтами, были переведены на многие языки народов Советского Союза. Многие стихи узбекских поэтов стали известны далеко за пределами Узбекистана. Очевидно, после окончания войны некоторые поэты думали, что война закончена, мы одержали величайшую победу и теперь можно писать о чем угодно. Поэтому часть наших поэтов пошла по линии создания сугубо интимных стихов. Товарищи очень правильно критиковали творчество этих поэтов.

Кроме того, в нашей узбекской поэзии давно существует определенное направление. Мы имеем группу поэтов представителей старой классической поэзии. Это люди со старой культурой, люди со старыми вкусами, воспитанники медресе. Они воспринимают жизнь с точки зрения их понятий и представлений. Эти поэты всеми силами старались продолжать традиции классической поэзии и стремились возродить средневековую поэзию и эстетику. Кроме того, эти поэты очевидно подражали худшим образцам классической поэзии. Они пережевывали все старые темы, которые на протяжении многих веков были использованы поэтами: старые понятия, старую систему образов. Дело не в арузе, которм они пользуются, на арузе можно создать замечательные произведения. Но они не только пишут ару-

зом, но и стремятся возродить старую поэзию, что мешает развертыванию молодой советской поэзии. Нужно сказать, что эти поэты — настоящие советские люди, но они иначе не могут писать, потому что они так воспитаны. Сейчас стоит вопрос об их перевоспитании, о том, чтобы помочь перестройке их творчества. Мы в прошлом году решили создать двухгодичные курсы. По этому вопросу ЦК вынес решение, но это решение пока не осуществлено. Я думаю, что руководство СП окажет нам помощь в реализации этого решения.

Кроме того, мы в этом году отправляем в Москву и Ленинград 30 молодых писателей и поэтов в Литературный институт, об этом уже имеется решение ЦК КП(б) Уз.

На собрании писателей г. Ташкента товарищи очень правильно критиковали и работу Союза писателей, работу руководства. Действительно, руководство Союза писателей мало обращало внимания на творческие вопросы. Председатель и ответственный секретарь больше занимались вопросами бытового характера. Это имеет свою причину, потому что Литфонд уже несколько лет почти ничего не делает. Поэтому все писатели обращаются к председателю Союза или к ответственному секретарю с бытовыми делами.

Мы подготовили «Антологию узбекской поэзии». Мы сумели с помощью СП привлечь для переводов самых лучших поэтов и переводчиков Москвы. Значит, все зависит от нас самих. Если мы сами хотим этого, то можно привлечь для работы ведущих поэтов и писателей.

Сейчас мы готовим «Антологию узбекской прозы». Она также охватит образцы произведений художественной прозы примерно с XIII века до наших дней включительно. В нее войдут лучшие образцы художественной, исторической и философской литературы. Я думаю, что для редактирования этой «Антологии» Союз писателей СССР поможет нам привлечь выдающихся писателей-прозаиков. Перевод мы организуем в Ташкенте, где имеются крупные востоковеды, которые хорошо знают язык и хорошо знают материал.

Самед Вургун правильно говорил о значении поездок по странам Востока и изучении жизни этих народов. Мы, узбекские писатели, также хотим создать произведения, пропагандирующие наши идеи среди на-

родов этих стран, хотим посмотреть эти страны, тем более, что Афганистан, Иран и другие страны Востока нам близки, ибо и культурные, и исторические, и экономические условия их всегда были тесно связаны.

Но сейчас мы должны усилить нашу связь с братскими народами нашей страны. Мы плохо знаем, что происходит у нас, друг у друга, как развиваются наши литературы.

По решению ЦК КП(б)Уз мы приступили к переводу лучших произведений русской и иностранной классики и произведений современной советской литературы. Сейчас переводится «Война и мир», однотомник Гоголя, трехтомник Пушкина, сборник рассказов и повести Горького, «Божественная комедия» Данте, «Чайльд Гарольд» Байрона и ряд произведений классической литературы Востока, такие, как произведения Саади и «1001 ночь» с арабского.

Но у нас также очень слаба издательская база. УзГИЗ целиком занят выпуском учебников и учебных пособий. До войны Узбекистан имел хорошую и сильную полиграфическую базу. В годы войны часть оборудования пришла в негодность, часть — отправили в освобожденные районы. В Узбекистане имеются десятки высших учебных заведений, десятки научно-исследовательских институтов, которые также выпускают свою продукцию. Кроме того, выпускаются газеты и журналы. Поэтому УзГИЗ не в состоянии справиться с такой нагрузкой.

В этом году выйдет только три названия произведений художественной литературы. Мы поставили вопрос о создании ГИХЛа и об обеспечении нас необходимой базой.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ
ПРЕЗИДИУМА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА

9 января 1947 года

Первое заседание

Председательствует Дж. Шарипов

**О подготовке к 30-й годовщине
Великой Октябрьской социалистической революции**

Айбек. Эту знаменательную годовщину писатели должны встретить новыми произведениями, потому что 30-я годовщина как бы подытоживает наши достижения в области экономики, культуры, науки и искусства.

В Москве сейчас создана специальная комиссия по разработке вопросов подготовки писателей, которые должны создать произведения, отражающие достижения нашей Родины, советских людей, их жизнь и борьбу. Одним из наших недостатков является отсутствие больших художественных произведений, отображающих жизнь нашего народа, отсутствие произведений, показывающих образы советских людей. Теперь каждый писатель знает, о чем писать, и каждый писатель относится к своему творчеству с большой ответственностью, жаждет создать произведения, отвечающие запросам нашей жизни. Наши писатели не должны отставать в этом вопросе от писателей других республик Советского Союза, которые деятельно готовятся к 30-й годовщине Октябрьской революции.

И мы, писатели, поэты и драматурги, должны прийти к этому празднику с новыми произведениями во всех жанрах — и в поэзии, и в прозе, и в драматургии.

Конечно, сейчас, на данном заседании, мы не можем говорить, кто над чем работает или хочет работать и какие для этого условия нужны, об этом мы поговорим несколько позднее.

Сначала мы обсудим в деталях план подготовки к 30-й годовщине Октября.

Кроме того, все издательства, издательства Москвы, и других республик, составляют планы специальных юбилейных изданий, посвященных 30-й годовщине Ок-

тября. В Москве на заседании секретариата был обсужден план издания, специально юбилейного. Например, издательство «Советский писатель» должно выпустить к 30-й годовщине Октября огромное количество произведений поэзии и прозы. Около 40 названий поэзии. Утверждения по художественной прозе пока еще нет.

Кроме того, нужно дать десятки избранных произведений лучших современных русских прозаиков, несколько десятков сборников стихотворений лучших советских поэтов.

Также был принят план издания иностранной литературы. Эти произведения также выпускаются к 30-й годовщине Октября. Каждое отделение Союза представило свой план изданий.

Наша республика также имеет много произведений поэзии и прозы, вполне достойных и отвечающих современным требованиям. В этот издательский план все республики включают свои лучшие произведения: грузины — полтора десятка произведений, украинцы — также много книг.

В юбилейные издания мы включили следующие книги:

- 1) «Священная кровь» Айбека;
- 2) роман Абдуллы Каххара «Кошчинар»;
- 3) сборник избранных стихотворений Гафура Гуляма;
- 4) сборник стихотворений Миртемира;
- 5) сборник стихотворений Зульфийи;
- 6) сборник стихотворений Уйгуна, который должен был выйти в 1946 г., но до сих пор не издан, его задержала Сомова.

У нас есть и другие произведения, достойные включения в юбилейный сборник. Мы можем включить десятки произведений поэзии и прозы в этот юбилейный сборник.

Издательства обязаны юбилейные издания выпускать в хорошем оформлении.

Это по линии издательств гор. Москвы.

Кроме того, каждая республика должна выпустить в свет лучшие произведения, созданные за 30 лет. Лучшие образцы современной поэзии и прозы должны выпустить и мы, узбекские писатели. Мы должны опубли-

ковать целый ряд книг на узбекском языке для наших читателей.

Но все вы прекрасно знаете, что полиграфическая база УзГИЗа работает очень плохо, и в этом году ни одной солидной книги выпущено не было, а открыть другое издательство в ближайшие месяцы не представляется возможным по целому ряду причин объективного порядка. Нам нужно издать наши произведения и прийти к 30-й годовщине Октября, к этой знаменательной дате не с пустыми руками.

Я говорил с тов. Вахабовым и другими товарищами в ЦК, они просили представить план изданий и обещали выпустить к 30-й годовщине Октября «Антологию узбекской прозы». Это капитальный труд. «Антология» включает лучшие образцы художественной, эпической и философской литературы за 600—700 лет. «Антология» включает и образцы древнейших произведений и образцы лучших произведений современной прозы. Эта антология включает все виды, все формы узбекской прозы. Я думаю, что это будет неплохой подарок для наших читателей. Объем намечается 30 печатных листов. Это будет один том. На русском языке... В процессе работы он, возможно, будет сокращен. Но мы ознакомим народы Советского Союза с замечательными произведениями классики и фольклора.

Второе. Роман Абдуллы Каххара «Кошчинар». Объем 15 листов.

Третье. «Одиссея» в переводе Миртемира.

Четвертое. «Солнце Памира», если удастся закончить одну часть. Можно надеяться, что книга будет выполнена к сроку.

Пятое. Айбек. Сборник избранных стихов.

Шестое. Гафур Гулям. 10 печатных листов. (все, кроме антологии, идет на узбекском языке).

Седьмое. «Избранные стихи» Уйгуна.

Восьмое. Сборник стихов молодых советских поэтов. 10 печатных листов.

Девятое. «Санджар непобедимый» Шевердина.

Десятое. Сборник стихов русских поэтов. 10 печатных листов.

Одиннадцатое. Лев Толстой. «Война и мир». 1-й том. В переводе Абдуллы Каххара. 10 печатных листов.

Председатель. Какие будут замечания по данному плану? Какие дополнения, изменения?

Вопрос. Сборник молодых писателей, это только поэзия?

Айбек. Да, сборник поэтов.

Гафур Гулям. В течение полутора месяцев я закончу «Ад». около четырех тысяч строк. И, кроме того, почему нельзя печатать Шекспира, ни одной строки нет.

Айбек. Это ведь юбилейный сборник, нужно чтобы план был реальный в смысле издания.

Гафур Гулям. Нужно включить в план УзГИЗа.

Айбек. Надо включить в план «Ад». (Принимается).

Голос с места. Нашим детям нужно дать хорошую книгу стихов и песен.

Голоса с места. Рассказы, сказки.

Мильчаков. Детскую книгу надо дублировать на русском языке и на узбекском. Узбекские писатели будут писать, почему не перевести?

Айбек. Есть предложение включить в план книгу стихов и песен для детей. (Принимается).

Второе заседание

Председательствует Айбек

О приеме в члены Союза писателей и других организационных вопросах

Айбек. Мы знаем тов. Мильчакова как поэта, прозаика и как общественного работника. У Мильчакова есть очень хорошее, даже прекрасное качество — это его огромная работоспособность и стремление к учебе, стремление к большому, настоящему творчеству. Многие его фронтовые стихи нам очень понравились, они удивительно искренние и свидетельствуют о знании фронтовой жизни, о знании людей, с которыми он дружил и воевал. Мы все знаем, как тов. Мильчаков работает в Союзе писателей в качестве парторга и помощника ответственного секретаря, у него есть и отдельные недостатки, но мы надеемся, что он будет их преодолевать. Как помощник отв. секретаря он работает очень добросовестно, кроме того, он пишет не только стихи, но и весьма неплохие рассказы. Будучи в Москве, мы

познакомили некоторых московских писателей со стихами Мильчакова и его рассказами. Отдельные места они критиковали, но в основном московские писатели нашли в нем настоящего поэта. После окончания учебы он сможет работать еще больше и лучше.

Он слишком перегружен. Мы должны создать ему условия, определить функции его, права и обязанности ответственного секретаря и его помощников. Мы это сделаем, и тогда он будет иметь возможность работать больше над своими произведениями.

Я считаю, что товарищ Мильчаков вполне достоин быть принятым в действительные члены Союза писателей Узбекистана.

Разрешите этот вопрос поставить на голосование.

Кто за то, чтобы перевести товарища Мильчакова из кандидатов в действительные члены Союза писателей Узбекистана, прошу поднять руки.

Против нет. Принимается единогласно.

Теперь следующий вопрос. Прием в кандидаты в Союз писателей Узбекистана товарища Сергея Данилова.

Слово имеет товарищ Шарипов.

(Шарипов читает автобиографию, заявление и рекомендации товарища Данилова).

Айбек. Я впервые сегодня вижу тов. Данилова, а тов. Данилов живет здесь, оказывается, уже 3—4 года. Я три года председатель Союза писателей. У нас есть большой коллектив, мы проводим здесь конференции творческого характера, у нас часто проводятся творческие собрания, совещания, работает семинар молодых писателей, но я тов. Данилова ни разу нигде не встречал. Кроме того, тов. Данилов не перевел ни одного стихотворения наших поэтов, хотя четыре года уже здесь живет. Как вы знаете, у нас переводчиков очень мало. В области прозы — т. Салье и Ивашев, в области поэзии — Сомова, Липко и Мильчаков. Мы очень нуждаемся в квалифицированных переводчиках, которые сами являются настоящими поэтами. Нужно поближе узнать наших поэтов, наших писателей, что они пишут, над чем работают, помогать им. Этого, конечно, у вас не было. (Голос: в русской секции он всегда бывает.) Все-таки неудобно, единый Союз.

Я прошу тов. Данилова, чтобы впредь он участвовал

более активно в жизни не только русской секции, но и всего Союза писателей.

У нас было два предложения, но большинство товарищей склонны к тому, чтобы принять тов. Данилова сразу в члены Союза.

Я хочу высказать мнение, чтобы принять Данилова в кандидаты. Ставлю на голосование. Кто за то, чтобы принять поэта Данилова кандидатом в члены Союза писателей, прошу поднять руки — 2. Кто за то, чтобы принять тов. Данилова в действительные члены Союза писателей Узбекистана, прошу поднять руки — 4. Значит, большинством голосов тов. Данилов принят в члены Союза.

Перейдем к следующему вопросу. Как известно, руководитель секции прозы — Шейхзаде, руководители драматической секции — Уйгун и Миртемир. Я удивляюсь, вот Михаил Иванович заведует отделом пропаганды, редактор журнала и еще работает в русской секции и пишет свои произведения, а некоторых товарищей никак нельзя заставить работать. Так вот, у нас четыре секции: работа с молодыми писателями, проза, драматургия и пятая — поэзия. Значит, нам нужно пять человек — Уйгун, Шейхзаде, Абдулла Каххар, Яшен и Швердин.

Вопрос. Руководители секции обязательно должны быть членами Президиума?

Айбек. Желательно.

Вопрос. Если эту работу можно поручить не члену Президиума, то было бы хорошо поручить ее товарищу Фаттаху, а Рамзу дадим поэзию.

Айбек. Я думал, что сегодня на этом заседании писатели примут активное участие в дискуссии и будут критиковать работу Президиума. Каждый член Президиума и Союза, каждый кандидат имеет право на это. Вы должны были выступить и сказать, что сделано Президиумом, почему Президиум плохо работает, что сделали члены Президиума, почему они плохо работали, чем это объяснить, какие причины плохой работы, уважительные они или не уважительные или просто это лень и нежелание работать. Вопрос надо было поставить именно так.

Нас ругают и правильно ругают за то, что секции не работают. Нас критикуют ЦК, обком, горком и рай-

ком. Вот только позавчера у нас состоялось партийное собрание. Товарищи, выступавшие на этом партийном собрании говорили, что Президиум плохо работает, было обнаружено большое количество недостатков. В основном эти недостатки объясняются плохой работой Президиума.

Теперь больше не надо обсуждать эти вопросы. Если отдельные члены Президиума не хотят работать, не знаю, по какой причине — по объективной или субъективной, они должны заявить: «Я не могу, освободите меня от этой работы по таким-то причинам», — тогда мы примем другие меры.

У нас немало прекрасных товарищей, активно работающих, исполнительных, честных, искренних, которые любое поручение выполняют с любовью, и эти молодые товарищи в основном понимают задачи литературы больше, чем многие наши ведущие писатели. Я, как руководитель, больше не хочу слышать никаких причин — «Я живу на даче» и т. д. Теперь руководители секций — коммунисты будут отвечать, как коммунисты, — об этом есть твердые установки, твердые указания. Если товарищ беспартийный или он себя считает беспартийным большевиком, он должен работать, как коммунист. Если не хочет, тогда примем другие меры, иных решений быть не может. Неудобно краснеть перед соответствующими организациями. Вопросов очень много в области поэзии, прозы и драматургии. Иногда мне приносят в день десятки стихов. Большинство этих произведений — незрелые, неправильные, но мы должны их обсуждать, чтобы помочь нашим молодым писателям и драматургам, потому что они сами не знают, в чем их недостатки и просят помощи. Я же один не могу читать продукцию всех наших писателей, поэтов, драматургов и прозаиков. Сейчас огромная тяга к литературе, и появилось очень много молодых, совершенно неизвестных поэтов, не только в Ташкенте, но и в областных, и районных центрах, в колхозах. Эти товарищи с периферии предъявляют нам очень большие требования — и Союзу, и отдельным ведущим писателям. Вот, скажем, недавно, из Заamina пишет группа писателей и поэтов. Их 14 человек. Они требуют или открыть отделение в Заамине (в таком глухом уголке) или систематически оказывать помощь, посылать туда ведущих писателей — Уйгуна,

Шейхзаде, Абдуллу Каххара и др. Другое письмо из Кашка-Дарьи. Это одна из самых отсталых областей. Пишут нам 7 человек, выставляют такое же требование. Мы не можем послать туда молодого поэта, мы должны послать наших ведущих писателей.

Так что на плечах ведущих писателей лежат огромные задачи — не только создавать большие произведения, но и воспитывать кадры молодых писателей. Я знаю, что мы все очень перегружены, мы пишем, читаем лекции, делаем доклады, но кто из нас свободен? Все мы заняты. Что же тогда делать? Распустить Президиум? Мы должны преодолеть все трудности и серьезно заниматься вопросом воспитания кадров наших молодых писателей и не только в Ташкенте, но и в областях. Нам придется выезжать в области на две-три недели, выезжать в отдельные районы, так как все эти письма нельзя оставить без ответа. Есть товарищи, которые очень хорошо работают. Это Мирмухсин, Рамз Бабаджан, Бабаев, Хакимов. Но большому кораблю большое плавание. Наши ведущие писатели достойны внимания и уважения, они должны проявить заботу о других.

Мы решили открыть четыре секции. Секцию поэзии возложить на товарища Шейхзаде. Не обязательно секция должна собираться три раза в месяц. Секцию прозы мы поручим товарищу Абдулле Каххару и от него будем требовать как от члена Президиума и как от коммуниста, так как нельзя говорить — я работаю над романом, над переводом, и моя хата с краю.

Секцию драматургии мы поручим товарищу Уйгуну. Секцию по работе с молодыми писателями — Миртемиру и Фаттаху. Нет возражений?

(С места: Работа с молодыми писателями—это не шутка, эту работу надо проводить не только в Ташкенте, но и в областях. Миртемиру хватит семинаров, и я предлагаю товарища Фаттаха.)

Нет возражений против товарища Фаттаха?

Тимур Фаттах. Дело в том, что мне трудно будет работать в секции драматургии, но если Президиум считает, что я смогу справиться с этой работой, то я благодарю за доверие и приложу все усилия.

Айбек. Значит, возражений нет? Надо, чтобы все секции представили план работы.

**ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 800-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НИЗАМИ**

8 июля 1947 года

Скоро советский народ отмечает 800-летие великого азербайджанского поэта-мыслителя Низами Гянджеви, обогатившего мировую литературу бессмертными произведениями. Поэтическое творчество Низами на протяжении веков оказывало огромное влияние на литературу народов Востока. Отсвет его знаменитой «Хамсы» вы увидите в творчестве самых прославленных поэтов многих восточных народов. «Хамса» Низами на Востоке всегда являлась высочайшей вершиной поэзии, куда стремились талантливейшие поэты. Если в средние века в области философии первым учителем считали Аристотеля и преклонялись перед ним, то в области поэзии таким же авторитетом пользовался Низами.

Творчество гениального азербайджанского поэта оказало громадное влияние на развитие узбекской классической литературы. Первые переводы произведений Низами на узбекский язык относятся к XIII веку. Великий узбекский поэт и мыслитель, живший и творивший спустя 300 лет, боготворит Низами, считает непревзойденным мастером и ставит его выше всех титанов поэзии, творцов «Хамсы». Навои считал Низами своим великим учителем, пиром, своим духовным отцом. Приступая к созданию своей «Хамсы», Алишер считал великой честью для себя вступить в состязание с Низами. В своих замечательных одах, посвященных Низами, Алишер с глубочайшей искренностью выражает свою безграничную любовь к Низами и в восхвалении гения Низами поэт не жалеет сокровищницы своего изумительно богатого словаря. Как вам известно, Алишер Навои создает свою «Хамсу» на сюжеты Низами. При всей принципиальной разнице в трактовке образов нельзя забывать о силе поэтической традиции тех времен. Поэтому серьезное изучение литературного наследия Низами помогает более глубокому пониманию творчества Навои, великолепных образов его «Хамсы».

Низами не только был величайшим мастером слова, но и глубоким мыслителем, гуманистом, проповедником идей большого социального значения. Безграничная

любовь к человеку, к народу, родине, мечта о свободе и справедливости, идеи дружбы и верности, гармонии и красоты, глубокая вера в торжество истины и разума, ненависть к угнетателям, правителям, кровопийцам — ханам, феодалам, разоблачение лицемеров, мракобесов, фанатиков — вот чем характеризуется творчество Низами.

Поистине велик поэт, стихи которого спустя восемь столетий живут и пленяют наши сердца. До Октябрьской революции творчество Низами было доступно небольшому кругу «избранных» любителей. В наше замечательное время, озаренное гением Ленина, произведения Низами, как и творения многих других корифеев науки, литературы и искусства, стали достоянием всего советского народа — великого наследника всей бесценной сокровищницы культуры, созданной человечеством на протяжении тысячелетий.

**ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ
ПРЕЗИДИУМА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА**

16 октября 1947 года

О приеме в члены Союза писателей Узбекистана

Я тоже знаю т. Удалова. Это очень милый и очень скромный человек. Он хорошо работает над своими произведениями. В Москве я о нем слышал весьма неплохие отзывы, о его детских рассказах, но с точки зрения языка у него еще много недостатков. Теперь надо стараться стать творцом настоящих, полноценных произведений.

Я хочу подчеркнуть одно обстоятельство. У нас есть прекрасные товарищи среди русских и узбекских писателей, но тесной творческой связи между ними нет. Надо, чтобы была тесная связь, надо, чтобы русские писатели принимали участие в обсуждении произведений узбекских писателей, а узбекские — в обсуждении произведений русских писателей.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ
ПРЕЗИДИУМА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА

21 апреля 1948 года

Председательствует Айбек

О ходе подготовки к юбилею Навои

Айбек. Как Вам известно, знаменательная дата юбилея Навои приближается. Из писем, телеграмм и газетных сообщений видно, что праздник культуры узбекского народа будет отмечен всеми народами Советского Союза. Во всех союзных республиках идет горячая работа по подготовке к юбилею Навои. Даже такие небольшие автономные области, как Дагестан и Адыгея, готовятся к юбилею Навои. Они просят прислать побольше переводов сочинений Навои. Выпускаются целые сборники стихов. Республиканские газеты хотят посвятить этому вопросу свои страницы. Литературно-художественные журналы, издающиеся в этих республиках, хотят опубликовать в специальных номерах журналов статьи, посвященные жизни и творчеству Навои.

Юбилей Навои, таким образом, принимает общесоюзный характер. Не буду говорить, что делается в Москве и Ленинграде. Там писательская общественность активно готовится к проведению юбилея Навои. Я думаю, что гости привезут нам хорошие сборники стихов Навои и журналы, посвященные жизни и творчеству Навои.

Юбилей Навои имеет большое политическое значение. В момент, когда во всех странах капитализма господствует реакция, когда в странах империализма реакционеры ведут борьбу против культуры, в нашей стране советский народ согласно новой прекрасной традиции отмечает 500-летний юбилей великого узбекского поэта Навои, поэта того народа, который буржуазные ученые филологи объявили не способным к самостоятельной культуре.

Сейчас во многих странах империализма господст-

вует расистская теория, утверждающая, что только избранные нации способны создавать культуру, а все остальные народы, особенно народы Азии, Африки, народы колоний не способны создавать культурных ценностей. Мы знаем, что буржуазные ученые — филологи, историки и т. д. — в своих сочинениях, научных трудах стремятся проводить такую реакционную, вредную идею о том, что узбекский народ и вообще народы Средней Азии не способны к культуре, что их культура создана под непосредственным влиянием других народов, что они являются копировщиками, а не создателями, не творцами.

А теперь именно советская наука доказала, что народы Средней Азии, в том числе и узбекский народ, имели и имеют самобытную, оригинальную культуру, что узбекский народ является создателем прекрасных культурных ценностей, что культура узбекского народа своими корнями уходит в глубь веков, что Навои не является подражателем, переводчиком, а является творцом великолепных оригинальных произведений, самостоятельным поэтом, создавшим целую эпоху в развитии литературы не только узбекского народа, но и в развитии литературы и культуры народов Средней Азии и других народов Востока, что Навои обогатил не только восточную литературу, но и литературу мировую своими бессмертными произведениями.

Мы хотим это продемонстрировать и достойно отметить юбилей Навои.

Я должен сказать, что до недавнего времени у нас подготовка шла очень вяло, но уже месяца три, как комитет Навои проявляет большую активность и готовится к этому празднику культуры узбекского народа. Но я должен сказать, что подготовка к юбилею и все работы, связанные с проведением юбилея, ложатся на Союз писателей. Во-первых, юбилей должен проводиться писателями Узбекистана, и писатели не должны оставаться в стороне. Многие думают, что существует комитет, пусть комитет организует, существует Академия, пусть Академия готовится. Хорошо, что у нас была организована Академия наук, а то бы мы, опираясь на наших писателей, ничего не сумели бы сделать. Если бы не было Института языка и литературы Академии наук, мы бы ни одного произведения Навои не сумели вы-

пустить. По решению Комитета Навои был мобилизован весь коллектив Института языка и литературы, и научные работники этого Института трудятся день и ночь, готовят к печати сотни печатных листов произведений Навои и его современников. И сейчас научные работники, кандидаты наук сидят в типографии и читают корректуру. Мы им должны выразить благодарность.

В правительственном Комитете Навои говорили, что писатели очень слабо участвуют в подготовке к юбилею. Я должен сказать, что было бы неправильно отметить, что все писатели не участвуют. Среди наших писателей есть товарищи, которые активно участвуют. Возьмите И. Султанова — директора Института языка и литературы. Он уже месяца два-три исключительно занят подготовкой к юбилею Навои, он пишет, редактирует, читает корректуру, а еще на него возложили организацию выставки. Товарищ Х. Якубов, член нашего Союза, читает корректуру, редактирует, пишет и т. д., несмотря на свою занятость. Товарищ Шейхзаде написал несколько статей, делает доклады, читает лекции. Есть и другие товарищи, которые по мере сил и возможностей оказывают большую помощь. Я не буду говорить о товарище Шарипове, потому что он как оргсекретарь правительственного комитета и как ответственный секретарь Союза писателей, и как поэт целиком посвятил себя подготовке к юбилею Алишера Навои.

Но есть отдельные товарищи, которые думают, что существуют писатели, которые должны заниматься всеми этими вопросами, что они рождены для такой работы, чтобы писать статьи, чтобы выступать перед читателями, делать доклады, лекции и т. д. А есть писатели, которые вообще не должны этим заниматься.

Кто должен выступать в колхозах, на предприятиях промышленности, особенно где много молодежи, и выступать не только о Навои, о культуре, о воспитании? В первую очередь должны выступать члены Президиума — ведущие писатели и поэты.

Наши писатели должны чувствовать ответственность перед народом. Мы рождены не только для того, чтобы писать газетные статьи и делать публичные выступления.

Мы не смогли обеспечить просьбу московских журналистов. Была послана лишь одна статья о Навои. Эта статья пойдет за подписью двух авторов. Я получил уже три телеграммы. Просят большие хорошие статьи о жизни и творчестве Навои. Требуют статьи газеты «Правда», «Известия», «Кзыл Узбекистан», «Правда Востока», «Комсомолец Узбекистана», «Яш ленинчи», «Ленин учкуни». Кто должен писать эти статьи?

Мы знаем, что сейчас все читатели хотят больше знать о Навои, познакомиться с его прекрасным творчеством. Кроме того, мы должны оказать большую помощь областям, областным газетам, которые тоже готовятся к юбилею.

Мы знаем, что лучшие силы нашей республики сосредоточены в Ташкенте, и нам нужно посылать лекторов в Самарканд, в Андижан, Фергану, Хорезм. Мы должны обеспечить этих лекторов хорошими, апробированными докладами.

Я говорил, что многие наши писатели в этой работе не принимают никакого участия. Видимо, они не чувствуют никакой ответственности.

Товарищ Юсупов сказал,— вы не должны забывать тех задач, которые стоят перед Вами — писать большие полноценные произведения о нашей республике, о наших людях, но вы должны и достойно провести юбилей Навои, чтобы одно другому не мешало.

Давайте поставим вопрос по-большевистски. Почему некоторые товарищи не принимают участия в проведении юбилея?

Я говорю очень резко потому, что больше этого терпеть нельзя. Сроки очень жесткие, мы каждый день получаем телеграммы. Мы должны ответить, что у нас нет статей для «Правды», для «Известий». Не будет статей для «Литературной газеты». Мы не можем обеспечить нашими статьями, найдите литературоведов, востоковедов в Москве. Тов. Симонов, генеральный секретарь Союза писателей, два раза давал телеграмму: «Не можете ли выслать материал, освещающий жизнь и творчество Навои для московских писателей».

Хорошо, что т. Якубов принес большую статью. Мы сказали, что нужна статья для областей, и он сделал.

Давайте сейчас поговорим по душам, откровенно,

по-большевистски, по этому вопросу вы должны высказаться: как же быть дальше? Эта грандиозная работа особенно по созданию статей, тезисов, материалов именно требует участия всех наших ведущих писателей. Мы хотим наметить сейчас — кто что должен написать и к какому сроку.

Кто желает высказаться.

Ай бек. Тов. Уйгун очень горячо выступил, и отметил, что я был очень резок, но я был резок потому, что другого выхода нет. Я говорил о проведенной работе, об отношении ведущих писателей к этому. Я говорил, что много сделано для популяризации Навои, но, как говорится, «большому кораблю — большое плавание».

Однако нельзя сказать: «Я написал то-то и то-то, я свой долг выполнил, теперь пусть другие товарищи поработают». Если бы мы имели десятки писателей, публицистов, знатоков творчества Навои, таких публицистов, журналистов, которые умеют крепко держать перо в своих руках, то сказали бы: «Товарищи, вы очень много сделали, работали над тем-то и тем-то, можете чувствовать себя свободными. У нас есть писатели, знающие Навои, они могут выполнить эту работу до конца». Но, к сожалению, у нас людей, способных написать о Навои, очень мало — пять-шесть членов ССП.

Что касается работы Института Академии наук, то должен сказать, что Институт провел большую работу. Это для них нагрузка. В тематическом плане Академии наук, утвержденном здесь в ЦК, в Москве, каждая научная работа имеет свою тему, и к концу года должна быть выполнена и представлена. Так что это своего рода общественная нагрузка.

Но все те товарищи, которые занимаются изучением творчества Навои, все заняты, как т. Зарипов, Захидов и др. На московском торжественном собрании выступил т. Захидов с докладом, потому что другие не могут. Тов. Захидов сказал, что мы могли бы просить московских и ленинградских литературоведов выступить, но желательно, чтобы мы сами выступали.

Газеты и журналы требуют наших статей, а не персонально Ивана Петровича...

Вот сейчас конкретно в течение двух-трех дней надо написать десять статей для «Правды», «Известий», «Ли-

тературной газеты», «Правды Востока», «Қзыл Узбекистан» и т. д. Мы должны это сделать, повторяю, в течение 2—3 дней.

Товарищ Султанов, вы обещали написать статью для «Литературной газеты» и «Правды Востока». Это не одна статья, т. к. для «Правды Востока» нужна будет другая статья.

Султанов. Для «Литературной газеты» я сдам 27 апреля, а для «Правды Востока» — числа 2-го.

Айбек. Товарищ Уйгун?

Уйгун. Для Москвы я написать не могу. Я могу написать для «Қзыл Узбекистан».

Султанов. Если то, что знает Уйгун, он расскажет русским читателям — этого больше, чем достаточно.

Айбек. Конечно, достаточно, по-новому ставить вопрос — это дело большой монографии, а на данном этапе мы должны просто дать правдивую статью, показывающую поэтическое творчество Навои.

Значит, Уйгун пишет для «Қзыл Узбекистана» к 29 апреля.

Шейхзаде. Для «Литературной газеты» у меня статья готова, для «Известий» я не думал, так как не была дана тема.

Айбек. Берите в основном творчество Навои, его влияние, его величие. Все газеты требуют не каких-то особенных тем, а просят осветить жизнь и творчество Навои.

Шейхзаде. Кто напишет для «Правды»?

Султанов. Вы сами, вам по чину положено.

Айбек. Хорошо, ориентировочно беру я. Кто напишет для «Комсомольца Узбекистана»?

Шейхзаде. Я сегодня сдам им статью.

Айбек. Кто напишет для «Яш ленинчи»? По-моему, напишет Миртемир. Он должен сдать в первых числах.

Салье. А кто будет это все переводить?

Султанов. Требуется Ваша помощь.

Уйгун. Кому мы поручим доклад для массового выступления?

Шарипов. Это надо поручить товарищу Султанову.

Султанов. Я сделаю к 30-му числу.

Айбек. Товарищи Гулямов, Салье и Каххар должны выступить в прессе. Товарищ Шарипов напишет о современниках Навои для «Правды Востока». Что касается встречи гостей, то об этом поговорим особо.

Султанов. Завтра приезжает т. Боровков, его никто не встречает?

Шарипов. Я уже все сделал.

Голос с места. Вообще вы имеете право мобилизовать на такую работу писателей, сказать: завтра едет товарищ такой-то, встречайте.

Султанов. К юбилейным дням для местных газет нужно приготовить хорошую статью.

Айбек. Нужно назначить, кто должен собирать литературные очерки, высказывания писателей о Навои и т. д. Нужно будет создать комиссию для «Литературной страницы». Я предлагаю в эту комиссию включить тт. Хакимова, Зульфью, Бабаева. Они должны начать эту работу.

Султанов. Кто-то должен требовать с писателей все материалы для «Правды Востока» и др.

Голос с места. Нужно поручить это дело т. Шарипову.

Айбек. Нужно поручить тт. Якубову, Асимову, Гафуру Гуляму, Каххару, Миркаримову, они проверят, как идет подготовка к юбилею, и доложат.

Шарипов. Поручить т. Бабаеву организовать стенд узбекских поэтов, посвятивших свои произведения творчеству Навои.

Голос с места. Перед началом кинофильма организовать выступления писателей. На торжественном вечере, посвященном Навои, поручить т. Захидову сделать доклад.

Айбек. Группа московских работников требует концертную программу, я говорил с т. Гулямом, он ответил, что нужно эту программу подготовить. Думаю, что эту работу мы поручим т. Фатхуллину и Яшену с привлечением ряда работников искусства. Эта концертная программа для Москвы. Туда должен выехать цвет нашего искусства. Срок для составления программы три дня.

Далее. На этом торжественном вечере хотят организовать в фойе небольшую фотовыставку, посвященную жизни и творчеству Навои. Требуется фотомате-

риал — несколько портретов Навои и его современников, фотографии его рукописей, миниатюры, предметы материальной культуры и т. д.

Су л т а н о в. Я поговорю с тов. Зариповым, и через него мы дадим указание фотоаграфам приготовить, упаковать и отправить.

А й б е к. Это мы поручим тов. Фатхуллину.

Ш а р и п о в. У Фатхуллина есть целый аппарат, которому он может это поручить.

А й б е к. Он сам это может сделать.

Какие будут еще предложения?

Ш а р и п о в. Как вы думаете насчет литературного вечера, посвященного Навои, еще до юбилея здесь, в Ташкенте, а потом послать товарищей с докладом по областям?

А й б е к. Значит, тезисы вы дадите 30-го. После получения тезисов мы организуем группу, и с этим материалом они поедут.

Ш а р и п о в. Во время юбилея вечер поэзии будет организован?

А й б е к. Такие вечера были организованы в Азербайджане и Киеве. Обязательно нужно будет организовать вечер советской поэзии, и каждый должен будет выступить со своими произведениями.

Мы еще до юбилея должны собраться несколько раз. Решим кто откроет вечер, кто будет председательствовать, вообще еще много вопросов надо обсудить.

Л у г о в с к о й. Основной статьи, которая является совершенно официальной для ССП, где будет излагаться, с чем выступят товарищи, не существует.

А й б е к. Такую стандартную статью нельзя иметь. Что касается доклада Захидова, который он прочтет перед большой аудиторией, он нам его предварительно покажет.

Об организационных вопросах

А й б е к. Мы устроили дружескую беседу, но не по нашей инициативе, не по инициативе Союза писателей Узбекистана. Мы забыли о важности такого собеседования, такой встречи. Мы устроили эту беседу по инициативе, по указанию руководителей Союза писателей СССР тов. Симонова и Тихонова. Как вам известно,

эта беседа дала очень много, в первую очередь, писателям Узбекистана. Некоторые товарищи, например тов. Мильчаков, говорили о том, что нужны консультации, но такие встречи не были предусмотрены, потому что уважаемые писатели Москвы и Ленинграда прибыли к нам не для консультаций, не для особых встреч, они прибыли сюда на проведение торжества, посвященного 500-летию Алишера Навои. И у гостей вообще не было времени читать рукописи, организовывать консультации и какие-то особые встречи. Хорошо, что руководители Союза советских писателей тов. Симонов и тов. Тихонов дали нам понять, что можно организовать такое собеседование и по-дружески поговорить о наших недостатках, о наших успехах с тем, чтобы потом исправить эти ошибки, недостатки и развивать нашу литературу. Поэтому я выражаю благодарность писателей Узбекистана руководителям Союза писателей СССР — тов. Симонову и Тихонову. (Аплодисменты).

Многие товарищи, выступавшие здесь, вскрыли очень много недостатков. Я должен сказать, что во многом виновато руководство Союза писателей Узбекистана и узбекские писатели. Ведь узбекскую советскую литературу должны создать писатели Узбекистана. Никто не виноват в том, что у нас очень мало произведений, отражающих жизнь и успехи нашей республики. Мы должны стремиться к тому, чтобы дать нашему народу и не только нашему, но и братским народам Советского Союза произведения, показывающие нашу страну, ее прекрасную природу, ее успехи в области экономики, культуры и т. д. и т. д. Все писатели прекрасно знают, что все эти вопросы неоднократно были предметом обсуждения. Я не припомню ни одного совещания писателей, где бы не говорилось о необходимости создания больших полотен. Мы об этом часто говорим и даже принимаем решения. Товарищи обещают создать большие, полнокровные, настоящие произведения поэзии, прозы, драматургии, но от слов к делу не переходят. Это отчасти объясняется малочисленностью кадров, писателей Узбекистана.

Вам всем известно, что узбекский народ до революции имел прославленных поэтов, которые оставили нам прекрасные диваны, но всем известно, что узбекский народ до революции не имел ни одного киносценариста,

ни одного драматурга, была только поэзия, а все остальные жанры отсутствовали. И проза, и драматургия только начали появляться и развиваться, поэтому представителей этих жанров очень мало. Есть молодые прозаики, которые в основном создают очерки, небольшие рассказы. Эти очерки, рассказы еще не являются плодами большого таланта и большого мастерства. У нас есть драматурги, их немного, и они в мастерстве своем не достигли еще того, что требуется для создания настоящих произведений драматургии.

Поэтов у нас много, и в поэзии имеются определенные сдвиги. Многие наши поэты теперь работают не только над содержанием, над мыслью, они работают и над художественной формой и постепенно отходят от канонов, они работают над формой классической поэзии, обогащая ее новой мыслью, новым пониманием ее сущности.

Мы должны ставить перед собой задачи и осуществлять их. Конечно, трудно в поэзии показать широкую картину жизни нашей республики, охватить грандиозные события, для этого в первую очередь нужна проза. Узбекистан является родиной грандиозных народных строек. За 30 лет в Узбекистане произошли великие события. Страна, в которой до революции — 30 лет назад не было ни одной школы, начальной школы нормального типа, теперь имеет университеты, десятки институтов, десятки научно-исследовательских институтов. Создана своя академия, которая насчитывает 23 научных учреждения. Эти институты разрабатывают важнейшие вопросы культуры и экономики нашей республики. Значит, достижения нашего народа огромны. Но наряду с общим развитием культуры, экономики наша работа во многом отстает от этого развития.

Кроме того, слабость многих наших произведений объясняется еще и тем, что большинство наших писателей не просто молоды, можно сказать, что это — начинающие писатели. У нас очень мало писателей, которые умеют крепко держать перо и смело приступить к созданию нужных больших серьезных произведений. Таких писателей мало. Оказывается, одним желанием нельзя создавать большие полотна. Я знаю, что многие молодые товарищи работали и работают над крупными произведениями, но эти крупные произведения еще тре-

буют немало труда. Эти писатели нуждаются в творческой товарищеской помощи и критике более зрелых писателей, которые знают больше, чем они. И отсутствие, почти полное отсутствие художественной критики тоже затрудняет развитие литературы.

С критическими статьями могут выступать Шейхзаде, Иззат Султанов и еще кое-кто, но они себя считают не критиками, а писателями, выступают по необходимости. Поэтому мы очень нуждаемся в помощи критиков. Мы хотим, чтобы приезжали к нам не только переводчики, но и писатели, мастера художественного слова, чтобы они с нами поработали и помогли нам советами для переработки тех или иных произведений.

Должен сказать, что узбекский народ очень любит поэзию. Даже до революции, когда была сплошная неграмотность, простые дехкане знали наизусть стихи классиков узбекской литературы. Теперь народ стал грамотный, он вырос и он хочет читать настоящие произведения — романы и повести. Он любит, когда пишут о нем — о колхозниках, колхозницах. И писатели Узбекистана в большом долгу перед народом, перед партией и правительством, потому что у нас слишком мало создано произведений зрелых, полноценных, нужных, воспитывающих народ.

Мы не имели своего журнала, сейчас у нас два журнала: «Шарк юлдузи» на узбекском языке и «Звезда Востока» на русском. И наша задача в том, чтобы из номера в номер поднимать уровень этих журналов, сделать их центром творческой жизни нашей республики.

Тут много говорили о том, что узбекская комиссия плохо работает. Должен сказать, что, за исключением нескольких членов этой комиссии, все работают. Луговской говорит, что он написал статью о журнале «Звезда Востока». Товарищи, журнал существует больше двух лет, и одна статья — это недостаточно, это не есть доказательство того, что комиссия работает. Нужно доказать на деле, что комиссия болеет душой и оказывает творческую помощь писателям Узбекистана. Я знаю и уверен, что любой из членов нашего Союза мог бы написать статью о каком-то номере «Звезды Востока», но для этого нужно было бы организовать бригаду, поехать в другие города и организовать там творческие вечера, обсуждение произведений...

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА РАСШИРЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ПРЕЗИДИУМА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА

20 мая 1948 года

Председательствует Айбек

Айбек. Товарищи, расширенное заседание Президиума Союза писателей Узбекистана с участием московских гостей считаю открытым.

У нас на повестке дня особых вопросов нет. Мы хотели сегодня поговорить о некоторых вопросах творческого и организационного характера. Разрешите мне сказать несколько слов о работе нашего Союза.

За последнее время в нашей советской узбекской литературе произошли большие и серьезные изменения и сдвиги. Во-первых, не станем скрывать, что в нашей литературе в основном господствовала тематика исторического характера — писатели искали своих героев в прошлом. Многие писатели особенно увлекались фольклорными сюжетами и т. д. В этом нет ничего плохого, но имел место некоторый отрыв от вопросов современности.

В настоящее время писатели Узбекистана начали проявлять большой интерес к современности, создавать произведения, отражающие нашу советскую действительность. За полтора — два года создано немало весьма неплохих произведений поэзии, прозы, драматургии и т. д. Особенно заметен рост в области поэзии. За последние полтора года нашими лучшими поэтами создано несколько хороших поэм, крупных поэтических полотен и произведений, отражающих именно достижения нашего народа, написаны стихи на колхозные темы, на тему индустриализации нашей республики, создано много произведений, показывающих советского человека, лучших людей нашей республики. В 1947 году нашим талантливым прозаиком — романистом Абдуллой Каххаром написан роман «Кошчинар», в котором автор в

широком плане показывает рождение нового кишлака, новых людей социалистического колхозного кишлака. В области драматургии тоже созданы две пьесы — «Му-хаббат» и «Песня жизни», которые пользуются огромным успехом у наших зрителей. Многие писатели Узбекистана работают сейчас над весьма важными темами. Писатели Узбекистана часто бывают в колхозе и создают произведения — песни, рассказы, очерки о славных хлопкоробах нашей республики.

...Но, конечно, есть еще много недостатков. Наша литература отстает от роста самой республики, отстает от жизни.

Художественную литературу любит весь народ, и если раньше книгу читали только образованные люди, то теперь книгу читают все: и простой колхозник, и рабочий, и ученый — все любят художественную литературу и все предъявляют серьезные требования к писателям.

Наш народ очень любит своих писателей и особенно наших поэтов. Они пользуются любовью среди широких масс.

Колхозники приглашают нас на свои собрания и просят организовать на предприятиях, в колхозах литературные вечера. Огромная тяга к художественной литературе, к творчеству.

Я могу сказать без преувеличения, что в каждом колхозе живет свой поэт, пишущий стихи или прозу, т. е. растут свои писатели, живущие во всех районных центрах, во всех колхозах. Наши консультанты получают десятки стихотворений, очерков из колхозов, из отдаленных районов. Пишут совершенно неизвестные, начинающие писатели, живущие в отдаленных областях. Они просят, чтобы у них были созданы творческие очаги — отделения и чтобы им оказывали постоянную творческую помощь. И вот в этой части у нас работа поставлена слабо.

Мы имели три отделения — в Самарканде, в Андижане и Хиве, а сейчас в связи с сокращением штатов мы вынуждены ликвидировать два отделения — это в Андижане и Хиве.

С косырев. Хивинское отделение ликвидировали?

Айбек. Да, ликвидировали. Сейчас существует отделение только в Самарканде, которое объединяет 20—25 крупнейших поселений.

Наши писатели активно участвуют в нашей печати. У нас мало людей, поэтому нам очень трудно оказывать систематическую помощь писателям, живущим в областях, районных центрах и т. д.

У нас имеется в Союзе писателей два консультанта — один по узбекской литературе, другой по русской.

Скосырев. По всем жанрам?

Айбек. Да, и им трудно удовлетворить требования районных и колхозных писателей. Очень слаба связь с писателями областей.

Второй недостаток в нашей работе — это слабая критика. У нас нет критиков в прямом смысле этого слова. Наши ведущие писатели одновременно являются и критиками. Они выступают на дискуссиях, на диспутах, на творческих совещаниях. Например, Шейхзаде, Уйгун и другие товарищи одновременно являются и писателями, и критиками.

Мы часто их просим писать критические статьи. А критиков, специально работающих в области художественной критики, у нас нет. При Академии наук имеется Институт языка и литературы. В этом институте работают десятки научных работников, лингвистов, литературоведов. Мы хотим привлечь их к работе. Многие научные работники Академии раньше занимались исключительно изучением классической литературы, классической поэзии. Теперь, в работе этого Института произошёл определенный перелом, и многие научные работники изучают вопросы современной советской литературы. Я думаю, что Союз должен создать у себя ядро научных работников — литературоведов и опираться на них. Можно их привлечь к работе в журналах, к проведению творческих совещаний или устраивать лекции, доклады для начинающих поэтов и писателей.

Кроме того, мы почти не встречаем критических статей в центральной печати об узбекских произведениях. Появляются сборники стихов узбекских поэтов, появляются повести, поэмы и т. д., но русские товарищи, критики, живущие в Москве, Ленинграде, почти не выступают с критическими статьями. Если появляются статьи, то только на самые общие темы исторического характера (голос: правильно!), но критических статей, разбирающих конкретные произведения, нет.

Кроме того, наши писатели усиленно работают над

переводами лучших произведений писателей наших братских республик, в первую очередь произведений русской классики и произведений современных советских поэтов и писателей. Таким образом, за несколько лет накоплено огромное количество рукописей переводных. Однако до сих пор мы не можем выпустить их в свет. Только в этом году мы сумели издать несколько названий—это большие сборники рассказов Чехова, Горького, «Война и мир» Толстого.

В портфеле издательств Узбекистана имеется огромное количество переводных художественных произведений, но вследствие отсутствия издательской базы мы не можем их выпустить, потому что, если раньше у нас существовало несколько больших издательств — УзГИЗ, Учпедгиз, медицинское издательство, то сейчас только одно — УзГИЗ. Это издательство в основном занимается изданием учебников и учебных пособий для начальных, средних и высших школ. И самым слабым отделом этого издательства является отдел художественной литературы. Мы уже два года пытаемся создать свое издательство советских писателей. Я этот вопрос даже поставил на одном из заседаний секретариата. Секретариат одобрил, но к делу еще не приступили. Я прошу уважаемых писателей города Москвы и руководителей Союза писателей СССР реализовать это постановление секретариата, поставить вопрос в ЦК ВКП(б), в Совете Министров СССР с тем, чтобы в Узбекистане в 1948 г. было создано свое издательство — издательство советских писателей.

Разрешите сказать несколько слов о работе узбекской комиссии. В Москве организована, как известно, узбекская комиссия из семи, кажется, человек. Эту комиссию возглавляет В. А. Луговской. До сих пор эта комиссия работала очень слабо — раза два приезжал Луговской, он был в колхозах, создал сборник стихов, и все.

Комиссия кое-что сделала в части юбилея Навои. Года полтора тому назад мы создали план больших творческих работ: план постоянной связи писателей Москвы с писателями Узбекистана. Мы ждали, но пока к нам ни разу бригада не приезжала. Пусть московская узбекская комиссия в своей работе будет поддерживать постоянную творческую связь с Узбекистаном. Нужно

этот вопрос поставить в Москве и оживить работу этой комиссии, чтобы она не существовала на бумаге, а показала свою деятельность на конкретных делах.

Союз писателей Узбекской ССР имеет несколько секций: поэзии, прозы, драматургии, большую русскую секцию, которая объединяет все жанры. Эти секции улучшили сейчас свою работу. У нас эти секции работают по определенному плану, составляются квартальный, месячный планы. На этих секциях часто обсуждаются произведения, созданные нашими писателями.

Кроме того, при Союзе имеется большой семинар молодых писателей...

С к о с ы р е в. Постоянный семинар?

А й б е к. Да, постоянный. Два года этот семинар работает, и работает систематически, хорошо. Он объединяет 40—50 молодых поэтов и прозаиков. Часто на семинаре, кроме читки и обсуждения произведений, читаются лекции, доклады на важнейшие темы дня. Для лекций и докладов мы приглашаем профессоров, академиков, крупных работников. У нас при Союзе выходят два журнала на русском и узбекском языках, на узбекском — «Шарк Юлдузи», на русском — «Звезда Востока». Эти журналы улучшили свою работу. В русском журнале, кроме вопросов литературы Узбекистана, мы должны были освещать и вопросы литературы Средней Азии, потому что во всей Средней Азии нет больше толстого журнала.

С к о с ы р е в. Просто никакого нет.

А й б е к. В Туркмении был...

С к о с ы р е в. Сейчас его нет.

А й б е к. Литературные силы республик Средней Азии не были привлечены. Очень желательно, чтобы таджикские, киргизские, казахские товарищи принимали участие в журнале и ставили вопросы, имеющие общий интерес.

Вот все, что я хотел сказать.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА ЗАСЕДАНИИ
ПРЕЗИДИУМА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА

1 июня 1948 года

Председательствует Айбек

Айбек. Товарищи, заседание Президиума Союза писателей Узбекистана с участием московских писателей считаю открытым. На повестке дня у нас стоит один вопрос. Мне очень трудно сформулировать его, поэтому разрешите разъяснить этот вопрос.

Как вам известно, только что закончилась конференция русских писателей Средней Азии. На этой конференции были заслушаны доклады, лекции на важнейшие темы, были очень содержательные и интересные выступления крупных мастеров художественного слова. Все выступившие товарищи подвергли правильной, большевистской, товарищеской критике произведения участников этой конференции, и были выявлены серьезные ошибки и недостатки как художественного, так и идейного порядка.

Кроме того, были отмечены и достижения, творческие успехи отдельных участников этой конференции. Мы впервые в Ташкенте видели русских писателей, поэтов, работающих в республиках Средней Азии. Оказывается, до сих пор многие писатели и поэты Средней Азии не знали друг друга, не слышали, что в Ташкенте работает поэтесса Светлана Сомова, известная своими произведениями читателям Узбекистана. Не были известны многие писатели и поэты, живущие в Казахстане, Киргизии и т. д. Мы впервые здесь с ними встретились и познакомились.

Конференция дала очень много положительного для ее участников, как для молодежи, так и для старшего поколения поэтов и писателей. Особенно большую пользу она принесла узбекским писателям, которые также принимали участие в ней. Товарищи, выступавшие в

прениях, говорили откровенно, принципиально, не взирая на лица. Были подвергнуты критике важнейшие моменты в творчестве отдельных писателей, были подвергнуты критике целые сборники стихов, повести, романы, рассказы. Это очень хорошо. Именно весенняя струя освежила всю нашу жизнь. Поэтому я, как председатель Союза писателей Узбекистана, хочу выразить уверенность в том, что такие конференции будут организовываться ежегодно — в Таджикистане, Киргизии, Казахстане или опять же в Ташкенте.

Конечно, в организации этой конференции было много недостатков. Мы только что провели юбилей Алишера Навои, было много работы, много забот, и поэтому мы не сумели организовать конференцию так, как следовало бы.

Но я думаю, что писатели приехали сюда для того, чтобы обсудить творческие вопросы и, этой цели, они, по-моему, в основном достигли. Если бы у вас было время, мы имели бы возможность показать вам нашу республику, организовали бы поездки на Фархадстрой, в Чирчик, Фергану, в колхозы с тем, чтобы показать людям нашей республики, ознакомиться с ее жизнью. Мы делаем все, что от нас зависит, чтобы это реализовать.

Наряду со многими вопросами творческого характера у нас была подвергнута критике и работа русской секции Союза писателей Узбекистана. Как вам известно, секцией руководит наш уважаемый писатель, член Президиума Союза писателей Узбекистана Михаил Иванович Швердин. Это самая большая секция в нашем Союзе, потому что эта секция объединяет все жанры — и поэзию, и прозу, и драматургию и т. д.

Узбекское отделение разбито на секции: прозы, поэзии, драматургии, отдельно существует секция переводчиков, а русская секция объединяет все жанры.

Работой всей этой секции руководит, как я уже сказал, Швердин. Я должен сказать, что произведение Швердина были здесь предметом горячего, острого обсуждения. 10 часов обсуждали его роман «Санджар непобедимый». И это очень хорошо, значит, есть о чем говорить, есть настоящее большое произведение, отражающее целый период жизни народов Узбекистана и Средней Азии.

В этой книге отражается целый водоворот событий, которые происходили в 20-х годах в нашей республике. Этот роман имеет большое познавательное, воспитательное значение. Именно сейчас мы от каждого писателя, поэта и драматурга ждем создания произведений, воспитывающих народ, нашу молодежь, и с этой точки зрения роман М. И. Шевердина отвечает нашим требованиям. Но я должен сказать, что в этом романе есть отдельные, не совсем обработанные, не совсем законченные, не совсем совершенные, места. Это облик героя, очерковый характер его и т. д. Но все это не умаляет значения произведения. Читатели Узбекистана дали высокую оценку этому роману. Кроме названного романа, у Михаила Ивановича есть целый ряд старых рассказов, отдельных, вошедших в одну книгу. Там, конечно, есть много сырых вещей, поэтому выступающие товарищи совершенно правильно подвергли критике произведения Шевердина, как и других писателей и поэтов нашей республики, — Быкадорова, Сомовой, Иванова и других. Ибо русские писатели Узбекистана ищут пути, средства, работают над тем, чтобы овладеть мастерством художника.

У нас у всех есть свои недостатки, недуги такого творческого характера. Мы стараемся друг другу помогать, обсуждая произведения наших товарищей, критикуя их, чтобы устранить эти недостатки и создавать все лучшие и лучшие, полноценные произведения. Но надо сказать, что произведения многих участников конференции не были предметом горячего, страстного обсуждения, потому что у многих участников этой конференции не было таких крупных полотен.

Если произведение оказалось предметом серьезной, большевистской критики — это не недостаток автора, а наоборот, это его достоинство, потому что есть о чем говорить, значит это произведение достойно критики.

Я хочу задать вопрос: действительно ли в нашем Союзе была слабая критика и господствовали ли в русской секции приятельские отношения? Я хочу услышать мнение членов Президиума и гостей на этот счет, потому что, как вам известно, критика и самокритика являются основным законом движения нашего общества, без критики и самокритики немыслимо развивать науку, искусство и литературу. Если в нашем

Союзе с критикой и самокритикой дело обстоит слабо, если существуют приятельские отношения — надо это скрыть. Следует сделать соответствующие выводы.

Мы сотни раз говорили о критике. Это наш недостаток — отсутствие критики. На пленуме Союза писателей в Москве в июне прошлого года я говорил о том, что у нас есть сдвиги, но в области критики очень слабые. В поэзии, драматургии и прозе сдвиги есть, но в области критики нет. Наша общая болезнь — это отсутствие принципиальной, научной, объективной, смелой критики.

Если бы мы имели таких критиков, как Семен Трегуб и другие, то было бы намного благополучнее, а у нас есть лишь начинающие критики. (Г о л о с с м е с т а: Хамил Якуб). Это литературоведы, они архивами заняты, они XV век изучают, пишут диссертации, монографии и т. д. У нас критические мысли высказываются на совещаниях, а не в печати, потому что выступление в печати — ответственное дело. Вот на заседаниях секций выступают, критикуют, иногда бракуют произведение, заставляют автора перерабатывать его не раз и не два.

Если говорить о слабости критики, то это касается не только русской секции, но и вообще Союза писателей Узбекистана. Мы должны были организовать дискуссию по роману «Санджар непобедимый» еще осенью, даже докладчика наметили — Ульрих, кандидата филологических наук. Но эта дискуссия так и не состоялась.

Что касается критики рассказов М. И. Шевердина, в этом сборнике рассказов есть слабые вещи, но я не могу взять на себя смелость критиковать эти произведения, судить о них. Дело не только в содержании, надо еще указать на недостатки языкового, стилевого порядка. У нас нет критиков. Вифлиемский — преподаватель литературы, Ульрих — тоже. Лиходзиевский — я несколько раз слушал его — он подходит к произведениям литературы, как учитель.

Поэтому убедительная просьба, чтобы московские писатели, маститые писатели, критики помогали нам решать все эти вопросы, и вопросы критики в первую очередь. Без их помощи нам очень трудно, просто мы не можем обойтись.

Что касается вопроса о том, что М. И. Шевердин не справился с темой, я с этим не согласен. Он, конечно,

должен учесть многие замечания и серьезно поработать над своим произведением.

Если мы до сих пор не сумели организовать широкое обсуждение романа, то мы должны в ближайшее время организовать его и поставить этот роман на широкое обсуждение с привлечением русских и узбекских писателей, историков, литературоведов и т. д.

Какие будут предложения?

Ш е в е р д и н. Есть предложение тов. Тихонова все эти вопросы обсудить в русской секции.

А й б е к. Тогда разрешите на этом заседании Президиума считать законченным.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА КОНФЕРЕНЦИИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

1 июня 1948 года

Из многих творческих совещаний и конференций, в которых мне приходилось принимать участие, эта конференция русских писателей Средней Азии выделяется своей сугубо деловой принципиальной и критической направленностью.

Здесь были поставлены важнейшие, кардинальные вопросы литературного творчества, были заслушаны чрезвычайно содержательные, интересные доклады и выступления т.т. Мариэтты Сергеевны Шагинян, Николая Семеновича Тихонова, Семена Адольфовича Трегуба, Веры Михайловны Инбер, Сергея Петровича Бородина, Ольги Федоровны Берггольц и других товарищей.

Творческими семинарами руководили крупнейшие мастера художественного слова, известные русские писатели, поэты и критики. Эти товарищи в своих докладах, беседах и выступлениях поделились с участниками конференции своим огромным творческим опытом, знанием жизни, секретами художественного мастерства.

Конференция, безусловно, явилась для участников ее подлинной творческой школой; мы уверены, что участники конференции глубоко восприняли и поняли те идейные и художественные задачи, которые во всей глубине были поставлены на этом совещании.

Плодотворность работы этой конференции сказалась, несомненно, в том, что здесь шли разговоры, не вообще о литературном творчестве, но подверглись детальному критическому анализу конкретные произведения русских писателей Средней Азии.

Конференция выявила и познакомила присутствующих с очень интересными, своеобразными творческими да-

рованиями русских писателей, плодотворно работающих в республиках Средней Азии.

Среди них имеются писатели и поэты с уже достаточно окрепшим творческим голосом; писатели, создавшие интересные и нужные советскому читателю произведения. Наряду с этими большими творческими достижениями, конференция вскрыла ряд серьезнейших недостатков идейного и художественного порядка, которыми страдают произведения многих русских писателей и поэтов Средней Азии.

Участники конференции подошли к обсуждению произведений с позиций партийности литературы и подвергли строгой товарищеской критике все идейные и художественные недостатки, присущие многим произведениям и мешающие творческому росту их авторов.

Мы уверены, что писатели — участники конференции, осознали те требования, которые предъявляются к настоящему художественному произведению и, вернувшись к своему рабочему столу, еще раз продумают эти требования и претворят их в полноценные литературные произведения.

Выступающие товарищи отметили жизненно важные темы, являющиеся центральными в творчестве русских писателей Средней Азии — это темы хлопка, индустрии, становления советского человека, строящего социализм в Средней Азии. Конечно, и русские писатели Узбекистана не могут обойти в своем творчестве эти жизненно важные проблемы своей республики. Хлопок — основа экономики Узбекистана — имеет чрезвычайно важное значение и для всей экономики Советского Союза. Когда весь народ борется за небывалый подъем хлопководства в Узбекистане, естественно, что и русские писатели не могут стоять в стороне.

Узбекистан является родиной народных строек. Эта тема еще не нашла своего подлинного отражения в художественной литературе. Было бы странно, если бы тот огромный интерес, который проявляют к этим темам писатели Москвы и всех республик Советского Союза, не захватил бы и русских писателей республики. Было бы странно и неправильно, если бы они, живя в Узбекистане, искали бы темы для своих произведений, например, в Заполярье.

Я против замкнутости. Советский писатель Средней

Азии должен создавать произведения на любую нужную народу тему. Но он не имеет права оставаться безучастным к той жизни, которая кипит вокруг него.

В Узбекистане писатели пишут на узбекском и русском языках, но все они являются советскими писателями, писателями Советского Узбекистана. Именно это в первую очередь определяет их творческое лицо.

По моему мнению, это относится к писателям всех республик Средней Азии. Способствуя росту и развитию социалистической культуры и литературы данной республики, писатели, русские и национальные, своими произведениями знакомят читателей Советской страны с жизнью и культурой народов Средней Азии и, тем самым, волеются в единую, великую советскую литературу.

Русские писатели Узбекистана дружно и плодотворно работают совместно с узбекскими писателями. Мы дышим одним воздухом, стремимся к одной цели, мы помогаем друг другу в творческой работе, вместе обсуждаем важнейшие творческие вопросы.

Некоторые выступавшие товарищи говорили, что в русской секции СПУз было мало критики, мало споров и дискуссий по творческим вопросам, не подвергались критике произведения русских писателей, что существуют какие-то приятельские отношения, мешающие критике. Я должен сказать, что это не совсем так.

В русской секции СП Узбекистана усилилась критика и самокритика, но, к сожалению, обсуждение и критика произведений русских писателей мало отражены на страницах печати. Это объясняется в основном отсутствием квалифицированных кадров критиков, которые смогли бы выступить с позиций марксизма-ленинизма с оценкой и анализом опубликованных произведений.

Следует сказать, что и узбекские писатели чрезвычайно остро ощущают отсутствие такой серьезной, большевистской принципиальной критики. Если бы национальная комиссия при СП СССР работала бы по-настоящему над вопросами литературы Узбекистана, то этот насущный вопрос развития советской литературы в Узбекистане получил бы должное разрешение.

Я считаю, что конференция русских писателей Средней Азии прошла на высоком идейно-политическом уровне.

не. Ее с полным правом можно назвать исторической по ее значению для нас всех.

Мы уверены в том, что мы еще встретимся в столицах других республик Средней Азии, поделимся своими успехами, достижениями и тем самым еще больше укрепим дружбу и культурную связь между нашими народами.

Приношу благодарность участникам, организаторам и руководителям этой конференции. Теперь нам остается одно — дружно приняться за создание полноценных произведений советской литературы, достойных нашей великой эпохи!

**ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ
ПРЕЗИДИУМА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА**

19 июня 1948 года

Председательствует Айбек

Айбек. Товарищи, весной этого года поступила на широкое обсуждение музыкальная драма поэта-драматурга Уйгуна «Асрлар» («Поступь веков») на тему Фархадской ГЭС. На этом заседании с подробным докладом выступил Шейхзаде, были отдельные высказывания о пьесе. Выступавшие товарищи тогда отметили положительные моменты и недостатки этого произведения. Но мы вынуждены были за неимением времени перенести продолжение обсуждения. Потом начались юбилейные дни, я уехал в Москву, автор тоже уехал на 10—15 дней в колхоз, и мы не могли закончить обсуждение пьесы Уйгуна. Есть пословица «Лучше поздно, чем никогда». Мы решили согласно этой пословице возобновить обсуждение.

В области драматургии в настоящее время имеется ряд очень важных, принципиальных вопросов. В связи с обсуждением пьесы Уйгуна мы можем говорить об этих вопросах и наметить пути дальнейшего развития нашей советской узбекской драматургии.

Кроме того, если в пьесе имеются действительно серьезные недостатки, то указать на эти недостатки и помочь автору и постановщику, а также другим участникам, работающим над этой пьесой, исправить эти недостатки, устранить их. Вот с этой целью мы вас пригласили на обсуждение музыкальной драмы «Асрлар». Доклад был заслушан, нет надобности вторично его заслушивать, многие товарищи тогда присутствовали, кроме того, пьеса опубликована на русском и узбекском языках в наших журналах, так что присутствующие знакомы с сюжетом, содержанием этой пьесы. Возражений нет? — Нет.

Кто хочет взять слово?

Г о л о с с м е с т а . Жаль, что докладчика Шейхзаде нет.

Г о л о с с м е с т а : Пьеса идет?

Айбек. Пьеса подготовлена, говорят, что был просмотр, но я не был на нем.

Г о л о с с м е с т а : Дорабатывается.

Вот говорят, что пьеса дорабатывается...

Айбек. Несколько слов о характере критики. Я доволен уровнем и характером критики. Почему? Потому что товарищи говорили здесь искренне. Во всех выступлениях чувствовалась настоящая искренность. (Г о л о с а . Правильно.)

Никто не намеревался очернить пьесу, никто не выпячивал ее недостатки. Товарищи здесь говорили объективно, ну если при этом говорили несколько хлестким языком, то это же полезно. Я думаю, что тут товарищи говорили о произведениях откровенно, искренне и дельно. Я хотел бы, чтобы о моих произведениях, романах поэты, драматурги или прозаики говорили так.

В конце концов мы должны понимать и уважать критику, ценить критику. Это нам помогает двигаться вперед. До сих пор мы привыкли не критиковать и это очень плохая привычка, от нее мы должны скорее избавиться. И чем скорее избавимся, тем лучше. Это плохая привычка — не говорить о произведениях искренно, утаивать свое настоящее мнение и мысли, ограничиваться некоторыми вежливыми замечаниями и т. д. и т. п. Мы должны отказаться от этой привычки. Она никому никакой пользы не приносит, а для дела развития литературы это может принести только вред. Умалчивать недостатки, говорить не то, что нужно, скрывать острые углы — это только может принести нам вред.

Выступавшие товарищи говорили, что пьеса состоит фактически из двух частей, и я разделяю это мнение. Легенда составляет одну из этих частей. Эта часть совпадает со своей художественной формой выражения, она рельефна, закончена, отличается яркой приподнятостью образов. Вторая часть пьесы — это Фархадстрой, грандиознейшее строительство, которое народы Узбекистана начали в тягчайшие годы военного времени. Эта часть пьесы получилась бледной, и в этом мы все единодушны, в этом у нас мнения совпадают — все говорят

о бледности, о незаконченной форме художественного выражения второй части. Отсюда проистекает несоразмерность, несоответствие и антихудожественность.

Во всех произведениях мы должны были показать нашу действительность, наших людей, героев нашего времени, во всем их величии, показать все лучшие качества, свойства характера нашего советского человека. Мы, как советские писатели, должны показать советского человека богатым духовно, смелым и не боящимся препятствий, а наоборот, преодолевающим препятствия.

А что мы видим в пьесе Уйгуна? Полтора десятка людей, представителей Фархадстрога; и ни один из них не обладает богатыми духовными качествами. Нет центральной фигуры, нет героя, который собрал бы все эти разрозненные части. В пьесе мы встречаем девушек, которые поют современные песни, говорят на нашем языке, но это еще не образы, они еще не стали образами, они еще не созданы. Поэтому товарищи, все как один, требовали показать Фархада, какой он действительно есть, показать фархадцев носителями великих идей, чаяний нашей эпохи.

Эти люди Фархадстрога очерчены в пьесе схематически, и они своими действиями, поступками не волнуют зрителя. Это, бесспорно, недостаток, который имеется в пьесе.

Если Уйгун сумел создать в своей пьесе легендарные образы, то он, конечно же, сумеет создать и образы наших людей, показать их лицо, показать, что наши люди богаты духовно, содержательны. Сейчас в его пьесе легендарные герои более яркие, наши люди способны еще на большие подвиги, и то, что они сделали, это только начало их творческого движения.

Если бы у зрителя осталось такое впечатление, то тогда не чувствовалось бы, что пьеса состоит из двух различных частей, тогда вы обеспечили бы художественное равновесие и единство.

Почему так получилось и почему товарищи говорят, что это не пьеса, а скорее инсценировка и т. д.? Это грандиозное произведение. Творческие замыслы автора отражены в происходивших событиях на Фархадстроге — он хотел создать музыкальную драму. Но получилась не драма, не опера, а некая переходная форма произведения. Так бывает.

Очень трудно в форме музыкальной драмы развернуть события, которые взволновали автора.

Действительно, очень трудно в форме музыкальной драмы показать то, что автор хотел показать, потому что есть много условностей, которые мешают. Если это опера, то в ней герои выражают свое отношение к событиям и явлениям через музыку.

Здесь же группа людей, происходят события, действия должны быть краткими и персонажи должны исполнять арии.

Эта форма особая — музыкальная драма, и это в данном конкретном случае помешало автору осуществить свой замысел.

Вообще иногда музыкальные драмы в инсценированном виде не доносят до зрителя основного замысла. (Г о л о с. Правильно!) Лет 20—25 я смотрю эти музыкальные драмы на наших сценах. Их было очень много, но редкая из них отличалась полнокровностью и полноценностью. Мне они казались похожими одна на другую.

Но все-таки тут пройден большой путь. Старые писатели и драматурги должны были обратить на это внимание и избежать недостатков, создать музыкальную драму, поднять ее на более высокую ступень, избежать хроникальности, сухой инсценированности и т. п., показать более полнокровных, живых людей. Но, как сам автор говорит, это, видимо, трудно, эта тема действительно грандиозна, трудна для рамок музыкальной драмы.

Что мы можем сейчас предложить? Сейчас можно предложить автору этой пьесы: еще поработать. У нас репертуарный голод, всякое произведение, посвященное современной тематике, отвечающее определенным требованиям художественности и идейности, — оно нам нужно. Но дорабатывать и перерабатывать надо в таком аспекте, чтобы вторая часть, рассказывающая о Фархадстрое, о его строителях, была достаточно сильной и яркой. Я думаю, что эту легенду надо дать и показать символически, дать понять зрителю, что веками народы Средней Азии, народы Востока мечтали о воде, мечтали оросить и освоить безжизненную пустыню. На протяжении многих веков такая легенда была..

**ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ
ПРЕЗИДИУМА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА**

1 сентября 1948 года

Председательствующий — Айбек

Айбек. Как вам известно, 18 марта 1929 года Хамза Хакимзаде Ниязи зверски убит представителями духовенства и мракобесами. Погиб замечательный поэт, учитель, композитор. В 1949 году мы хотели отметить 20-летие со дня смерти Хамзы Хакимзаде.

Я не буду говорить о заслугах Хамзы Хакимзаде Ниязи перед нашей советской литературой, перед нашей советской культурой, перед нашей советской музыкой. Его заслуги всем известны. Он был нашим первым драматургом, именно он заложил основы узбекской советской драматургии. Он был первым пламенным и вдохновенным поэтом Октябрьской революции, он первый в Узбекистане создал действительно революционные стихи и песни. Он очень много сделал для развития нашей литературы, для развития нашей культуры.

С этого начинается его прогрессивная деятельность, т. е. с той борьбы, которую он вел, живя в Шахимардане, мечтая превратить Шахимардан в цветущий уголок нашей республики, где трудящиеся могли бы строить счастливую культурную жизнь. Его убили враги прогресса, враги науки, литературы и культуры — шейхи, ходжи, ишаны, муллы.

Хамза Хакимзаде достоин того, чтобы народ помнил о нем и чтил его. Мы хотим поставить перед вами этот вопрос и посоветоваться о всех мероприятиях, которые нужны для того, чтобы лучше подготовиться к этой дате.

Мы отмечаем юбилей, но не освещаем жизни и деятельности поэтов и писателей, которые жили до нас. Мы о них знаем крайне мало. Мукими — любимый поэт уз-

бекского народа, что мы знаем о нем? Мы имеем лишь сборник его стихов. Мы знаем, что он жил в Коканде, жил в Ташкенте, в кишлаках. Сейчас можно найти стариков — его друзей и собрать интереснейший материал, — это задача литературного музея. У т. Шарипова есть средства, отпущенные на научные расходы, которые вы, к сожалению, не используете. Это ваша прямая задача. Предложение совершенно правильное — выпустить подробную биографию Хамзы Хакимзаде, тем более, что в Ташкенте есть десятки людей, которые с ним работали, есть они и среди писателей, работников искусства, которые его прекрасно знают и помогут создать подробную научную биографию Хамзы. Тов. Шарипов упустил один момент — необходимо привести в порядок могилу поэта в Шахимардане и памятник. Создать настоящий мавзолей, достойный поэта, чтобы там был дом-музей, чтобы был разведен цветник. Надо Шахимардан превратить в культурный очаг.

Создать альманах лучших произведений, посвященных Хамзе Хакимзаде, выпустить книгу воспоминаний о нем, его полную биографию. Мы должны опросить его друзей — музыкантов, певцов, драматургов, поэтов, чтобы и они дали о поэте свои воспоминания. Эти воспоминания мы литературно обрабатываем, и получится прекрасная книга воспоминаний. Сейчас в Шахимардане, в средней школе работает один учитель, хорошо знавший поэта, и он тоже может написать воспоминания о своем друге. Многие режиссеры, артисты, писатели, драматурги беседовали с ним, но об этом нигде ни слова не говорится. Необходимо воспользоваться материалами друзей Хамзы Хакимзаде, людей, общавшихся с ним. Уже имеется просьба к тов. Вахабову разрешить приступить к изданию книги воспоминаний. Имеется много интересных фактов. Учитель, о котором я говорил, работал вместе с поэтом, дружил с ним и в момент гибели поэта этому учителю также достались удары палок.

Фамилия и имя этого учителя-комсомольца — Абдулла Хатамов. Он читает курс истории. Найдется много интересных фактов. Хотелось бы издать сборник стихов и воспоминаний о Хамзе Хакимзаде — поэте, драматурге, композиторе.

(Голос с места. Надо издать его песни с нотами, его текст, его музыку).

Айбек. Они уже издаются, необходимо поручить музыковеду написать монографию «Хамза-композитор». И для того, кто будет работать над такой книгой, тоже интересны воспоминания современников и друзей поэта.

Значит, в назначенный день наши писатели вместе с гостями выедут в Шахимардан. Там будет проведен пленум. Какие еще будут предложения? Других предложений нет. Основные предложения сделаны. Это касается деталей, Президиум может их разработать.

Других вопросов, связанных с проведением юбилея Хамзы, нет.

Переходим к следующему: «О подготовке к юбилею Фазыла Юлдашева».

В этом году мы постараемся созвать очередной пленум, посвященный вопросам, касающимся литературы и искусства и приурочим к этому пленуму юбилей Фазыла Юлдашева. Это можно будет сделать. Пригласить гостей из областей и республик. Можно будет также пригласить всех народных поэтов республики. Какие будут предложения об издании его произведений? Что можно издать в течение трех месяцев, к концу этого года?

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА ЗАСЕДАНИИ ПРЕЗИДИУМА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА

2 ноября 1948 года

Председательствующий — Айбек

Айбек. Поэма нашего молодого поэта Мирмухсина является одним из лучших произведений современной узбекской советской поэзии, и мне бы хотелось, чтобы на русском языке эта поэма была достойной оригинала. К сожалению, перевод поэмы Мирмухсина «Уста Гияс» сильно отходит от оригинала. Об этом говорили в выступлениях и доказали это на конкретных примерах.

Мы должны обратить особое внимание на качество перевода художественных произведений. Мы здесь ограничились в основном анализом отдельных глав, разделов, строк. И если обратить внимание на каждую строку в переводе этой поэмы, в каждой строке мы можем найти или искажение, или отход от оригинала.

Поэма Мирмухсина интересна тем, что узбекский читатель впервые увидел в ней новый, социалистический кишлак, его людей, замечательных, простых колхозников, мастеров хлопководства, патриотов нашей Родины. И язык этого произведения отличается красочностью, богатством, разнообразием.

Вот всего этого мы не видим в переводе Мильчакова. Основные недостатки перевода были вскрыты выступавшими товарищами, особенно докладчиками.

Все выступавшие здесь товарищи подошли к этому вопросу очень серьезно, объективно и принципиально и без тенденциозности.

Тут многие товарищи говорили, что в Союзе писателей не обращают внимания на то, чтобы вовремя обсудить перевод произведения с русского языка на узбекский, с узбекского на русский и т. д. В прошлом году мы организовали секцию переводчиков. Я должен сказать, что эта секция имеет план, но по вине самих пе-

реводчиков конкретного, живого дела нет. Работают секции поэзии и прозы. В этих секциях можно было бы обсуждать по жанрам и переводы. Русская секция или секция поэзии могли бы давно обсудить перевод этой поэмы после того, как она была опубликована в журнале «Звезда Востока».

Я должен сказать, что журнал «Звезда Востока» публикует сырые, недоработанные произведения. По-видимому, редактор этого журнала очень доверяет своим работникам. Прежде чем опубликовать такое большое произведение, как эта поэма, журнал должен был обсудить сначала это произведение среди членов редколлегии. Журнал часто не считается с мнением отдельных членов редколлегии. Если произведение понравилось одному из работников журнала, это не значит, что без всякого обсуждения, без учета мнений оно публикуется.

Выходит, что многие члены редколлегии существуют для вывески, номинально. Члены редколлегии существуют для того, чтобы обсуждать наиболее важные произведения прежде чем их публиковать. Я знаком с историей этой поэмы. Весной, еще до конференции русских советских писателей Средней Азии, я получил телеграмму от редактора журнала «Новый мир», заместителя генерального секретаря Союза советских писателей К. М. Симонова. Содержание этой телеграммы пересказал тов. Шарипов, я не буду повторяться. Мы показали эту телеграмму Мильчакову. После этой телеграммы он должен был работать над поэмой, потому что телеграмму послал не просто переводчик или начинающий писатель, а всем известный, крупнейший писатель, редактор журнала, поэт, прозаик, драматург, сейчас еще больше — заместитель генерального секретаря К. Симонов. Нужно было уважать мнение писателя-руководителя. Получив эту телеграмму, тов. Мильчаков должен был серьезно работать над поэмой, посоветоваться с товарищами, более опытными в этом деле. Нет, после этой телеграммы он не работал над поэмой и без моего ведома решил выпустить это произведение. Я однажды задержал издание этой книги, но тов. Мильчаков всячески уверяет, что в том переводе многое заслуживает внимания, что оценка хорошая и т. д., что нужно во что бы то ни стало ее выпустить.

Я должен сказать, что тов. Мильчаков написал целый

ряд весьма неплохих стихов, у него есть рассказы, он работает над большой вещью. Сейчас закончил повесть на тему об Отечественной войне. Он может работать и в области перевода. Мы хотим, чтобы он работал, но чтобы он более серьезно относился к своей творческой работе. Ибо перевод есть творческая работа, чтобы он больше уважал, любил труд своих товарищей, чувствовал больше ответственности и чтобы он не боялся критики, чтобы сам ставил свои произведения на обсуждение. А у нас иногда бывает так, что знают недостатки данного произведения и не говорят о них, оказывая тем самым медвежью услугу.

Говорить о критике и самокритике очень легко, но надо не только говорить, надо показать пример, как нужно критиковать.

Вот Светлана Сомова много говорила о том, что мы должны растить кадры и т. д. Правильно. У нас работают два семинара. Семинар русских молодых писателей. Мы должны сказать прямо, что многие товарищи, которые должны этим делом заниматься, никакой конкретной творческой помощи не оказывают. По вине Светланы Сомовой в сентябре три раза занятия русского семинара срывались.

Теперь я должен сказать, что статья «Правды Востока» правильна. Конечно, в этой статье автор не смог охватить всех вопросов... Но автор этой статьи дал повод поставить вопрос более серьезного отношения к переводам.

У нас сейчас нет предложений в письменной форме. Разрешите поручить Президиуму написать ответ на статью, опубликованную в «Правде Востока», учитывая основные критические замечания выступавших товарищей и докладчиков.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ ПРЕЗИДИУМА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА

18 мая 1949 года

Приближается юбилей великого русского поэта А. С. Пушкина. Вся страна готовится к этой знаменательной дате. Произведения А. С. Пушкина переведены на все языки народов Советского Союза. Пушкин стал общенародным поэтом. Мы должны юбилей Пушкина превратить в праздник культуры узбекского народа. А. С. Пушкин достоин такой большой любви и уважения, ибо своим гениальным творчеством оказал и оказывает огромное влияние на развитие советской поэзии Узбекистана. Нет ни одного поэта, который бы не испытывал на себе влияния этого гениального поэта. Все наши ведущие поэты учились у Пушкина, особенно молодежь, талантливая наша молодежь. Молодые поэты постоянно учились у Пушкина.

Правительственный юбилейный комитет возглавил подготовку к юбилею и по своей линии ведет большую работу.

Правительственный комитет постоянно поддерживает связь с областями. Во всех областных городах, во всех районных центрах Узбекистана эта дата будет торжественно отмечена.

Во всех городах и районных центрах будут проведены торжественные собрания, посвященные юбилею Пушкина. Сейчас газеты много пишут о том, как школы готовятся к юбилею великого писателя.

Даже в самых отдаленных областях республики школьники выступают с докладами, лекциями, организуют выставки, посвященные жизни и творчеству Пушкина. Вузы также готовятся к специальным научным конференциям, посвященным жизни и творчеству гениального поэта. На предприятиях уже организуются

лекции и доклады. Теперь задача наших писателей заключается в том, чтобы быть в первых рядах пропагандистов, агитаторов. Выступать с докладами, лекциями, с чтением своих стихотворений, посвященных Пушкину и читать перед аудиторией, перед народом произведения Пушкина, переведенные на узбекский язык. Выступать в газетах «Правда Востока», «Қзыл Узбекистан» и центральной печати по вопросам, посвященным переводам и влиянию творений Пушкина, и т. д.

Конечно, многие наши поэты усиленно работали и работают над переводами произведений Пушкина. Сейчас УзГИЗ выпускает четырехтомник Пушкина, в каждом томе по 15—17 печатных листов. Почти все основные произведения Пушкина — его поэзия, проза и драматургия переведены на узбекский язык. Это — большое достижение.

Многие товарищи работали в качестве редакторов. Теперь наша задача именно внедрять в народные массы гениальные творения Пушкина на нашем родном языке, ибо мы перевели на узбекский язык произведения Пушкина, чтобы донести их до сердца народа, до сердец миллионов читателей Узбекистана.

...Ознакомить широкие народные массы рабочих, колхозников с гениальным творчеством великого поэта.

Доклады и лекции организует Общество по распространению научных и политических знаний по своей линии.

По линии юбилейного комитета выступают лекторы, докладчики. Мы хотим, чтобы Союз писателей Узбекистана выделил также специальных лекторов и докладчиков, чтобы на ташкентских предприятиях, в вузах, областных и районных городах они выступили с чтением своих стихов, посвященных Пушкину, произведений Пушкина на узбекском языке, докладами, посвященными жизни и творчеству Пушкина — великого русского поэта.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА НАУЧНОЙ СЕССИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. С. ПУШКИНА

5 июня 1949 года

По всей нашей необъятной Родине начались торжества — радостный праздник солнца русской поэзии. Шестого июня народы Советского Союза отмечают знаменательную дату — стопятидесятилетие со дня рождения гениального поэта великого русского народа Александра Сергеевича Пушкина.

Пушкин, как солнце, является, по выражению Белинского, «вечно живым и движущимся явлением». Исполнительный гений русской земли великой, Пушкин оставил своему народу и человечеству бессмертные творения художественного слова и мысли. Пушкин — пламенный патриот своей Родины. Всей силой своего сердца он любил Россию и ее народ. Он глубоко верил в созидательные могучие силы России и русского народа: «России было определено высокое предназначение», — гордо заявляет поэт. Для Пушкина все прекрасное, возвышенное, живое олицетворялось в образе родины, народа и свободы.

Пока свободой горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы.

Певец свободы и народного счастья, друг и вдохновитель декабристов, этих передовых, беззаветно преданных идеям свободы и прогресса борцов, Пушкин ненавидел феодально-крепостнический строй и самодержавие, темной ночью нависавшие над всей Россией.

В своих произведениях, исполненных жгучей ненависти к режиму крепостников во главе с царем-тираном, поэт воспевал передовые идеи своего времени, выражая стремления и чаяния угнетенных народных масс. Про-

изведения поэта-патриота воспитывали народ, молодежь в духе высокого патриотизма и гуманизма. За революционные обличительные произведения на голову гордого, твердого в своих убеждениях поэта, царь и его придворные, вельможные интриганы не раз обрушивали гору бедствий, стремились отравить ему жизнь.

Все творчество великого поэта своими корнями глубоко уходит в могучие пласты народной жизни и народного творчества. «Только с Пушкина начинается русская литература, ибо в его поэзии бьется пульс русской жизни», — писал Белинский.

Пушкин всю свою жизнь гордился своей родиной, славным героическим прошлым своего народа, не раз в истории показавшего чудеса самоотверженности и героизма в борьбе за свободу и независимость Родины. Поэт горячо любил многовековую культуру своего народа, высоко ценил ученых, писателей и полководцев родной земли. Но выше всего и больше всего поэт любил простой народ. Он писал о нем и для него. Он всю свою жизнь изучал язык простого народа, с любовью собирал произведения народного творчества. Народные сюжеты он использовал для создания чудесных произведений.

Пушкин, благодаря своему русскому исполинскому гению, глубоким всесторонним знаниям жизни и культуры своего народа и удивительной любви к творческому труду, за короткий срок создал огромное количество произведений различных жанров и форм, произведений, каждое из которых в отдельности могло бы увековечить имя его творца. «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Полтава», «Медный всадник» и другие гениальные творения Пушкина составляют сокровищницу русской мировой литературы.

Пушкин — основоположник новой, реалистической литературы и создатель русского литературного языка. Пушкин прокладывал новые пути в поэзии, прозе и драматургии. Его творческий путь — это путь постоянного стремления к правдивому отображению жизни.

В борьбе Пушкина за реализм со всей ясностью мы видим глубокую любовь поэта к народу, сыновнюю заботу о его просвещении. Для Пушкина-просветителя литература должна принадлежать народу, стать для него учителем жизни. Народ живет и творит не за об-

лаками романтики, он всеми корнями врос в землю, поэтому для творчества Пушкина чужды туманные мистические дали романтизма.

Поэзия Пушкина — это целое море мыслей и чувств, ярких, горячих, жизнеутверждающих. Эта поэзия безмерна, как сама душа народа, думы которого в своих золотых строках воспевал во весь голос Пушкин. Поэзия Пушкина богата мотивами земной, здоровой, полнокровной жизни. Она дышит глубоким оптимизмом, свойственным поэту. Эта поэзия вечно жива и прекрасна, ибо каждый ее стих отмечен печатью народного гения.

Он глубоко верил в будущее своей родины, в торжество свободы, справедливости. Он верил, что наступит время, когда все народы его отчизны приобщатся к высокой культуре, что его творения произнесет «всяк сущий в ней язык».

Пушкин во всем своем величии встал перед народом только в наше, советское, время. Его бессмертные творения стали теперь достоянием всех народов нашей советской Родины.

Пушкин оказал огромное влияние на развитие литературы и культуры всех советских народов, в том числе и узбекского народа, которые под руководством партии Ленина и с помощью великого русского народа уверенно идут к коммунизму. Пушкин, воспевший гимн торжеству разума и света, любимый поэт каждого узбекского читателя, созвучен и дорог нам.

Узбекский народ счастлив, что он вместе со всеми народами страны социализма празднует юбилей гениального поэта русского народа Александра Сергеевича Пушкина.

Пушкин — солнце не только русской поэзии, но и поэзии всех народов, объединенных нерушимой дружбой.

**ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА III ПЛЕНУМЕ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА**

9 июля 1949 года

Утреннее заседание

Председательствует Айбек

Айбек. Товарищи, 2 июля в Москве скончался выдающийся деятель международного рабочего движения и верный друг народов Советского Союза, Председатель Совета Министров Народной Республики Болгарии, Генеральный секретарь Коммунистической партии Болгарии — Георгий Михайлович Димитров. Прошу память Георгия Михайловича Димитрова почтить вставанием. *(Все встают)*. Прошу сесть.

Товарищи, прошло уже около двух лет со дня последнего II Пленума Союза советских писателей Узбекистана, и в жизни народов нашей великой Родины, в экономике и культуре нашей Советской страны за это время произошли огромные изменения. Большие изменения произошли и в литературной жизни как всего Советского Союза, так и Узбекистана. Вопреки козням и злобным измышлениям реакционеров всех мастей, поджигателей новой мировой войны, наша Родина победившего социализма, под испытанным предводительством Коммунистической партии уверенно, гигантскими шагами идет к своему счастливому будущему. Поистине колоссальны и невиданны достижения советского народа во всех областях экономики и культуры послевоенного периода. В числе других братских народов нашей великой Родины узбекский народ, возрожденный Великим Октябрем, за этот период также достиг невиданных успехов в области хлопководства, промышленности и различных областях культуры и искусства, большие изменения и сдвиги произошли за это время также и в советской узбекской литературе.

В узбекской литературе произошел коренной поворот в сторону современности. Однако бурно развивающаяся

жизнь нашей республики ставит перед литературой все новые и новые задачи. Настоящий пленум Союза советских писателей и созван для того, чтобы подытожить наши достижения, выявить все недостатки и в свете решений пленума наметить пути развития литературы нашей республики.

Товарищи, разрешите III пленум Союза писателей Узбекистана считать открытым. (*Аплодисменты*).

Товарищи, есть предложение поручить вести собрание нашему Президиуму и включить в состав Президиума т.т. Вахабова, ...Гальченко, Александровского.

Голос с места. Гулямова, Файзиева.

Айбек. Нет возражений. Принимается.

**ВЫСТУПЛЕНИЕ
НА III ПЛЕНУМЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА**

9 июля 1949 года

Вечернее заседание

Председательствует Уйгун

Уйгун. Есть предложение ввести в состав Президиума т.т. Каипова, Муратходжаева, Ислама шайра, Фазыла Юлдашева, Валиева, Юценко.

На повестке дня пленума стоят два вопроса:

1. Решения ЦК КП(б)Уз о работе Союза писателей Узбекистана.

2. Оргвопросы.

Слово предоставляется товарищу Айбеку.

Айбек. Узбекистан, в прошлом очень отсталая в экономическом и культурном отношении страна, народ которой под властью ханов, феодалов, царских и местных чиновников и духовенства долгое время прозябал в нищете и невежестве, Узбекистан за невиданно короткий срок стал одной из передовых республик нашей великой советской Родины. Во всех областях экономической и культурной жизни узбекский народ достиг колоссальных успехов. Узбекистан, где в свое время даже обычная грамотность была исключительно редким явлением, стал страной передовой науки, техники, культурного социалистического земледелия, и узбекский народ, как и все народы Советского Союза, создает на основе новой могучей социалистической экономики свою великую новую культуру, яркое и богатое искусство.

Историческим достижением узбекского народа является создание передовой, глубоко идейной советской литературы. Узбекский народ, в течение веков живший в рамках феодальной экономики и быта, рамках средневекового мышления, за очень короткий период утвердил на своей земле социализм и успешно осуществляет переход от социализма к коммунизму. Этих беспримерных в истории достижений узбекский народ добился благо-

даря постоянной братской помощи великого русского народа и благодаря мудрой национальной политике великой партии Ленина.

Узбекская советская литература и по форме, и по своему идейному содержанию все больше совершенствуется, становясь могучим фактором культуры и воспитания народа в духе коммунизма.

Историческое решение ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам является событием исключительной важности для дальнейшего развития литературы всего многонационального Советского Союза, в том числе и для литературы Узбекистана. Оно помогло нам разобраться во многих наших недостатках и ошибках, которые выразились в отходе известной части наших писателей от проблемы современности и увлечении историческими темами и сюжетами, в проявлении аполитичности, безыдейности и эстетстве. Благодаря историческому решению ЦК ВКП(б) в советской литературе Узбекистана совершился крутой поворот в приближении литературы к жизни. Наши писатели вплотную подошли к миру богатейших событий, героических деяний, мыслей и чувств советского человека — этого замечательного героя нашей великой эпохи.

Наша литература начинает все шире и полнее отображать жизнь и сознательный труд, деятельность советских людей. Но, несмотря на эти серьезные сдвиги, мы до сих пор еще не смогли создать больших полноценных, высокоидейных, высокохудожественных произведений — полотен, изображающих историческое движение узбекского народа. Этот недостаток отмечен в решении ЦК КП(б)Уз, и мы — ведущие, и молодые писатели должны извлечь из этого соответствующий урок.

За последние годы создано много стихотворений, посвященных актуальным темам советской действительности. Это стихи о хлопке, о замечательных мастерах колхозных полей, об их труде, героизме, об их высоких моральных качествах.

Эти поэтические произведения проникнуты чувством глубокого патриотизма, исполнены радостью творческого, созидательного труда.

Кроме того, написаны новые драмы на современную тематику, целый ряд повестей, очерков, рассказов, поэм.

Следует отметить, что наши поэты за последние годы

начали выступать с поэмами и стихами на тему о международной жизни, разоблачать подлость реакционных лидеров вроде Черчилля и Трумэна, стремящихся к разжиганию новой войны и вообще всех тех, кто не любит нашу страну победившего социализма.

Активную творческую деятельность стали проявлять поэты молодого поколения. Например, Мирмухсин. За последнее время им создан ряд крупных поэтических произведений. Все эти произведения посвящены отображению новой жизни Советского Узбекистана. В них мы видим образы колхозников-хлопкоробов, самоотверженно борющихся за дальнейший расцвет колхозной жизни, за освоение безводной пустыни, людей, стремящихся к новым успехам в труде, образы рабочих — мастеров нашей социалистической индустрии, образы героев-фронтовиков, возвращающихся к мирному, созидательному труду.

В узбекской поэзии и драматургии, в прозаических произведениях мы видим наших советских людей с их прекрасными новыми качествами, рожденными в борьбе за построение нового.

Эти поэтические полотна не лишены, однако, еще серьезных недостатков идейного и художественного порядка. Новое внутреннее богатство советских людей, красота их мыслей и чувств еще недостаточно глубоко выражаются в художественных образах. В показе новых качеств советских людей нет еще художественной правдивости, яркости, убедительности, жизненной полноты, которые делают произведение зрелым, жизненным, чего требует наш политически и культурно развитый народ, чуткий и отзывчивый советский читатель.

Некоторым из этих произведений также была присуща бедность языка, недостаточный уровень художественного мастерства, скупость характеров, недостаточно широкий охват событий нашей действительности.

Однако серьезные сдвиги в нашей поэзии не подлежат сомнению, узбекская поэзия стоит на правильном пути. Как важнейший жанр нашей художественной литературы, проза пока является наиболее отстающим участком. Мы не можем указать на такие произведения узбекской прозы, которые отличались бы глубоким и правдивым показом темы сегодняшнего дня, идейной и художественной полнотой. Нет еще таких полотен, ко-

торые отразили бы грандиозные изменения, происшедшие в жизни узбекского народа, нет произведений, показывающих широкую картину величественных строек, героическую борьбу нашего народа за воду, за свет, за энергию, за освоение новых земель, за новый, невиданный подъем хлопководства. Не создано еще прозаических произведений, отражающих борьбу, которую ведет народ Узбекистана под руководством партии Ленина за досрочное осуществление четвертой пятилетки. Наши писатели еще не создали романов и повестей о великом героизме наших людей на фронтах Отечественной войны и в области созидательного труда, о развитии культуры, о чудесных перспективах развития нашей республики, о дружбе народов, о роли великого русского народа в освобождении от классового национального гнета, о братской помощи, которую русский народ оказал и оказывает в моральном и духовном развитии ранее угнетенных, отсталых народов бывшей царской колонии.

Отставание прозы является очень серьезным, можно сказать, недопустимым. Проза должна стать ведущим жанром нашей литературы. Без большой развитой прозы нет и большой литературы. Именно прозаические произведения в первую очередь способны раскрыть темы советской действительности во всем ее богатстве и многообразии. От прозаиков в первую очередь требуется создание крупных произведений, как в зеркале отображающих величественную картину советской действительности в Узбекистане. Наше грандиозное строительство, краса и гордость Советского Узбекистана — Фархадская ГЭС, Каттакурганское водохранилище, строительство железных дорог, освоение безводных пустынь, создание мощной индустрии, превращение нищих в прошлом кишлаков в очаги счастливой и зажиточной социалистической жизни и свободного созидательного труда, всенародный поход за подъем хлопководства — вот та тематика, тот богатейший источник, из которого в полной мере писатель может черпать материал для создания монументального произведения прозы и других жанров. Это поистине великая тема, это коренные вопросы советской жизни Узбекистана, то великое, что изменило лицо нашей земли. Наш народ вправе требовать от наших прозаиков в первую очередь создания больших

полноценных произведений на эту тему, ибо народ является героем этой грандиозной борьбы, в результате которой он осуществит все эти великие перемены.

К сожалению, у нас очень мало прозаиков, а те, которые есть, работают мало и плохо, проходят мимо этих больших тем. Абдулла Каххар написал на колхозную тему первую часть романа «Кошчинар», где он попытался воссоздать первые годы коллективизации в Узбекистане, тот период, когда происходила коренная ломка тысячелетиями слагавшейся жизни узбекского кишлака и быта дехканства. Тема безусловно важная. Но роман содержит ряд весьма серьезных недостатков. Основной причиной недостатков романа является несколько поверхностный подход к освещению жизни кишлака и его людей.

Следует сказать, что хотя и медленно, но ряд молодых поэтов начинает пробовать свои силы в жанре прозы. Некоторые поэты младшего поколения переходят к этому важному жанру, но эти авторы делают лишь первые шаги.

Саид Ахмад известен читателям своими рассказами, очерками. Он, безусловно, продвинулся вперед в своем творчестве. Однако он мало обращает внимания на совершенствование своего художественного мастерства. Мы вправе требовать от него знания психологии людей, создания больших произведений, отвечающих запросам и требованиям нашего читателя.

Другой наш прозаик Парда Турсун написал повесть «Правильный путь» о зарождении интеллигенции. Он стремился показать и первые годы коллективизации в Узбекистане, и работу молодого учителя в кишлаке в борьбе за новую жизнь. У автора оригинальный красочный язык, но повесть страдает весьма существенными недостатками. Основным недостатком является рыхлость сюжета. Отдельные яркие факты, эпизоды, которые встречаются в повести, не представляют цельности, законченности, которая необходима для каждого художественного произведения.

За последнее время серьезно взялся за прозу Хамид Гулям. Стремление поэта переключаться на прозу — явление хорошее, по примеру великих поэтов прошлого — Пушкина, Лермонтова, которые не только создавали беспримерные произведения поэзии, но и оставили замечательные образцы художественной прозы.

В самом деле, трудно себе представить зрелого узбекского поэта, который не умел бы написать хороший рассказ или очерк. Проза учит видеть жизнь и обобщать ее. Школа прозы, безусловно, обогащает поэтическое творчество. Хамид Гулям написал повесть «Девушка из Алмаза» на колхозную тему, с показом героического труда колхозников, и в первую очередь молодежи, в годы Великой Отечественной войны. Это произведение показывает, что поэт Хамид Гулям на верном пути, что он может создать произведение прозы еще более совершенное по форме и глубине раскрытия темы.

За последние годы выступил со своими очерками и рассказами ряд молодых прозаиков. Но они делают лишь первые шаги, мы должны всячески помогать в их творческом росте, так как воспитание новых кадров прозаиков является одной из основных задач Союза.

Советская драматургия Узбекистана до сих пор еще остается тем участком, который требует неустанной работы, повседневного и серьезного внимания. Ряды наших драматургов слишком немногочисленные, мы не можем гордиться драматургическими произведениями, созданными за последние 2—3 года ни в количественном, ни в качественном отношении. Имеется огромный интерес и тяга к драматургии. Многие поэты — Тураб Тула, Аскад Мухтар, В. Липко и другие пробуют свои силы в области драматургии, стремясь создать драму, музыкальную драму, либретто для оперы на темы советской действительности. Как показал прошлогодний конкурс на создание лучших драматургических произведений, есть немало товарищей, которые желают стать драматургами.

Вахабов. Конкурс ни одного хорошего произведения не дал, почему не сказать об этом Вам.

Айбек. Да, но есть молодые товарищи, которые желают....

Вахабов. Стремление это одно, а дело — другое.

Айбек. Но полноценных драматургических произведений, отвечающих запросам нашего зрителя, о нашей советской жизни, о советских людях, на советские темы все еще слишком мало.

Пьеса «Мухаббат» Туйгуна, безусловно, написана на очень актуальную и важную тему. Автор сумел показать ярко очерченные образы, характеры современных людей и поднять интересные, животрепещущие вопросы

современности. Правда, у Уйгуна получилась неудача в отношении пьесы «Асрлар» на очень важную тему — строительство Фархадской ГЭС, где автор не сумел показать советских людей, их прекрасные, замечательные качества. Советский зритель с нетерпением ждет новых пьес, изображающих героев нашего дня, имеющих большое воспитательное значение.

Следует понять, что образы легендарные не должны заслонять перед нами полнокровной современной жизни, нашей советской действительности.

За последние годы положительные сдвиги, несомненно, произошли в творчестве русских писателей Узбекистана. Русские писатели пишут о героизме участников народныхстроек, о новых людях, творивших чудеса во всех областях социалистической жизни.

Кроме того, русские писатели проводят большую работу по переводу лучших произведений узбекской литературы на русский язык.

Также несомненен тот факт, что в творчестве русских писателей Узбекистана еще не вполне преодолены тенденция, мешавшая их движению вперед, имеющиеся идеологические срывы, художественные неудачи, которые еще недостаточно осознаны писателями и не подверглись настоящей большевистской критике.

Наиболее значительным произведением русской прозы в Узбекистане является роман Шевердина «Санджар непобедимый», поднимающий тему борьбы за Советскую власть в Средней Азии, воссоздающий эпизоды гражданской войны, борьбу узбекского народа с басмачами, имеющий большое познавательное значение.

М. Шевердин показывает, как идеи Коммунистической партии все глубже проникают в народные массы, вооружают людей на борьбу против буржуазно-феодального гнета за светлое будущее.

Наряду с положительными сторонами, роману присущи большие идейные и художественные недостатки. В самом деле, можно ли писать о борьбе за Советскую власть в Средней Азии, не показывая роли большевистской партии в этой борьбе, не показывая непосредственного ее руководителя. И в области художественных переводов произведений наблюдаются неровности, срывы, отсутствие тщательной творческой работы. Вследствие этого, наряду с хорошими переводами, полноценными,

часто выходят переводы недостаточно крепкие, лишенные мастерства и художественности, изобилующие примерами буквализма, и т. п.

Немало хороших стихотворений об Узбекистане и его людях создано поэтом Михаилом Быкадоровым. Есть у него стихи яркие, выразительные, полные пафоса и героики советской жизни...

За последние годы плодотворно работает поэт Андрей Иванов, который создал ряд стихов на узбекистанскую тематику. Он успешно преодолевает недостатки своей поэзии прошлого времени, все больше углубляет темы, все полнее показывает чувства и мысли советского человека.

Несомненно, одаренным писателем является Александр Удалов. Он написал повесть «От всей души» с показом образа возвращающегося с фронта юноши на завод в Ташкенте. Александр Удалов написал также ряд очерков и рассказов, которые, безусловно, являются произведениями зрелого писателя. Кроме того, он оказал большую творческую помощь нашему писателю-прозаику Каландарову в обработке его повести.

Писатель Снегов создал большое количество рассказов и очерков на самые актуальные, животрепещущие темы колхозной жизни, хлопководства, колхозных строек. Автор располагает богатыми наблюдениями над жизнью, ищет жизнь в ее движении. Серьезным препятствием в творческой работе русских писателей является незнание узбекского языка. Особенно это непросто для поэтов, систематически занимающихся переводом. Они до сих пор переводят лучшие произведения узбекской литературы не с оригинала. Этот момент серьезно сказывается на художественной полноценности их переводов.

Перед нами стоят огромные и серьезные задачи по переводу произведений классической и советской литературы, усилению работы над переводами с языков братских народов нашей страны и непрерывной работы по переводу лучших произведений узбекской литературы всех жанров на русский язык с тем, чтобы через русский язык эти произведения стали достоянием миллионов масс читателей всего Советского Союза. Это является задачей первостепенной важности.

Все это так. Раз это так, мы вправе требовать от

наших поэтов, переводчиков неустанной работы над повышением своей квалификации и вправе требовать от них знания того языка, с которого они переводят.

Конечно, мне в своем докладе очень трудно хотя бы в общих чертах показать все многообразие явлений нашей узбекской литературной жизни и дать исчерпывающий анализ хотя бы некоторых, наиболее крупных произведений поэзии, прозы и драматургии, созданных за последние годы. Я уверен, что товарищи писатели и критики в прениях более подробно и конкретно остановятся на анализе литературных фактов. Каждому видно, что литература Узбекистана не достигла еще той степени развития, которой требуют от нас партия и советский народ. Налицо сильное отставание узбекской литературы от исторических достижений нашей республики во всех областях экономики и культуры. В наше замечательное время, когда сбылись вековые мечты народа о свободе, о счастливой жизни, о разностороннем развитии человеческой личности, когда стирается грань между физическим и умственным трудом, художественная литература стала достоянием всего многомиллионного народа.

Книги украшают теперь не только библиотеки, не только шкафы интеллигентных людей, они занимают почетное место в домах колхозников, становясь спутником и другом каждого советского человека.

Художественная литература является острейшим и верным средством воспитания трудящихся в духе коммунизма, поэтому отставание в литературе от общего грандиозного движения нашего общества вперед является совершенно недопустимым.

Конечно, это отставание имеет свои причины.

Основная причина отставания объясняется во многом серьезными ошибками и недостатками в работе СП Узбекистана и его Президиума, которые с большевистской прямотой, справедливо и верно отмечены в решениях бюро ЦК партии о работе ССП.

Президиум ССП не сумел осуществить указания и требования, которые были поставлены перед ним партией и правительством.

Президиум не сумел охватить своим руководством всю литературную жизнь нашей республики. Президиум и руководство ССП отнеслись без достаточной ответ-

ственности к важнейшим задачам, стоящим перед советской литературой Узбекистана.

За отставание узбекской литературы и плохую работу ССП в первую очередь, безусловно, несет ответственность его председатель, т. е. я. Я не уделял достаточного времени и внимания, не проявил качеств руководителя и организатора литературной жизни республики во всей творческой работе Союза. Я не сумел поднять критики и самокритики, которые больше, чем где бы то ни было имеют важнейшее значение в области литературы.

В решении Бюро ЦК КП(б)Уз правильно отмечено, что Президиум и председатель оторвались от важнейших вопросов подготовки молодых писательских кадров. Также и другие обвинения, которые предъявило мне в своем решении бюро ЦК КП(б)Уз и в отношении моей работы в Союзе в качестве председателя, являются абсолютно правильными. В плохой работе Президиума больше всех виноват я. Я целиком признаю все отмеченные недостатки в моей работе и все допущенные мною ошибки.

При всей моей чрезвычайной перегруженности, я должен был приложить все силы, всю энергию для обеспечения должного руководства Союзом, литературной жизнью нашей республики. Вопрос очень сложный, тут нужно обязательно коллективное руководство и только путем дружных совместных усилий членов Президиума можно было справиться с теми большими задачами, которые стояли перед Союзом по воспитанию писательского коллектива.

К сожалению, в течение многих лет Президиум работал без определенного плана. Многие члены Президиума абсолютно не заботились о работе Союза, не чувствовали своей ответственности перед партией, народом и литературой, они не вели никакой систематической работы в Союзе, не руководили секциями.

Бюро ЦК КП(б)Уз правильно отмечает все недостатки и ошибки, которые допустил Президиум, все эти недостатки отмечены в решении ЦК совершенно правильно, я бы даже сказал, что недостаточно строго. Работа в секциях распределялась между членами Президиума. Сотни раз составлялся план работы секций, но

никогда руководители этих секций, члены Президиума по-настоящему не заботились о выполнении этих планов.

Члены Президиума не проявили инициативы в постановке важнейших проблем узбекской советской литературы, не принимали активного участия в проведении дискуссий и обсуждении новых произведений.

Я не хочу здесь говорить о работе каждого члена Президиума в течение почти четырех лет. Я думаю, что они сами найдут в себе мужество рассказать как о своей работе, так и о работе Союза в целом.

Отставание узбекской литературы наглядно можно видеть еще из того, что наши писатели не сумели создать произведений, поднимающих важные темы, произведений, достойных нашей эпохи. Таких произведений наш советский читатель с нетерпением ждал в течение многих лет и ждет в первую очередь от ведущих писателей, от таких писателей, которые широко известны читателям, которые уже кое-что создали, создали произведения нужные.

Чтобы с честью носить звание советского писателя, писатель должен обладать глубокими познаниями в области марксизма-ленинизма, — этого острейшего орудия сознания и изменений мира, и знанием жизни во всей ее сложности. Писателям младшего поколения не хватает необходимого для писателя идейно-политического и культурного багажа.

За три года создано 7—8 поэм, эти поэмы являются серьезным показателем творческого роста этих поэтов. Это очень нужные произведения, в них много интересного, много прекрасного, но эти произведения еще не лишены серьезных недостатков, ибо творчество поэтов еще находится в стадии развития.

У нас есть немало поэтов и писателей, которые пишут 10—15 лет, и все еще числятся в «молодых», причем некоторые из них носят это звание даже с большой гордостью, они очень узко понимают роль и значение литературы, перспективы ее развития и свое высокое писательское звание. Наши писатели и старшего и младшего поколения должны ставить перед собой большие, высокие и перспективные задачи, а именно, создавать произведения большой литературы, произведения, звучащие не только в Узбекистане, но и за его пределами.

Наши писатели мало работают над собой и над своими произведениями, они стремятся к овладению писательским мастерством. Но многим из них еще не хватает тех средств, без которых самые лучшие намерения, самые лучшие желания не приводят к успеху.

Слабость идейно-политической подготовки, оторванность от живой действительности часто мешают нашим писателям правильно раскрывать все сложные вопросы жизни современного общества. Писатели младшего поколения часто «плавают» в самых простых вещах, пытаясь показать и раскрыть большие, интересные темы. В их повестях, поэмах и рассказах сюжет не разработан или же жизнь схематизирована, язык скуден и сух, это относится к произведениям писателей, которые считаются писателями старшего поколения. У них тоже часто наблюдаются срывы, недостаточное умение, недостаточное мастерство. Все это говорит о том, что наши писатели нуждаются в постоянной серьезной работе над собой. Одним из самых верных путей для достижения творческих успехов писателей, желающих создавать хорошие произведения, оправдать свое высокое звание, является изучение великой русской литературы. Только полное и серьезное освоение достижений русской классической литературы, великих достижений в области передовой философской мысли даст узбекским писателям возможность создать произведения, отвечающие высоким требованиям нашего современного советского читателя.

Писатели Узбекистана еще недостаточно овладели методом социалистического реализма. Разрешить же художественными средствами важные вопросы жизни, увидеть жизнь глубже, раскрыть в ней основные тенденции можно только овладев этим творческим методом. Но это отнюдь не голая теория и абстракция—это метод живой, важнейшим требованием которого является активное вторжение в жизнь, активное отображение жизни, ясное понимание сути и смысла исторического процесса.

Писатель не может плестись в хвосте событий. Он обязан идти в передовых рядах народа, указывая народу пути его развития, добросовестно и внимательно изучая нашу действительность, стараясь глубоко проникнуть в сущность процесса нашего развития. Писатель

должен воспитывать народ, вооружать его идейно, отбирая лучшие качества советского человека, раскрывая перед ним завтрашний его день. Мы должны показывать наше время и наших людей, какими они должны быть, должны помогать преодолевать пережитки, мешающие советским людям идти вперед.

Отставание советской литературы Узбекистана во многом объясняется чрезвычайной слабостью литературной критики. До недавнего времени многие наши литературоведы, критики и молодые научные работники любили целиком и полностью погружаться в литературные рукописи древности. Однако за последнее время мы наблюдаем определенный поворот в сторону изучения проблем нашей советской литературы. Мы теперь имеем, хоть и небольшой отряд молодых критиков и литературоведов, которые выступают со статьями и докладами по вопросам советской литературы Узбекистана. Это Хамиль Якубов, Қасымов, Қаримов, Убайдуллаев, Азимов, Алимджанов, Анарбаев и др. Все они живо интересуются вопросами советской драматургии, все больше углубляют анализ разбираемых произведений. Но этого недостаточно, так как им еще надо много и со всей серьезностью работать над повышением уровня своих теоретических и литературных познаний, над овладением основами марксистской эстетики, чтобы применить эти познания для глубокого анализа литературных явлений. Нам надо серьезно помогать нашим молодым критикам в их литературной деятельности, создавать условия для успешной их работы, привлечь их в созданную недавно секцию критиков, привлекать в Союз и в наш литературный журнал литературных критиков и литературоведов.

При Союзе писателей Узбекистана с 1946 г. издаются два журнала: «Шарк юлдузи» и «Звезда Востока». Эти журналы все еще не стали боевой трибуной литературы Узбекистана. Ведущие писатели участвуют в них редко, очень слаб еще отдел критики и библиографии. На страницах этих журналов не организуются широкие дискуссии по важнейшим вопросам советской литературы. Актуальные вопросы искусства, советской литературы Узбекистана тоже очень редко находят освещение в наших журналах.

Журналы еще не печатают острых публицистических

статей, не знакомят узбекского читателя с лучшими произведениями русской литературы и литературы братских народов, нередко в журналах печатаются сырые, неполноценные в художественном отношении произведения. В журнале «Шарк юлдузи» были случаи опубликования идейно порочных и в художественном отношении слабых произведений и статей, с серьезными ошибками формалистического характера. Редколлегия обоих журналов не уделяла должного внимания работе, почти не собиралась для обсуждения вышедших номеров. Такое отношение редколлегии отражается на качестве печатаемых материалов. Но за последнее время на страницах обоих журналов начинают появляться новые имена. Тематика журналов становится более разнообразной и богатой.

В плохой работе журнала «Шарк юлдузи» в первую очередь виновен я — его бывший редактор. Часто выезжая на долгие сроки по служебным делам, я оставлял журнал без должного руководства и наблюдения.

Работа с молодыми писателями Узбекистана является вопросом чрезвычайной важности и ЦК КП(б)Уз правильно отмечает оторванность руководства и Президиума Союза писателей от писательской молодежи. В Узбекистане огромная тяга молодежи к литературе. В одном Ташкенте проживает несколько десятков начинающих писателей.

В Самарканде и других городах, даже в отдаленных районных центрах живут и работают начинающие писатели. Они все нуждаются в систематической помощи, особенно в некоторых областных городах — Намангане, Андижане, Ургенче, где начинающие писатели не организованы и совершенно выпали из поля зрения СП. Связь с ними поддерживалась, но случайная. В практике не было случаев посылки к ним членов Президиума и ведущих писателей для оказания помощи. Безусловно, этим писателям было очень трудно работать на местах, где нет литературной организации, нет квалифицированных людей, к которым они могли бы обращаться за консультацией.

Руководство Союза и Президиум в целом признают свои ошибки в том, что не сумели обеспечить помощь новым кадрам молодых писателей.

Товарищи, очень трудно охватить все ошибки и не-

достатки, имевшие место в работе Союза. Этих ошибок и недостатков много. Я надеюсь, что и члены Президиума и все писатели, все участники пленума в своих выступлениях со всей большевистской прямоотой и принципиальностью на конкретных фактах всесторонне вскроют эти недостатки и ошибки, выявят их причины и, безусловно, это должно помочь оздоровлению работы Союза и Президиума на будущее и обеспечить дальнейший рост нашей литературы.

Решение ЦК партии является своевременным, от начала до конца правильным, и оно должно послужить на будущее время руководством к действию, как для работы Президиума, так и для всего писательского коллектива.

Своим решением бюро ЦК еще раз показало свою отеческую заботу о нашей литературе и ее кадрах.

В этом решении, помимо указаний на ряд ошибок и недостатков, есть целая развернутая программа творческой работы. Надо приложить все усилия для реализации этого решения, и тогда мы можем быть абсолютно уверенными, что писатели Узбекистана под мудрым руководством нашей партии с честью выполнят возложенные на нас задачи и создадут произведения, достойные нашей великой эпохи.

**ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА НАУЧНОЙ СЕССИИ
АКАДЕМИИ НАУК УзССР, ПОСВЯЩЕННОЙ 60-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ХАМЗЫ ХАКИМЗАДЕ НИЯЗИ**

1 октября 1949 года

Товарищи!

В эти дни Узбекистан отмечает шестидесятилетие со дня рождения первого узбекского советского поэта, драматурга и композитора, одного из основателей нового, советского реалистического театра и крупного общественного деятеля периода становления Советской власти в Туркестане — Хамзы Хакимзаде Ниязи.

Сегодняшняя научная сессия Академии наук Узбекистана призвана раскрыть многогранный образ большого патриота и талантливого творца — Хамзы Хакимзаде.

Хамза Хакимзаде, пройдя сложный путь исканий и противоречий в дореволюционный период, встретил как великий праздник для народов Востока весть об Октябрьской революции и сразу же встал на позиции Советской власти.

Хамза служит освобожденному народу и как боец за укрепление Советской власти против басмачей и внешних врагов, и как певец — создатель первых узбекских революционных песен, и как композитор, создающий мелодии к новым песням.

Прекрасно понимая огромную пропагандирующую роль театрального искусства, Хамза Хакимзаде создает театральную труппу, которая с 1919 года становится мощным рупором агитации политуправления Туркфронта.

Кровная связь Хамзы с трудящимся узбекским народом, глубокое знание жизни трудящихся масс и любовь к ним помогли ему создать замечательные реалистические сценические произведения, не потерявшие и до сих пор свою актуальность.

Герои пьес Хамзы Хакимзаде Ниязи — носители высоких положительных качеств, патриотизма, героизма, исканий новой, счастливой жизни.

Литературное наследие Хамзы Хакимзаде занимает почетное место в советской узбекской литературе.

Но Хамза известен нам не только как талантливый борец за новое искусство и литературу. Мы помним его и как горячего трибуна, выступавшего за Советскую власть, за поднятие культуры узбекского народа, остро и смело разоблачавшего всех врагов молодой Советской власти — басмачей, мулл-мракобесов, купцов-спекулянтов и т. п.

Много приложил своих сил и горячей страстности Хамза Хакимзаде к делу народного образования. Он не только создает в городах и кишлаках Ферганской долины первые новые школы, но и сам преподает в них.

Горячее участие Хамзы в революционных событиях создало ему огромную популярность и любовь трудящихся масс и вызвало к нему яростную ненависть всех врагов Советской власти.

От руки этих врагов 18 марта 1929 года перестало биться горячее сердце поэта. Он был убит реакционным духовенством в Шахимардане (ныне Хамзаабат).

Образ писателя-борца, отдавшего все свои силы, знания, талант и жизнь за укрепление и процветание Советского Узбекистана, всегда будет жить в наших сердцах.

Разрешите, товарищи, сессию, посвященную 60-летию со дня рождения Хамзы Хакимзаде Ниязи, считать открытой.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА НАУЧНОЙ СЕССИИ АКАДЕМИИ НАУК УзССР

17 мая 1948 года

Почти все доклады, заслушанные в секции истории и литературы, вызвали огромный интерес. Многие из них были причиной бурных прений. Это не случайно. Ибо история народов Узбекистана и Средней Азии, узбекская литература, научная грамматика и история развития формирования узбекского языка таят в себе бесконечное множество тем и вопросов. По существу только-только начинаются научные исследования в этих областях. Тысячелетняя история народов Узбекистана все еще спит в запыленных рукописях, состоящих из десятка тысяч названий. Ученые, вооруженные марксистско-ленинской наукой, должны освоить целые библиотеки рукописей, чтобы правдиво показать картины исторического развития народов нашей страны.

До революции у нас были поэты, были немногочисленные любители и ценители поэзии, но не было литературоведов и критиков, не было ученых-лингвистов, которые разработали бы вопросы грамматики языка, на котором творили свои бессмертные произведения Алишер Навои и Бабур. Научные исследования в области языка и литературы начались сравнительно недавно, все эти науки родились после революции. Поэтому в ходе прений возникло много интереснейших вопросов, которые заслуживают всестороннего изучения.

Сессия показала не только молодость наших гуманитарных наук, но продемонстрировала и то, что эти науки уже имеют своих достаточно подготовленных вдумчивых исследователей. Сессия показала в то же время, что некоторые наши ученые все еще находятся в плену старых, ошибочных взглядов и концепций. Какое отношение имеет к советской науке всякое описание

раеподобной жизни в эпоху некоторых Тимуридов? Нельзя же без серьезного критического подхода ссылаться на труды придворных историков, которые не щадили ни красок, ни цветистых фантазий в описании времен правления своих покровителей. Но подавляющее большинство докладов отличалось высоким идейным и теоретическим уровнем. Эти доклады, безусловно, обогащают гуманитарные науки. Гуманитарные науки — это прямая, широкая дорога приобщения нашей Академии к мировой науке и культуре.

Мы неустанно должны укреплять институты гуманитарных наук.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ ВОПРОСАМ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Узбекское языкознание — наука молодая. Оно появилось в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей новую эру в истории развития узбекского народа, его культуры и языка.

До Октябрьской революции у нас не было специалистов-лингвистов, и узбекский язык не был предметом научного изучения. «Сартовский язык» иногда привлекал внимание всякого рода миссионеров, буржуазные востоковеды говорили о нем, как об особом наречии не существовавшего никогда «общетюркского языка». Из религиозных школ и медресе узбекский язык был совершенно изгнан, как грубый, не литературный. Как вам известно, в медресе мударрисы в процессе преподавания арабские слова и выражения переводили не на узбекский, а на персидский. Вследствие такого отношения узбекский язык до революции не имел своей более или менее разработанной научной грамматики и не было учебников по узбекскому языку. Узбекский язык, являющийся, как и все языки, «продуктом целого ряда эпох», в истории своего развития на протяжении многих веков испытал на себе сильнейшее влияние арабского и персидского языков, которые не только засоряли узбекский язык чужими словами и выражениями, но и стремились навязать ему законы и правила своей грамматики.

В дореволюционном узбекском языке имел место, кроме провинциальных речевых особенностей, ряд диалектов и жаргонов, характерных для имущих эксплуататорских слоев, например для духовенства и торговой буржуазии.

Октябрьская революция, подняв узбекский язык на

ступень государственного языка освобожденного от векового гнета народа, обеспечила его дальнейшее могучее развитие. Революция призвала узбекский язык обслуживать новый, советский строй, новую культуру — социалистическую по содержанию, национальную по форме. Какие изменения произошли в узбекском языке

Ойбек ўзбек адабиёти ва санъати декадасининг (Москва; 1951)
очилишига бағишланган тантанали йиғилиш президиумида

после 1917 года, в новых социалистических условиях жизни!

С первых же дней великой революции начал изменяться словарный состав узбекского языка. С каждым днем словарный состав обогащался все новыми и новыми словами, терминами, выражающими новые понятия, новые отношения — *коммунист, большевик, пролетар, интернационал, граждан (гражданин), батрачком, субботник, мандат, депутат, талон, чекист, контр, митинг* и десятки других.

Считаю нужным отметить, что особенно первые годы революции дают очень интересный и богатый материал для исследователя, ставящего перед собой целью изучение характера и изменение словарного состава узбек-

ского языка. К сожалению, я не знаю ни одной серьезной работы, посвященной этой теме.

Узбекский язык не только начал непрерывно пополнять свой словарный состав русскими и интернациональными словами и терминами, но он тогда же усиленно выявляет свои потенциальные силы и возможности к словообразованию. Появляется большое количество новых слов: *қизиллар*, *қизил аскар*, *қизил қўшчи* (красный пахарь), *уюшма* (союз), *ўнглар*, *сўллар*, *ёлланма*, *оғмачи* и т. д. Некоторые слова, термины приобрели более определенные, более четкие смысл и значение.

Исчезает из словаря немало слов, выражающих понятия, возникшие на почве старого, ликвидированного революцией, общественного строя.

Изменения в словарном составе узбекского языка произошли и в связи с возникновением нового, социалистического производства, появлением нового государства, новой, социалистической культуры, новой ответственности, морали, наконец, в связи с ростом науки и техники.

Пополнение словарного состава узбекского языка новыми словами и терминами продолжается. Это происходит на основе борьбы нового со старым, отживающим.

Создается узбекская научная терминология. По ряду отраслей наук мы уже имеем более или менее стройную терминологию, разработанную на основе узбекских, русских и интернациональных терминов. Новые термины непрерывно вытесняют старые, трудные по смыслу, нечеткие средневековые термины арабского и персидского происхождения.

Узбекский язык вступил в период своего роста и расцвета. Тем более, что рост ярко бросается в глаза еще потому, что до революции в условиях колониального гнета, экономической и культурной отсталости, господства тьмы и невежества узбекский язык сильно, на целую эпоху, отстал в своем развитии. За весь колониальный период в нем произошли очень незначительные изменения. Литературный язык был искусственным, он подчинялся, в основном, правилам и нормам, свойственным языку эпохи Алишера Навои.

Конечно, за советский период определенные сдвиги произошли и в грамматике узбекского языка. Эти сдвиги выражаются в том, что литературный язык освобо-

дился от многих искусственных правил, мешавших его развитию. Но это вовсе не говорит о том, что в основе узбекского языка — в его грамматическом строе и в основном словарном фонде произошли глубокие качественные изменения. Грамматический строй узбекского языка совершенствуется, улучшает и уточняет свои правила, обогащается новыми правилами. Но эти изменения не касались основ грамматического строя узбекского языка. Грамматический строй и основной словарный фонд узбекского языка сохранились в целостности.

В области узбекского языкознания за последние 15—20 лет достигнуты определенные успехи. Среди наших лингвистов мы имеем десятки кандидатов наук; молодые специалисты изучают вопросы научной грамматики узбекского языка, собирают материалы по диалектологии, составляют учебники по языку для средних школ, проявляют интерес к языку, произведениям фольклора, современной узбекской советской литературе. Нужно сказать, что почти все проблемы, все темы в области узбекского языкознания новые, никем еще не тронутые. Но жизнь каждый день выдвигает новые, очень актуальные задачи. Однако, если подойти с точки зрения этих задач, то сразу становится ясно, как мало и плохо работают наши языковеды. До сих пор нет ни одной крупной монографической работы, посвященной исследованию важнейших проблем современного узбекского языка.

Каждый год почти половину тематического плана Института языка и литературы занимают проблемы языкознания, вопросы научной грамматики. А продукции нет. Уже много лет наши лингвисты обещают написать учебник по грамматике узбекского языка для наших вузов. Но еще ни одной главы этого учебника мы не видели. А потребность в таком учебнике колоссальная.

В области узбекской орфографии по вине наших лингвистов по-прежнему господствует анархия. Вопросы пунктуации тоже не разработаны сколько-нибудь удовлетворительно. Потому что это связано с глубоким изменением типов предложений в узбекском языке. В нашем современном языке под благотворным влиянием великого, могучего русского языка происходят такие замечательные изменения, которые свидетельству-

ют об обогащении и усовершенствовании языка. Но их не видят наши лингвисты.

До сих пор у нас не умеют составлять хороших двуязычных словарей. Лингвисты не помогают хотя бы в разработке принципов таких словарей. Работники сектора словарей Института языка и литературы много лет работают над русско-узбекским словарем, затрачены большие средства, но с большим трудом закончили только I том, который находится в печати и беспрерывно подвергается переработке. Вот теперь составители оправдываются тем, что они не имели опыта в этой области. Почему составители, прежде чем приступить к составлению, не стремились серьезно изучить основные принципы составления словарей, почему трудные для них вопросы не поставили на широкое обсуждение с привлечением специалистов? Раньше составители не жаловались на счет своей неопытности. Перед дирекцией Института в категорической форме ставилось лишь одно условие — дайте побольше средств, и словарь будет. Трудности с подготовкой русско-узбекского словаря объясняются прежде всего тем, что в секторе не сумели правильно организовать работу.

На нашей конференции очень много говорили о терминологии. Это, конечно, не случайно. Буквально все отрасли науки и знаний настоятельно требуют создания терминов. Это — важнейший вопрос культуры, вопрос развития наук на узбекском языке...

В силу религиозных и культурных связей в далеком прошлом определенное количество арабских и персидских слов и терминов вошло в узбекский язык. В свое время буржуазные националисты и исламисты не только всячески старались сохранить эти старые термины, но хотели принять еще новые слова и термины. В настоящее время большое количество трудных, очень путаных арабских терминов заменены новыми, ясными, четкими, полноценными терминами узбекского, русского, интернационального происхождения. Такие путаные, трудные арабские термины, как *мусаллас*, *мутасовулаз-лоъ*, *маншурил мутавассо*, *кайин*, *зовиятон*, *коиматон*, *мукобилатон* и т. д. сильно мешали преподаванию наук, тормозили их внедрение в народе.

Давно исчезли арабские термины:

Давно исчезли арабские термины: *хандаса* (геометрия), *даъво* (теорема), *фаразия* (гипотеза), *мажхулият* (неизвестность), *кунихият* (субстанция), *илми нужум* (астрономия), *илми ал табақотил арз* (геология), *муодила* (тенглама), *мукаап* (конус), *эхром* (пирамида), *наботот* (ботаника, флора), *хайъати таълимия* (ўқитувчилар состави — педсовет), *мужаррад* (абстракция), *мушаххас* (конкрет), *муаллидилмо* (водород), *муаллидилхамуза* (кислород), *бадиийёт* (эстетика), *мувозий* (параллельный), *ғоявий амал* (идеал) и т. д.

Число арабских терминов, вышедших из употребления, доходит до тысячи. Очистив свой словарный состав от лишних, непонятных, путаных арабских терминов, заменив их новыми, узбекский язык сделался более современным, богатым и выразительным, способным к передаче понятий научных и политических знаний нашего века. Теперь в узбекском языке бытуют сотни арабских слов, часть из них с незапамятных времен существует, они органически вошли в ткань нашего языка, они понятны всем, а другая часть состоит из таких слов и терминов, которые понятны широким кругам интеллигенции. Своими стали слова вроде:

ақл, маъно, хаёл, муҳокама, музокара, идрок, завқ, мазмун, мактаб, илмий, маориф, идора, раис, инқилоб, давлат, ҳаёт, фикр, жамият, жамоа, адолат, ахлоқ, одоб, миннатдорлик, ободонлик, маҳсул, ҳосилот, самара, мансаб, қиёс, тақдир, мукаммал, сиёсат, баркамол, раҳбар, санъат, адабиёт, мақола, ҳикоя, қисса, ривоят, шеър, қофия, тарих, таржима, тарбия, тавсил, марказ, ҳақиқат, муҳокама, баҳс, шартнома, шароит, восита, виждон, инсоф, муомила, муносабат, алоқа, ҳақ, ҳаққоний, қудрат, маҳорат, хусн, мукофот и т. д.

Широко употребляются в литературе и в печати: *та-раққий, мудофаа, ахборот, эътиқод, ижодиёт, тақсимот, мафкура, тафаккур, манба, наширият, таҳрир, муҳаррир, матбуот, мубоҳаса, мусодара* и т. д.

Нужно отметить, что часто наши языковеды спорят между собой беспринципно, самые ничтожные, самые простые вещи они превращают в предмет дискуссии, тем самым забывают главные, жизненно необходимые, большие вопросы, стоящие перед советским языковедением... Наш развивающийся и формирующийся язык очень нуждается в изучении, разработке, уточнении,

улучшении правил грамматики. Очень плохо обстоит дело в этой области. Я хорошо знаю, что до сих пор почти не изучена такая важная категория, как глаголы, в узбекском языке. Вчера один из выступавших товарищей говорил о том, что еще не создана даже схема учебника по узбекской грамматике. Но меня удивляет вот что: многие наши языковеды преподают в вузах республики грамматику узбекского языка, не знаю, что они преподают студентам?

Некоторые наши лингвисты годами разрабатывают одну и ту же тему, в большинстве случаев неактуальную. Например, Аюб Гулямов, Фаттах Абдуллаев долго изучали парные слова в узбекском языке *чой-пой, нон-пон, китоб-митоб* и т. д. Спрашивается, неужели это важнее, чем глагол или вопросы синтаксиса?...

Работники Института языка и литературы опубликовали небольшой труд. В нем помещено 10 статей. Большинство из них — старые вещи, куски давнишних диссертаций. Одна из свежих вещей — большая статья Аюба Гулямова — страниц 50. Она называется «О способах словообразований в узбекском языке». Тема очень интересная, важная. Но что пишет в ней автор? Автор не изучает ничего, кроме примитивных формул, основанных на повторении, вроде *так-тап, пак-пук, пака-пак, такка-такка-так, тақир-туқир* и т. д. Сколько прекрасных интереснейших способов словообразования в нашем языке, как мы широко, можно сказать, начали пользоваться ими в нашей практической работе... Статьи Ф. Абдуллаева, З. Магруфова, Р. Джуманиязова написаны тоже на низком теоретическом уровне.

В этом сборнике, как в зеркале, мы видим уровень научных исследований в области языка... Наши языковеды должны осознать свои ошибки, должны работать по-новому. Для этого они должны глубоко вникнуть в суть марксизма, постоянно руководствоваться гениальными трудами Маркса, Энгельса, Ленина. Это, только это может обеспечить успех языковеду в его сложной научной работе.

1. Институт языка и литературы должен решительно перестроить свою работу. Нужно немедленно организовать семинар для глубокого, всестороннего изучения языковедами теоретических основ советского языковедения.

2. Языковеды в первую очередь должны приступить к разработке вопросов грамматики узбекского языка (Ведущие языковеды — Решетов, Аюб Гулямов).

3. Необходимо приложить все усилия к тому, чтобы выполнить предусмотренный тематическим планом Института на 1950 год учебник для вузов по узбекскому языку (редактирование поручить Боровкову).

4. Создать в 1951 году сравнительную грамматику узбекского и русского языков. Усилить сектор сравнительного изучения языков.

5. Систематически изучать узбекские говоры, организовать экспедицию в области, привлечь к этой кропотливой трудоемкой работе студентов, аспирантов, учителей на местах.

6. Оживить работу диалектологического сектора, до сих пор существующего номинально.

7. Положить конец той анархии, которая существует в узбекской орфографии, для этой цели продолжить начатую коллективом работу по улучшению орфографии, обсудить правила орфографии на специальных собраниях с участием преподавателей родного языка, работников газет и издательств.

8 Укрепить словарный сектор новыми квалифицированными кадрами, обратить сугубое внимание на подготовку кадров по лексикографии, всемерно ускорить работу по составлению четырехтомного русско-узбекского словаря.

9. Включить в пятилетний план Института создание толкового словаря узбекского языка.

10. Вопросы терминологии должны всегда стоять в центре внимания. Коллективу языковедов поручить разработку терминов по филологии. Просить Президиум Академии наук специальным решением обязать все научные учреждения систематически работать в области терминологии. Организовать сбор народных терминов по всем отраслям.

11. Систематически обсуждать готовые труды на заседаниях секторов, на Ученом совете, усилить критику и самокритику, без которых немислимо развитие науки.

ТАҚРИЗЛАР

**ОТЗЫВ О ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЕ А. СААДИ НА ТЕМУ
«ТВОРЧЕСТВО НАВОИ КАК ВЫСШИЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ
УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ», ПРЕДСТАВЛЕННОЙ НА
СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК**

Изучение творчества великого поэта и мыслителя Алишера Навои началось сравнительно недавно. Буржуазные ученые не поняли и не стремились понять тех замечательных идей, которые Навои воплотил в своих бессмертных произведениях. Буржуазные ученые не оценили художественных достоинств поэм и газелей поэта, отрицали оригинальность его поэтического творчества. Гениальный поэт, родоначальник узбекской литературы был объявлен переводчиком и подражателем. Ложность этих утверждений теперь всем ясна.

Только на основе марксистско-ленинской науки получило глубоко научное освещение и объективную оценку великое наследие Навои, только советский народ понял и высоко оценил поэтический гений и замечательные человеческие качества Алишера Навои.

В последние годы вышел ряд работ, посвященных жизни и деятельности, анализу отдельных произведений, особенностей творчества Навои. Среди этих исследований наиболее фундаментальной является работа проф. Саади «Творчество Навои как высший этап в развитии узбекской классической литературы». В своем труде Саади останавливается на следующих ключевых вопросах творчества Навои, освещение которых способствует пониманию всего его поэтического наследия:

1. Роль Навои в создании узбекского литературного языка. 2. Идеиное содержание творчества Навои. 3. Лирика Навои. 4. Анализ образов поэм «Хамсы».

Каждая из этих основных проблем в свою очередь распадается на целый ряд отдельных вопросов и тем. Таким образом, Саади в своем труде охватывает широкий круг вопросов, позволяющих осветить творчество

поэта в целом. Все эти вопросы ставятся не впервые. Но ценность исследования Саади в том, что он, хорошо зная классическую узбекскую литературу, восточные языки и источники на этих языках, глубоко и всесторонне анализирует эти вопросы, привлекая обширный, во многом новый материал. Саади сумел осветить с новой стороны вопрос о роли Навои в создании узбекского литературного языка. Автор начинает свой труд с анализа роли поэта в борьбе за родной язык, показывает Навои как создателя литературного языка и родоначальника узбекской литературы. Саади очень подробно исследует знаменитый труд Навои «Мухокамат-ул-лугатайн» («Рассуждение о двух языках»), в котором поэт в последние годы своей жизни подытоживает результаты своей борьбы за родной язык и стремится раскрыть богатые возможности узбекского языка.

Навои всю жизнь вел непримиримую борьбу за развитие родного языка. В глубокой любви Навои к родному слову проявилось его национальное самосознание.

Далее Саади в своем труде объясняет понятие «основоположник литературы» и убедительно доказывает, почему именно Навои является основоположником узбекской литературы.

Изучая творчество Навои с точки зрения его идейного содержания, Саади выделяет его гуманизм, пронизывающий все мысли и чувства поэта, и так определяет его содержание: «Сущность его гуманизма заключается в любви к человеку во всей его человеческой деятельности. Справедливость, любовь и уважение к труду человека, вера в его умственную и творческую силу, достойная оценка всех его жизненных и творческих опытов, мужества, героизм и дружба всех народов, открытие широкой дороги к непрерывному развитию и усовершенствованию всех человеческих способностей, а также создание всевозможных для этого условий...». Далее Саади подтверждает все это конкретными примерами из произведений Навои.

Особенно интересен и ценен в работе Саади анализ эстетических взглядов Навои. Это весьма сложный вопрос — тема специального исследования. Саади впервые ставит этот вопрос и правильно освещает все основные моменты литературной концепции Навои — проблему художественного языка, вопросы поэзии и прозы, фор-

мы и содержания, вопрос о назначении литературы и поэта в обществе и т. д. Саади глубоко раскрывает отличие эстетических воззрений Навои от господствовавших на Востоке взглядов, которые все сводили к изящной словесной форме.

Большое внимание уделяет автор освещению отношения Навои к музыке, архитектуре и другим видам искусства. Саади стремится связать эстетические взгляды поэта с его общественно-политическими воззрениями.

В разделе о лирике проф. Саади рассматривает лирические произведения Навои с точки зрения их содержания, художественно-стилистических и языковых особенностей. В этом разделе во всей полноте нашла отражение большая кропотливая работа автора над периодизацией лирических произведений «Чор дивана» Навои. Саади высказывает много ценных предположений и приводит интересные данные. В заключительной главе Саади останавливается на вопросе об истории создания «Хамсы», Навои показывает различия между ней и одноименными произведениями его великих предшественников, изучает положительные и отрицательные образы произведения Алишера Навои.

Это — первая глава труда Саади. Во второй главе он подробно изучает влияние творчества великого поэта на дальнейшее развитие узбекской и татарской литературы, охватывая таким образом основные вехи пятистолетнего периода развития литературы.

Следует отметить, что наряду с достоинствами в первой главе имеются и недостатки, спорные суждения. Характеризуя гуманизм Навои, Саади несколько злоупотребляет понятиями «трудовой народ», «народные массы», «трудящиеся» и т. д. Говоря о мировоззрении Навои, его прогрессивных идеях, следует показать и противоречия, присущие идеологии поэта и мыслителя, обусловленные его эпохой. Саади пишет: «Газели Навои пронизаны духом протеста против царской власти». Между тем Навои не выступал против власти царей вообще, а проклинал жестоких царей и мечтал о просвещенном, справедливом монархе. Мировоззрение Навои сформировалось под воздействием средневековой мусульманской идеологии. И хотя Навои всю жизнь боролся против мракобесия, против шейхов, но сам в

своих произведениях нередко выступает в ризе дервиша, правда, искреннего и благородного.

Рассматривая гуманизм и прогрессивные идеи Навои, Саади не стремится, однако, связать их с общественно-политическими условиями его эпохи.

В главе о лирике Саади, отмечая реализм, присущий газелям Навои, не смог показать достаточно убедительно, в чем проявились его характерные черты.

В главе о «Хамсе» Саади пишет: «Поэма «Садди Искандери» охватывает те исторические события и явления, которые имели место во времена завоевательных походов Александра Македонского». Однако в основе этой поэмы лежат не исторические события, а легенды, созданные народами на протяжении многих веков. Искандер в этой поэме — образ, который создал Навои.

Переводы отрывков художественных произведений Навои, выполненные Саади, не совсем точны и выразительны. Но все эти недостатки совершенно не умаляют значение большого, серьезного исследования Саади-ученого, посвятившего всю свою жизнь изучению узбекской литературы и литератур других тюркских советских народов. Диссертация Саади вполне может быть представлена на соискание ученой степени доктора филологических наук.

КРАТКИЙ ОТЗЫВ

О ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЕ С. АЛИЕВА НА ТЕМУ «ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО БАБУРА», ПРЕДСТАВЛЕННОЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Историки-востоковеды до сих пор изучали, главным образом, «Бабур-наме» и в своих трудах ссылались на нее, но замечательное поэтическое творчество Бабура не было объектом их внимания. Можно сказать, что знаменитые записки Бабура заслонили его поэзию.

Молодой литературовед С. Алиев попытался восполнить этот пробел. В своей работе «Поэтическое творчество Бабура», охарактеризовав эпоху, в которой жил Бабур, изложив биографические данные о его жизни и деятельности, С. Алиев переходит к всестороннему анализу поэтического наследия Бабура — газелей, четверостиший, писем, туюк и т. д.

Большое внимание автор уделяет идейному содержанию поэзии Бабура, пытается выявить в его произведениях автобиографические черты, связать тематику его поэзии с эпохой, в которой жил поэт. В центре исследования — вопросы поэтики Бабура. На конкретных примерах С. Алиев исследует формы, художественное своеобразие поэзии Бабура.

Разделы работы, посвященные этим вопросам, отличаются обстоятельностью, скрупулезностью, глубиной анализа. Автор обнаруживает широкие знания форм и приемов классической узбекской поэзии.

Диссертант рассматривает также язык, художественные средства поэзии Бабура и стремится показать влияние поэтов-предшественников на поэтическое творчество автора «Бабур-наме».

Наряду с этим работа С. Алиева не лишена серьезных недостатков. Так, изучение идейного содержания поэзии Бабура ограничивается часто прозаическим пе-

ресказом содержания газелей и четверостиший; автор чрезмерно увлекается анализом художественных форм и приемов; его оценки зачастую носят субъективный характер. Диссертант не всегда четко излагает свои мысли, допускает ошибки в терминологии и т. д.

Многие недостатки этой работы объясняются неигнорированием творчества Бабура и еще тем, что этот труд — первая крупная работа автора. Несмотря на это, диссертация С. Алиева представляет определенный научный интерес, она может служить хорошим материалом для истории узбекской классической литературы, к созданию которой уже приступают литературоведы Узбекистана.

Диссертационная работа тов. Алиева вполне достойна быть представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

**РЕЦЕНЗИЯ НА СТАТЬИ СБОРНИКА
«ВЕЛИКИЙ УЗБЕКСКИЙ ПОЭТ»**

1. Статья доктора философских наук, проф. В. Ю. Захидова — «Некоторые вопросы общественно-политической жизни эпохи Навои».

Философские взгляды великого узбекского поэта Алишера Навои малоизучены. Проф. В. Ю. Захидов — первый исследователь философских взглядов выдающегося узбекского поэта, мыслителя, ученого XV в. Алишера Навои. Широко образованный человек своего времени Навои воплотил в своем творчестве философские воззрения предшественников, лучших представителей науки и культуры Востока.

Не затрагивая истоков философских воззрений Навои, В. Ю. Захидов тем не менее приходит к новым интересным выводам по изучаемой проблеме. Его труд — первая серьезная попытка осветить один из важных аспектов сложнейшей проблемы. В исследовании В. Ю. Захидова встречаются дискуссионные положения, неизбежные на данной стадии навоиведения, однако они, не снижая научного значения работы, привлекают внимание специалистов оригинальностью суждений, мобилизуют исследователей на углубленное изучение литературного наследия Навои.

Статья В. Ю. Захидова апробирована на научной конференции АН УзССР, посвященной изучению жизни, творчества и эпохи Навои. Ее необходимо включить в сборник для опубликования.

2. Статья доктора филологических наук проф. Е. Э. Бертельса — «Старейшие переводы произведений Навои на западноевропейские языки».

Проф. Е. Э. Бертельс, крупный ученый-востоковед, свыше 20 лет изучает жизнь и творчество Навои. Прек-

расно зная восточные и западные языки и литературу, тщательно исследуя восточную литературу, переведенную на западноевропейские языки, он обнаружил ряд стихотворных произведений, принадлежащих перу Алишера Навои, хотя в переводах ссылок на авторов не было.

Научная ценность работы Е. Э. Бертельса бесспорна; достаточно сослаться лишь на два положения, авторитетно выставленные исследователем, чтобы признать за этой работой право на опубликование, а именно: 1) исследователь устанавливает автора упомянутых переводов и 2) обнаружив в переводах указанного автора ряд стихотворных произведений, принадлежащих перу Алишера Навои, научно обосновывает широкую популярность поэта и большой интерес к его творчеству не только на Востоке, но и на Западе.

Труд проф. Е. Э. Бертельса апробирован и получил одобрение на заседании Ученого совета Института востоковедения АН СССР.

3. Статья кандидата исторических наук Я. Г. Гулямова — «К изучению эпохи Навои».

Для глубокого изучения литературного наследия Алишера Навои и его современников необходимо широкое освещение истории Средней Азии XV в. Историки пока не имеют достаточных научных исследований, а это затрудняет работу филологов. Труд Я. Г. Гулямова освещает ряд новых и интересных вопросов в данной области и дает новые материалы, частично пока неизвестные востоковедам.

4. Статья кандидата исторических наук Р. Н. Набиева — «Из истории общественно-политической жизни Мавераннахра в XV в.».

Данная статья является весьма ценным исследованием в области изучения общественно-политической жизни Мавераннахра эпохи Навои. Работа базируется главным образом на первоисточниках, доселе не использованных специалистами. Введение статьи Р. Н. Набиева в сборник повысит его научную ценность.

5. Статья доктора исторических наук, проф. М. Е. Массона — «К исторической топографии Герата в XV в.».

Эта работа является научной рецензией на статью Беленицкого, опубликованную в сборнике «Алишер На-

вои», изданном Институтом востоковедения АН СССР (Л., 1946). Справедливо отмечая положительные и отрицательные стороны этой статьи, исправляя допущенные Беленицким ошибки, проф. Массон значительно пополняет историческую науку богатейшим материалом и научно обоснованными выводами, представляющими большой интерес.

6. Статья кандидата филологических наук Х. Т. Зарифова — «Лутфи и Навои».

Подобрав большое количество материалов о жизни и творчестве Лутфи, разбросанных по многочисленным первоисточникам XV—XVI вв., Х. Т. Зарифов дает ясное представление о его наследии (попутно и о других представителях узбекской литературы XIV—XV вв.) и влиянии на развитие творчества Алишера Навои.

7. Статья кандидата филологических наук М. А. Салье — «Навои как биограф».

М. Е. Салье в данной работе разбирает три малоизвестных произведения Навои и сообщает новые данные о жизни самого поэта и его друзей.

8. Статья кандидата исторических наук Я. Г. Гулямова — «К вопросу о традиции архитектурных ансамблей в городах Средней Азии XV в.».

Работа Я. Г. Гулямова изобилует новыми ценными данными и обобщениями частного вопроса общей проблемы, полученными им из первоисточников. Материалы могут быть использованы при изучении истории Средней Азии XV в.

Можно констатировать, что все статьи сборника по своему содержанию и новизне материалов представляют большой научный интерес, а потому издание их крайне необходимо.

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТЗЫВ
О ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЕ
Ю. СУЛТАНОВА НА ТЕМУ «ХАМЗА ХАКИМ-ЗАДЕ НИЯЗИ
КАК ПЕРВЫЙ УЗБЕКСКИЙ СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»,
ПРЕДСТАВЛЕННОЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК**

В своей диссертационной работе тов. Султанов по существу впервые дает биографию поэта, драматурга и общественного деятеля; подвергает идейно-художественному анализу лучшие произведения Хамзы.

Автор использовал большое количество весьма ценных архивных материалов, освещающих жизнь и творческую деятельность замечательного узбекского писателя, основоположника узбекской советской литературы.

В изучении жизни и творчества Хамзы первое слово принадлежит тов. Султанову, который так много сделал для популяризации литературного наследия поэта и драматурга среди читателей нашей страны.

Работа тов. Султанова поднимает ряд серьезных вопросов и вполне может быть представлена на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТЗЫВ
О ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЕ
А. ИБРАГИМОВА НА ТЕМУ «ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
МУХАММЕДА САЛИХА», ПРЕДСТАВЛЕННОЙ НА СОИСКАНИЕ
УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК**

Тема диссертации почти не изучена в литературоведении.

Автор известной поэмы «Шейбани-наме» Мухаммед Салих является замечательным представителем узбекской классической литературы, творчество которого всегда будет привлекать внимание исследователей, ибо в нем содержится ответ на многие исторические, литературные, лингвистические вопросы.

Мухаммед Салих впервые в истории узбекской классической литературы создал поэму, которая целиком посвящена политической борьбе той эпохи. Поэт глубоко и ярко показывает моральный облик, упадок, разложение феодальной знати. Помимо художественных достоинств, поэма Мухаммеда Салиха «Шейбани-наме» имеет также большое значение как замечательный памятник староузбекского литературного языка.

Автор диссертации много и серьезно работал над биографией поэта, ему удалось выяснить, уточнить многие важные вопросы. Большое внимание А. Ибрагимов уделяет анализу художественных и языковых особенностей поэмы Мухаммеда Салиха.

Работа тов. Ибрагимова может быть представлена на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

ОТЗЫВ

О ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЕ С. КАСЫМОВА НА ТЕМУ «ТВОРЧЕСТВО ХОРЕЗМИ», ПРЕДСТАВЛЕННОЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

В истории узбекской литературы, уходящей корнями в глубь веков, имеется еще немало произведений, которые до сих пор не изучены. К их числу относится «Мухаббат-наме» Хорезми. Молодой литературовед и критик Салих Қасымов темой своей диссертационной работы избрал творчество Хорезми — поэта XIV в. В центре внимания диссертанта — поэма Хорезми «Мухаббат-наме».

Диссертация состоит из введения и трех глав.

Во введении автор рассматривает историю изучения творчества Хорезми, дает обзор литературы, вскрывает ошибки и недостатки работ буржуазных востоковедов, посвященных Хорезми.

Далее автор кратко говорит о существующих списках поэмы Хорезми «Мухаббат-наме».

В первой, самой большой в диссертации главе — «О культурном и литературном движении XIII—XIV веков в Узбекистане» — С. Қасымов исследует ужасные последствия монгольского нашествия — разрушения городов — очагов культуры, уничтожение ордами Чингизхана оросительной системы — источника жизни и одной из основ цивилизации. Автор весьма убедительно показывает разорение и нищету народных масс в эпоху господства монголов в Средней Азии. Далес диссертант рисует картину постепенного восстановления жизни и оживления культурной деятельности. Он перечисляет и оценивает наиболее известные и ценные труды по истории, созданные в эпоху господства Чингизидов.

Давая политическую и культурную характеристику эпохи, С. Қасымов особое внимание уделяет развитию

литературной жизни, ее особенностям, подробно знакомит нас с наиболее известными и крупными памятниками литературы XIII—XIV вв., например, «Мифтахул-адл», «Хикметами» Бокиргани и другими.

Тов. Касымов правильно, с позиций марксизма-ленинизма, вскрывает особенности религиозной, суфийской поэзии, которая господствовала в литературе этой эпохи, и противопоставляет ей придворную, светскую поэзию на примере творчества Сайфи Сарайи и Хорезми, давая верную оценку классовой сущности обоих этих направлений.

В первом разделе второй главы диссертант ставит цель установить, выяснить личность поэта, автора «Мухаббат-наме». Поскольку источники ничего не сообщают о поэте Хорезми, в поисках сведений о нем С. Касымов обращается к поэме «Мухаббат-наме». На основе анализа он приходит к выводу, что Хайдар Хорезми не является автором «Мухаббат-наме».

В следующем разделе данной главы диссертант, исследуя широкий круг источников, в том числе и «Мухаббат-наме», прослеживает историю создания поэмы и устанавливает личность мецената, которому Хорезми посвятил свое произведение—Мухаммед Ходжабек, один из приближенных Жанибека, из рода «конгират». Он не только любит поэзию, но и сам пишет стихи.

Автор уделяет большое внимание жанру «любовных писем» в поэзии Востока, знакомя нас с известными произведениями этого жанра.

Касымов определяет сущность придворной светской поэзии, причину возникновения и развития ее в эпоху феодализма, раскрывает классовую сущность философии наслаждения, на конкретных ярких примерах сравнивает два течения средневековой поэзии — религиозно-мистическое и придворно-светское, любовное, подчеркивая относительную прогрессивность последнего по сравнению с религиозно-мистическим, проповедовавшим покорность судьбе, отказ от мирских благ во имя любви к богу, непротivление злу.

Здесь тов. Касымов правильно ставит важный в изучении нашей классической поэзии вопрос о том, почему лирики, воспевающие земную любовь, используют термины и специфические выражения суфийской поэзии.

Диссертант вскрывает характерные черты придвор-

ной любовной лирики: формализм, внешний блеск, оторванность от жизни и т. д.

В разделе «О поэтическом языке» автор подробно исследует язык «Мухаббат-наме», художественные средства, особенности стиля, свойственные произведениям Хорезми. С. Касымов — знаток всех тонкостей классической поэтики. В этом убеждает глубокий анализ композиции, метрики и рифмы произведений Хорезми.

Диссертация тов. Касымова — серьезный научный труд. Вместе с тем в нем имеются и недостатки. Так, в политической, культурной характеристике эпохи встречаются повторы одних и тех же или аналогичных фактов, местами нарушается стройность изложения.

Автор диссертации иногда слишком увлекается формой. И это мешает ему верно оценить слабые стороны творчества Хорезми. Анализ языка поэмы носит односторонний характер.

В работе очень много опечаток. Однако эти недостатки не умаляют достоинств диссертации.

Тов. Касымов хорошо знает источники, языки, нужные для научных исследований в области классической литературы. Тов. Касымов известен и как критик. Его перу принадлежит ряд ценных статей по вопросам истории советской литературы Узбекистана.

Прошу уважаемых членов Ученого совета присудить тов. Касымову за его работу ученую степень кандидата филологических наук.

ОТЗЫВ

О ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЕ А. БАБАХАНОВА НА ТЕМУ «ДРАМАТУРГИЯ ХАМЗЫ ХАКИМ-ЗАДЕ НИЯЗИ В АСПЕКТЕ ПЬЕСЫ «БАЙ И БАТРАК», ПРЕДСТАВЛЕННОЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Произведения родоначальника узбекской советской литературы Хамзы Хаким-заде Ниязи достойны всестороннего изучения. Но, к сожалению, о жизни и деятельности, о многогранном, богатом творчестве Хамзы—поэта, драматурга, композитора, педагога и общественного деятеля до сих пор нет серьезных научных исследований. Только в связи с 60-летием со дня смерти Хамзы появился ряд популярных статей, освещающих его литературное наследство.

Диссертация тов. Бабаханова «Драматургия Хамзы Хаким-заде в аспекте пьесы «Бай и батрак» отличается от вышедших работ, посвященных творчеству Хамзы Хаким-заде, глубокой разработкой проблем, в которых исследователи до сих пор не шли дальше общих суждений и разговоров. Это поистине первое крупное исследование творчества Хамзы Хаким-заде.

Автор с позиции марксизма-ленинизма выявляет основные особенности творчества Хамзы-драматурга на примере подробного, серьезного анализа его пьесы «Бай и батрак», — одного из самых значительных его произведений. Разбор пьесы «Бай и батрак» и те выводы, к которым приходит Бабаханов, с моей точки зрения, правильны. Работа тов. Бабаханова ценна еще и тем, что в ней убедительно и ярко показана литературная среда, в которой вырос Хамза Хаким-заде. В этом плане весьма интересны суждения автора о роли и значении творчества поэтов Мукими и Фурката — демократов и просветителей.

Работа тов. Бабаханова вполне достойна для представления на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

ОТЗЫВ

О ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЕ М. АФЗАЛОВА НА ТЕМУ «НАРОДНЫЙ ВАРИАНТ ПОЭМЫ «ФАРХАД И ШИРИН», ПРЕДСТАВЛЕННОЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Тов. Афзалов, автор многих статей и отдельных работ по исследованию узбекского фольклора, написал диссертацию о народном варианте поэмы «Фархад и Ширин». Тема очень интересная, достойная всестороннего исследования. Алишер Навои в XV в. написал свою бессмертную поэму «Фархад и Ширин», используя в основном легенду о Фархаде и Ширин.

М. Афзалов собрал значительный материал, свидетельствующий о связи фольклора и письменной литературы, и подтверждает это на примере легенды «Фархад и Ширин» и одноименной поэмы Алишера Навои.

В главе «О древности фольклорного произведения «Фархад и Ширин» — одной из лучших в работе, автор сумел собрать много сведений, данных, в том числе неизвестную до сих пор легенду «Фархад и Ширин». Он говорит, что впервые о Фархаде и Ширин в исторической литературе упоминает известный историк Табари (X в.). Примечательно, что у Табари Ширин — не принцесса и не племянница царицы, а простая рабыня, преданный друг каменотеса Фархада. Именно из образа рабыни возник образ прекрасной принцессы. Далее диссертант приводит интересные сведения известного путешественника Якута Ибн-Абдуллах Хамавия, жившего в XIII в., о том, что Фархад был простым каменотесом, а не сыном императора.

Диссертант отмечает, что тема легенды о Фархаде и Ширин встречается и в поэмах X в., ее использовали азербайджанский поэт Низами и Хосров Дехлеви, поэты XII—XIII вв. Наконец, на основе этой легенды создал свою прекрасную поэму о Фархаде и Ширин великий узбекский поэт Алишер Навои.

Легенда о Фархаде и Ширин до сих пор волнует поэтов. Известный советский азербайджанский поэт Самед Вургун написал прекрасную пьесу о Фархаде и Ширин, используя поэмы Низами и Навои. Доказывая древнее происхождение легенды «Фархад и Ширин», автор привлекает материалы археологической экспедиции проф. С. П. Толстова.

Диссертант собрал различные сказки, легенды о Фархаде и Ширин, упоминаемые и приводимые историками, учеными, литераторами и сказителями. В этих легендах, сказаниях героями умными, смелыми, ищущими справедливости, наделенными чрезвычайной физической силой, зачастую выступают представители простого трудового народа.

Так, в байсунском варианте легенды, как пишет тов. Афзалов, Фархад — не сын царя, а простой пастух. Байсунские пастухи представляли в легенде Фархада именно пастухом, т. е. человеком своей среды. В беговатском варианте Фархад — это простой мираб, стремящийся осуществить мечту своего народа о воде. Он достиг цели — изменил течение реки Сырдарья, что позволило оросить безводные земли. Люди, которые рассказали эту легенду этнографу-краеведу Кушакевичу, говорили, что Фархад изменил течение реки, а плодов своего труда, к сожалению, не видел, он хотел оросить Мирзачуль. Заветная мечта стала явью в советское время. Когда-то Мирзачуль был мертвой пустыней, теперь степь орошена, здесь созданы колхозы, успешно осваиваются новые земли. Вековая мечта узбекского народа об орошении Мирзачуля осуществилась.

Тов. Афзалов, привлекая богатый, интересный материал убедительно показал, что Фархад — не сын императора, а представитель трудового народа, выразитель его вековой мечты.

В поэме Алишера Навои Фархад — принц, сын императора, а не пастух и каменотес, как в народных легендах. В этом сказалась известная ограниченность мировоззрения поэта, считавшего, что героями могут быть только царствующие особы, представители аристократии. Исследователи, изучающие поэму Навои о Фархаде и Ширин, должны обратить внимание на эти моменты и подходить к творчеству Алишера Навои критически.

Центральное место в диссертации занимает глава «Основные мотивы народной поэмы «Фархад и Ширин». В ней автор, исходя из вариантов, созданных известным талантливим народным поэтом Фазылом Юлдашем, выявляет общность народного варианта с поэмой Алишера Навои. По основным сюжетным мотивам в поэме А. Навои и Фазыла Юлдаша прослеживается параллель. Автор диссертации показывает, что Навои в своей поэме использовал все основные мотивы народной легенды о Фархаде и Ширин. Вместе с тем следовало бы глубже выявить и различия между указанными поэмами Фазыла Юлдаша и Навои.

Тогда бы стало яснее, что Навои заимствовал из легенды и как использовал мотивы народного произведения. Такая работа позволила бы глубже осветить вопрос о специфических особенностях произведений народного творчества.

Иногда диссертант отмечает и моменты противоречивые. Например, в поэме «Фархад и Ширин» Фазыла Юлдаша концовка оптимистическая, как и во многих народных сказках, а у Алишера Навои пессимистическая, хотя поэт утверждает, что добро восторжествует над злом, друг и родственник Фархада Бахрам должен отомстить врагам за смерть Фархада.

Ширин — обаятельный образ героини, наделенный лучшими человеческими качествами, образ идеальной женщины, созданный великим поэтом. В поэме Навои Ширин — прекрасная женщина, умная, любящая, образованная, скромная, она любит свою родину, ненавидит зло, темные силы; скорее готова принять смерть, чем выйти замуж за тирана Хосрова.

Изучая поэтику поэмы Фазыла Юлдаша, тов. Афзалов стремится выявить специфические особенности языка и стиля. Образы, созданные Фазылом Юлдашем, блещут яркими красками народных черт, жизнеутверждающих, оптимистических. Например, Фархад любит страстью земного человека, а не как дворцовый скорбящий «герой», пьет за здоровье Ширин, чтобы скорее осуществилась мечта Ширин о воде. Фархад Фазыла Юлдаша — это свободный от религиозных предрассудков и мистики человек. Когда он поднимает свою легендарную кирку, чтобы расколоть камень, он не говорит: «О, боже!», «О, пир», он не говорит: «Мой пророк», а неустанно

повторяет «О, Ширин». Для Фархада нет ничего выше и прекраснее Ширин. Такие моменты отсутствуют в поэме Алишера Навои.

Конечно, поэма Алишера Навои по своим художественным достоинствам бессмертна. Это творение гениального поэта, глубокого мыслителя своего времени. Но когда мы пишем о народном варианте поэмы «Фархад и Ширин», созданном народным поэтом, мы должны указать и на положительные народные черты, которые имеются в этой поэме Фазыла Юлдаша.

Несмотря на отдельные недостатки, работа тов. Афзалова производит хорошее впечатление. Диссертант много и добросовестно работал над своим трудом, собрал и обобщил много интересного и до сих пор неизвестного. В этом большая ценность работы. Диссертант много лет занимается фольклористикой, он не только исследует, но и собирает произведения, созданные народом. Большое внимание тов. Афзалов уделяет изучению фольклора советского периода. Его перу принадлежит большое количество статей по важным вопросам узбекской советской фольклористики.

Я прошу Ученый совет Института языка и литературы АН УзССР присудить М. М. Афзалову за этот труд ученую степень кандидата филологических наук.

ОТЗЫВ

О ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЕ Н. ДАВКАРАЕВА НА ТЕМУ «ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ КАРАКАЛПАКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ», ПРЕДСТАВЛЕННОЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Каракалпакский народ в своей многовековой истории создал богатую литературу, которая воплощена, в основном, в прекрасных образцах устного народного творчества. Каракалпакский фольклор поистине богат и разнообразен. Но до Великой Октябрьской социалистической революции эта замечательная сокровищница хранилась в памяти народа и его талантливых представителей — шаиров, жирау, бахши и др. Только Октябрь открыл этот ценный клад для широкого и всестороннего изучения, сделал его достоянием науки.

Одним из первых собирателей и исследователей народного творчества является Н. Давкараев, который в течение многих лет с любовью собирал и обрабатывал материал. Диссертант — не только большой знаток каракалпакского фольклора, но и прекрасно знает каракалпакскую письменную литературу. Он первым собрал и изучил разрозненные, почти забытые памятники письменной литературы каракалпакского народа. Н. Давкараев буквально воскресил и сделал достоянием своего народа творения многих замечательных представителей каракалпакской письменной литературы.

Докторская работа тов. Давкараева — первая смелая попытка показать развитие каракалпакской устной и письменной литературы с древних времен и до наших дней. Она позволяет обозреть основные вехи развития каракалпакской литературы и воочию увидеть богатство ее жанров и форм. В своей работе диссертант прослеживает процесс развития каракалпакской литературы, появление новых жанров и форм в неразрывной связи с социально-экономическими, политическими, культурными условиями жизни каракалпакского наро-

да. Н. Давкараев убедительно показывает, что фольклор и письменная литература были своеобразным отражением острой классовой борьбы между угнетенными народными массами и кучкой хищных феодалов, баев и мулл.

Диссертант знакомит нас с содержанием замечательных поэм, дастанов, касыд и подвергает глубокому анализу их художественные особенности. Автор освещает также биографии до сих пор почти неизвестных сказителей, поэтов, знакомит нас с их творчеством, выделяя особенности, присущие каждому из них. Особый интерес представляют разделы диссертации, посвященные творчеству таких замечательных поэтов, выразивших в своих творениях чаяния народа, как Бердах, Кунходжа, Ажинияз, Отеш Алтынбай улы и др. Автор уделяет существенное внимание творческому взаимовлиянию каракалпакских, узбекских и казахских сказителей и поэтов.

Последний раздел диссертации посвящен изучению каракалпакской советской литературы, созданной после Великой Октябрьской революции. Развитие каракалпакской советской литературы Н. Давкараев рассматривает в тесной связи с экономическими и культурно-политическими преобразованиями, произошедшими в Каракалпакии. Диссертант прослеживает бурное развитие каракалпакской советской литературы, возникновение в ней новых жанров (рассказы, очерки, драмы), форм и характеризует творческий рост ее талантливых представителей.

В работе проанализированы отдельные этапы развития каракалпакской советской литературы, убедительно показана важная роль великой русской литературы в обогащении каракалпакской советской литературы новыми жанрами, формами, ее благотворное влияние на творчество каракалпакских советских поэтов и писателей. Автор подчеркивает, что переводы на каракалпакский язык бессмертных творений Пушкина, Лермонтова, Толстого, Чехова, Горького, Маяковского и других, обогатили каракалпакскую литературу, что молодые ее представители учились на их произведениях.

Следует отметить, что диссертация тов. Давкараева имеет и ряд недостатков. Автор не всегда с достаточной глубиной анализирует сложные литературные явления, заменяя зачастую научный анализ простым описа-

нием. В разделе «Каракалпакская литература советского периода» диссертант не сумел раскрыть творческий рост поэтов и писателей Советской Каракалпакии с точки зрения овладения ими методом социалистического реализма. Я надеюсь, что диссертант учтет эти замечания и устранит отмеченные недостатки.

Труд Н. Давкараева явится подспорьем в дальнейшем углубленном исследовании этой малоизученной, сложной проблемы, послужит ценным материалом для составления учебников и учебных пособий по каракалпакскому фольклору и письменной литературе.

Диссертационная работа тов. Давкараева достойна присуждения ее соискателю ученой степени доктора филологических наук.

ОТЗЫВ

НА АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЫ Г. КАРИМОВА НА ТЕМУ «УЗБЕКСКИЙ ПОЭТ-ДЕМОКРАТ МУКИМИ И ЛИТЕРАТУРА ЕГО ВРЕМЕНИ», ПРЕДСТАВЛЕННОЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Свою диссертационную работу Г. К. Каримов посвящает исследованию узбекской литературы второй половины XIX в. и всестороннему изучению жизни и творчества выдающегося поэта-демократа Мукими, яркого представителя литературы этого периода.

При разработке темы автор диссертации широко пользуется не только источниками, находящимися в государственных рукописных фондах и архивах Ташкента, Москвы, Ленинграда, Душанбе, Алма-Аты, дореволюционными литографированными и типографскими изданиями, материалами периодической печати и научных экспедиций, частными собраниями рукописей, но и работами советских литературоведов, в которых нашла отражение узбекская литература периода присоединения Средней Азии к России. Благодаря этому он вводит много новых интересных сведений об исторической обстановке, культурной и литературной жизни освещаемой эпохи, расширяет наши представления о главных направлениях в узбекской литературе, о борьбе прогрессивных и реакционных течений накануне и в период присоединения Средней Азии к России, правильно раскрывает их социальные корни и идейные основы.

После присоединения Средней Азии к России произошли определенные изменения в экономической и культурной жизни края. Сочетание элементов нового с лучшими традициями классического литературного наследия, творчески переработанными и обогащенными опытом художественного освоения новой исторической действительности, привело к формированию и утверждению в узбекской литературе критического реализма, более всего соответствующего главным общественным задачам литературы.

В данной диссертационной работе Г. Каримов, верно показывая жизненные факторы, определившие развитие узбекской демократической литературы, ее тематическое и жанровое обогащение, детально рассматривает такие

вопросы, как огромное влияние на развитие узбекской литературной мысли традиций классического наследия, устного народного творчества и передовой русской культуры и литературы. Важно отметить научный подход диссертанта к освещению вопросов, связанных с творческим методом и художественными принципами отображения действительности в узбекской литературе критического направления.

В своем исследовании о Мукими, носящем монографический характер, Г. Каримов в историко-литературном плане прослеживает жизненный и творческий путь Мукими, начиная с раннего периода творчества до становления его как поэта-демократа. Центральной частью монографии являются главы, посвященные анализу творчества Мукими, отмеченного жанровым разнообразием (лирика, сатира и юмор, путевые очерки).

Примечательно, что Г. Каримов в качестве объекта исследования привлекает не только новые произведения поэтов-демократов Мукими, Фурката, Завки, но вводит в научный оборот до сего времени неизвестные имена поэтов и эпические поэмы (например, Шавки и его «Книга о битве Худояр-хана», сведения о творчестве поэта Хавои и т. д.). Диссертация снабжена приложением, в котором даны некоторые тексты неопубликованных сочинений поэтов Фурката, Завки, Надима, Гульшана, обнаруженные автором в рукописных фондах и архивах.

Диссертация Г. Каримова не лишена отдельных недочетов. Судя по автореферату, исследование традиций устно-поэтического творчества в узбекской демократической литературе второй половины XIX в. ведется путем сравнения только жанровых признаков, и не уделено внимание анализу художественных средств отображения действительности. Местами диссертант не раскрывает во всей полноте и глубине влияние русской культуры и русской классической литературы на развитие узбекской демократической литературы. Вместе с тем в целом научный труд Г. К. Каримова «Узбекский поэт-демократ Мукими и литература его времени» является ценным вкладом в изучение узбекской демократической литературы второй половины XIX в. и дает полное право автору на присуждение ему ученой степени доктора филологических наук.

ОТЗЫВ

О ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЕ С. ДАЛИМОВА НА ТЕМУ «ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО АГАХИ», ПРЕДСТАВЛЕННОЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Яркую страницу в истории восточной поэзии XIX в. вписали поэты Хорезма. Для литературоведов этот период — неисчерпанный источник исследований. Об оригинальном творчестве отдельных представителей этого периода написано уже несколько работ, но лишь теперь начинается глубокое, всестороннее изучение их наследия.

Примером такого исследования является диссертация С. Далимова, посвященная жизни и творчеству Агахи, его полной своеобразия поэзии. Диссертант собрал обширный материал, на основе которого создал интересное исследование. Со страниц диссертации перед нами встает образ Агахи (1809—1874), удивительно лиричный и выразительный.

Демократически настроенный поэт, любящий свою родину, пишет в своих стихах о бедствиях и страданиях народа и вместе с ним скорбит, тоскует, мечтает, надеется на лучшее будущее. Поэт раскрывает жестокость, подлость, несправедливость ханов, баев и высокопоставленных вельмож.

Последовательно и всесторонне исследуя жизнь и творчество поэта, С. Далимов ярко и убедительно воссоздает его образ. Автор приводит много интересных примеров из поэзии Агахи. Особенно изобилует примерами та часть работы, в которой обличаются ханы и беки.

Удачно отмечены С. Далимовым стихи Агахи о пейзаже, диссертант подчеркивает их изящество и удивительную лиричность. Существенное внимание уделяет автор анализу рифмы, характерной для поэзии Агахи.

С. Далимов приводит сведения и о переводной литературе того времени, которая способствовала укреплению

нию дружественных связей народа с соседними государствами, показывает, как Агахи работал над переводами с персидского языка на узбекский.

Диссертация свидетельствует о глубоком знании С. Далимова литературы и вносит значительный вклад в историю исследования литературы.

Присвоение С. Далимову степени кандидата филологических наук одобряю.

ОТЗЫВ

О КНИГЕ Э. РУСТАМОВА «УЗБЕКСКАЯ ПОЭЗИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА»

Книга Э. Р. Рустамова, посвященная одному из весьма важных и в то же время малоизученных периодов в истории узбекской литературы, поистине долгождана. Узбекские литературоведы в основном ограничивались изучением творчества А. Навои и некоторых других поэтов. О предшественниках же основоположника узбекской литературы А. Навои имеются лишь весьма беглые сведения в сводных трудах по истории узбекской литературы и отдельных статьях. Поэтому крайне важно изучение творчества предшественников А. Навои, исследование историко-литературного процесса XV в., важно знать на какой почве, в каких условиях расцвел талант Навои.

В свете этого я, как один из навоиведов, в течение длительного времени изучавший историю узбекской поэзии XV в., с особым интересом ознакомился с монографией Э. Р. Рустамова. Она является ценным вкладом в узбекскую литературоведческую науку. Автор дает в книге обстоятельный анализ совершенно не изученных или же малоизученных литературных памятников, написанных на узбекском, персидском и азербайджанском языках. К ним относятся творения Навои, Фузули, Бадрадина Хилали, Даулетшаха Самарканди, Лутфи, Якини, Ахмади, Саккаки, Атаи, Гадаи и других.

Книга Э. Рустамова — не собрание монографических очерков об отдельных узбекских поэтах (что нередко мы наблюдаем в литературоведческих монографиях), а работа, пронизанная единой исследовательской мыслью. Автор воссоздает общую картину литературного процесса в наиболее существенных его тенденциях. Этой задаче подчинены и характеристики отдельных поэтов, по необходимости краткие, но выражающие основное направление их творчества.

В монографии Э. Р. Рустамова развитие узбекской поэзии первой половины XV в. прослеживается в наиболее важных ее проявлениях. Автор показывает то

общее, что связывало узбекскую поэзию с соответствующими явлениями в персидско-таджикской поэзии, отмечает и характерные отличия узбекской поэзии. Автор впервые в истории изучения вопроса подвергает глубокому филологическому анализу содержание и форму произведений узбекских поэтов XV в., сравнивая их с произведениями тюркоязычных и персоязычных авторов, а также с древнейшими письменными памятниками, фольклором, этнографией народов Средней Азии и Ирана («Драхти ас-сурик», «Дивани лугат-ит-турк», «Кутадгу-билик», «Сказания об Огуз-кагане, Деде-коркуте» и др.).

Книга Э. Р. Рустамова богата теоретическими обобщениями, наблюдениями о взаимосвязи литератур народов Средней Азии и Ирана, о влиянии народного устного творчества на узбекских поэтов, а также о поэтике (арузе).

Одно из главнейших достоинств работы в том, что она направлена против извращений, идеализации и модернизации литературного наследия узбекских поэтов XV в. Отмеченная страстной полемикой монография насыщена достоверными фактами из произведений самих же авторов XV в. и других источников этого времени. Как известно, В. И. Ленин учит нас в объяснении и оценке деятельности исторических личностей исходить из условий жизни той эпохи, в которой они жили и творили. Руководствуясь этим, автор при анализе исходит из литературных норм того времени и не приписывает нормы и теоретические обобщения современного литературоведения литературному наследию прошлого.

Материалом для работы служили исключительно первоисточники, написанные на различных языках стран Востока, порой найденные самим автором и неизвестные науке (например, староузбекское стихотворение Бадраддина Хилали «Шах и Дервиш»). Автор проделал огромную, кропотливую текстологическую работу, тщательно изучая каждую строку литературного наследия исследуемых им авторов.

Книга Э. Р. Рустамова привлекает внимание смелым творческим поиском, самостоятельностью мысли. Она воспринимается как глубокая разведка в нужном направлении. Талантливое, содержательное исследование заслуживает присуждения его автору ученой степени доктора филологических наук.

ОТЗЫВ

О ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЕ П. Г. БУЛГАКОВА НА ТЕМУ «АБУ РЕЙХАН БИРУНИ», ПРЕДСТАВЛЕННОЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Узбекский народ обладает многовековой богатой и самобытной культурой. Одним из важнейших периодов истории узбекской культуры являются IX—XII вв. В это время узбекская культура достигла высокого уровня развития. В трудах советских ученых получили обстоятельное освещение многие страницы истории этого культурного подъема. Однако отдельные памятники культуры, а также творчество многих выдающихся ученых еще не изучены или же изучены крайне недостаточно. Между тем творчество выдающихся мыслителей Средней Азии IX—XII вв., например, Авиценны, Бируни, Хорезми имеет мировое значение. Поэтому весьма отрадно приветствовать появление фундаментального научного труда о творчестве Абу Рейхана Бируни, представляющего большой интерес.

Данная работа содержит новый материал, который не только дополняет известные сведения о Бируни, но заставляет пересмотреть заново отдельные страницы его биографии.

Из данной диссертации мы впервые узнаем, что Бируни начал свою научную деятельность с шестнадцати лет. Этот факт проливает свет на детство Бируни, следовательно, математическую и астрономическую подготовку он получил еще в детстве и в отрочестве. В связи с этим значительно возрастает значение роли учителя Бируни в его воспитании — Абу Насра Мансура Ибн-Али Ибн-Ирака, на что и обращает внимание диссертант.

Из анализа «Геодезии» Бируни мы впервые узнаем также, что последний, будучи в Рейе, установил личные контакты и научное сотрудничество с Ал-Ходженди, замечательным создателем астрономических инструментов

в Средней Азии, знаменитый секстант которого явился прототипом главного инструмента Улугбека.

Далее мы узнаем, что в 997—998 гг. Бируни, вернувшись из Рейе, вновь живет на родине, вступает в переписку с крупным астрономом и математиком X в. Бузджани и проводит совместно с ним ряд одновременных астрономических наблюдений из двух точек земли (Багдада и Ката). Диссертант датирует время построения Бируни нового в Средней Азии земного глобуса и показывает роль этого изобретения в истории культуры Средней Азии. Все эти новые факты отражают лишь одну сторону исследования, которая интересует нас больше всего, но отнюдь не умаляют значения и других сторон — таких, как установление астрономической терминологии Бируни, истории рукописи «Геодезии» и ее изучение, исследование научных концепций и мировоззрения Бируни.

Особое значение имеет перевод «Геодезии», поскольку это первый перевод с арабского языка, выполненный на основе критического текста, подготовленного и изданного в Каире самим диссертантом.

Все вышесказанное позволяет нам с уверенностью сказать, что П. Г. Булгаков успешно справился с поставленными задачами. Его труд, несомненно, поможет глубже и полнее осмыслить не только творчество Бируни, но и его великих современников. Несомненно и то, что диссертация П. Г. Булгакова послужит надежным отправным пунктом для дальнейших исследований.

За представленную работу П. Г. Булгаков заслуживает высокой научной степени доктора филологических наук.

ҲАМКОРЛИКДА ЁЗИЛГАН
АСАРЛАР

Айбек, А. И. Дейч

ЩИТ НАРОДА

Картина первая

Мрачный сводчатый зал во дворце правителя Бухары. Богатые ковры, на стенах оружие, кривые сабли и луки, копья и мечи. В глубине — трон, поставленный для монгольского кагана Чагатая. Возвращаясь с охоты, он должен провести несколько дней в гостях у правителя Махмуда Ялавача. Ярко пылает огонь в очаге. За окнами высокое синее небо, залитое солнцем.

При поднятии занавеса за сценой протяжные звуки карнаев. Поспешно выходят казначей правителя Бухары — Кичик Курбан и его сын, Буркут. Кичик Курбан невысокого роста, очень толст и важен. У него седеющие усы, на голове пышная чалма, он в богатом халате. Сын — стройный, красивый, с черной бородой и горящими глазами. Его движения порывисты, его речь стремительна.

Буркут. Зачем ты меня привел сюда, отец? Я не успел стряхнуть с себя дорожную пыль...

Кичик Курбан. Ты должен присутствовать вместе со мной на торжестве. Довольно ты жил отшельником в самаркандском медресе. Ты уже не маленький, и тебе пора стать настоящим мужчиной.

Буркут (*скромно*). Да, отец.

Кичик Курбан. Присматривайся к людям, сын мой. Главное в жизни — отличать друзей от врагов.

Буркут. Трудно найти друга. Я нашел равного себе по росту, но где взять равного по сердцу.

Кичик Курбан. Хорошо сказано. Будь осмотрителен и никому не доверяйся. Время наше тяжелое. Пусть приходит друг, лишь бы не делал вражьего дела. Бери пример с отца: иные купцы разорились, нищими стали при монголах, а я — в чести и в шелках, и наш правитель Махмуд Ялавач меня жалует, потому что казна наша богатеет и крепнет.

Буркут. Ах, отец. Знаю я, как пополняется ваша казна...

Кичик Курбан. Что ты хочешь сказать?

Буркут. Выслушай меня, отец. Я провел годы над священными книгами. Я слушал голос мудрости и сам учился быть мудрым.

Кичик Курбан. А разве мудрость не есть терпение и осторожность? А разве мудрость не есть умение жить? И разве муллы не учили тебя, что делать?

Буркут. Делай то, что говорит мулла, но не делай того, что он делает.

Кичик Курбан. Придержи язык, сын мой. Не надо никого осуждать. Ударь себя ножом. Если не больно — ударь другого.

Буркут. Справедливо, отец, я молод и несдержан. Нет у меня близкого друга, нет еще и подруги, так кому же мне говорить правду? Только отцу.

Кичик Курбан. Бывает всякая правда. Иное правдивое слово опаснее дела. Остерегайся, мой сын, лишнего слова в Бухаре. Здесь стены, двери и потолки имеют уши. Не рассчитывай на знатность рода, на высокое положение отца. Знаешь, как говорится в народе: несчастного собака достанет и на верблюде.

Буркут. Тяжело, отец, все прятать в сердце и все держать под замком. Дай мне сказать, пока мы одни.

Кичик Курбан. Говори, но быстрее. Сейчас будет собираться народ для встречи великого кагана.

Буркут. Длинный путь проделал я, отец. Ехал городами и кишлаками и всюду видел одно: нищету, разорение, слезы.

Кичик Курбан. На то воля аллаха. Не нам судить дела его.

Буркут (*строго*). Я говорю о делах человеческих. Я видел, как ваши баскаки собирают подати. Когда я проходил через Тараб, местечко казалось мертвым. Жители заложили все двери камнями, а сами бежали через крыши домов, ломая себе ноги.

Кичик Курбан. Почему?

Буркут. Спасались от сборщиков. А они хватили жен неплательщиков, гнали их, как стадо баранов, из квартала в квартал и приводили к баскаку.

Кичик Курбан. А что же делать, сын мой, с людьми, которые идут против закона?

Буркут. Они бедны, эти люди. Они не могут платить и платить. Земля не так уж плодородна у нас, и мало воды. Они не могут платить, у них нет ничего, а их бьют, подвешивают за ноги к столбу, и они тщетно ог-

лашают воздух криками и мольбами. Сердце разрывается на части, когда думаешь об этом.

Кичик Курбан. Не будь таким добрым, сын мой. Не надо все замечать, иной раз не мешает прикрыть глаза.

Буркут. Человек со слепым сердцем хуже человека со слепым глазом. Нет, отец, я не должен больше говорить тебе об этом. Я боюсь утратить твою любовь.

Кичик Курбан. Я хочу твоего счастья, сын мой. И хоть ты как дуб, я согну тебя.

Буркут (*жестко*). Согнуть дуб, значит сломать его.

Входит Махмуд Ялавач в сопровождении двух нуеров. Увидев Кичик Курбана, радостно приветствует, прижав руки к сердцу. Затем вопросительно смотрит на Буркута.

Кичик Курбан. Достоправный Махмуд Ялавач, это сын мой, Буркут. Он прибыл сейчас из Самарканда.

Махмуд. Красив твой сын, Кичик Курбан.

Кичик Курбан. Немного горяч и несдержан...

Махмуд. Пройдет с годами. Когда я был молод, мне казалось, что завоюю весь мир, а теперь я хорошо понимаю, что надо довольствоваться тем, что имеешь. Натянутая струна издает приятный звук, перетянутая — рвется.

Буркут. Нет, я не подобен струне. Я хочу быть стрелой, которая пролетит через жизнь, разя все зло на пути.

Махмуд. Завидная молодость. Смотри, какие ростки дает дерево нашего времени, Кичик Курбан.

Кичик Курбан. Слишком горяч и несдержан.

Махмуд. Пройдет... (*к Буркуту*). Завтра пораньше зайдешь ко мне. Поговорим о том, какое дать тебе дело.

Буркут. Я не гожусь вам, несравненный правитель. Книга и калам, кусок сыра и свежая вода — все, что мне нужно. Я не могу служить порабощителям народа.

Махмуд (*смеется сочным, деланным смехом*). Хорош джигит, нечего сказать. Ну, что ж, говори всю правду. Ты и меня называешь порабощителем? Ведь я служу монголам.

Кичик Курбан. Молчи, сын мой. Не забывай, что справедливый Махмуд Ялавач...

Буркут (*перебивая*). Справедливый Махмуд Яла-

вач знает, что лучше быть пастухом у своего народа, чем правителем у чужого...

Махмуд. Великий каган Чагатай приблизил меня к себе. На то воля аллаха. Я стараюсь давать добрые советы нашему завоевателю. Великий каган, говорю я, зачем велишь своим воинам убивать жителей? Если их всех перебить, с кого же брать подати и налоги? Кто попал в воду, сухим не выйдет. Кого ты загонишь в могилу, живым не вернется. И великий Чагатай, услышав мои слова, дает милость и пощаду моему мусульманскому народу.

Кичик Курбан. Учись уму, Буркут, у нашего Махмуда Ялавача, да будут счастливы его дни!

Звуки карнаев. Входят и выстраиваются по обе стороны зала местные и монгольские чиновники. Шум голосов, оживление. Кичик Курбан отводит сына в сторону и становится в ряд вместе с другими; Махмуд, стоя посреди зала, обращается к окружающим.

Махмуд. Великий каган Чагатай оказывает нам честь своим посещением древней Бухары. Примем его по достоинству. И да будут радостны его дни на нашей земле, созданной быть раем!

Гул одобрения. Чиновники расходятся в стороны, образуя небольшие группы.

Бухарский чиновник. У меня к тебе просьба, гроза врагов, славный военачальник Илдыз-Нойон...

Илдыз-Нойон. Просьба? Опять просьба? У вас в Бухаре все улицы вымощены просьбами.

Бухарский чиновник. Моя просьба очень смиренна и очень мала. Повели своим нукерам, главный военачальник, дать мне хорошую лошадь. Мне трудно на своей кляче совершать долгие поездки по стране.

Илдыз-Нойон. Вот как! Тебе нужна хорошая лошадь? А по-моему, для тюркского баскака довольно серого ишака.

Среди бухарских чиновников гул протеста.

Бухарский чиновник. Вам нравится обижать меня, Илдыз-Нойон? За что? Мы служим вам, как умцем, и от чистого сердца.

Махмуд. Позволь сказать тебе, друг великого кагана. Слово обиды бывает острее меча. Как меч, оно может породить кровь.

Илдыз-Нойон (*в ярости*). Не грози мне, Махмуд Ялавач. Кто говорит не думая, тот умрет не хвораю.

Махмуд. Ты не понял меня, великий военачальник. Я хочу, чтобы мир был на земле, чтобы она пришла к благоденствию. Справедливость завоевателя — весна в цвету, несправедливость — жестокая стужа.

Илдыз-Нойон. Хозяева — мы. Вы должны исполнять нашу волю. Великий Чингиз, умирая, завещал нам власть над вами. Мы свято храним завет великого кагана. Смерть тому, кто пойдет против нас.

Буркут, вырвавшись из строя, направляется к выходу.

Кичик Курбан. Куда ты, Буркут?

Буркут. Душно здесь. Хочу на свежий воздух.

Илдыз-Нойон. Кто этот дерзкий?

Махмуд. Молодой джигит. Сын почтенного Кичик Курбана.

Илдыз-Нойон. Он мне не нравится.

Кичик Курбан (*заискивающе*). Великий военачальник, молодость полна ошибок.

Илдыз-Нойон. Ты — отец. Должен пояснить сыну, что с беком бороться — поясницу сломать. (*Тихо нукеру*). Тебе поручаю не сводить глаз с этого джигита. Иди и прикажи ему вернуться сюда.

Нукер уходит.

Махмуд. Сейчас сюда придут купцы. Они хотят приветствовать великого хана.

Илдыз-Нойон. Пусть придут, если их подарки достойны величия хана.

Махмуд. Бухарские купцы принесут прекрасные ткани, драгоценные камни небывалой красоты, мускус и аравийские смолы, белый, как снег, китайский фарфор...

Кичик Курбан. Я велел нукерам поднести хану большой слиток золота. Он отобран у китайских разбойников, недавно пойманных в горах.

Илдыз-Нойон. Смотрите, чтобы подарки порадовали глаз великого хана, Чагатая. Иначе опасайтесь беды. Великий хан возвращается с охоты. Он, должно быть, устал, а усталость и гнев — братья.

За сценой шум, спор и перебранка у дверей. Затем появляются глубокий старик со старухой. Все с изумлением смотрят на пришедших. Старик приближается, старуха прячется за его спину.

Махмуд. Кто ты такой, что врываешься в этот час в мой дворец?

Старик. Прости меня, прославленный на всю Бу-

хару, правитель наш, что я потревожил тебя среди блестящего собрания твоих беков. Нужда пригнала меня к тебе.

Махмуд. На все свое время, старик. Сейчас мы собрались не для дела, а для радости.

Старик. Я ищу справедливости.

Старуха. Справедливости и пощады, великий правитель.

Махмуд. Кто же обидел вас? Говорите, поскорее.

Старик. Беда пришла в наш дом. У нас есть небольшое пастбище, куда мы выгоняем своих коз и коров. А пастух нашего соседа, бека Закира, загнал господский скот на наш выгон. Быки потоптали пастбище...

Махмуд. Чего же ты хочешь, безумный старик? Не может вновь вырасти густая трава по приказу правителя...

Старуха. Просим милости для нашего сына, повелитель...

Илдыз-Нойон (*нетерпеливо*). Ты, старая, наверное, потеряла разум. Говоришь то о быках, то о сыне...

Старик (*бросаясь к ногам Илдыз-Нойона*). Сын мой Аман прогнал стадо бека с нашего пастбища. Бек разгневался и велел бросить солнце наше, Амана, в тюрьму. Разве это справедливо?

Старуха. Разве правильно поступил бек Закир?

Илдыз-Нойон. Молчите, собаки.

Махмуд. Дозвольте, бек Илдыз, разобраться в их деле...

Илдыз-Нойон. Смотри, Махмуд Ялавач, слишком много у тебя доброты. Я сам решу это дело. (*Старик*) Ты вздумал роптать?

Старик. Я пришел за счастьем, за сыном пришел.

Илдыз-Нойон (*в ярости*). Слыхали?!!

Ногой отбрасывает старика. Нукеры оттаскивают стариков. Старик лежит на полу, старуха в слезах склоняется над ним.

Быстрым шагом входит гонец. Он низко кланяется Махмуду Ялавачу, затем выпрямляется и сообщает.

Гонец. Великий Чагатай, повелитель всех монголов явился в твой дворец, достославный правитель Бухары.

В зале оживление. Появляется хор девушек и юношей, встречающих хана. В зал входят купцы-богачи в дорогих шелковых халатах, с подарками и букетами. Входит Чагатай. Он в охотничьем костюме, за ним сокольничий с беркутом на плече. Окруженная женщинами, вы-

ступают нарядная жена Чагатая. За ними свита: седые бахадеры, сыновья-царевичи, жены. Все это образует пеструю и шумную толпу, наполняющую зал под музыку и пение.

Махмуд. Великий хан, Бухара осчастливлена твоим прибытием. Народ желает тебе благоденствия и долгого счастья. Разреши нашим купцам изъяснить тебе покорность и приветствовать тебя скромными дарами.

Чагатай (*мрачен и сдержан, говорит коротко и отрывисто, направляется к трону*). Пусть сложат дары к моим ногам.

Чагатай сидит на троне. Рядом с ним жена. Купцы с глубокими поклонами складывают тюки с подарками у его ног.

Чагатай. А где ты, мой слуга Илдыз-Нойон?

Илдыз-Нойон (*подходя к трону, склоняясь низко*). Я здесь, мой повелитель.

Чагатай. Рассказывай, что знаешь. Как живется моим людям в Бухаре?

Махмуд (*выступая вперед*). Великий хан, под твоим мудрым правлением благоденствует наша страна.

Чагатай. Я не спрашиваю тебя, Махмуд Ялавач. Я говорю о монголах, а не о мусульманах. Пусть ваш бог, если он есть, думает о вас.

Махмуд Ялавач отходит в сторону.

Чагатай. Говори, Илдыз-Нойон, что знаешь. Можно ли назвать краем радости эту страну?

Илдыз-Нойон. Наши сабли и стрелы охраняют тебя, великий хан, от врагов.

Чагатай. А много ли этих врагов здесь у меня?

Илдыз-Нойон. Тебе, царь народов, не страшны никакие враги. Сильны твои войска, и никто не может одолеть их.

Чагатай. Так. А много ли у меня здесь друзей?

Илдыз-Нойон. Друзей и тысячи мало, а врагов и одного много.

Чагатай. Если есть один враг — отруби ему голову. Если их много, то и деревьев много для виселиц.

Махмуд. Справедливый хан, Бухара ждет от тебя любви и милости. (*Чагатай молчит.*). Не будь строг к нам, лежащим во прахе.

Чагатай. Оставь слова, Махмуд Ялавач. Я никому не верю. Все лгут: лжет богатый и бедный, бек, водовоз, а больше всего лгут толкователи снов.

Жена хана. Нашего владыку мучили сегодня дурные сны. Он метался и громко стонал в шатре.

Чагатай. Да, я видел дурные сны этой ночью. Говорят, в Бухаре есть большие ученые, знаменитые толкователи снов. Прикажи прийти им.

Махмуд. Истину говоришь, великий хан. Бухара славится своими учеными мудрецами.

Чагатай (*смотрит в угол зала*). А это что за старик лежит там? Он умер? Его убили? Здесь убивают даже во дворце?

Илдыз-Нойон. Старик получил по заслугам. Он требовал наказания для бека, который пустил скот на его пастбище.

Жена хана. Я вижу кровь на лице старика. А эта старуха, что плачет, его жена?

Махмуд. Да, сокровище великого хана.

Жена хана (*Чагатаю*). Дозвольте, солнце глаз моих, этим людям рассказать об их горе...

Чагатай. Всех не переслушаешь, всего горя не излечишь, всей радости не нарадуешься. У каждого свое. Один скачет от сытости, другой от голода.

Илдыз-Нойон. Уберите их за дверь.

Нукеры уводят стариков.

Чагатай. О чем это я говорил? Да, о дурных снах. Где же толкователь снов? Почему он не приходит? Позвали его сюда?

Махмуд. Я велел позвать великого бухарского ученого Шамсадина Махбуби.

Чагатай. Кто он? Шаман? Что он умеет делать? Вызывать тени мертвецов? Лечить целебными травами? Заговаривать кровь? Накликать смерть на людей?

Махмуд. Говорят, что близ Бухары есть такой человек. Зовут его Тараби. К нему приходят люди со своими болезнями и горестями. Он лечит бесноватых, и слепые прозревают от его заклинаний.

Илдыз-Нойон. Не надо нам этого Тараби. Такие люди опасны, они могут накликать великое зло на нашего хана.

Махмуд. Шамсадин Махбуби не знает заклинаний. Он не лечит больных. Но его ум заставляет прозреть незрячих.

Чагатай. Пусть введут этого Махбуби. Послушаем, что он скажет.

Махмуд. Он — ученый человек, известный и про-

славленный за свои качества и происхождение. (*К нукерам*). Введите достославного Шамсадина Махбуби.

Два нукера выходят из зала.

Жена хана. К чему нам этот ученый, если он не сможет разгадать снов?

Чагатай. Посмотрим, какое солнце ума светит в Бухаре?

Нукеры вводят Махбуби. Это пожилой человек лет пятидесяти, величественного вида, на голове большая чалма. За Махбуби входит Буркут. Махбуби останавливается у дверей, холодно и бесстрастно оглядывая собрание. Взволнованный Буркут бросается к отцу.

Буркут. Я так счастлив, отец, что увидел великого Махбуби. Это свет премудрости, это тепло жизни. (*Становится подле отца*).

Илдыз-Нойон. Почему ты стоишь на пороге, Шамсадин Махбуби? Тебя ослепил блеск великого Чагатай-хана?

Махбуби (*просто*). Меня ослепляет только блеск разума.

Илдыз-Нойон (*запальчиво*). А разве повелитель наш — не вместилище разума?

Махбуби. Наша мудрость велит нам судить обо всем осмотрительно.

Махмуд. Подойди поближе, Шамсадин Махбуби. Великий хан хочет поговорить с тобой о делах первостепенно важных.

Махбуби. Я всегда рад быть там, где нужен голос правды и справедливости.

Чагатай. Скажи, мусульманский ученый, что у тебя за ремесло?

Махбуби. Я защищаю добро и воюю со злом.

Чагатай. Так. А умеешь ли ты разгадывать сны, понимать знамение звезд, разгадывать величие властителей?

Махбуби. Я могу все, что открыто разуму моему.

Чагатай. Слушай. Я расскажу тебе сон мой. Шел я по густому лесу и увидел дикого кабана. Он готов был броситься на меня. Глаза его горели, он поднял на меня свои клыки. А я вонзил в него копье, и он упал бездыханный на землю. Я распорол ему брюхо охотничьим ножом, а оттуда вылетело много, много окровавленных голубей...

Ж е н а х а н а. Страшен твой сон, великий Чагатай.

М а х б у б и. А дальше?

Ч а г а т а й. Эти голуби летели все выше и выше, истекая кровью. И вдруг они превратились в злых коршунов и стали клевать тело вепря и растерзали его на части.

М а х б у б и. А дальше?

Ч а г а т а й. Это все. Я проснулся и никак не мог забыть этого сна. Что может значить этот сон? Говори, разгадыватель.

М а х б у б и молчит.

Б у р к у т. Шамсаддин Махбуби понимает, что значит этот сон. Мой самаркандский учитель Хаким Абулкейс часто говорил о силе ума Махбуби.

И л д ы з-Н о й о н (*Махбуби*). Говори, когда тебе приказывают.

М а х б у б и. Я могу говорить только когда хочу.

Ч а г а т а й. Ты слишком самонадеян, ученый. Я прикажу заковать тебя.

М а х б у б и. Ты можешь заковать только мое тело.

И л д ы з-Н о й о н. Я думаю, этого довольно, чтобы обуздать тебя.

М а х б у б и. Меня, но не мою мысль.

Ч а г а т а й. Разгадай мой сон, ученый, и я велю осыпать тебя золотом.

М а х б у б и. Мне не нужно золота. Великие мудрецы древности жили в нищете и были богаче всех правителей.

Ч а г а т а й. Какие глупые мудрецы! А по-моему, нет ничего лучше роскоши, богатства, завоеванных земель, висящих на деревьях врагов, певцов, поющих славу великому хану... В этом вся жизнь.

М а х б у б и. Есть и другая жизнь: думать о счастье своего народа, заботиться о достатках его...

Ч а г а т а й (*прерывая*). Довольно! Я не хочу этого слушать. Мне нечего спорить с тобой... Говори прямо, можешь ли ты разгадать мой сон или нет?

М а х б у б и (*выпрямляется*). Я могу разгадать твой сон, хан Чагатай.

Ч а г а т а й. Говори.

М а х б у б и. Прозрачнее стекла твой сон, светлее воды в горном ручье. Бойся, хан Чагатай, превратить

голубей в коршунов, бойся, хан Чагатай, стрелы насилия. Вот что значит твой сон.

Чагатай мрачно молчит. Зловещая тишина стоит в зале.

Чагатай (*медленно и раздельно*). Это все, что ты можешь сказать мне, бухарский мудрец? Видно, ваш мусульманский бог обделил тебя разумом.

Махбуби. Ты не можешь обидеть меня, хан Чагатай. Я смотрю в колодезь жизни и вижу там отражение истины.

Чагатай. Ты видишь не то, что нужно, мусульманин. В сборнике наших законов Ясе сказано: нет правды иной, кроме правды монгольской. Монголы — одни владыки мира. И нет выше народа монгольского.

Махбуби. А у нас есть свой закон. До того, как вы пришли к нам, мы жили по-своему и знали свою правду и свою справедливость.

Илдыз-Нойон. Не забывайся, Махбуби. Ясе превыше всего... Эй, нукеры, бросьте его в зиндан, чтобы он одумался.

Буркут (*вырываясь вперед*). Что вы делаете? Вы хотите спрятать в темную яму человеческую совесть?

Кичик Курбан. Осторожнее, сын мой.

Чагатай. Взять этого тоже.

Махбуби (*выходя из зала под стражей*). Знай, Чагатай-хан, что поднявший меч насилия, погибнет от меча.

Махбуби и Буркута уводят.
Пауза.

Чагатай. Позовите моего главного шамана. Пусть он растолкует мой сон. Этот ученый ни на что не годен.

Махмуд. Великий хан, у него есть красавица дочь Дильдар. Жаль девушку, она свежее розы, поет и сочиняет газели...

Чагатай. Ты говоришь, прекрасная девушка? Илдыз-Нойон, приведи сюда эту девушку.

Жена хана. Зачем тебе она, великий господин? У тебя много жен без нее...

Чагатай. Илдыз-Нойон, приведи мне эту девушку. Голова у меня тяжелая. Я устал от охоты. Отпустите всех по домам.

Махмуд. Великий правитель, твое лицо затуманилось...

Чагатай. Неприветливо приняла меня твоя Бухара, Махмуд Ялавач.

Махмуд. Ты ошибаешься, великий хан. Все истощает радость по случаю приезда твоего. Эй, подайте чашу вина великому хану.

Красивый мальчик подносит золотую чашу Чагатаю. Чагатай берет чашу, отпивает из нее и неожиданно роняет ее. Вино красной струей течет по полу зала.

Илдыз-Нойон. Дурное предзнаменование, великий хан...

Мрачно и недвижимо сидит Чагатай на троне. Застыли все вокруг. Затем резким диссонансом звучит издали монгольская хоровая песня.

Занавес

Картина вторая

. . . . .

Картина третья

Узкая ковровая комната в доме Илдыз-Нойона. За решетчатыми окнами— вечерний пейзаж. При поднятии занавеса за сценой слышны громкие голоса, шум, звон посуды; где-то невдалеке пирует Илдыз-Нойон. Сидя на тугих подушках, старуха Айша ткёт ковер. Она одна и чувствует себя свободно. Подбирая нитки, как бы разговаривает с собой.

Айша. Вот эта, красная, иди, иди сюда, ты нужна для тюльпана. Красная — цвет тюльпанов и крови. Немало я видела и того, и другого на своем веку. А вот зеленая — ты тоже нужна для моего ковра. Твой цвет — цвет травы, цвет пастбищ и полей, цвет молодых побегов. Когда я была молода, я любила выходить в поле и петь песни. Каких только песен не знала Айша. Пела веселую — и мне казалось, что птицы, слушая их, быстрее кружатся надо мной. Пела грустную — и чудилось, вот-вот голубые небеса затянутся тучей, что прольется дождем. А вот серая — цвет земли, могилы. Все мои близкие уже узнали этот цвет. Только я живу еще обгорелым пнем в сожженном пожаром лесу. Моего старика убили монголы, погиб сын мой в бою с ними, а я

взята из милости в этот страшный дом, где знают только красное — кровь и вино, кровь и вино. (Пауза.) Дильдар, Дильдар, где ты?

Дильдар (за сценой). Я здесь, бабушка Айша, прилегла отдохнуть немного.

Айша. Ну спи, спи, красавица. Может быть, во сне ты увидишь что-нибудь лучшее, чем наяву. Может быть, во сне вернется к тебе пропавшее счастье.

Дильдар (входя легкими шагами). Вот, бабушка Айша, я пришла к тебе. Мне страшно там одной.

Айша. Чего страшиться? Все уже позади. Наверное страшно было, когда тебя похищал Илдыз-Нойон?

Дильдар (закрывая лицо руками). Не говори, не вспоминай об этом, милая Айша. Сколько суждено мне жить, не забуду этого.

Айша. Ах ты, бедная птичка, попала в клетку злого Нойона. Боюсь, не улететь тебе отсюда.

Дильдар (твердо). Улечу, бабушка Айша, непременно улечу. Ты мне поможешь?

Айша. Что я, бедная старуха, могу сделать для тебя? Твое счастье — в твоих руках. Будь ласковее с твоим господином, женская нежность превращает в воск даже каменное сердце.

Дильдар. Не могу быть нежной с ним. Ведь он бросил моего отца в темницу. А ты знаешь, кто мой отец?

Айша. Кто он, Дильдар, скажи мне.

Дильдар. Он ученый человек. Перед ним раскрыты не только умнейшие книги мира, но и все тайны природы. Мне кажется, лучше и справедливее его нет человека.

Айша. Вот он какой. А как зовут его?

Дильдар. Махбуби — его имя. Вся Бухара знает его.

. . . . .
. . . . .

Айбек, А. И. Дейч

АЛИШЕР НАВОИ

Литературно-критический очерк

Слава Герата

Восходила и меркла слава древних царей, стран и городов. Уже столетиями лежала во прахе полулегендарная Троя, прорастали дикой травой кирпичные руины Вавилона, склонилась к закату военная доблесть Афин и Спарты, отгремели на широких просторах трех материков боевые трубы Александра Македонского.

И вот забрезжила над Западной Европой, утонувшей во тьме средневековья и в чаду католического ладана, заря Возрождения, золотая пора детства гуманистических иллюзий и раскрепощения человеческой личности от гнета церкви и феодализма. В это время на Востоке росло могущество нового завоевателя — Тимура, Железного Хромца. Он совершил многочисленные походы со своей необозримой ратью, покорив земли от гор Индии до Средиземного моря.

Тимур известен в истории как жестокий и самовластный завоеватель, как разрушитель городов и царств, на руинах которых он создал огромную феодальную державу.

Стремясь возвеличить себя и свое государство, Тимур отстраивал и украшал города. Шахрисябз (Зеленый город), он хотел сделать столицей своей державы. Но Шахрисябз по географическому положению мало подходил для этого.

Тимур превратил Самарканд в стольный город, так что центром государства стала обширная область, лежащая между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей и называвшаяся Мавераннахром (Междуречьем). Утопавший в зелени садов и виноградников, Самарканд украшался величественными строениями, уцелевшими до наших дней. Из завоеванных стран он насильно привозил в

свою столицу архитекторов, художников, поэтов, ученых, строителей, ткачей, ювелиров и других искусных мастеров. Сюда тянулись караваны из Индии и Китая, и даже из далеких европейских стран.

Кастильский король Энрике III направил в Самарканд посла Рюи Гонзалеса де Клавихо, который оставил подробное описание Самарканда в дни его расцвета. Он записывал: «Тимур всячески хотел возвеличить этот город. Какие бы страны он ни завоевывал и ни покорял, отовсюду привозил он людей, чтобы они населяли город и окрестную землю. Особенно старался он собирать мастеров по разным ремеслам... таких, которые ткут разные шелковые ткани; таких, что делают луки для стрельбы и разное вооружение; таких, что обрабатывают стекло и глину, которые у них самые лучшие на свете.

Привез он каменщиков и золотых дел мастеров, инженеров и бомбардиров. Сколько всякого народа со всех земель собрал он, что народ не мог поместиться ни в городе, ни на площадях, ни на улицах, ни в селениях, и даже вне города, под деревьями и в пещерах, его было удивительно много»¹.

Желая придать Самарканду блеск и славу богатого города, Тимур ввозил сюда товары из разных стран: из России: кожу и полотна, из Китая — шелковые ткани, особенно атлас, мускус, рубины и бриллианты, жемчуг и много разных пряностей. Из Индии: мускатные орехи, гвоздику, корицу, инбирь.

В суровую зиму 1405 года Тимур, собрав многочисленную рать, задумал новый военный поход — на Китай. Однако планы завоевателя были пресечены его неожиданной смертью. В начале года, дойдя до Отрара (на Сыр-Дарье), Тимур простудился и умер. Огромное государство, созданное им, распалось на множество феодальных владений. Потомки Тимура, Тимуриды — два его сына, оставшиеся в живых, и восемнадцать внуков — вели между собой длительные и кровавые междоусобные войны, оспаривая друг у друга право на отдельные области Средней Азии и Ирана.

---

¹ Клавихо Рюи Гонзалес. Жизнь и деяния великого Тамерлана, с описанием земель под его владением и господством. СПб., 1889.

Младший сын Тимура, Шахрух (правил с 1404 по 1447 г.), добился значительных военных и политических успехов. Он не удовлетворился землями Хорасана, завещанными ему отцом, и расширил свои владения, захватив в 1409 году Самарканд и отцовский престол.

**АЙБЕН и
АЛ. ДЕЙЧ**

Алишер Навои

Критико-
биографи-
ческий
очерк

ИЗДАТЕЛЬСТВО КИРГОМЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. Г.АБУЛГАЗИИ
ТАШКЕНТ - 1967

«Алишер Навоий» адабий-танқидий очеркнинг
титул варағи

Однако Шахруху не удалось восстановить державу Тимура во всем ее объеме и блеске. Он не обладал воинственным пылом Тимура, думал гораздо больше о закреплении своего положения в неустойчивом мире феодальных смут и междоусобиц, чем о завоеваниях чужих земель.

Свыше сорока лет царствовал Шахрух, и это была пора относительного спокойствия. Правитель привлекал к своему двору ученых и поэтов и с увлечением занимался строительством.

Сын Шахруха, Улугбек (правил с 1409 по 1449 г.), получивший от отца в ленное владение Самарканд, продолжал созидательную деятельность отца и сам был выдающимся ученым-астрономом, оставившим труды, дошедшие до наших дней. До сих пор в Самарканде сохранились остатки обсерватории, воздвигнутой Улугбеком.

Этот тимурид трагически окончил свои дни: его сын Абдаллатиф-мирза, подстрекаемый религиозными фанатиками-староверами, поднял восстание против Улугбека, захватил власть в Самарканде и велел отрубить отцу голову. Так погиб великий астроном, известный в мировой науке составитель звездных таблиц, Улугбек. Надгробная плита на могиле Улугбека в Самарканде оповещает о дне убийства ученого — 27 октября 1449 г.; там же начертано проклятие отцеубийце Абдаллатифу.

Вскоре Самарканд теряет свое значение как центр науки и искусства. Во второй половине XV века пальма первенства перешла к Герату², одному из старейших городов Хорасана. Упоминание о нем встречается еще в священных книгах и клинописях древних персов.

В XIII веке Герат сильно пострадал от нашествия монголов: сын Чингизхана, Тули, разрушил город и истребил почти все население.

Герат довольно быстро отстроился, но в 1383 году вновь подвергся опустошительному нападению Тимура. Большая часть города была разрушена, и лишь преэминик Тимура, Шахрух, предпринял крупные восстановительные работы.

Древние историки и летописцы восторженно рассказывали о Герате, столице большой тимуридской державы, воспевали великоление этого города: огромный круглый купол соборной мечети, величественные стены

---

² Герат, ныне занимающий весьма скромное место в географии мира, как административный центр Гератской провинции в Афганистане, был в описываемое время (вторая половина XV века) средоточием культурной и хозяйственной жизни огромной среднеазиатской державы Султан-Хусейна Байкары.

Этот правнук знаменитого завоевателя Тимура длительно правил землями Джурджана и Мазендерана — горными районами южного побережья Каспийского моря, а также Хорасаном, Сеистаном, Балхом и Хорезмом. После упорной борьбы с соперниками Хусейн Байкара в 1469 году утвердился на престоле и сделал Герат своей столицей.

и порталы медресе³, тонкие минареты, стремящиеся ввысь, как изящные алифы⁴ мастера-каллиграфа, фасады прекрасных дворцов, изукрашенные цветной глазурью изразцов.

Старинная крепость Ихтиаруддин господствовала над городом. Ее крепкие стены с бойницами часто сравнивали с могучим Кавказским хребтом. По широкому барьеру стен мог свободно проехать джигит на коне, арбакеш провел бы арбу.

Пять массивных ворот были врезаны в эти стены. От ворот тянулись большие дороги, переходившие затем в городские улицы, вдоль которых стояли одноэтажные и двухэтажные дома с плоскими крышами; легкие постройки, облицованные разноцветными изразцами, красовались среди пышных садов.

Эти дороги и улицы, вливающиеся в окружности городских площадей, кишели народом. Здесь можно было встретить гератских и чужеземных купцов, торговавших разнообразными товарами, были здесь и дехкане (крестьяне), пешие или верхом, на тощих лошадях и ишаках. В толпе попадались ремесленники: ткачи, гончары, красильщики, сапожники, старухи-прядильщицы. На породистых туркменских конях гордо восседали беки⁵ в халатах с золотыми воротниками, с саблями, украшенными драгоценными камнями; в их дорогих ножнах таился дамасский или исфаганский клинок. За беками следовали молчаливые, закаленные в битвах джигиты. Пройдя бесконечные пустыни и степи, двигались пропыленные караваны. Они могли найти наконец приют в городских караван-сараях. Звенели колокольчики, подвешенные к шеям верблюдов.

Дервиши⁶ в грубой домотканой одежде шли тихо, размеренным шагом, не принимая участия в уличной суете, словно погруженные в созерцание тайны вселенной. Каландары в остроконечных шапках, с чашками из

---

³ *Медресе* — высшая духовная школа на мусульманском Востоке.

⁴ *Алиф* — первая буква арабского алфавита в виде тонкой вертикальной черты.

⁵ *Бек* — феодал, владетельный князь.

⁶ *Дервиш* — нищенствующий монах на мусульманском Востоке. Дервиши объединялись в особые «ордена» (например, каландаров).

орехового дерева в руках, громко распевали газели⁷ и просили подаяния. Из питейных домов гурьбой выходили молодые люди в щеголеватых одеждах и оглашали улицы веселым шумом.

У резных ворот медресе толпились «ищущие науки» учащиеся в длинных полосатых халатах и больших чалмах. Тут шли долгие споры по всем правилам риторики и логики о тонкостях шариата⁸. Толковали и об этических основах учения Платона, и о лечебных приемах непревзойденного врача и философа Абу-Али ал Хусейна⁹.

Часто в разговоры вливались стихотворные строки Саади¹⁰, Омар Хайяма¹¹, Хафиза¹².

Чор-су, скрещение дорог в сердце города, оглашался многоголосым гомоном. По четырем путям, ведущим к базару, непрерывно двигались людские толпы.

В полутемных крытых рядах базара можно было встретить представителей многих народов и стран. Город лежал на средоточии торговых путей из Индии, Китая, Аравии и Малой Азии.

Поджав под себя ноги, здесь сидели купцы, окруженные стенами разноцветных шелков. Они старались завлечь покупателей бойкими выкриками и лукаво-вежливыми улыбками. Продавцы предлагали кашмирские шали, китайские тонкие ткани и египетские хлопчатобумажные материи. Оружейники хвалили багдадскую и сирийскую сталь мечей и кинжалов, драгоценную резьбу ножен.

В маленьких лавках лежали книги. Бумага источала нежный аромат амбры, и пыль многих лет делала эти книги еще привлекательнее в глазах знатоков. Здесь

---

⁷ Газель — вид восточного стихотворения лирического содержания.

⁸ Шариат — совокупность закона и предписаний мусульманской религии (ислама).

⁹ Абу-Али ал Хусейн — великий ученый X—XI веков, бухарец, известный в Европе под именем Авиценны.

¹⁰ Саади (м. 1203 и 1210—1292) — великий персидский и таджикский лирик, автор популярнейшей на Востоке нравоучительной книги «Гулистан» («Сад роз»). Его перу принадлежит также поэма «Бустан» («Плодовый сад»).

¹¹ Омар Хайям — знаменитый персидский ученый и поэт XII века, прославленный своими четверостишиями (рубайи).

¹² Хафиз, Мохаммед Шемсуддин (1325—1389), великий персидский поэт-лирик.

можно было найти все — от «Шах-наме» Фирдоуси¹³ до избранных газелей Джами¹⁴, от «Кутадгу билик»¹⁵ до дивана¹⁶ Лутфи¹⁷, от объемистых исторических трудов до ничтожных книжек о гаданиях и толковании снов.

Среди сокровищ книжной лавки попадались работы великих каллиграфов, которые годами переписывали одну книгу, с упорством и любовью водили тонким острием тростника по разноцветной бумаге, накладывая на нее красочный узор из букв. Каждая такая книга требовала много золота, серебра, а еще больше — труда и таланта каллиграфа и художника.

Тут же находились и лавки переплетчиков, чье мастерство в Герате стояло на уровне большого искусства. Мастера создавали драгоценные кожаные переплеты, украшая их золоченым орнаментом. Поэты, ученые, каллиграфы, учащиеся бродили вдоль этих лавок. Они были первыми вестниками новых диванов, газелей и касид¹⁸.

Многим из посетителей книжных лавок было не по карману приобрести дорогую книгу любимого поэта. Они скромно заказывали каллиграфу переписать для них одну или несколько газелей с тем расчетом, чтобы постепенно собрать целый диван.

¹³ *Фирдоуси* (932—1020) величайший эпический поэт Ирана. Его главный труд — поэма «Шах-наме» («Книга царей»), содержащая свод персидских народных сказаний о богатырях и героях.

¹⁴ *Джами Абдаррахман* (1414—1492) — крупный среднеазиатский поэт, современник и друг Навои. Джами, родившийся в городке Джаме, откуда и происходит его имя, получил образование в Самарканде. Его мировоззрение сложилось под влиянием религиозно-философского учения — суфизма. Он учился у известного шейха Ходжа Ахрара, главы суфийской школы накшбанди.

Джами был на 27 лет старше Навои. Не зря Алишер называл его своим учителем и посвятил Джами свой труд «Пятерница смятенных». Это сочинение распадается на пять частей, и в каждой рассказывается о глубине и изумительной значительности отношений Навои с его учителем, благодаря которому великий поэт усвоил учение накшбанди.

¹⁵ «*Кутадгу билик*» — «Мудрость, делающая счастливым» — название поэмы Юсуф Хас-Хаджиба из Баласагуна, написанной в 1069—1070 гг. на уйгурском языке.

¹⁶ *Диван* — Сборник лирических стихотворений, принадлежащих одному поэту. Означает также — султанская канцелярия, государственный совет, совещание высших сановников при султани.

¹⁷ *Лутфи* (1366/67—1465/66) — крупный гератский поэт, лирик, писавший на персидском и староузбекском (тюркском) языках, был придворным поэтом Шахруха.

¹⁸ *Касида* — вид оды со сложной композицией.

Подлинным культурным сокровищем города была библиотека (китабханэ), основанная Шахрухом. Этот тимурид покровительствовал наукам и искусствам, устанавливал политические и торговые сношения со многими далекими странами. Особенно привлекал внимание Шахруха Китай, куда он отправил в 1420 году большую группу своих представителей для ознакомления с жизнью Китая. Художник Гиясаддин, входивший в это посольство, дал красочное описание культурной и бытовой жизни китайской столицы и особо остановился на живописи и музыке¹⁹.

Надо отметить, что достижения высокой и своеобразной культуры во времена Тимуридов были достоянием немногих избранных. Народные массы, в большинстве неграмотные, стояли далеко от книжной мудрости ученых и мыслителей. Крестьянство и городская беднота испытывали непосильное бремя налогов, податей и повинностей, которые шли на покрытие расходов по содержанию султанского двора и вельмож; отсюда же черпались средства для строительства. Кроме того, крестьяне выполняли различные повинности, например, должны были работать по проведению оросительных каналов. Богатые землевладельцы чаще всего освобождались от налогов и податей и наживались на рабском труде крестьян-землепашцев, которых обирали сборщики законно и незаконно.

Восторженные описания Герата, оставленные нам поэтами и историками XV века, чаще всего умалчивают о тех резких противоположностях между роскошью султанской знати и крайней нуждой бедняков, которые существовали в действительности.

Гератская аристократия предпочитала жить в стороне от людных и пыльных торговых кварталов города, базаров и площадей. Вельможи строили для себя великолепные загородные дворцы, окруженные тенистыми садами. На берегах канала Инджиль стояли виллы гератской знати. Султанский сад Баг-и заган (Сад воронов) с дворцом Шахруха находился к северу от города. Неподалеку расположились и другие сады, принадлежавшие султанским вельможам.

Достопримечательностью Герата была широкая при-

¹⁹ Якубовский А. Ю. Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои. — Сб. Алишер Навои. М., Изд-во АН СССР, 1964, с. 21.

городная аллея Хиябан. По обеим сторонам ее тянулись мазары (гробницы) с пышными надгробиями. Здесь в праздничные дни устраивались народные увеселения. Гератские мастера бойко торговали своими изделиями в наскоро построенных лавках.

Стоило иностранцу-путешественнику — купцу или воину — только вступить в одни из пяти ворот Герата, как сразу перед ним раскрывалось множество любопытных дел и людей. Каждый невольно пленялся этим городом, столицей Хорасана, где климат — мягок, плоды — сочны и обильны, арыки — полны журчащей свежей водой, почва — плодородна.

Слава Герата разносилась по дальним странам. Его воспевали в мемуарах и одах. Знаменитый поэт и полководец Захириддин Бабур²⁰, выдавший немало городов и народов, трезво смотрящий на жизнь, — и он не устоял перед красотой и величием Герата. Он сказал:

«Герату нет равного города во всем мире».

Жизненный путь

Тот, кому было суждено сделаться основоположником узбекской поэзии под именем Навои, — Алишер родился в Герате 9 февраля 1441 года (17 рамазана 844 года по мусульманскому календарю).

Алишер Навои происходил из тюркской феодальной знати. Его отец Гиясаддин Кичкине в царствование Шахруха, вероятно, был близок ко двору падишаха и владел большими землями.

Младший современник Навои, историк Гиясаддин Хондемир, написавший «Книгу благородных качеств», представляющую собой восторженное жизнеописание поэта, утверждает, что Алишер посещал школу уже в четырехлетнем возрасте.

Алишер с детства проявлял огромные способности и неумную любознательность. Вместе с другими детьми высоких особ он учился писать тростниковым пером на маленьких дощечках; обмакивая острие тростника в ки-

²⁰ *Бабур* — властитель Ферганы, поэт и полководец, изгнанный из отечества феодалами-соперниками, отправился в Индию, совершил там большие завоевания и стал основателем империи великих моголов. Перу Бабура принадлежит интереснейшая автобиография «Бабур-наме». В ней он красочно описывает современную ему жизнь Герата, Самарканда и других среднеазиатских городов.

тайскую тушь, он осторожно выводил замысловатые арабские буквы. Учителя давали своим воспитанникам персидские книги и знакомили их с лучшими созданиями персидской литературы.

Изъясняться на персидском языке²¹ считалось в ту пору признаком высокого происхождения и благородства.

Школьным товарищем Алишера был Хусейн Байкара, будущий правитель Герата. Он был только года на два старше Алишера, и между детьми завязалась тесная дружба.

Султан Хусейн, внук мирзы²² Байкары, погибшего еще в царствование Шахруха, семилетним мальчиком лишился отца. Отец его Гиясаддин Мансур жил в Герате, удалившись от государственных дел. Своего сына Хусейна Байкару он хотел видеть знатным и образованным. Хусейн хорошо учился в школе; он быстро сблизился с Алишером, мальчиком трудолюбивым и общительным.

Однако внешние события скоро разлучили школьных товарищей.

В 1447 году умер преемник Тимура, Шахрух. Еще в последние годы его царствования сыновья и внуки вели междоусобные войны; и Шахруху приходилось выступать в походы против них. А после смерти Шахруха борьба его преемников усилилась.

Началась великая смута.

Отец Алишера, по-видимому, был вынужден оставить родной край и с большой группой знатных земляков переселиться в Ирак.

Путь огромного каравана лежал на юго-запад, через пустыни и степи.

В Тафте произошла знаменательная встреча маленького Алишера с крупным ученым и историком Мавлана Шарафудином Али Язди.

На всю жизнь в памяти Алишера сохранился образ

---

²¹ Тюркское население Герата в том числе и семья Навои, говорили на родном языке — тюркском (тюрки), являющемся предком современного узбекского языка или староузбекским языком. В дальнейшем изложении этот язык нередко будет называться, конечно, условно — узбекским языком. Персидский язык был в ту пору языком литературным, хорошо знакомым образованным кругам. На этом языке писали поэты и ученые.

²² *Мирза* — почетное обозначение чина вельможи.

величавого и спокойного старца, которому путники выразили глубокое почтение как автору истории Тимура, прославленной «Зафер-наме» — «Книги побед».

Шарафуддин был в свое время советником Султан Мухаммеда, внука Шахруха, когда этот царевич поднял восстание против Шахруха. Но восстание было подавлено, и Шарафуддину пришлось подвергнуться допросам и преследованиям со стороны Шахруха. Когда же султан Мухаммед на короткое время захватил Хорасан (уже после смерти Шахруха в 1449 году), Шарафуддин поселился на родине своей, в Тафте, близ Язда.

Он жил в ханаке — простом общежитии дервишей — и предавался науке со всем пылом нестареющего сердца. Сюда, в это прибежище мысли, порой приезжали знатные гости.

Когда караван беженцев из Герата прибыл в Тафт, Шарафуддин сидел у окна ханакки. Он увидел множество верблюдов, нагруженных дорогим имуществом, большую толпу мужчин, женщин и детей, располагавшихся на отдых.

Шарафуддин стал подзывать детей, чтобы узнать, что за люди прибыли с караваном. Но они робели, и только маленький Алишер подбежал на его зов. Он давал живые и толковые ответы ученому и вызвал его улыбку и похвалу. Алишер рассказал, что ходит в школу, что прочитал Коран до суры (главы) «Табарака». На это Шарафуддин поощрительно улыбнулся.

Тут подошел отец мальчика, узнал ученого и почтительно поклонился ему. Так Алишер понял, что он познакомился со знаменитым человеком.

Долгие годы хранил Алишер драгоценную память о первом литературном знакомстве и в своей книге «Собрание изящных» привел образцы поэзии Шарафуддина.

* * *

Пребывание на чужбине длилось недолго.

С начала пятидесятых годов во владениях Тимуридов установился некоторый порядок. Абу-л-Касим Бабур²³ завладел Хорасаном и обширными землями к вос-

²³ *Абу-л-Касим Бабур* — правитель Хорасана и обширной территории на восток от Каспийского моря. Его не надо путать с Захириддином Бабуром, о котором упоминалось выше как об авторе «Бабур-наме».

току от Каспийского моря. Правителем Самарканда стал Абу-Саид.

Властители двух государств Тимуридов — Хорасанского и Самаркандского — соперничали между собой. Абу-Саид мечтал о захвате Хорасана и превращении Герата в столицу. В свою очередь Абу-л-Касим Бабур хотел расширить свое царство за счет соседей и принял поход против них. Но военное счастье не улыбалось ему, и 28 августа 1452 года Бабур вернулся с остатком своего войска в Герат.

Через два года Бабур тщетно пытался овладеть Самаркандом. В декабре 1454 года он заключил мирный договор с Абу-Саидом, признав его права на Самарканд и отказавшись от дальнейших притязаний на город.

Во время этих событий семья Алишера уже снова была в Герате. Отец Алишера занимал некоторое время высокие посты у Бабура. Так, он был, например, хакимом (правителем) Себзевара, небольшого городка Хорасана.

Гиясаддин Кичкине старался дать сыну лучшее по тому времени образование, и это ему удавалось. Алишер увлекался чтением стихов, в особенности полюбил он знаменитые творения персидского поэта Саади. Многие строки из его «Гулистана» и «Бустана» мальчик заучивал наизусть, поражая окружающих своей памятью.

Но особенно увлекался в это время Алишер поэмой персидского поэта XIII века Феридаддина Аттара «Разговор птиц» («Мантик ат-тайр»). Алишера волновали пламенные стихи Аттара, богатство его фантазии, яркость и необычность образов. Разумеется, в юном возрасте Алишер не мог еще проникнуть в философскую мысль поэта, но его пленяла живая выдумка Аттара, изобразившего во множестве сцен и вставных эпизодов историю о том, как птицы под водительством удода собрались лететь на поиски таинственного царя птиц — Симурга.

Длинный и далекий путь проделали птицы. Они искали Симурга, потому что все они — только тень Симурга, упавшая на мир, и здесь в мире они только тень, а в царстве Симурга они имеют подлинное бытие в нем самом.

Здесь Аттар в поэтической форме излагает основы

учения суфиев. На пути к Симургу надо отречься от личной жизни и быть покорным всем требованиям, которые предъявляются искателям высшей истины.

Через семь долин ведет дорога путешествующих птиц. Они минуют долину искания, долину любви, познания, независимости, признания единства, смятения и наконец — долину нищеты и небытия. Предел пути — небытие, или, другими словами, — вечная жизнь, растворение личного «я» в «я» космическом.

И вот достигнут предел пути, все тяготы его позади. Оказывается, что тридцать птиц стремились к Симургу, но они сами и есть Симург²⁴. Это означало, что счастье надо искать не во внешнем мире, а внутри себя, что только путем внутреннего самоусовершенствования человек может прийти к познанию себя и всего окружающего.

Алишер страстно полюбил поэму Аттара. Суровые призывы поэта к самоотречению от жизненных благ так повлияли на впечатлительного мальчика, что он стал подумывать о жизни дервиша-отшельника, об уходе из богатого дома отца в темную келью аскета. Лучше, чем сам Алишер, нельзя рассказать о том чувстве благоговения, которое вызывали в нем волнующие строки «Разговора птиц».

«Когда моя натура ознакомилась с этим творением, она уже не склонялась более ни к чему иному. Я привык к этим рассказам и метафорам из речей птиц. Так как в каждом слове мое существо находило усладу, я стремился найти причину ее. Восторг от этих слов весьма веселил меня, но изъяснение их заставило меня онеметь.

Когда это состояние мое стало длительным, мое страстие к этой тетради усилилось, так что моя дружба с людьми оборвалась, и эта книга стала другом моего уединения. Обыденные слова людей вызывали во мне скуку. В конце концов страсть стала так сильна, что я сказал: «Открою врата одиночества и бегу от людей мира, лишенных духовного смысла».

Дети заметили мое состояние, родители узнали об этом. Их одолели опасения, как бы природа не дала их сыну безумия... Найдя тетрадь, они уничтожили ее, ли-

---

²⁴ Аттар здесь играет словами. По-персидски название птицы «Симург» и слова «тридцать птиц» звучат одинаково: «Симург» и «си мург».

шили мое сердце любимого занятия, запретили мне даже говорить о «Разговоре птиц». Прошло много времени, и родители пришли в отчаяние от моего состояния: все речи книг были в моей памяти, и я постоянно тайно повторял их. Ко всему прочему у меня не было никакого влечения, сердце жило общей тайной с «Разговором птиц».

Не только мистическая фантастика поэмы Аттара возымела такое воздействие на Алишера. Его привлекали к себе те притчи и сказания, почерпнутые из глубокого источника народной мудрости, которые Аттар ввел в эпизоды поэмы.

Так рано сложились литературные вкусы и интересы Навои.

Ему было примерно пятнадцать лет, когда он поступил на службу к Абу-л-Касиму Бабуру.

Правитель Хорасана, человек образованный, любил поэзию и сам писал стихи на двух языках: персидском и тюркском. Бабур нежно относился к талантливому юноше и поощрял поэтические опыты Алишера. С детства проявив большие способности к изучению языков, Алишер к этому времени уже владел персидским и арабским языками с такой же уверенностью, как и тюркским. Стихи он писал на двух языках, и люди, сумевшие оценить его дарование, прозвали Алишера «двужычным», «зу-л-лисанейн». Алишер свои персидские стихи подписывал именем Фани (преходящий, смертный), а узбекские стихи — Навои (мелодичный).

В дни молодости Алишера поэты Лутфи, Саккаки и некоторые другие писали по-тюркски, вопреки установившемуся в аристократических кругах мнению, что на грубом народном языке нельзя выражать тончайшие мысли и чувства. Подлинно литературный узбекский язык был еще далеко не совершенен.

Молодой Алишер как-то показал свои стихи престарелому Лутфи. Он считался несравненным по изяществу речи; до него никто не писал столь прекрасных стихов на тюркском языке.

Навои прочитал газель:

Если она закрывает лицо, из глаз моих слезы текут.

Так, если солнце закроет свой лик — на небе звезды встают.

. . . . .
. . . . .

Лутфи, выслушав газель, пришел в восторг и воскликнул:

«Клянусь аллахом, я охотно променял бы на эту газель десять-двенадцать тысяч моих стихов на двух языках и считал бы сделку весьма удачной!»

В свите Бабура состоял и школьный товарищ Алишера Хусейн Байкара. Несмотря на юность, он уже перенес тяжелые испытания. В четырнадцатилетнем возрасте, по совету своей матери, Хусейн отправился к Абу-л-Касиму Бабуру и принял участие в походе 1454 года на Самарканд. Затем, после заключения мира с правителем Самарканда Абу-Саидом, Хусейн стал жить при дворе Абу-Саида.

Однако обстоятельства сложились против Султан-Хусейна. Его двоюродный брат, Султан-Увейс, поднял восстание, и Абу-Саид, заподозрив в соучастии Хусейна и других родственников-тимуридов из рода Омар-шейха, заточил их в самаркандскую цитадель.

Заступничество матери Хусейна, Фирузы-бегим, двоюродной сестры Абу-Саида, спасло Султан-Хусейна. Он был освобожден из темницы и получил возможность вернуться к Бабуру.

Бабур назначил высокий оклад Султан-Хусейну, и некоторое время события для царевича складывались благоприятно. В Мешхеде, где находился с октября 1456 года двор Бабура, Хусейн жил привольно, наслаждаясь дружескими встречами с Алишером.

Бабур провел зиму в Мешхеде и в марте 1457 года умер.

Алишеру и Хусейну снова пришлось расстаться.

Алишер остался в Мешхеде, занимаясь поэзией и науками, а Султан-Хусейн отправился в Мерв, к одному из беков Бабура, Мирзе Санджару. Властолюбивый Хусейн мечтал о подвигах и завоеваниях, о царском троне. Его не пугала борьба, которая предстояла для достижения этой цели.

Разлука друзей длилась двенадцать лет.

* * *

Мирза Санджар хорошо принял Хусейна. Ему пришлось по душе мужественный царевич. Он доверял его уму, видел, что у него есть влечение к военному искусству.

После смерти Бабура Санджар не желал подчиняться его наследникам: малолетнему сыну Шах-Махмуду и внуку Байсункары, Султан-Ибрахиму. Санджару пришлось отстаивать свою независимость в кровавых боях, и первое время Султан-Хусейн оказывал ему немалую помощь.

В 1457 году Хусейн получил от Санджара управление Мервом. Он собрал большое войско и начал поход для захвата соседних земель. Хусейн одержал ряд побед и в 1458 году взял Неса и Астрабад.

Хусейну пришлось долго и с переменным счастьем вести борьбу против Абу-Саида, владевшего тогда Гератом и Хорасаном. Еще до этого он пошел войной на Санджара и расправился с его войсками. Сам Санджар погиб после поражения при Серахсе в 1459 году.

Война с Абу-Саидом шла восемь лет. В 1468 году Хусейн Байкара собирал силы, готовясь напасть на Герат; Абу-Саид в это время был занят походом на Западный Иран. Для защиты Герата объединились сыновья Абу-Саида, но когда пришла весть о том, что Абу-Саид погиб, они отказались от притязаний на Хорасан и увели войска за Аму-Дарью.

24 марта 1468 года Хусейн Байкара вступил в Герат.

* * *

Алишер Навои все еще жил в Мешхеде и старательно учился в медресе. Многообразен был круг его интересов и занятий; математика и философия, богословие и медицина, изучение шариата и поэзия увлекали юношу. Он жил здесь в бедности и уединении. Обитал в заброшенной келье при могиле святого.

Как-то в день большого праздника курбан-байрама, когда паломники со всех концов стекались в Мешхед, Алишер лежал больной в своей комнатке. Несколько человек заглянуло в келью. Там на стене были написаны стихи, и люди заспорили об их значении. Один из паломников высказал свое мнение о смысле бейта (двустихия). Алишер не согласился со случайным гостем, и другие посетители поддержали его. Наконец, спорщик сдался. Он признал разумность толкования стиха Алишером и был поражен тонкостью его суждения.

Навои назвал себя. Его собеседник оказался прославленным хорасанским поэтом, шейхом Кемалем Турбати. Он давно хотел встретиться с Алишером.

Так завязалась дружба между двумя поэтами.

Годы, проведенные в Мешхеде, принесли Алишеру много знаний и обогатили его творчество. В Мешхеде Алишер совершенствовался в искусстве поэзии. Он изучил стихотворную метрику у известного знатока поэзии Дервиш-Мансура. От него Навои научился блеску и легкости рифмы, что особенно ценилось в то время.

Мешхед лежал как бы в стороне от смуты, охватившей Хорасан. Во всяком случае он был удален от военных действий, и Навои мог спокойно предаваться своим занятиям. Но все же его потянуло в Герат. Абу-Саид, владевший в то время Хорасаном, отнесся неблагоприятно к приезду Алишера. Для этого у него, несомненно, были веские основания. Дружба Алишера с Хусейном Байкарой, злейшим врагом Абу-Саида, не могла не вызвать подозрений гератского падишаха.

Дядя Алишера со стороны матери, эмир Сейид-ака, был доверенным лицом Султан-Хусейна и по приказу Абу-Саида казнен после взятия Серахса в 1461 году. Младший брат Сейида-ака, поэт, музыкант и каллиграф Мухаммед Али, тоже принадлежал к числу приближенных Хусейна и погиб от руки убийцы.

Возможно, у Абу-Саида имелись и другие поводы не доверять Алишеру, и султан предпочел отправить его в Самарканд. Этот город, расцветший при Улугбеке, уже утратил во времена Абу-Саида первенствующее значение в области наук и искусств. Медресе оказалась во власти мракобесов, заглохла работа в прославленной обсерватории. Но Алишер все же нашел в Самарканде настоящих людей науки и воспринял у них многое.

Правитель Самарканда Ахмед-Хаджи-бек покровительствовал Алишеру. Видный представитель родовитой тюркской знати, сын султана Малика Кашгари, он был весьма образованным человеком, автором дивана стихов, подписанных именем Вефай (Верный). Несомненно, правителю Самарканда было поручено следить за Навои, внушавшем подозрения Абу-Саиду. Но Ахмед-Хаджи-бек очень дружелюбно относился к Алишеру, не видя в поэте ничего опасного для падишаха.

Навои учился здесь в медресе у Хаджи Фазлулла-Абу-л-Лейси, славившегося своими знаниями арабского языка и мусульманского права. Вместе с Алишером

учились у Абу-л-Лейси и другие ученые того времени. Так Навои встретил в медресе знаменитого законоведа Мухаммеда Бадахши и сделался его другом.

Алишер жил в келье при медресе и очень нуждался. Рассказывают, что однажды ему пришлось продать свою кожаную папку, чтобы заплатить за вход в баню. Отец Алишера умер уже в то время, но Навои не имел права на получение наследства, так как считался изгнанником.

Молодой человек жил подобно мудрецу, и едва ли тяжелая жизнь, выпавшая на его долю, причиняла ему моральные страдания.

Знаменитый мемуарист эпохи Захириддин Бабур отмечает, что «Алишер от природы был наделен изысканными манерами и потому, надо полагать, ему претило все грубое и пошлое. Многие принимали эту черту его характера за высокомерие или гордость. Тот, кто ближе узнавал Алишера, ценил его поэтическое дарование не меньше, чем высокие человеческие качества». Не без гордости рассказывает Навои об отеческом отношении к нему учителя Абу-л-Лейси, которого считали ученым мужем Самарканда.

Алишер завязал новые знакомства с писателями, мыслителями и поэтами. Сблизился он в Самарканде с ученым поэтом Алаи-Шаши, ташкентцем по происхождению, прославленным сочинителем стихотворных загадок (шарад). Был близко знаком с андижанским поэтом Юсуфом Бадии, приехавшим для учения в Самарканд, и с местным поэтом Рязи, который показывал свои стихи Навои и считался с его вкусом и художественным чутьем.

Так шла жизнь Навои в Самарканде.

Но вот в город пришла весть о том, что Хусейн Байкара овладел гератским престолом. Алишер обратился к правителю Самарканда и своему покровителю Ахмеду-Хаджи-беку с просьбой отпустить его в Герат. Тот дал согласие. Легенда рассказывает, что он пышно обставил путешествие Навои. На деле это было совсем не так. Алишер скромным путешественником прибыл в Герат, властителем которого стал участник его детских игр.

Как-то, в день праздника, Навои поднес Султан-Хусейну касыду «Хилалия» («Новолунная»), посвященную падишаху. Алишеру открылся доступ во дворец. Поэт

стал одним из приближенных султана. Ему было пожаловано звание мухрара²⁵.

* * *

Хусейн Байкара держал в Герате большой и богатый двор. Он окружал себя беками, которых считал преданными ему, и все же никому из них особенно не доверял. Несмотря на молодость, Хусейн Байкара уже испытал переменчивость судьбы и хорошо знал цену верности и дружбы вельмож, часто коварно изменявших своему падишаху. Султан считал Алишера человеком искренним и умным, добрым и справедливым. Поэтому он решил приблизить ко двору своего школьного товарища.

Поэт согласился стать придворным не потому, что его манили слава и богатство. Ему легче жилось как вольному искателю знаний в самаркандской келье. Но вблизи Султан-Хусейна он мог бы, ему думалось, осуществить мечту о порядке и законности, о мире и человечности в родной стране.

Когда в апреле 1469 года Алишер прибыл в Герат к Султан-Хусейну, ему было около тридцати лет. Даже по внешнему виду он отличался от пышно разодетых царедворцев падишаха. На голове Алишера красовалась тщательно намотанная чалма на остроконечной синей тюбетейке. На нем был шелковый халат неярких цветов, а поверх него — чекмень из грубого темно-серого сукна.

Немного выше среднего роста, худощавый и крепкий, Навои носил коротко остриженную бороду и небольшие усы. На широком лице с несколько выдающимися скулами лежала печать большой духовной мощи. В узких раскосых глазах отражались мечтательность — и напряженная мысль поэта.

Во времена Султан-Хусейна Байкары Герат жил шумно и весело. Обитатели столицы не очень придерживались строгой догмы ислама: пили вино, устраивали народные празднества с танцами, музыкой и пением. В этих празднествах принимали участие ремесленники, выставлявшие на городских площадях лучшие свои изделия, которые поражали тонкостью работы и изысканностью вкуса.

---

²⁵ *Мухрар* — хранитель печати.

Однако царствование Хусейна Байкары не протекало, как праздник,— ровно и без потрясений. Едва новый султан сел на трон, как ему пришлось вступить в борьбу с тимуридом Мухаммедом Ядгаром, правнуком Шах-руха. Царевич Мирза Ядгар не походил на большинство молодых тимуридов, которые с детства овладевали военным искусством и уже в юности повелевали тысячами воинов, закалялись в политических распрах, в трудностях походов и шуме битв.

Мирза Ядгар Мухаммед был избалованным, изнеженным юношей. Он предавался развлечениям, не терзаясь жадной властью, не мечтая о троне. Но Мирза Ядгар был во власти воспитавших его беков, которые побуждали юношу к борьбе за трон. Под влиянием своих приближенных Мирза Ядгар пошел войной на джурджанского хакима²⁶ и легко одержал над ним победу. Завладев Джурджаном, Мирза Ядгар задумал захватить Герат и стать властелином Хорасана. Он собрал большое войско и выступил в поход.

В сентябре 1469 года Султан-Хусейн, опасаясь неожиданного нападения неприятеля, приказал укрепить свой лагерь в местности Исфарин, окружив его высоким валом.

Навои находился при войске Хусейна. В тревоге и унынии жил поэт в своем простом шатре. Почти ежедневно видел он десятки отрубленных голов. Чьи они, эти головы? Почему народ, в жилах которого течет одна кровь, народ, у которого одна земля, один язык и общая история, ведет междоусобную войну?

С болью в сердце думал Алишер о прошлом своего народа. Он вспоминал кровавые распри между сыновьями и внуками Тимура, начавшиеся еще до того, как Железный Хромец навеки закрыл глаза. В междоусобицах и династических войнах поэт не видел ничего, кроме бессмысленного истребления людей и разорения страны. Навои негодовал на Ядгара, поднявшегося против единственной жизнеспособной ветви ослабшего древа рода Тимура.

Алишер призывал Хусейна Байкару немедленно положить конец мятежу. Поэт хотел укрепления власти Хусейна Байкары не только из дружеских побуждений. Он видел в Хусейне храброго воина, сильного государя,

---

²⁶ *Хаким* — правитель области.

покровителя науки и искусства. Он верил, что страна будет процветать при Хусейне, поэтому способствовал его победе над врагами.

Пока Хусейн находился вдали от столицы и был занят борьбой с Мирзой Ядгаром, финансовые чиновники султана Ходжа Абдулла Хатиф, Ходжа Низамеддин Бахтияр и другие воспользовались отсутствием государя и проявили усиленную заботу о своих кошельках. Население Герата и окрестностей было обложено незаконными поборами²⁷.

Народ заполнил площади и улицы Герата. У ворот финансового ведомства скопилась толпа. Раздавались крики: громко называли виновников непосильных поборов. Люди сорвали ворота, проникли в дом финансового ведомства и стали искать спрятавшихся чиновников.

Город поэтов и музыкантов, беззаботный Герат, внезапно принял необычайно суровый вид. Гремел гневный голос народа, вооруженного камнями и палками.

Когда весть о народном возмущении дошла до Султан-Хусейна, он внял благому совету Алишера и дал указ о наказании преступных чиновников и об отмене поборов.

---

²⁷ Налоговая система, существовавшая в государстве Хусейна Байкары давала широкие возможности для злоупотреблений чиновников, ведавших сбором податей.

Земельные собственники, вельможи пользовались различными привилегиями. Земли, пожалованные им правителем (союргал), совершенно освобождались от податей. Владелец союргала — тархан — сам имел право собирать налоги со своих крестьян. Он был лицом особенно привилегированным в государстве: имел право заходить к хану в любое время и не подвергался наказаниям за преступления, если совершал их до девяти раз. Эти права были наследственными.

Вакуфные земли также не подлежали обложению. Вакуф — это движимое и недвижимое имущество, отданное их владельцами в пользу общественных и благотворительных учреждений. Крупные землевладельцы под маркой вакуфов уклонялись от уплаты налогов. Они жертвовали земли на содержание мечетей и кладбищ, но все управление землями оставляли в своих руках и утаивали доходы.

Была большая категория землевладельцев, плативших лишь «десятину» с урожая. Таким образом, вся тяжесть налогов ложилась на землевладельцев, имевших хераджные участки земли. Кроме основного налога — «хераджа», — земледельцы платили чрезвычайные и исключительные налоги. Помимо того, крестьянское население по приказу местных властей должно было исполнять различные повинности. Сборщики податей получали вместо жалованья долю из этих податей и поэтому старались выжать из плательщиков как можно больше.

При огромном стечении народа в соборной мечети Герата прибывший в столицу Алишер прочитал султанский указ, восторженно встреченный населением. Затем поэт лично расследовал дело, наложил наказание на виновных и устранил их от должностей. В Герате наступило успокоение, Алишер вернулся в ставку султана и сообщил, что порядок и спокойствие в столице восстановлены.

Хусейн Байкара немедленно отправился в Герат.

Казалось, что все складывается теперь в пользу Хусейна. Но когда он уже был в двух переходах от Герата, лазутчики донесли, что столичные беки перешли на сторону Мирзы Ядгара.

Хусейн давно подозревал, что некоторые беки что-то замыслили против него. Несомненно, решающую роль сыграл последний указ о снижении налогов. Это распоряжение успокоило народ, но беки были восстановлены против Султан-Хусейна и переметнулись на сторону его врага.

Городские ворота Герата были закрыты для Байкары.

Пришлось отвести войска назад.

Только решительные действия могли пресечь смуту, спасти трон Хусейна Байкары. Он уже не верил в свою победу над врагами в открытом бою. В пустынной степи Хусейн потерял часть своих воинов. Они ушли к счастливому сопернику Байкары.

Между тем в Герате события развивались быстро и с неизменным успехом для Мирзы Ядгара. По совету его эмира Фаридун Барласа в Герат приехала из своих загородных владений тетка Мирзы Ядгара, Паянда Султан-бегим, женщина властная и хитрая. Пользуясь обширными связями, она вскоре привлекла на сторону племянника влиятельных людей государства.

Мирза был объявлен властителем Хорасана. В мечетях читали здравицы в его честь.

Покинув свою ставку в Тусе, Мирза Ядгар двинулся в Герат.

Самые высокопоставленные вельможи, разодевшись в шелка и бархат, оседлали лучших скакунов и выехали навстречу Ядгару. В надежде на новые должности и награды, они встретили Мирзу Ядгара на подступах к городу и, низко кланяясь, целовали полы его одежды.

После благословений и торжественных церемоний Мирза Ядгар вступил в город и поселился в Баг-и-загане, резиденции падишаха.

Новый султан ничего не понимал в государственных делах и мало ими интересовался. Вся власть была в руках Паянды Султан-бегим. Она заботилась о величии племянника, не забывая о своем положении. Придворные поэты слагали касыды в честь этой «разумной и опытной правительницы».

Со всем справлялась Паянда Султан-бегим. Не могла она только укротить буйный нрав туркменских бегов. Она была вынуждена мириться с их бесчинствами, потому что военная сила находилась в их руках, и они привели к власти Мирзу Ядгара.

Народ жил в страхе за свою жизнь и имущество. С каждым днем в Герате росло число убийств и грабежей. Воины Ядгара мало заботились о защите Герата, и вскоре войска Султан-Хусейна подступили к столице.

Глубокой ночью небольшой отряд Хусейна проник в город и поднялся по склонам холма ко дворцу. Возглавлял отряд Алишер Навои. Впервые в жизни он вынул меч из ножен. Но ему не пришлось пролить кровь врага. Алишер вошел во дворец и увидел Ядгара спящим после попойки.

Герат проснулся от звуков карнаев и барабанов, гремевших со всех вышек города.

Голова Мирзы Ядгара скатилась с плеч под ловким ударом палача. Сторонники мятежного царевича, спасая себя, прятались как могли.

Так закончилась смута в Хорасане.

* * *

Алишер не добивался высоких должностей и почестей при дворе. Он дозвольствовался тем, что порой мог влиять на решения Султан-Хусейна. Сам султан, разумеется, во многом зависел от придворной клики и в угоду своим приближенным, феодалам, крупным землевладельцам, приносил в жертву их корыстолюбию народные интересы.

Алишер считал, что справедливый и мудрый государь, окруженный хорошими советниками, должен прежде всего заботиться о благосостоянии народа. Это не значит, что Навои был демократом, который хотел бы видеть народных представителей у власти. Идея наро-

доправства была чужда Алишеру так же, как и европейским гуманистам его времени. Навои хотел сделать все, что возможно, для повышения культуры и благосостояния народа, но считал, что все реформы необходимо производить сверху, при помощи и дивана (государственного совета) и султанских указов, без непосредственного участия народа в решении судеб страны.

В 1472 году Алишер получил от Султан-Хусейна титул эмира, а затем стал везиром (министром). Поэт отказывался от этой почести, но Хусейн так настаивал, что он вынужден был согласиться.

Приняв этот высокий пост, Алишер посвятил себя практической деятельности, со страстью отдался строительству.

Герат украсился великолепными зданиями, парками, аллеями.

Алишер наслаждался созидательным трудом. Творить — значило для него жить. Он мечтал превратить Хорасан в культурную, благоустроенную страну и прилагал все старания к осуществлению этой мечты.

В степи на основных караванных дорогах он построил прекрасные рабаты со всеми удобствами для путешественников. Прочные мосты были перекинуты через Герируд и другие реки Хорасана.

Навои уделял большое внимание старинным зданиям, имевшим художественную ценность, и следил за их ремонтом.

На берегах канала Инджиль Навои выстроил новый квартал. Здесь возникли больницы, школы, общежития для ученых и поэтов. На окраине, усеянной жалкими лачугами, закипела работа. Тысячи мастеров, строителей, каменщиков, наккашей²⁸ дружно возводили великолепные дома.

Десятки слонов, сотни верблюдов везли камни, дерево, мрамор, известь.

С большим старанием и тщательностью ювелиров мастера обтесывали гранит и мрамор, выводя узорный орнамент изумительной тонкости.

Поодаль в тени деревьев работали каллиграфы. Они делали надписи огромными арабскими буквами, чтобы их можно было издали прочесть на порталах зданий.

---

²⁸ *Наккаш* — художник-живописец.

На лесах, возведенных над огромными круглыми куполами, стояли десятки наккашей и выводили разноцветные узоры. Эти мастера не кончали архитектурных и художественных школ,— таких школ и не было в Хорасане, но прекрасно усвоили многовековой опыт своих предшественников. Они были и инженерами, и архитекторами, обладавшими смелой творческой фантазией. Сам Навои принимал живое и непосредственное участие во всех работах. Его тонкий вкус и понимание тайн ремесла оказывали помощь мастерам, которые видели в нем друга художника.

Каждый день приходил Навои на берег Инджиля. Подоткнув полы шелкового халата и засучив широкие рукава, Навои носил кирпичи, месил известь или помогал наккашам.

Обычно, когда часть здания была закончена, Навои устраивал большой пир в честь искусных мастеров. Лучшим из них он дарил красивые халаты.

Алишер не принадлежал к числу тех «скупых рыцарей», которые жадно собирают сокровища в сундуки. Он свободно обращался со своими богатствами, стараясь прежде всего делать людям добро. Он уделил из своего значительного состояния немало средств для строительства. По-видимому, Султан-Хусейн возвратил в свое время Алишеру имущество его покойного отца, конфискованное предшественниками падишаха. Исторические источники доказывают, что Навои был необычайно богат. Ему принадлежали обширные земли, и он — как эмир — освобождался от налоговых тягот.

Навои был благотворителем в широком и лучшем смысле этого слова. Он узнавал о нуждающихся людях и спешил помочь им. Когда султанские чиновники облагали население чрезвычайными налогами для покрытия расходов двора, Алишер находил эти поборы тягостными и покрывал недостачу царской казны из собственных средств. Разумеется, для этого надо было в равной степени обладать и несметными богатствами и исключительно добрым, благородным, отзывчивым сердцем.

Торжественно прошло открытие гератского строительства. На берега Инджиля стеклись огромные толпы. Здесь были вельможи, улемы²⁹, ученые, поэты, музыканты и простолюдины. Клубами шел пар из десятков ог-

---

²⁹ Улемо — мусульманский богослов.

ромных котлов. Перед гостями были рассыпаны мешки миндаля и фисташек, разложены сотни огромных кусков халвы и свежее испеченные лепешки. После трапезы приглашенные группами осматривали новые здания.

Тут высились огромные медресе, ханака, мечеть, библиотека, больница, баня и ряд прекрасных домов.

Каждое здание было окружено парком и цветниками. Медресе, соборная мечеть и ханака носили название Ихласия (Преданная). Больница и баня звались Шифайя (Целительная), библиотека и примыкавшие к ней здания назывались Унсия (Дружественная).

Многие ученые преподавали в медресе. Учащиеся были обеспечены всем необходимым, и им не приходилось отвлекаться от занятий в поисках средств к жизни.

Ханака, состоявшая из многих отдельных комнат, служила пристанищем ученых и поэтов. Все это было устроено для мирной и плодотворной работы. При каждой комнате находился свой слуга, который приносил еду, чтобы не отрывать людей от научных или поэтических занятий.

Известный историк Мирхонд, живя в этой ханаке, создал свой огромный труд «Раузат-ус-сафа», что значит «Сад чистоты».

Библиотека содержала великое множество ценнейших книг по всем областям знания. Тут же работали искусные каллиграфы, размножавшие редчайшие рукописи, художники-миниатюристы и переплетчики. Ученые Герата всегда имели доступ в эту библиотеку.

В Шифайе лучшие табибы³⁰ лечили больных. Здесь же ученые медики читали лекции своим ученикам, объясняя учение Ибн Сины и других великих врачей.

Далеко за пределы Хорасана неслась слава об этих великолепных учреждениях, созданных волей и трудом Алишера Навои. Путешественники, попав в этот уголок Герата, немели от удивления. Поэты писали касыды, восхваляя красоту этих зданий и парков.

Навои хотел видеть в жизни своей родины то, что создал в воображении. Читая описание четырех дворцов «Фархада и Ширин» и пышных чертогов «Семи планет», чувствуешь, как живописный квартал Герата на берегах канала Инджиль вдохновлял поэта и служил ему об-

---

³⁰ Табиб — врач.

разцом, и как его поэтическая фантазия воплощалась в жизнь на берегах Инджиля.

* * *

Прошли годы. Слава о Навои пронеслась через горы, степи и моря. Сборники его газелей, как драгоценные сокровища, отправляли с караванами в далекие страны.

Навои мечтал подняться на сияющую вершину поэзии, которой не удалось достигнуть до сих пор ни одному поэту его народа. Этой мечтой было создание «Хамсы» («Пятерицы») на родном языке. Часто во время литературных бесед и споров, когда речь заходила о бессмертных произведениях: о «Шах-наме» Фирдоуси, о «Хамсе» Низами,— Навои испытывал чувство горечи:

«Почему родная поэзия лишена таких сокровищ? Ведь у моего народа такой истый и здоровый вкус, такие прекрасные песни, которые поет он на тоях (пиршествах) и в разгаре битвы...»

На сороковом году жизни Навои открыл свое сокровенное желание Джами. Нураддин Абдаррахман Джами занимал первое место среди блестящих светил, озарявших литературный небосвод Герата. Его деятельность распространялась далеко за пределы страны. Все мусульманскому Востоку был известен Джами как крупнейший поэт, ученый и мыслитель.

О том влиянии, которое оказал Джами на Алишера, можно судить по написанной позже книге Навои «Пятерица смятенных». Там поэт рассказал о встречах с Джами, называя его своим учителем, раскрывшим перед Алишером тайны философии суфизма. Представители суфизма звали себя «людьми пути», то есть вступившими на путь истины. В первоначальном виде (X—XI вв.) учение суфизма призывало к полному отречению от жизненных благ, от жажды славы и богатства, от надежды на предстоящее блаженство в загробном мире. Суфий должен путем внутреннего самосовершенствования стремиться к непосредственному общению с богом, жить созерцанием красоты и не заботиться ни о каких мирских делах.

Во времена Навои суфизм утратил первоначальную дервишскую сущность. Суфийский орден накшбанди не выставлял требований аскетизма и отказа от земных

благ. Последователи накшбанди вели торговлю, накапливали богатства, наслаждались жизнью, но при этом они должны были думать о самосовершенствовании и всеми своими делами идти к познанию бога как совершенного существа.

Таким образом, в эпоху Тимуридов суфизм не был однородным и мог отражать различнейшие чаяния и стремления его приверженцев. Так, например, учитель Джами — самаркандский суфийский шейх Ходжа Ахрар — был богатейшим землевладельцем-феодалом, имевшим обширные поля, сады и множество рогатого скота. Ходжа Ахрар отличался жестокостью и коварством. Он играл огромную роль в политической жизни страны, и к его словам прислушивались беки, хакимы и султаны.

Хотя Джами и учился у Ходжи Ахрара, он не принадлежал к числу ортодоксальных последователей суфизма. Джами свято хранил традиции дервишизма, жил в Герате необычайно скромно и, не принимая непосредственного участия в политической жизни, погружался в мир философии. Гератская знать относилась к Джами с уважением, смешанным с суеверной боязнью, что он, как дервишский шейх, обладает какой-то сверхъестественной силой.

Каждая встреча Джами и Навои оказывалась для обоих великим событием. Когда Навои раскрыл перед своим другом и учителем грандиозный план написания «Хамсы» на родном, тюркском, языке, Джами поддержал поэта в этом начинании и внимательно следил за его работой.

К этому времени Алишер все свои силы отдает поэтическому труду жизни.

После двух с лишним лет гигантской работы он воплощает заветный замысел и приносит в дар своему народу «Хамсу» на родном языке.

* * *

В 1476 году Алишер освободился от должности везира Султан-Хусейна. Поэт устал от бесконечных придворных интриг, от вражды султанских вельмож, от жадности и корыстолюбия духовных и светских феодалов. Навои видел вокруг себя коварство и предательство, жадность и подлость. Он скорбел о том, что Султан-Ху-

сейн все больше отходил от государственных дел, увлекаясь вином и пышными пирами. Решительный в военных делах, султан проявлял слабование в вопросах государственных и не знал, кому из враждовавших между собой вельмож верить, кому отдавать предпочтение.

Придворная клика ненавидела Навои. Чувствуя свое моральное превосходство над низкими и льстивыми царедворцами, независимый и гордый Алишер не мог скрыть своего презрения к низкопоклонству и коварству, царившим среди приближенных султана. На правах старого друга Хусейна Навои не раз раскрывал перед ним гнусные козни и замыслы беков, уличал их в угнетении народа. Навои доходил до того, что в гневных стихах призывал властителя Хорасана думать о своих высоких обязанностях:

О царь, большую в жизни мощь тебе дает престол,
Но ты пути добра отверг, путь гнета предпочел.

Проводишь время в праздности, в распутстве и в пирах
И сам достоинство свое затаптываешь в прах.

Из чаши блуда жадно пьешь — и не упьешься властью.
Поправ законность, ты возвел в закон единый — страсть.

Во имя прихоти ты все и всех повергнешь ниц,
И нет границ на пиршествах твоих — излиществам границ.

И все, кто в блуде и в пирах с тобой проводит дни,
И юноши и старики — собаки все они...³¹

Алишер Навои, неустанный защитник народа от насилия и своеволия беков, казался опасным многочисленным его врагам. Они не могли не понять глубокого смысла «Хамсы», где в поэтической форме сказания, притчи, легенды защищались высокие права человеческой личности и осуждались зло, гнет, мракобесие, посягательство на свободу мысли и чувства.

Под влиянием дворцовой клики Султан-Хусейн резко изменил отношение к Алишеру. В 1487 году Навои получил строгий приказ отправиться в отдаленную провинцию, в Астрабад, правителем этого края. Это было почетной ссылкой.

Не хотелось поэту расставаться с родным городом, с друзьями и почитателями, с наставником Джами. Но он вынужден был повиниться.

---

³¹ Перевод Л. Пеньковского.

Впрочем, Алишер не роптал на судьбу. Особой неожиданности в этой трудной жизненной перемене для него не было. Он хорошо знал непрочность благоволения падишаха. Слишком давно велись против него интриги и плелись козни против его друзей. Можно было ожидать всего.

Алишера печалило одно: враги лишили его счастья заботиться о городе и его жителях. Навои с тоскою думал о том, как его враг, злой и коварный везир Медждаддин, придя к власти, будет преследовать его друзей, как он станет грабить народ и облагать его тяжелыми гоборами. Хусейн Байкара, разумеется, станет игрушкой в руках ловкого царедворца.

Приближаясь к Астрабаду, Алишер все чаще думал о том, что предстоит ему в этом заброшенном углу Хорасана. Он знал, как мало думают гератские вельможи об отдаленных провинциях. Еще прежде доходили слухи о том, что правитель Астрабада Могул-бек не заботился о благополучии провинции. Он пьянствовал и любил азартные игры, а его чиновники бесчинствовали и обирали народ.

Друзья Навои сообщили ему, что жители Астрабада с нетерпением ожидают его приезда.

И действительно, далеко за городскими воротами пестрые толпы встретили караван Алишера.

Мелькали полосатые халаты дехкан, красочные одежды купцов и городских богачей. Вышли встречать Навои девушки в густых покрывалах, степенные муллы, ученые.

Отделившись от толпы, поэты подошли к каравану и приветствовали Навои пышными касыдами. Прославляя высокие качества нового правителя Астрабада, его ум, его великодушие, его человеколюбие, поэты воспевали тот славный час, когда его величество султан решил направить милостивого эмира в их достославный город.

Один из лучших домов в Астрабаде был отведен для жилища Навои. К этому многокомнатному дому примыкал запущенный фруктовый сад. По-видимому, давно не касалась деревьев опытная рука садовника, но благодатная природа делала свое дело: ветви сгибались под тяжким грузом яблок, груш и слив.

Для Алишера началась новая жизнь. К нему приходили лучшие люди Астрабада, поэты советовались с

ним, читая свои произведения. С учеными говорил он об открытиях в науке, о великих мудрецах древности. С городскими властями решал он вопросы управления, вникал даже в мелочи, требовал справедливости ко всем, кто обращался с жалобами.

Навои все хотел устроить в Астрабаде по гератскому образцу. Но вскоре он убедился, что осуществлять здесь свои идеи труднее, что здесь гораздо меньше, чем в столице, людей, способных понять его и быть ему настоящими помощниками.

Алишер получал достоверные сведения о том, что творилось в Герате. Клика Медждаддина хозяйничала в городе. Там царили подкуп, ложь, вероломство. Всеми способами расправлялись новые приближенные Хусейна с неугодными им людьми.

В горькие минуты отчаяния Навои казалось, что Хусейн Байкара и его злые советники погубили родину, превратили цветущий сад Герата в голую пустыню. В эти дни Алишер горел яростью против Байкары, его везиров и советников. Он чувствовал свое бессилие. Играя значением своего имени «Лев», он как-то нарисовал льва на цепи; он как бы изобразил свое положение в Астрабаде.

Снова обращался он с горячими призывами к султану Хусейну:

Оказывай помощь стране и народу,
Справедливостью добейся их процветания!

Часто повторял он строки из своей поэмы «Смятение праведных»:

Оставь же насилье и будь справедлив,
О часе задумайся смертном, покуда ты жив.
Распутен ты ночью, а днем ты жесток,
Продлятся разврат и насилье на долгий ли срок?

В Астрабаде Навои собрал многие тысячи строк своих газелей в большой сборник, названный им «Чар-диван» («Четыре сборника»). В этом цветнике лирической поэзии много великолепных своеобразных созданий великого автора «Хамсы».

Тоска по Герату терзала Навои. Он отправлял друзьям горькие письма и жил с надеждой на то, что ему разрешат вернуться в столицу. А враги не оставляли Навои в покое. Они даже попытались отравить его, и только счастливая случайность спасла Алишера от гибели.

Возмущенный происками и кознями врагов, Алишер Навои самовольно вернулся в Герат. Султан позволил ему остаться в городе. Алишер получил титул «приближенного его величества» (мукарраб-ал-хазрат), но не принимал никакого участия в государственных делах.

Много тяжелых испытаний выпало на долю Навои в этот последний период его жизни. 9 ноября 1492 года умер в глубокой старости знаменитый поэт Джами. Навои был удручен потерей друга. Памяти его он посвятил элегию, которую проповедник соборной мечети Герата произнес с мимбара, и одно из своих последних прозаических произведений — «Пятерица смятенных». Здесь поэт рассказал о своих встречах с Джамии, о своем преклонении перед его поэтическим и философским дарованием.

Враги Навои непрестанно интриговали, доносили султану о мнимых заговорах Алишера против него. Несомненно, им удалось бы склонить Султан-Хусейна к расправе над Алишером, если бы Хусейн не видел необычайной популярности поэта. Однако Хусейн не считался с Алишером, когда приказал в 1499 году казнить его младшего брата Хайдара, обвиненного в измене.

В эти годы Султан-Хусейн уже не чувствовал себя прочно на троне. К дворцовым смутам прибавились междоусобные.

Сыновья Хусейна Байкары, имевшие свои уделы, вступили в вооруженную борьбу с отцом. Главную роль в этой борьбе играл старший сын Хусейна — Бадиузземан.

Задолго до своего воцарения в Герате Султан-Хусейн, тогда еще молодой и горячий воин, женился на дочери мирзы Санджара — Бике-Султан-бегим. От этого брака родился царевич Бадиузземан, властолюбивый, раздражительный, походивший характером на мать.

Дурной характер жены заставил Хусейна развестись с ней. Султан обвинял ее в заносчивости и жестоких припадках ревности, которые проявлялись всякий раз, как только султан обращал внимание на других жен. Бике-Султан-бегим, умершая в 1488 году, до самой своей смерти тяжело переживала разлуку с Хусейном. Возможно, что она и настраивала сына против отца. Но до известной поры Бадиузземан пользовался доверием Хусейна, и как только возобновилась война с Балхом в

1496 году, Бадиузземан по призыву отца привел на помощь войско из Астрабада, где он был правителем. Малолетний сын Бадиузземана Мумин-мирза был оставлен хакимом области.

После удачного похода Хусейн сделал Бадиузземана правителем Балха, а Астрабад передал другому, любимому сыну — Музафар Хусейну.

Узнав об этом, Бадиузземан пришел в ярость. Он никак не хотел примириться с тем, что сын его Мухаммед-Мумин-мирза лишен власти над Астрабадом.

Но Султан-Хусейн не отступал от своего решения, и дело дошло до разрыва между отцом и сыном.

Бадиузземан приказал Мухаммед-Мумину не допускать в Астрабад Музафар Хусейна, хотя бы для этого пришлось прибегнуть к силе.

Алишер был потрясен начавшейся междоусобицей. Он знал, какие губительные последствия она может принести родине. Недаром в «Хамсе» он говорил о войнах: «будто всемирный потоп, подымутся бедственные волны, и население мира останется под водою». Он мечтал о мирной трудовой жизни и смело утверждал, что:

Двух дружных дервишей я предпочту скорей,
Чем двух между собой враждующих царей.

Вполне естественно, что Алишер Навои принял на себя миссию миротворца. Он отправился в Балх к Бадиузземану, чтобы склонить его к повиновению отцу.

Бадиузземан хорошо принял гостя и вел с ним вполне искренние переговоры. Однако сам же Хусейн отрезал путь к примирению. В то время, как Алишер находился в Балхе, туда пришел тайный приказ воспользоваться тем, что Бадиузземан находится на охоте, и не впускать его обратно в город. Царевич перехватил приказ. Он отказался вести дальнейшие переговоры и стал готовиться к походу против отца.

Алишер вернулся в Герат. Он был огорчен двуличным поведением Хусейна Байкары. Но падишах, разгневанный действиями сына, не желал считаться с разумными советами Навои.

Теперь междоусобная война стала неизбежностью. Бадиузземан выступил против Хусейна. Другой сын султана, Музафар Хусейн, двинулся в Балх из Астрабада.

Военное счастье было на стороне Хусейна. В мае 1497 года Бадиузземан был разбит, и почти одновремен-

но его юный сын Мухаммед-Мумин-мирза был взят в плен Музафар Хусейном. Двенадцатилетнего пленника отправили в Герат, в сентябре 1497 года заключили в цитадель Ихтияруддин и казнили.

Летом 1498 года снова было получено известие о готовящемся наступлении Бадиузземана. Алишер принимал деятельное участие в подготовке обороны страны.

Первое нападение Бадиузземана было отбито.

Снова Алишер выступил как посредник между отцом и сыном. Он убедил Хусейна принять условия Бадиузземана. Хусейн возвратился в Герат. Но недолго пребывал он в спокойствии.

Осенью 1498 года вспыхнули восстания двух других царевичей в Мерве и Абиверде.

В конце года Хусейн выступил в новый поход и осадил Мерв. Мятежный сын Хусейна Абулмухсин заперся в хорошо укрепленном городе. Осада длилась несколько месяцев. Обе стороны понесли большие потери, и султан, не надеясь овладеть Мервом, заключил с сыном перемирие.

В это время Алишер вместе с сыном султана Мухаммед Касимом и эмиром Абдулхалимом управлял столицей.

Все старания Алишера установить в стране мир были тщетны. Хорасан превратился в «**цитадель безумия**» и «**темницу мучений**». С горечью повторял поэт друзьям строки своих стихов: «Сто тысяч «вчера» превратились в «сегодня» для того, чего я хочу, и нет у меня терпения превратить «сегодня» в «завтра».

Войны и междоусобицы, разорявшие народ, повергали поэта в отчаяние:

Ничто не может доставить мне удовольствия
И сделать устойчивой мою жизнь...

Если кому-нибудь достанется столько бедствий,
Что ему делать, как не покинуть свою страну?

Алишер решил удалиться от государственных дел и совершить паломничество в Мекку. Но для этого нужно было получить разрешение Хусейна. Придворный лекарь Низамуддин Абдулхай взялся быть посредником между поэтом и султаном. Он отправился в ставку под Мервом и передал просьбу Навои.

С нетерпением ждал ответа Алишер, бывший в это время в Мешхеде, куда вернулся другой сын султана

Хайдар-Мухаммад-мирза, разбитый войсками брата под Абивердом.

Придворный лекарь привез письменный ответ от султана. Ответ этот был обращен к «столпу салтаната, опоре царства, укрепителю благих дел, эмиру Алишеру».

Султан-Хусейн изъявлял дружеские чувства, благодарил Алишера за «преданность, доброжелательство и привязанность, о которых нет нужды подробно говорить, ибо они ярче солнца». Далее Хусейн уверял, что никогда между ним и Алишером не было неискренности и разномыслия. В такую трудную для династии пору султан не хотел отпускать преданного друга. Он указывал, что далеко не безопасно ехать в Аравию через Иран, Сирию и Египет, где происходили раздоры, и настойчиво предлагал отказаться от далекого и трудного путешествия.

Алишеру пришлось остаться. Со множеством спутников — «ученых и достойных людей и большой толпой слуг» — Навои выехал в Мерв. Это было ранней весной 1499 года.

Караван Алишера сделал привал в окрестностях Серахса. Ему не пришлось ехать дальше, так как туда прибыл кортеж султана. В местности Базиргантюбе (Холм торговцев) состоялась встреча Навои с Хусейном.

Три дня провел эмир в ставке султана. Алишер роздал приближенным султана богатые подарки: быстроходных коней, верблюдов, одежду. Ему как бы хотелось расстаться со всеми земными благами и отойти от государственных дел.

Он сказал Хусейну:

«Вы не даете мне добром и охотой разрешения совершить паломничество, позвольте же мне провести остаток жизни в отдалении от дел служения, ибо бессилие дряхлости сказывается на мне, и тело мое становится немощным».

На это султан ответил обещанием исполнять все пожелания своего эмира, с тем условием, однако, чтоб он остался в Хорасане.

«Ведь я знаю,— сказал Хусейн,— что если страна лишится вашего благородного присутствия, дела людей,

высокорожденных и простолюдинов, придут в расстрой-ство».

Султан наградил Алишера драгоценной одеждой, велел надеть на него кожаный кафтан с золототканым верхом, с золотыми застежками, и Навои отправился в Герат.

Историк Хондемир рассказывает, что Навои был торжественно встречен в столице: «Все жители Герата от шейхов, сейидов и ученых до рыночных торговцев и простолюдинов, охваченные великой радостью и восторгом, пали ниц».

А Навои устроил пышный пир в честь поэтов, музыкантов и знатных людей города Герата и сообщил им о своем решении стать отшельником и дервишем, удалившись в построенную им ханаку у восточного крыла гробницы шейх Ансари.

* * *

В эту пору создает Навои вдохновенную книгу, написанную прозой, — «Возлюбленная сердец». Она — как бы зеркало его жизненного опыта.

Здесь нет рассказа о внешних событиях, нет строгого сюжета, но много мудрых наблюдений, и вся книга проникнута горячим желанием передать современникам и потомкам мысли и переживания поэта.

Навои рассказывает о своей жизни: «Она была тяжелой с начала юности до глубокой старости: я испытывал долгое время трудности от событий века, бедствий ниспосланных свыше, от коварства, я занимался многими делами и шел разными путями...»

Первая часть книги «Возлюбленная сердец» посвящена общественным вопросам.

Навои хорошо знал по жестокому личному опыту, чего стоят слова и дела падишаха: «Если царь говорит что лучи солнца черны, то не согласившийся с ним теряет свое имущество; если царь называет черную ворону белым соколом, то горе не согласившимся с этим; и несчастье постигает того, кто не скажет, что они видят звезды в ясный день».

У царей есть вельможи и советники — везиры и чиновники. Они — «скорпионы, приносящие вред народу. Лучше не описывать их лица, черные, как чернила. Пусть врач принесет им яд вместо лекарства».

Осуждая несправедливые, грабительские войны, Навои говорит о войсках царей как о скопище убийц, «подобно саранче разоряющих страны».

Несправедливые судьи — казии и муфтии — также не избежали обличительного слова Навои: «За грош они правду делают ложью, из-за корзины винограда могут сжечь весь сад, из-за горсти пшеницы — уничтожить весь амбар».

Навои откровенно обличает торговцев, скупщиков, которые не прочь обмануть любого, с кем они имеют дело: «Их выгода — в убытке народа. Они хотят дешево купить, втридорога продать и выдать при этом дерюгу за парчу». «Чем дальше от них, тем лучше для тебя», — поучает Навои.

Алишер противопоставляет царям, сановникам, муллам, торговцам трудовой народ, страдающий от своих угнетателей. Он скорбит о том, что мир, этот «дом добра», тесен для бедных людей.

Крестьяне, производящие хлеб, — это опора страны: «Благоустройство мира — от них, радость людей — от них, удивителен их труд, дающий стране силу и счастье».

Во второй части «Возлюбленной сердец» речь идет о вопросах морали и этики. Дружба и любовь особенно нужны в мире, где столько зла. Подлинная любовь для Навои — в дружбе и преданности.

Книга заканчивается собранием афоризмов и изречений.

Пользуясь богатствами народной речи, Навои высказывает здесь свои сокровенные мысли. Они вошли в кровь и плоть народа, сделались любимейшими пословицами.

Алишер так выразил свою преданность родине:

Высоким званьем человек достоин зваться тот,
Кто о народе никогда не ослаблял забот.

Ненависть к невежеству отразилась в следующих строках:

Кто спрашивает знающих — мудрец, а не простак,
Глупец — не спрашивающий, себе он злейший враг.

«Кто, получив знания, не сумел применить их, похож на крестьянина, вспахавшего поле, но не засеявшего его».

«Знание и мудрость — украшение человека».

Афоризмы Навои прославляют дружбу, любовь и верность, отстаивают гуманность, справедливость, правду, достоинство человека.

* * *

Тяжелые переживания, выпавшие на долю Навои в последние годы, чувство бессилия в борьбе за мир и целостность страны, напряженный творческий труд — все это расшатало здоровье поэта. Он жалуется на приближение старости и готовится к смерти: «Я умру от болезни, которая не обнажает язв и от которой нет врачебных средств... Мысль моя померкла. Горит все мое существо, днем не могу есть, ночью ни на мгновение не могу уснуть, не держусь на ногах, не опершись на палку».

Несмотря на немощное состояние, Навои не отрывается от творчества. Он возвращается к образам далекого детства, припоминает, как мальчиком еще увлекался поэмой персидского поэта Аттара «Разговор птиц», и ему хочется создать нечто подобное на родном языке.

Он сперва взялся за перевод поэмы Аттара, но сохранив основную фабулу, ушел далеко в сторону в деталях поэмы, привнес много своего и создал оригинальное произведение на родном языке. Навои работал лихорадочно быстро; менее года трудились он над бейтами «Языка птиц».

Навои так рассказал о своей работе: «Когда жизнь вступила в шестидесятый год, я очинил перо, чтобы изложить «Язык птиц». Полночь была временем моих занятий. Как я подгонял ход пера! Я не мог успокоиться, пока не написал за ночь сорок-пятьдесят двустий».

В «Языке птиц» Навои есть такая притча.

На одной из улиц Герата обрушилась стена. Большая толпа окружила место происшествия, и находившийся здесь дервиш впал в экстаз. Когда его спросили о причине этого, он сказал, что давно заметил, как стена клонилась в сторону. Если даже мертвая стена в конце концов добилась осуществления своего желания, то неужели он, живой, не добьется того же?

Так Навои утешал себя надеждой, что когда-нибудь осуществятся и его желания.

Однако для достижения цели вовсе не нужно отходить от жизни и борьбы, становиться фантазером и мечтателем.

Об этом говорит другая притча, вкрапленная в сюжет поэмы:

Каландар, людей обманывавший, жил,
Днем и ночью пищей бенг³² ему служил.

С виду был он в отрешенность облачен,
И всю тайну в ларчик с бенгом прятал он.

Вкусит бенг и уподобится немым,
И к мечтаньям устремляется пустым.

Вот попалась «снедь целебная» ему.
Сел с «целебным» он в разрушенном доме.

Прислонился он к надтреснутой стене,
И поехал по таинственной стране.

Поглядел вокруг — и светлый видит сад,
И душа иных не требует усад.

И чертог ему просторный, крепкий дан
И вверху — Мани³³ расписанный айван.

Не Джемшид³⁴ ли он? Престол под ним возник,
Рядом с ним — солнцеподобный, нежный лик.

Весел царь величественный, он
Утолением бессменным утолен.

В тех видениях, в мечтательности той,
Он лежал в углу развалины пустой.

И пополз в пыли чуть видимый для глаз,
Скорпион, таящий в жале смертный час.

В запустении свершил он свой обход,
Жалит все, что на пути своем найдет.

Мнил мечтатель утолить свою алчбу —
Жало смертное вошло в его губу.

Завопил, едва очнувшийся от чар,
И вскочил в испуге страшном каландар.

³² *Бенг* — наркотическое вещество, добываемое из конопляного семени.

³³ *Мани* — герой многих восточных сказаний, легендарный художник, славившийся своим искусством.

³⁴ *Джемшид* — легендарный царь Ирана.

Нет ни роз и ни чертога, трона — нет.
И луны розоволикой канул след.

Стало прахом все, что создала мечта,
Жало смерти лишь нашло его уста.

И постиг он ложь обманного пути.
Но в раскаянье нам пользы не найти.

Захотел ты уподобиться ему:
Лишь мечты к рассудку никнут твоему.

Но узнав, что жало смертное — не ложь,
Вскрикнув, дрему небреженья ты страхнешь.

Да уж сколько ни метался бы с тоской, —
Не сыскать в том пользы никакой.
И поймешь, кого хотел ты избежать.
И разлуки примешь на душу печать³⁵.

Поэма согрета теплом мудрости и жизненного опыта. Она написана живым стихом, в котором сверкают блески здорового юмора.

Как Шекспир в конце своей жизни творил романтические сказки, в которых искал прибежища от терзавших сердце жизненных конфликтов, так Навои на закате жизни утешался притчей о том, что конечная цель все же достижима, что смысл жизни — в борьбе и преодолении препятствий: «Тридцать птиц стремились к Симургу и увидели, что они сами и есть Симург, и только».

И Навои добавляет:

«В тебе тоже он (Симург, птица счастья.— Авт.) существует в возможности, если он станет действительным, цель будет осуществлена».

* * *

Султан-Хусейн продолжал воевать с непокорными сыновьями. Когда мервский царевич соединился с аби-вердским, Хусейну пришлось идти на Астрабад, где правил его сын Мухаммед-Хусейн.

Хусейн занял Астрабад, и с мятежом Мухаммед-Хусейна было покончено.

Но в Астрабад пришли грозные вести. Оказалось, что Бадиузезман снова восстал: на этот раз он собрал огромное войско и двинулся на Герат.

³⁵ Перевод К. Липскерова.

Герату грозила непосредственная опасность. Правителем города был в это время эмир Мубаризуддин Мухаммед Вели-бек. Ему вручил Султан-Хусейн полноту власти. Вместе с Вели-беком обороной Герата ведал Алишер.

Как ни велики были обиды, нанесенные ему султаном, поэт-патриот в опасный для родины момент отдавал ей все силы. Этот согбенный, обычно опиравшийся на палку старец с юношеской прытью ходил вдоль крепостных валов и стен Герата, беседовал с военачальниками, а также с мастерами и ремесленниками, собранными для оборонительных работ.

Глубокие рвы, опоясавшие весь город, наполнились водою. День и ночь стучали молоты в кузницах, выковывая копья и железные наконечники для стрел. Котельщики изготовляли огромные сосуды. В них кипели вода и смола, предназначенные для уничтожения врага, если бы он отважился пойти на приступ. Несметные груды камней, пригодных для метания с крепостных стен, были подвезены к цитадели.

Бадрузземан подступил к самому городу и осадил его.

Военный план защитников Герата сводился к пассивной обороне столицы. Бадрузземан решил взять город измором.

Сорок дней длилась осада.

Султан-Хусейн был вынужден вернуть Мухаммед-Хусейну власть в Астрабаде и двинуться на выручку Герату.

Узнав о приближении войск султана, Бадрузземан отступил. Навои, снова став посредником между отцом и сыном, убеждал их прекратить бесцельную бойню.

Увидев, что у Бадрузземана гораздо больше сил, чем у него самого, Султан-Хусейн уступил сыну Балх и обширную область между Аму-Дарьей и Мургабом.

Летом 1500 года Хусейну снова пришлось отправиться походом на Астрабад против Мухаммед-Хусейна. Лишь в декабре этого года султан, помирившись с сыном, вернулся в Герат.

Алишер Навои участвовал в торжественной встрече государя. По обычаю, он отправился вместе с высшими сановниками навстречу султану. Историк Хондемир рассказывал об этом:

«Встреча с Хусейном произошла 31 декабря 1500 года. В местности Ходжа-Аббас к Алишеру подъехал султанский сановник Ходжа Шихабуддин Абдулла и известил о приближении паланкина падишаха. Не успели они закончить разговор, как Алишер почувствовал себя дурно. Теряя силы, он сказал:

— Ходжа Абдулла, видишь, что со мной?

В этот момент приблизился паланкин государя. Алишер сошел с лошади, чтобы подойти к падишаху. Но он уже еле держался на ногах. Ему пришлось положить одну руку на плечо Ходжи Абдуллы, а другую — на плечо историка Хондемира. Горько подтрунивая над своей немощью, Навои приблизился к паланкину. Он поцеловал руку Хусейна и, вследствие охватившей его слабости, тут же опустился на землю.

Хусейн Байкара участливо заговорил с больным поэтом. Но Алишер присел на землю и даже не мог ответить ему.

Поэты положили на царские носилки, чтобы в ту же ночь отправить в город. Хусейн поручил Ходже Абдулле позаботиться об Алишере и двинулся со своим кортежем к рабату Периян.

У больного изменился цвет лица, пульс сделался слабым. Врачи заспорили: некоторые настаивали на кровопускании, другие противились этому. Придворный лекарь Мавляна **Абдулхай заявил:**

— По прибытии в Герат соберем врачей и примемся за лечение.

Слушая их, Навои сказал с горечью:

— Если смерть берет за шиворот, все Платоны и Сократы бессильны.

В дороге положение больного ухудшилось. Хондемир настаивал на кровопускании. Ходжа Абдулла отправил к султану гонца, прося его распоряжений. Хусейн приказал поспешить с кровопусканием. Но, очевидно, время было упущено. Когда вскрыли вену, вышло всего несколько капель крови.

В полночь Алишера привезли в его дом. Здесь, у постели умирающего, собрались все гератские врачи и решили снова пустить кровь. Но пользы от этого не было.

Султан-Хусейн прибыл, чтобы навестить больного, но застал его без сознания.

Это было в субботу 2 января 1501 года, а на следующий день, выражаясь цветистым слогом Хондемира, «птичка чистой души, разбив клетку тела, выпорхнула из его тесной оболочки в пространные обители сада вечности».

* * *

На рассвете Герат был разбужен вестью о смерти Навои.

Всеобщая скорбь охватила город.

Один современник красочно рассказывает, что «от криков, поднявшихся к небу, его синева закрылась облаками и на землю потоком полились слезы».

По обычаю, похороны состоялись в тот же день.

Десятки чтецов читали отрывки из корана над умершим. Сотни женщин в черном склонялись у праха Навои. Начиная с султана до последнего бедняка — все горевали об Алишере.

Алишера Навои торжественно похоронили к северу от соборной мечети, им отстроенной.

Никто не спал в эту ночь в Герате. Поэты читали стихи, вспоминали о встречах с Навои. Многие из них с горя разрывали на себе халаты.

Ученейшие из ученых сбрасывали с голов чалмы, предаваясь отчаянию и не зная, кто будет вдохновлять и опекать их.

Так выражали свою скорбь ученые, поэты, художники, музыканты, развивавшие свои таланты под влиянием Навои. Бабур указывает, что до Алишера люди науки и искусства не могли систематически заниматься самосовершенствованием: «Благодаря Алишеру сколько людей получило литературное и художественное воспитание, сколько людей укрепило свои дарования!»

Горевали о Навои и прочие горожане, любившие Герат, украшенный зданиями по плану и вкусу Навои.

Горевали о нем и ремесленники, и крестьяне, которых Навои защищал от корыстолюбивых и хищных чиновников.

Султан-Хусейн провел три дня в трауре в доме покойного. На седьмой день после смерти Алишера были устроены торжественные поминки в местности Хауз-имахиян (Водоем рыб) на обширной равнине. Невидан-

ное количество народа собралось сюда в этот день. Присутствовали шейхи, законоведы, ученые, поэты, эмиры, простолюдины, все сословия подданных Хусейна.

На возвышении был разбит пышный шатер султана. Взойдя на трон, Хусейн открыл поминование покойного и обратился к окружающим с ласковыми словами, утешая их и убеждая терпеливо перенести тяжелую утрату.

Началась всенародная трапеза. Следившие за раздачей еды, разъезжали верхом по огромной равнине, запруженной многими тысячами людей.

После трапезы выступили певцы, затем появились плакальщицы, огласившие воздух скорбными рыданиями. Поэты исполняли элегии, посвященные Навои. Они называли поэта «соловьем, поющим в цветнике слов», «соколом мысли», «водолазом, собирающим жемчужины в море красоты».

Герат отдавал последний долг великому поэту, другу народа.

Легенда о дружбе-вражде

Прошли века, но народная память сохранила образ Алишера Навои. Песни, легенды, сказания среднеазиатских народов, говоря о великом поэте, причудливо изменяют факты, вплетая в них фантастические подробности, по-своему создавая привлекательную и благородную фигуру певца-гуманиста, ратовавшего за народное счастье.

Все «белые пятна» в биографии Алишера Навои — его дружба-вражда с Султан-Хусейном, отсутствие всяких сведений о любви поэта к какой-нибудь избраннице его сердца — вызывали поэтические отклики в народной фантазии и рождали легенды, которые дошли до нашего времени.

Мы пересказываем здесь одну из легенд о Навои. Ее сложил неведомый автор, и записана она была в 1835 году на персидском языке.

Известный востоковед, проф. А. А. Семенов приобрел в Ташкенте на базаре рукопись, содержащую небольшой рассказ о Мир-Алишере Навои. Автор повествования переселил Навои в Каршинскую степь, лежащую между Гиссарским хребтом и песками Сундукли,

в нынешней Узбекской ССР. Столицей державы Хусейна именуется не Герат, а Самарканд.

Желая объяснить безбрачие и бездетность Навои — явление редкое в мусульманском мире, — автор легенды дает поэтическую разгадку этому, рассказывая о трагической любви Алишера к девушке Гули. Разумеется, в исторических источниках нет никаких фактов, которые бы подтвердили достоверность легенды. Но дело не в этом. Красивая и изящная повесть о любви султанского бека Алишера к простой девушке свидетельствует о том глубоком влечении к поэту, которое живет с неугасаемой силой в сердцах среднеазиатских народов.

* * *

Старые люди рассказывают:³⁶

В Каршинском округе, подвластном султану Хусейну, была степь по названию Себзевар, и там жил один молодой человек, по имени Мир (Алишер. — *Авт.*) большого ума и учености.

Как-то он отобрал из своего стада тысячу крупных и жирных баранов и приказал своим людям гнать их в Карши, а сам верхом на лошади поскакал впереди их. Мир приехал на скотный рынок, и когда туда пригнали его баранов, собрался народ и стал к ним прицениваться. Но Мир сказал покупателям:

— Люди, я не продаю своих баранов ни торговцам скота, ни богачам. Я хочу дать их в долг бедным и честным людям.

И когда явились такие люди, Мир дал каждому из них по барану, а затем воскликнул:

— Друзья! Я потребую с вас стоимость этих баранов лишь после того, как умрет Султан-Хусейн.

Сказав это, он отправился на своем коне домой.

Султанские соглядатаи донесли об этом случае в Самарканд, и Султан-Хусейн, получив сообщение, разгневался. Он приказал отправиться в Каршинскую степь, взять там молодого человека по имени Мир и доставить в Самарканд.

³⁶ Русский перевод новеллы о Мир-Алишере, сделанный А. А. Семеновым, опубликован в «Бюллетене Среднеазиатского гос. университета», вып. 13. Ташкент, 1926, с. 177—185.

Посланец Хусейна разыскал богатого юношу, который гостеприимно встретил его. Не подозревая ничего дурного, Мир тотчас же согласился отправиться к султану и вместе с посланцем пустился в путь.

Прибыв в город, посланец султана доложил государю, что выполнил приказ. Султан-Хусейн велел привести Мира, и юноша пал ниц перед государем, выражая глубокое почтение. А султан велел ему сесть и спросил, не он ли пригонял на каршинский базар баранов и продавал их не за наличные деньги, а в долг, сроком до дня смерти султана.

— Какое я тебе сделал зло? Какую сотворил несправедливость, что ты поступил таким образом?

Мир поцеловал землю и сказал почтительным тоном:

— О государь, приют вселенной! Никто еще из смертных не сетовал на то, что вы причинили ему обиду. Покой и безопасность исходят от вас, и мой поступок только знак искреннего уважения к вам.

— Как это понять?— спросил султан.

— Люди, которым я дал баранов под таким странным условием станут молиться день и ночь богу, чтобы никакое несчастье не случилось с их государем, ибо иначе владелец баранов потребует с них уплату.

Султану понравился этот остроумный ответ, как и сам юноша. Он сказал своим придворным:

— Он хорошо говорит, и жаль, что такой молодой человек живет в степи, ведь он достоин места везира во дворце.

И Султан-Хусейн, позвав писца, велел написать фирман о назначении Мира везиром. Когда писец принес фирман, султан приложил свою большую печать, свернул фирман в трубку и воткнул в чалму Мира.

Все сановники поспешили с поздравлениями к новому везиру. Султан-Хусейн подарил Миру большой цветущий сад с оросительными каналами за самаркандской стеной, чтобы выросший в вольной степи юноша не затосковал в городе, чтобы он радовал свое сердце зеленью сада.

Так оно и было. Каждый день Мир выезжал за город в этот сад, а на ночь возвращался в Самарканд. Прошло некоторое время, и молодой человек научился

при дворе султана тонким манерам, и в нем развилось поэтическое дарование.

Как-то утром, отправляясь в загородный сад, Мир проезжал по одной из улиц. Случайно взор его скользнул по плоской крыше дома, и он увидел на крыше красавицу, которая развешивала только что выстиранное белье. Девушка была столь прекрасна, что даже солнце могло бы позавидовать ей и спрятаться от стыда за облако. Сердце Мира Али запуталось в сетях любви. Он потерял дорогу в сад. Мир подъехал к дому красавицы, забыл обо всем на свете и стукнул в ворота кольцом. Отец девушки вышел и был поражен, увидя султанского везира перед своим домом. Он взял под уздцы его лошадь, ввел во двор, а везира пригласил в дом и усадил на почетном месте. Потом он пожелал узнать, зачем посетил его высокий гость.

Мир заговорил о разных делах, а после сказал:

— Прими меня как своего сына!

Хозяин удивился и ответил:

— Душой и сердцем я согласен, но следует спросить и дочь, что она думает об этом.

И он прошел на женскую половину и сказал дочери:

— Дитя мое, когда ты развешивала белье на крыше, мимо проезжал везир султана и увидел тебя. Он загорелся любовью и, приехав к нам, просит принять его как сына. Что ты скажешь на это?

Девушка была очень умна.

— Отец,— сказала она,— если везир хочет меня взять даже как рабыню, то я пойду к нему в рабство.

Хозяин вернулся к гостю и передал ему согласие дочери. Тогда Мир развязал свой пояс и сказал будущему тестю:

— Подойди ко мне, отец, и подставь полу своего халата.

Тот исполнил это, и везир высыпал ему тысячу золотых из пояса и сказал:

— Это тебе, отец, за то, что вышел на мой стук и впустил меня в свой дом. А плату за невесту я внесу отдельно.

Счастливым жених удалился во дворец султана, где провел беспокойную ночь.

Едва поднялось солнце, зазвучали трубы, загремел большой барабан. Султан-Хусейн оповещал о выезде на

охоту. Когда все сборы были закончены, шатры и палатки навьючены, Султан-Хусейн и везир Мир-Али, сев на арабских коней, двинулись в путь. Они проезжали через улицу, где жила девушка, вызвавшая страсть везира. Мир-Али ехал по той стороне, где стоял дом невесты, а султан — по противоположной.

Невеста везира, которую звали Гули, высунула голову в окно и стала смотреть на процессию, желая полюбоваться красивым везиром. Когда султан и везир поравнялись с домом девушки, взгляд Хусейна случайно упал на окно. Султан был так поражен ее красотой, что его бросило в дрожь. С трудом он поехал дальше и, проведя на охоте весь день, вечером вернулся в город.

Как султан ни хотел побороть себя, не мог он отделаться от образа красавицы. И на следующий день, когда к нему явился верховный судья, Хусейн ему открылся во всем. Он просил судью отправиться в дом девушки и посватать ее за него.

И верховный судья, по поручению своего государя, отправился в дом домуллы³⁷ Салиха, отца красавицы. Он изложил поручение султана и стал ждать ответа.

Домулла Салих пошел на женскую половину к дочери и рассказал ей о сватовстве султана.

— Отец,— ответила девушка,— я ведь не верблюд, голову которого рубят с двух сторон, и потому не могу принять предложение султана.

Домулла передал ответ дочери верховному судье, а тот доложил его султану и этим еще сильнее разжег его страсть.

Везир Мир-Али застал государя в страшном волнении.

— О великий государь, — спросил везир, — что причинила вам судьба?

И Султан-Хусейн рассказал о происшествии. Сообщил он о том, что посылал сватать красавицу, но она отказала ему. Султан сказал:

— Пусть это дело разрешится благодаря вам, иначе навеки исчезнут мой покой и безмятежность.

Везир услышал эти слова и понял, что случилось, Ничем он не выдал себя. Повинуясь приказу султана, он отправился в дом домуллы Салиха и сказал отцу невесты:

³⁷ *Домулла* — форма обращения к ученому человеку.

— Домулла, все случается так, как пожелает бог, но не все делается по слову человека. Вот я приехал сватом от султана.

И снова пошел к дочери домулла Салих сказать, что приехал везир султана сватать ее за государя.

— Отец,— отвечала девушка,— я уже сказала, что я не верблюд, голову которого рубят с двух сторон. Я уже обещала быть служанкой везира и не могу поэтому предпочесть султана.

Домулла передал эти слова везиру, и тот вторично послал отца к девушке, чтобы он уговорил ее согласиться на брак с султаном.

— Я уже отказался от моей любви, чтобы отплатить султану за его милости ко мне,— сказал Мир-Али.

Когда отец вторично пошел к дочери и передал ей эти слова везира, Гули горько заплакала и дала согласие с одним условием, которое должен был выполнить везир.

Мир-Алишер беспрекословно согласился сделать все, что пожелает девушка. А она взяла чернила и бумагу, написала две записки и передала их через отца везиру с таким поручением: пусть Мир-Алишер отправится на рынок, в тот ряд, где торгуют лекарственными снадобьями, передаст эти записки знакомому ей купцу и все, что тот ему отпустит, пусть принесет ей.

Везир отправился к купцу и передал записки. Развернув одну записку и прочитав ее, торговец засмеялся, а развернув и прочитав другую, заплакал. Потом он взял какие-то снадобья, положил одно — в первую записку, другое — во вторую и передал все это везиру. Тот возвратился в дом домуллы Салиха и вручил полученное девушке.

Гули велела привести к себе везира, а сама спряталась за занавесом, протянутым через комнату.

— Везир,— сказала Гули,— ты обещал выполнить мое требование. Возьми это лекарство и проглоти его.

И она дала ему одно из снадобий.

Везир немедленно проглотил лекарство, а Гули в то же мгновение проглотила другое снадобье.

— Слава аллаху,— сказала она,— теперь я спокойна. Иди к султану и скажи, что он может жениться на мне.

Везир встал и направился к двери, а девушка сказала ему с упреком:

— Везир, что же ты уходишь, не узнав, что за лекарство? Твое лекарство сделало тебя навсегда бездетным, а то что я приняла,— через сорок дней сведет меня в могилу. А теперь ступай.

Мир-Алишер пошел, рыдая. Он доложил султану о согласии девушки, и тот немедленно приказал готовиться к свадебному пиру.

И повенчали бедную Гули с Султан-Хусейном. И когда он вошел к ней и увидел ее, прекрасную как гурья, красоты которой еще не видело ничье око в мире, она поднялась со своего места, оказала султану знаки высокого уважения и сказала:

— Владыка мира, у меня есть к вам просьба!

— Скажи,— ответил султан.

— Да позволено будет мне, вашей рабе, надеяться на султанскую милость: дайте мне отсрочку на сорок дней.

Султан, пришедший от нее в восхищение, согласился выполнить эту просьбу и ежедневно делал все то, что нравилось Гули.

Прошло тридцать пять дней, и яд, разрушавший ее тело, заставил ее слечь. Султан был вне себя от горя и, не чувствуя себя в силах оставаться во дворце, решил отправиться на охоту. Гули узнала об этом и тайно послала одну из рабынь к везиру с просьбой, чтобы он под каким-нибудь предлогом отказался ехать на охоту, так как ей надо повидаться с ним перед смертью.

Так оно и было. Везир сказался больным, султан выехал на охоту без него. А Гули велела повесить занавес поперек своего покоя и послала рабыню к везиру с чадрой и женским платьем, чтобы привести его под видом женщины.

Когда Мир-Алишер явился к ней, она сказала:

— Знаешь ли ты, везир, что мне осталось жить пять дней, и я хочу передать тебе свою последнюю волю. Когда я, несчастная, которой не суждено было соединиться с тобой, умру, то выполни мою волю: подними мой погребальный одр, чтобы тело мое вместе с ним было в твоих руках, и, прошу тебя, поминай меня в своих утренних молитвах каждую пятницу.

Едва она промолвила эти слова, как снаружи под-

нялся шум и прибежали сказать, что Султан-Хусейн внезапно вернулся с охоты. Везир страшно растерялся, не зная, что делать, чтобы султан не увидел его в своем гареме. Но рабыни нашли выход: они спрятали везира в огромный котел с крышкой, в котором ежедневно варили еду для гончих собак. Рабы понесли котел во двор, но на пути столкнулись с султаном. Султан пожелал узнать, что они несут, поднял крышку котла и увидел своего везира. Султан ничего не сказал и, закрыв котел крышкой, прошел в гарем. Рабы вынесли во двор котел с везиром и оставили его. А везир отправился в обитель дервишей и сказал знакомому дервишу:

— Брат мой, дай мне твоё рубище и колпак и возьми меня под своё покровительство!

Так Мир-Алишер, переодевшись дервишем, отправился на поклонение в Мекку.

Султан, убитый горем из-за безнадежного состояния Гули, послал за везиром, но его нигде не могли найти. Узнав, что он отправился на богомолье в Мекку, султан написал Мир-Алишеру письмо, прося его вернуться, и самый быстрый из царских скороходов по прозвищу Бадпай, что значит «ветроногий», был послан вдогонку. Скороход нашел на дороге Мир-Алишера, передал ему султанское письмо и доставил Мир-Алишера на своей спине в Самарканд.

Вскоре Гули скончалась, и над прахом любимой девушки произошло примирение двух соперников.

Лирика

Литературное наследство Навои, дошедшее до нас, отличается большим разнообразием жанров и тем. Оно содержит более трех десятков поэтических и прозаических произведений, среди которых большой сборник лирических стихотворений «Чар-диван», «Хамса» («Пятерица»), поэма «Язык птиц», представляющая собой оригинальную вариацию сюжета поэмы Атгара, лингвистический трактат «Тяжба двух языков»; философско-дидактический труд «Возлюбленная сердце», воспоминания о Джами — «Пятерица смятенных», характеристики современных поэтов — «Собрание изящных»; трактат по стихосложению — «Весы размеров».

Навои начал свою литературную деятельность как лирический поэт. Есть основание полагать, что его пер-

вые стихотворения написаны на персидском языке под техаллусом (псевдонимом) Фани (Бренный, Преходящий). Однако эти стихи отсутствуют в наших книгохранилищах и вообще мало изучены.

Трудно определить, когда Навои составил первый диван (сборник) своей лирики на родном языке. Крупнейший современный исследователь творчества Навои проф. Е. Э. Бертельс высказывал предположение, что это произошло между 1469 и 1482 гг.³⁸, то есть в тот период, когда Навои находился при дворе Султан-Хусейна и занимал видные государственные должности. Вместе с тем лирика Навои в подавляющем большинстве стихотворений не связана с характерным для поэтов Востока прославлением падишаха и его приближенных.

Во времена Навои лирика являлась преобладающим видом поэзии, и ее жанры были хорошо разработаны арабскими и персидскими поэтами.

По своему существу поэзия средневекового Востока была придворным жанром. Поэтому главной формой лирической поэзии являлась касыда, торжественная ода.

Касыда строилась по определенным правилам. Она состояла из вступления и основной части. Вступление носило сугубо лирический характер. Чаще всего поэт воспевал красоту природы и изображал свои душевные переживания, в традиционном духе сетуя на жестокость красавицы, пленившей его сердце, вздыхая о разлуке с ней или, наоборот, радуясь любовной удаче. Нередко наперекор догме шариата певец прославлял дары виноградной лозы, чей сок приносит опьянение, заставляющее забыть о горестях и лишениях.

Любовная тема во вступительной части касыды, как преобладающая, дала повод к особому названию этой части: газель (газаль), что означает по-арабски «речи любви, нежная беседа с возлюбленной».

Газель оторвалась от касыды, воспевающей подвиги и щедроты властителей, и стала вести самостоятельное существование. Если касыда была официальным, придворным жанром, то газель представляла собой неч-

---

³⁸ Бертельс Е. Э. Навои. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948, с. 109.

то вроде интимного романа, исполнявшегося на дружеских пирушках. Газелью вследствие ее популярности пользовались и суфийские проповедники. Они вкладывали религиозно-мистическое содержание в свои газели, подразумевая под любовным томлением влечение к познанию божества.

В XII веке персидский поэт Саади и азербайджанец Хакани, каждый самостоятельно, разработали жанр газели, окончательно отделив ее от придворной касыды. Затем появились крупные мастера газелей — Эмир Хосров, Хафиз и Джами.

С формальной стороны газель представляет собой лирическое стихотворение, состоящее из небольшого количества двустиший (бейт), как правило — не больше одиннадцати. Очень часто газель образно сравнивают с ниткой, на которую нанизаны отдельные жемчужины. Действительно, каждый бейт содержит в себе завершенную мысль, так что без особого ущерба для содержания можно отдельные бейты внутри газели менять местами.

Но все двустишия связаны между собой, как жемчуга нитью, одной рифмой, проходящей через вторые, четные, строки двустиший. Только первый бейт связан двумя рифмами.

К тому времени, когда Навои стал пробовать свои силы в области газели, его предшественниками уже был выработан условный поэтический язык, целая система постоянных образов и эпитетов, метафор и иносказаний. Вместо подписи автор непременно называл свой техаллус в последнем двустишии.

Навои как лирический поэт, разумеется, не прошел мимо традиции прославленных мастеров газелей. Он сам красочно сказал, что отразил в своих газелях, как в зеркале, «красоту трех луноподобных красавцев», своих предшественников.

Газелей строгих образцы мы видим у троих,
Нельзя представить чей-нибудь пленительнее стих.

Один индийский мастер — вам известный чародей,
Кумир поклонников любви — словесный чародей.

Другой — ширазский шейх гуляк, блаженный, как Иисус, —
Он пил вино небытия, презрев земного вкуса.

А третий — мудрости сосуд — имел священный лик,
Из глиняного черепка пить волшебство привык.

В любой газели Навои, в двустииши любом
Все, что присуще всем троиm, найдешь ты в нем одном³⁹.

Действительно, в лирике Навои сочетаются блестящий стиль Хосрова, блаженная легкость ширазца Хафиза и углубленная мудрость Джами. В период астрабадского изгнания (1487—1488) Навои составил большую антологию своей лирики под названием «Чар-диван». Книга содержала четыре раздела, причем стихи располагались по времени их написания: «Диковины детских лет», «Достопримечательности юности», «Красоты средней поры жизни» и «Наставления старости». Состав «Чар-дивана» не был неизменным. Он до самой смерти поэта изменялся и пополнялся им. Отдельные стихотворения подвергались переработке.

Как во всем творчестве Навои, в его «Чар-диване» на первом месте — мысль. Недаром другое известное название сборника «Чар-диван» гласит: «Сокровищница мысли».

Говорит ли поэт о любви с ее изменчивым течением, о человеческих пороках и достоинствах, о жизни и смерти, — везде он неизменно выражает свое отношение к миру и многообразию его явлений.

Большинство современных Навои поэтов воспевало любовь в своих газелях, но их любовь выглядела бледной, бескровной, нередко звучала как мистическая абстракция.

Любовь в изображении Навои сверкает живым разнообразием мысли и чувств:

Красота твоя восходит, словно солнце надо мной.
Блещешь ты — и каждый атом ощутим, как свет земной.

Каждых сумерек истома — это мгла волос твоих.
Лик твой бел — и зори утра полны дивной белизны.

Что достойно отражаться в зеркалах твоих очей?
В них сверкают устремленья, отражен весь мир земной⁴⁰.

Любовь для Навои, как это особенно четко выражается в «Хамсе», — способ раскрытия лучшего, что есть в человеке, это — творческий путь к познанию мира.

Могут ли понять такую любовь корыстные, лицемерные люди? Разумеется, не могут:

³⁹ Перевод Л. Пеньковского.

⁴⁰ Перевод Н. Лебедева.

Нет, шейх, в любви есть не одна дорога!
Тебе — одна, а мне совсем другая.

И в другом месте Навои пишет:

«Берегись любви», — говорит мне простоватый шейх.
Нет, не простоватый шейх — пес проклятый, шейх⁴¹.

Скучный и постный, ханжа-духовник достоин только издевки. Поэт советует возлюбленной:

Если у тебя есть улица, никогда не совершай прогулок
в рай.

О себе самом Навои говорит в обращении к богу:
Я столько совершил грехов, что если войду в ад,
Он будет переполнен бесчисленными прегрешениями.
Господи, тебе легче простить меня,
Ибо, если ты будешь гневаться, тебе придется
Устроить для меня особый ад, особый огонь и особые мучения.

Жизнь с ее превратностями и лишениями, с короткими радостями и тоской разлуки, с болью утрат и ужасом падения несравненно дороже жизнелюбцу Навои, чем рай, обещанный муллами и шейхами. Поэт восклицает:

Живи! Ведь жизнь — река добра благая.

Он принимает земные страдания с кроткой мудростью:

Что за горе, если в страсти жизнь погибла Навои?
Не отшельник лицемерный этот радостный прастак!⁴²

Неисчерпаемо разнообразен Навои в изображении любовной тоски:

Боль утраты в каждом миге, если друг покинул дом,—
Тяжело бродить по следу и утрату видеть в нем...

Я мечусь в степи разлуки, где ты, солнце, где мой друг?
К тени рвусь, бегу от тени, злым безумием влеком...

Ты, заносчивая, вечно проклинаешь Навои,
Он тебя благословляет, счастлив быть в плену твоём....⁴³

В другой газели говорится:

Навои идет к любимой, скорбь, как тень, идет за ним, —
Чем чернее тень, тем ярче светит солнце в вышине⁴⁴.

⁴¹ Перевод Вс. Рождественского.

⁴² Перевод Н. Лебедева.

⁴³ Перевод Н. Лебедева.

⁴⁴ Перевод Н. Лебедева.

Когда поэт ищет прибежища в вине, дающем забвение от жизненных огорчений, от любовных забот, от внутренних сомнений, он следует давней традиции. Хафиз, Омар Хайям и другие поэты Востока, предшественники Навои, воспевали благодатный кубок вина и славил радость жизни, выступая этим против напыщенных и тупоумных мулл и подвижников-лицемеров. Навои также не раз обращается к виночерпию с просьбой наполнить кубок благодатным вином, и всегда в этих обращениях есть свой смысл, еще резче, чем у его предшественников, выражающий отрицательное отношение к существующему миропорядку. Именно этим вызвано желание поэта уйти в «храм небытия», как он называет кабачок. Конечно, этот уход нельзя понимать буквально. Легче раскрыть его с психологической точки зрения. Поэт, утомленный придворной жизнью, с ее условностями и церемониями, проявляет своеобразную оппозицию к этому душному миру, когда пишет такие строки:

Будем пьянствовать в трущобах, сердце вырвем из оков,
Похваляясь нищетою меж гостями кабачков...

Кабачок — приют надежный, это — храм небытия.
Не войти благочестивцам под спокойный этот кров⁴⁵.

Кто из великих поэтов и мыслителей прошлого прожил свою жизнь без разочарований, без сомнений, кто не впадал порой в отчаяние.

Навои тоже были не чужды такие настроения. Он видел, как далек его век от тех благородных идеалов, к которым он стремился и к которым призывал. В такие минуты Навои восклицал:

Пей вино, ведь сущность мира, этой древней мастерской,
Любям непонятна так же, как и на заре веков⁴⁶.

Мотивы грусти в поэзии Навои, вызванные противоречиями между мечтой поэта и действительностью, не привели Алишера к отказу от кипучей деятельности.

Навои принимал жизнь во всех ее проявлениях и призывал свое сердце быть стойким «как гора, по которой прошел паводок печали».

В «Чар-диване» встречаются произведения, носящие социально-сатирический характер. Навои обличает шей-

⁴⁵ Перевод Н. Лебедева.

⁴⁶ Перевод Н. Лебедева.

хов, придворных, бездушных богачей и предпочитает благополучию этих людей независимость бедняка, не теряющего чувство достоинства.

В последней части «Чар-дивана», где звучат мотивы умиротворенной старости, поэт подводит итоги своей жизни и считает, что она прожита правильно, если она отдана народу:

За семью и родину, пока только есть у него жизнь,
Сражается человек, сколько может.

Навои уделял огромное внимание форме своих лирических стихов, отличающихся большой музыкальностью. Он вполне оправдывал свое поэтическое имя Навои (Мелодичный). Поэт мастерски подчинил родному языку арабско-персидскую метрику. Кроме газелей, в сборнике содержатся рубай (четверостишия), мухаммасы (строфы, состоящие из пяти полустушиий), месневи (стихи, рифмованные по полустушиям), туюги (четверостишия с рифмами-омонимами) и муамма, своеобразные поэтические загадки.

Во всех стихотворных жанрах Навои, как лирик, отличается богатством средств поэтического выражения. Его образы красочны и неожиданны:

...Брызжет в черный мускус ночи белым серебром зима,
Черное смешалось с белым, радостна во всем зима....

...Как нити гнилого шелка, лопнули жилы мои,
Натянутые тоскою по той, что так холодна....⁴⁷

...Отраду приносит роза в тенистом саду времен,
Ее лепестки, как пламя, которым весь куст сожжен⁴⁸.

В поэтическом арсенале Навои значительную роль играет метафора. Сердце — «развалина в пустыне», зеркало — «ворота рая», тело — «свечной фитиль», сколько в фитиле изгибов, столько же и в нем. Лицо любимой — «белый свиток», пушок на нем — «письмена: то страсть приказ начертала казнить меня поскорей».

Средневековый Восток знал много прекрасных поэтов, но Алишер Навои занял среди них не только выдающееся, но и особое место. Прекрасно владея персидским языком, Алишер дал под поэтическим именем

⁴⁷ Перевод Н. Лебедева.

⁴⁸ Перевод Вс. Рождественского.

Фани диван, включающий свыше двенадцати тысяч строк. Но свой «Чар-диван» создал на родном языке, показав всему мусульманскому миру силу и глубину тюркской поэтической речи. Образы, эпитеты, метафоры Навои очень ясны, благородно правдивы. Многие из них овеяны могучим дыханием народной мудрости. Навои охотно пользуется мотивами старинного фольклора, народными поговорками, изречениями, загадками.

Читая «Чар-диван», нельзя не заметить, что многие мотивы лирических стихов Навои были широко использованы его выдающимися предшественниками и стали традиционными. Так, нельзя считать органической для мировоззрения Навои скорбь поэта о бренности всего земного, о «суете сует». В этих обычных для восточной поэзии сетованиях у Навои всегда громко звучит голос неудовлетворенности тем миром, в котором он живет, и где так стойки несправедливость, зло и насилие.

Не приходится говорить о том, что нельзя понимать буквально страстные обращения поэта к любимой, жалобы на ее неверность, изображение радостных встреч со вновь обретенной любимой. Все эти условности, типичные для поэзии Востока, отнюдь не отражают те или иные биографические моменты поэта.

Лирическая поэзия Навои сильна тем, что в век, когда форма властно господствовала над содержанием, когда большинство поэтов гератской школы изощрялись друг перед другом в неожиданной рифме или ловко придуманном образе,— Алишер Навои умело сочетал изысканную форму с серьезным глубоким содержанием. Для своего времени, когда поэтическая мысль измельчала, Навои был новатором, показавшим, что в тюркской поэзии можно достигнуть совершенства в области стиха и в области мысли. В своих кыт'а (фрагментах) поэт четко говорил: главное — что сказать, а не только — как сказать:

Так как назначение слова — смысл его,
Кто бы ни сказал его, жена ли, муж ли,
Не смотри на положение говорящего, смотри на слово,
Не смотри, кто сказал, смотри — что говорит.

Певец больших чувств и страстей, Алишер Навои был по преимуществу поэтом-мыслителем.

Хамса

1. Предшественники и современники Навои.

«Хамса» («Пятерица») — основной поэтический труд Алишера Навои, к осуществлению которого он готовился долгие годы. Он вложил в «Пятерицу» весь свой жизненный и творческий опыт поэта, мыслителя, государственного деятеля.

Навои отчетливо видел то значение, которое имела «Хамса» для родной литературы:

Начав творить, газелям дань я щедро отдавал, —
День страшного суда людей не так бы взволновал.

Но малым делом я считал газели для себя,
Значительнее намечал я цели для себя.

Да, сделаться я возмечтал, идя путем своим,
Владыкой счастья своего, поэтом мировым.

Я жил в тревоге, размышлял и дни и ночи все, —
И сердцем обратился я в конце концов к «Хамсе».

Прошел я горы и моря, за тяжкий труд берясь,
Но с полпути я не свернул, не сбросил ношу в грязь⁴⁹.

Самая форма «Хамсы» (пять поэм, различных по сюжету, но идейно связанных между собой) возникла задолго до Навои, в XII веке.

Родоначальником этого трудного и многопланового жанра считается великий азербайджанский поэт Низами (ок. 1141 — ок. 1203). Он написал на персидском языке пять поэм, не связанных ни общим сюжетом, ни общими героями. Первая из этих поэм — «Сокровищница тайн» — морально-дидактическое произведение, проповедующее принципы человечности и справедливости, сверкающее афоризмами житейской мудрости. Остальные четыре поэмы: «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц» и «Искандер-наме» («Книга об Александре») — весьма различны по содержанию, но общий тон их — романтическое повествование, построенное на народной основе сказок, легенд и преданий мусульманского Востока.

Низами был далек от придворных кругов и нарочито держался в стороне от шахского двора, чтобы обеспечить своему творчеству относительную независимость.

⁴⁹ Перевод Л. Пеньковского

В его поэмах, философски насыщенных, порой трудных для восприятия из-за обилия неясных намеков и средневековой символики, отразилась богатая и противоречивая эпоха с ее общественными контрастами, своеобразным и глубоким просвещением и наряду с этим — фанатическим варварством. И хотя сам Низами был верным сыном ислама и ни в какой мере не посягал на основы шариата, все его поэмы, особенно «Сокровищница тайн», направлены в защиту простых людей от посягательств шахов и беков, от всякого насилия, в том числе и религиозного. Светлый гуманизм Низами, отраженный в его «Хамсе», привлек к поэту симпатии обиженных и обездоленных и вызвал к нему настороженное отношение высших слоев общества. Широкая слава Низами, перелетевшая за пределы Азербайджана и распространившаяся на всем Переднем Востоке, объясняется не только высокой художественностью его произведений, но и тем социальным смыслом, который в них вложен.

«Пятерица» Низами вызвала на протяжении веков многочисленные подражания. Например, поэма «Сокровищница тайн» нашла около пятидесяти подражателей (на персидском и тюркском языках). Низами как бы установил законы композиции для этого жанра, и каждый из его последователей, персидских или тюркских поэтов, открывал свою «Хамсу» поэмой дидактического характера наподобие «Сокровищницы тайн».

Великий азербайджанский поэт писал классической формой, непрестанно совершенствовавшейся, которая носит название «месневи» — сдвоенная. Она представляет собой сочетание попарно рифмующихся строк, которые составляют «бейт» — двухстрочную строфу. Последователи Низами тоже придерживались этой формы.

Через несколько десятков лет поэт Эмир Хосров Дехлеви (1253—1325) родом из Средней Азии, живший в Индии, в подражание Низами написал свою «Пятерицу», которая открывается дидактической поэмой «Восхождение светил»; в других поэмах читатель встречается с героями Низами: Ширин, Хосровом, Меджнуном, Лейли, Искендером (Александром Македонским) и Бахрамом.

И сам Хосров не скрывал, что его «Хамса» является подражанием:

Тот кравчий, мой предшественник, давно
Процеженное выпил все вино.

Я — выпью гущу старого вина:
В том лишь беда моя, но не вина⁵⁰.

Тщательная отделка деталей, изысканность стиха, блеск стилистических украшений — все это способствовало быстрому успеху «Хамсы» Эмира Хосрова при дворе султана Алауддина Мухаммед-шаха Первого, по поручению которого он и написал свое произведение.

Однако по идейному значению «Хамса» Эмира Хосрова гораздо ниже знаменитого труда Низами. Эмир Хосров ставил перед собой иные задачи, нежели его азербайджанский предшественник. Он писал для развлечения шахской знати и во многом смягчал социальный смысл поэм, за которые взялся, идя по стопам Низами.

Старший современник Навои, гератский поэт Абдаррахман Джами (1414—1492), по словам Алишера, во время одной из встреч с ним рассказал, что взялся за создание «Хамсы» по образцу Низами и Эмира Хосрова. Джами, тоже писавший на персидском языке, в результате напряженного труда создал «Хамсу» усложненного типа — из семи поэм, о чем говорило и название ее — «Созвездие Большой Медведицы». Особенностью творения Джами было введение в «Хамсу» трех дидактических поэм вместо обычной одной: «Золотая цепь», «Дар благородных» и «Четки праведников». Видный представитель ордена накшбенди Абдаррахман Джами в своих поэмах опирался на основные положения суфизма. Кроме того, в сборник входили четыре поэмы романтического характера. В них Джами вновь вызвал к жизни традиционные образы Лейли и Меджнуна, Искендера, наряду с некоторыми своими образами и сюжетами.

Поэмы Джами имели значительный успех и вызвали новые подражания. Надо отметить, что в XV веке ряд среднеазиатских поэтов, предшественников и современников Навои, мечтал о создании своей «Хамсы». Взялись за этот труд и малоизвестный гератский поэт Ашраф, живший еще во времена Шахруха, и неудачливый стихотворец Мавлана Али Аси, и Шейхим Сухей-

---

⁵⁰ Перевод Л. Пеньковского.

ли, упоминаемый Навои, и племянник Джами — Абдаллах Хатифи, ободренный дядей на поэтический подвиг. Никто из названных поэтов и некоторых других, бравшихся за создание «Хамсы», не довел своего замысла до конца.

Алишер Навои задумал написать «Хамсу» под влиянием поэм Джами. Он сам рассказал о том большом впечатлении, которое произвели на него три тетради Джами, содержавшие поэму «Дар благородных». Эти тетради подарил ему Джами. В порыве вдохновения Алишер пришел к наставнику и стал с ним делиться своим замыслом. Он решил последовать примеру Низами, Хосрова и Джами.

В сердце моем волнение зародило страсть:
А что, если по тому пути, куда пошли они,
И я попытаюсь сделать несколько шагов.
Если та поэма была изложена по-персидски,
То я начну ее по-тюркиски.
Если персидский народ получил удовлетворение,
Пусть и турки тоже найдут свою долю.

Алишер Навои не собирался в своей «Хамсе» порывать с традициями установившегося жанра. Он не рисковал вызвать упрек в подражательности. Этот упрек и не мог бы возникнуть в его эпоху, потому что такое сохранение линий сюжета было почти обязательным для поэта, бравшегося за тот или иной традиционный жанр. Все дело было в том, как разработает сюжетные ходы автор очередной «Хамсы», какую трактовку придаст тому или другому герою.

Сличая «Хамсу» Навои с поэмами его предшественников, можно легко обнаружить у него резко индивидуальные черты в разработке тем, в принципиальном отношении автора к героям, в показе их душевных переживаний.

Навои признает, что предшественники оказали влияние на его «Хамсу». В поэме «Смятение праведных» он говорит:

На этот путь Хосровом и Джами
Я выведен когда-то, но пойми,

Что вправе мысли выражать свои
В напевах собственных — и Навои⁵¹.

---

⁵¹ Перевод Л. Пеньковского.

В чем же, по определению Низами, заключаются эти «свои мысли в собственных напевах»?

Они — прежде всего в реальном восприятии мира, в стремлении привести читателя к пониманию обыденных, земных вещей:

Нам радости дают огонь, и воздух, и вода,
Но и земля на что-нибудь пригодна иногда.

И если роза, и тюльпан, и кипарис — товар,
То и для дров, само собой, необходим базар⁵².

Навои признавал мастерство Низами, Хосрова и Джами, он скромно называл себя «бессильным их учеником». Но при этом он отмечал, что решил внести изменения в прекрасные сказки и легенды, созданные до него.

Эти изменения Навои объясняет желанием приблизиться к жизни и ее запросам. Отсюда — забота о правдоподобии, разумеется, в современном Навои понимании:

Преданья эти — плод седых веков, —
О них писали Низами, Хосров.

Основой взяв, я перестроил их:
Я жизни больше влил в героев их...⁵³

Навои сравнивает творчество своих предшественников с жемчужинами, розами и гиацинтами. Но если книги великих предшественников — «жемчужины», то подобная книга Навои — «лишь камень, но камень — кремень». Если в произведениях предшественников — розы и гиацинты, в своей «Хамсе» Навои видит «дым обжигающего огня».

Почему же Навои, так остро поставив вопрос о принципиальном различии между своей «Хамсой» и «Пятирицами» других поэтов, все же считал нужным прибегать к сюжетам и образам, уже знакомым читателю по творениям его предшественников?

Проф. Е. Э. Бертельс дает убедительный ответ на вопрос, почему Навои не создал совершенно независимого от традиции произведения:

«Сделал он это потому, что жил не в XIX веке, а в XV веке. Если для писателя XIX века основная зада-

⁵² Перевод Л. Пеньковского.

⁵³ Перевод Л. Пеньковского.

ча — быть или, по крайней мере, хотя бы казаться оригинальным, то в обществе феодальном эта погоня за оригинальностью в такой форме просто невозможна. Основной закон этого общества — как поступали деды, так должны вести себя и внуки. Отсюда освещенный традицией сюжет авторитетнее, а тем самым и действеннее.

Отсюда происходит столь характерное для всей классической литературы Переднего Востока явление так называемых «назирагуйи», создание «назира», то есть ответ на уже существующие произведения, представляющего собой переработку готовой известной темы. Понятно, что такие ответы будут более или менее оригинальны в зависимости от степени таланта и идейного богатства автора»⁵⁴.

Для Навои литература и искусство — не просто развлечение. Поэт прекрасно понимал глубокое воспитательное значение литературы, и в этом он близок к Низами. «Хамса» как жанр стала гордостью персидского языка, безраздельно господствовавшего в этот период в литературе и общественной жизни стран Переднего Востока. Навои задался целью создать «Хамсу» на народном, «деревенском» языке, как говорили аристократические ценители литературы. Преклоняясь перед культурой арабов, персов, обогатив свой духовный мир ее достижениями, Навои с еще большей страстью обратился к родной культуре, родному языку:

На тюркских струнах, музыкант, сыграй на тюркский лад, —
Народ на языке родном услышать песню рад.⁵⁵

Даже самые одаренные предшественники Навои далеко не всегда извлекали мелодии из этой тюркской лютни. Они просто не интересовались ее существованием, пренебрегали ею. В прославленных старых «Хамсах» Навои не находит «тюркского духа». И вот несмотря на огромную государственную и общественную работу, Навои берется за создание большого труда — «Хамсы» на родном языке. Все пять поэм были написаны в удивительно короткий срок — за два с лишним года (1483—1485).

---

⁵⁴ Сб.: Родоначалник узбекской литературы. Ташкент, 1940, с. 48.

⁵⁵ Перевод Л. Пеньковского.

Наиболее чуткие из современников Навои оценили совершенный великим поэтом труд. Абдаррахман Джами писал о «Хамсе», что она возникла «как замечательный узор красоты на тюркском языке». «Чем стал теперь Низами? И чем стал Хосров? Навои выразил тонкие мысли на другом языке».

Джами в своей поэме «Книга мудрости Искендера» так выражался о «Хамсе» Навои: «Автор этого произведения проявил большую милость по отношению к поэтам, пишущим по-персидски: если бы он начал писать по-персидски, то мы, персидские поэты, вынуждены были бы замолчать».

Это высказывание является отповедью тем поверхностным исследователям, которые считали Навои только переводчиком «Хамсы» Низами.

Весь жизненный опыт Навои вел его к созданию «Пятерицы» на узбекском языке. Подобно Данте, он понимал, что только произведения, написанные на народном языке, могут сделаться достоянием народа:

Народ — поэт, а я при нем — писец. И вот за то
К народу я приближен так и взыскан, как никто⁵⁶.

Так и Данте, прославляя итальянский народный язык в противовес литературной средневековой латыни, указывал, что «это — ячменный хлеб, которым будут насыщаться тысячи».

2. «Смятение праведных».

В «Хамсу» Навои входят такие поэмы: «Хайрат-ал-абрар» («Смятение праведных»), «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Сабайи сайяр» («Семь планет») и «Садди Искандери» («Вал Искандера»).

Первая поэма — «Смятение праведных» — выделяется в «Хамсе» по своему содержанию и композиции. В ней между обширным вступлением, состоящим из девяти частей, и эпилогом заключаются двадцать глав, именуемых в оригинале «макалэ» (беседа), каждая из которых трактует тот или иной вопрос морали, религии, философии, общественной жизни.

Каждая из двадцати макалэ кончается нравоучительной притчей, иллюстрирующей в повествовательной

⁵⁶ Перевод Л. Пеньковского.

форме философские и моралистические положения, развитые в данной макале.

В этой философской поэме выражены основные этические принципы Навои — поэта, мыслителя, государственного деятеля.

Философская линия поэмы — прославление идеи добра и разоблачение злого начала. По Навои, идея добра проявляется в законности, справедливости, свободе, любви, в дружбе, верности, искренности. Насилие, творимое над народом, Навои осуждает как величайшее зло. Поэт показывает проявление этого зла на живых примерах, обращает свой гнев против всех, кто посягает на мирную жизнь и созидательный труд народов. Он возвышает свой голос против междоусобиц и социальных бедствий, принявших в эту эпоху огромные размеры. Навои восхваляет не тех, кто облачен в дорогие, шитые золотом халаты, кто взошел на вершину общественной лестницы, но тех, кто живет одним дыханием с народом. Поэт, предки которого были приближенными царей, который и сам занимал высокие государственные должности, своей любовью к народу становится на уровень самых светлых умов человечества.

Одна из глав поэмы посвящена образу идеального правителя. В этой главе Навои не скупится на обличения царей, угнетающих народ:

Ты у народа взял иглу — не позабудь вернуть:
Она — кинжал и грудь твою пронзит когда-нибудь,

О царь, большую в жизни мощь дает престол,
Но ты пути добра отверг, путь гнева предпочел.

Проводишь время в праздности, в распутстве и в пирах —
И сам достоинство свое затаптываешь в прах⁵⁷.

Каждая фраза этого отрывка срывает «божественные покровы», в которые облачены цари.

Духовенство, вдохновляющее феодальную клику, тоже не могло избежать гнева Навои. В эпоху безраздельного господства ислама, когда процветали всевозможные религиозные предрассудки, Навои показывает подлинную суть служителей мусульманской церкви и разоблачает приемы мнимых чудотворцев.

В четвертой главе поэмы Навои говорит о шейхах. Этих «людей откровения», широко раскинувших свои

⁵⁷ Перевод Л. Пеньковского.

сети среди народа, Навои считает самыми вредными: «Нет ничего хуже, чем эти люди, нет ничего ниже, вреднее их».

Кто такие эти «отцы истины»? Навои красочно описывает все их гнусности, козни и злодеяния:

Вся грязная, но с кисточкой — на головах чалма,
Но в самых этих головах — ни на теньгу ума.

По скользким тропкам, по кривым, расшатанным мосткам
Давно привычно проходить козлиным их ногам.

Но в их поступках, в их делах и в путанице слов —
Не больше истины, чем есть в бляении козлов.

Открыли блудный дом — и в нем живут! О срам!
И это — ханака! И это — божий храм!

На хлеб нужна теньга — а столько лжи! К чему?
Для должности играть в святых, скажи, к чему?...

Во власти дьяволов их души, а тела —
Покрыли ангелов чистейшие крыла...⁵⁸

В этой главе наиболее ярко выразился сатирический талант Навои, и он по праву может считаться родоначальником сатирического жанра в узбекской литературе.

Было бы неправильно считать Навои атеистом. Вернее будет назвать его антиклерикалом. Но, обличая корыстолюбие и обман духовенства, он вполне допускает существование искренних дервишей.

Навои ищет истины не в официальной религии, не в религиозных сектах. Для него не существует такой религии, которая бы явилась единственной хранительницей истины, и безразлично, поклоняются ли последователи этой истины идолу или молятся в мечети. Бог — абсолютная истина, растворенная во всем мире, через него выраженная. Природа — это зеркало, отражающее божественную красоту. Бог действует не вне природы, а внутри нее, как животворящая сила.

В «Смятении праведных» (как и в других поэмах «Хамсы»), Навои высказывает свою мечту об идеальном человеке, дает пленительные черты его образа, воспекает его высокие моральные качества. Почему необходимы людям дружба, верность, свобода, как преодо-

---

⁵⁸ Перевод Л. Пеньковского.

левать все трудности, стоящие на пути к совершенству, стать человеком в полном смысле этого слова и гордиться своей человечностью? На все эти вопросы Навои пытается ответить в своей поэме. Он славит все, что возвышает душу человека, и тут его перо достигает изумительной изобретательности. С той же силой Навои рисует злые свойства и дурные наклонности человека.

Так тема, кажущаяся на первый взгляд «сухой», дидактичной, благодаря богатству мысли, убедительности и оригинальности образов приобретает огромную поэтическую силу.

В главе о правдивости поэт так говорит о преимуществе правды перед ложью:

Свеча всегда пряма и радует нас тем,
Что светит нам, пока не догорит совсем.

А молния — крива. По свойству своему —
На миг блеснет и вновь нас погрузит во тьму,

Природу глаз косых уместно вспомнить тут:
Увидят одного, а за двоих сочтут⁵⁹.

Особенную ценность для нас представляют данные в поэме картины и люди эпохи. Перед читателем проходит вереница людей: бедные студенты, ищущие покровителя; ученые, делающие из науки средство для достижения своих корыстных целей; беки и вельможи, хвастающие перед собутыльниками еще не совершенными подвигами, мелкие чиновники, сборщики налогов, рыщущие по кишлакам и грабящие дехкан.

Интересна фигура мелкого чиновника, сборщика податей. Приходя в деревню, он раньше требует вина и заставляет крестьян разостлать перед ним обильный дастархан. Для своего коня он требует семенное зерно, а для собаки — хозяйских кур. Поэт сравнивает этих алчных чиновников с чумой: там, где они проходят, чахнет жизнь.

Такие беззакония вызывают гнев Навои. Он с большой симпатией изображает простых дехкан, мирных людей труда, стонущих под игом чиновников.

Обращаясь к человеку, Навои говорит: если ты не можешь помочь людям своим талантом, своими силами, то помоги им хотя бы добрым словом. Мерилом человеческого достоинства является для Навои любовь к народу, служение ему.

⁵⁹ Перевод Л. Пеньковского.

Высоким званием Человек достоин зваться тот,
Кто о народе никогда не ослаблял забот⁶⁰.

В общий, вполне земной и реальный тон «Смятения праведных» иногда проникают философско-мистические мотивы. Поэт порой говорит о бренности мира, об отречении от мирской суеты. Но Навои был большим жизнелюбцем, его никогда не покидала любовь к природе, к жизни и людям:

Цветы жизни прекраснее всего.

Даже говоря о потустороннем мире и его проповедниках, поэт славит земные радости:

Молитвы хороши, аллаху дан обет,
Но лучше во сто крат веселье юных лет⁶¹.

Во имя жизни, во имя счастья и благополучия скромных людей труда, вынужденных существовать в мире алчности и жестокости, выступал Навои с резким осуждением несправедливых порядков в стране. Нужно было обладать большим гражданским мужеством, чтобы в жестокие времена феодальных распрей и самодержавной власти султана бросать в лицо правящей верхушке слова обличения. Для великого дела справедливости Алишеру Навои пришлось подняться над предрассудками и кровными интересами среды, к которой он принадлежал. Обладая знатностью, богатством, властью и благами жизни, поэт не погряз, подобно многим из его круга, в черством эгоизме. Он проявил себя горячим народолюбцем не только в поэтической, но и в государственной деятельности и насколько мог оказывал влияние на султана и его двор, призывая высшие слои общества гуманно и справедливо относиться к народным нуждам. Все это с достаточной полнотой и искренностью выражено в поэме «Смятение праведных».

3. Поэмы о любви и человечности

Две поэмы «Пятерицы» — «Фархад и Ширин» и «Лейли и Меджнун» — раскрывают перед читателем образы людей, наделенных высокими качествами: стремлением к труду, чувствами справедливости, любви, ненависти к злу. Но основной темой этих двух поэм является прославление самоотверженной и глубокой люб-

⁶⁰ Перевод Л. Пеньковского.

⁶¹ Перевод Л. Пеньковского.

ви, очищающей, но и сжигающей человеческие сердца.

Берясь за эти поэмы, Навои хорошо знал произведения предшественников, где уже появлялись персонажи, которых и он собирался изобразить. К этим персонажам принадлежат прежде всего Фархад, Хосров, Ширин, Лейли и Меджнун, а также и некоторые другие.

Навои, естественно, не хотел копировать произведения своих предшественников или просто переводить их с персидского на узбекский язык. О своем желании поновому рассказать старинные легенды и сказания, ставшие составной частью «Пятериц» Низами, Эмира Хосрова и Джами, сам Алишер говорит в вводных и заключительных частях своих поэм.

Возьмем к примеру героя поэмы «Фархад и Ширин». У Низами в поэме «Хосров и Ширин» Фархад еще как бы отодвинут на задний план. Главными героями у него являются иранский шах Хосров и прекрасная девушка Ширин.

Основой для образа Хосрова послужила историческая фигура иранского шаха из династии Сасанидов (Хосров II Первиз, правивший с 590 по 623 год). Арабский историк X века Табари рассказывает о романтической встрече Хосрова с Ширин во время царской охоты.

Фирдоуси ввел этот эпизод в эпопею «Шах-наме».

Однажды на охоте Хосров встречает прекрасную Ширин, влюбляется в нее и решает сделать своей женой. Шаху приходится при этом преодолеть сопротивление придворных, препятствовавших браку, потому что Ширин — девушка из народа. Счастье влюбленных длится недолго. Сын шаха Шируйе, наследник престола, с помощью придворных составляет заговор против отца, убивает его и завладевает престолом. Затем Шируйе предлагает Ширин стать его женой. Но она хранит верность убитому мужу, отправляется на его могилу и, приняв яд, умирает.

Низами по-своему переработал эту историю и ввел в нее новые персонажи, в том числе мастера-строителя Фархада.

Хосров у Низами — наследный принц, которому хуждожник Шапур рассказывает о красоте армянской принцессы Ширин. Хосров посылает ей через Шапура

свой портрет и предлагает стать его женой. Сам же Хосров отправляется в Азербайджан и обращается за помощью к тетке принцессы Михин-Бану, прося посодействовать браку. Ширин едет в Иран, но встретиться с Хосровом ей не удастся. В это время умирает отец Хосрова, престол захватывает мятежный вельможа Бахрам Чубине, и Хосров вынужден бежать из Ирана в Арран.

Ширин встречается с Хосровом на охоте, и он спасает девушку от ярости льва, который хочет ее растерзать. Ширин почувствовала глубокое влечение к Хосрову, но отказывается стать женой царя, потерявшего трон.

Хосров уезжает в Византию, женится там на принцессе Мариам, при помощи греческого императора свергает захватчика власти Бахрама Чубине и снова предлагает Ширин дать согласие на брак с ним.

Но Хосров имеет соперника в лице строителя Фархада. Шах призывает его к себе и отправляет в неприступные Бисутунские горы, приказывая прокладывать дороги. Горный мастер Фархад совершает чудеса. Ревнивый шах посылает к Фархаду гонца с лживым известием о смерти Ширин. Фархад в приступе отчаяния кончает жизнь самоубийством.

Вскоре умирает и жена Хосрова, Мариам. Красавица Ширин наконец уступает его мольбам и вступает в брак с ним.

Далее Низами рассказывает о злом сыне Хосрова Шируйе, который сперва заключает отца в темницу, а затем посылает к нему убийцу. Захватив престол, Шируйе хочет жениться на Ширин. Но, отвергая притязания отцеубийцы, Ширин убивает себя над телом Хосрова. Поэт прославляет великую любовь Ширин.

Из всех образов поэмы, созданной гением Низами, внимание Навои привлек Фархад. Алишер даже вступает в полемику со своими предшественниками Низами и Эмиром Хосровом:

Все посвящали до сих пор, увы,
Фархаду лишь одну иль две главы:

Мол, горец он, каменолом простой,—
Ширин его пленила красотой,

И ради встречи с ней Фархад решил
Свершить огромный труд — и совершил.

Но шах Хосров большим ревнивецем был,
И он Фархада бедного убил⁶².

Навои избирает иную дорогу:

Соперничать я с ним и не дерзнул, —
На путь иной я повесть повернул.

Навои поставил Фархада в центре своей поэмы; богатая поэтическая фантазия Алишера подсказала ему необычайно красочную биографию своего героя. Только в одном он последовал примеру Хосрова — сделал Фархада принцем.

У могущественного и богатого императора (хакана, шаха), рассказывает Навои, рождается сын — Фархад, уже при рождении отмеченный печатью роковой скорби:

Лишь новорожденный увидел свет,
Судьбою был ему на перст надет

Печали перстень, и огнем пылал
В его оправе драгоценный лал⁶³.

Фархад с младенчества обречен на испытание трагической любви:

В его глазах — туман грядущих слез,
В его дыханье — мечь гнетущих грез,
Печать единственной любви на лбу
Предсказывала всю его судьбу.

Первый детский лепет Фархада — слова любви.

Природа наделила Фархада необыкновенными талантами: пятнадцати лет он уже усваивает все существующие знания. Физически он развивается также быстро: в десять лет он ростом и силой походит на двадцатилетних джигитов, но, несмотря на все свои духовные и физические богатства, Фархад совершенно лишен надменности. Скорбь его с возрастом все усиливается.

Хакан строит для развлечения Фархада четыре великолепных дворца, отделка и убранство которых соответствуют четырем временам года. В течение четырех лет строительства Фархад усваивает от всех мастеров их ремесла и искусства, в том числе овладевает исключительным искусством каменолома и каменотеса Карена. Фархада поражает острота его инструмента, и он обращается к нему с просьбой открыть способ изго-

⁶² Стихотворные цитаты из поэмы «Фархад и Ширин» — в переводе Л. Пеньковского.

⁶³ Рубин (камень).

товления стали. Карен отвечает, что все дело в ее закалке. Фархад проводит бессонную ночь в мыслях о тайнах искусства Карена. На рассвете Фархад горюпится на строительство, просит Карена изготовить кирку в его присутствии и быстро усваивает секрет закалки стали.

Фархад любит труд, как любит его сам Навон, вникающий во все детали гератского строительства. Вместе с рабочими трудится Фархад на постройке четырех дворцов. Он учится здесь искусству живописца, скульптора, резчика по камню.

В каждом из возведенных и отделанных дворцов хакан задает поочередно трехмесячные пышные пиры. С окончанием последнего, зимнего, пира Фархад снова впадает в свою врожденную меланхолию, в скорбное предчувствие роковой любви.

Отец предлагает Фархаду сесть на трон и принять на себя бремя государственных дел, рассчитывая, что это увлечет царевича и закалит его слишком чувствительное сердце. Фархад, которому чуждо стремление к власти, в конце концов уступает настояниям отца и соглашается, но просит отсрочки на год, чтобы за это время хоть немного ознакомиться с делами государства, которыми он раньше не интересовался. Судьба его, однако, ведет по иному пути.

В отцовской сокровищнице Фархад находит волшебное зеркало, с таинственной надписью, гласящей, что зеркало это покажет нашедшему его судьбу, если он отправится в Грецию и совершит, преодолев все препятствия, три заветных подвига. Фархад настолько захвачен этой мечтой, что близок к безумию. После долгого сопротивления император не только соглашается уступить желанию сына, но и сам отправляется вместе с ним в это путешествие. Их сопровождает большое войско. В Греции Фархад совершает преудказанные волшебным зеркалом подвиги: он убивает дракона, в пещере которого обнаруживает несметные сокровища и среди них заветный меч и щит Сулеймана (библейского царя Соломона); он убивает злого духа — дива Ахримана — и завладевает магическим перстнем Сулеймана; затем Фархад проникает в заколдованный замок Искандера, побеждает железных воинов и захватывает волшебную чашу Джемшида, в которой отражается

весь мир. Фархад попадает в пещеру Сократа. Сократ предсказывает царевичу его будущую трагическую любовь, которая сделает его имя бессмертным в памяти человечества, дает ему наставления и, завершая этим свою земную жизнь, спокойно умирает.

Вернувшись в Китай, Фархад снова обращается к магическому зеркалу отца, в котором видит на фоне горной страны девушку необычайной красоты. Он мгновенно влюбляется в неизвестную красавицу и с каждым днем все больше чахнет от страсти к ней. Хакан, по совету врачей, везет Фархада на морской остров для поправления здоровья. В пути происходит кораблекрушение. Фархада подбирает проходящий купеческий корабль. Путь кораблю преграждают пираты — островитяне, пытающиеся забросать судно зажигательными снарядами. Отличный стрелок из лука, Фархад поражает своими стрелами большую часть морских разбойников, а уцелевших обращает в бегство. Корабль благополучно прибывает в город Йемен. Здесь возникает дружба Фархада с художником Шапуром, человеком очень проникательным и побывавшим во многих странах. Фархад открывает ему тайну своей любви к неизвестной красавице. Шапур, по описанию Фархада, определяет страну, увиденную им в зеркале, и тут же на листе бумаги рисует горный пейзаж, в котором Фархад узнает именно ту местность. Страна эта — по разъяснению Шапура — Армения, а девушка — армянская принцесса Ширин. Фархад и Шапур после долгих скитаний добираются до Армении.

Единственным властителем Фархада является любовь, но она не вытесняет из его сердца других благородных чувств. Наоборот, эта любовь пробуждает в нем героизм, готовность к самопожертвованию. Фархад в чужой стране, среди чужого народа, но он жалеет землекопов, забитых тяжелым трудом, роющих канал в горах. С великим напряжением пробивают они горную породу. Фархад решает помочь строителям канала. Он делает себе большую кирку, закаляя сталь по способу знаменитого мастера Карена. Фархад работает день и ночь, ни на миг не думая об отдыхе, и удивляет всех своей силой и умением. Так образ Фархада приобретает глубокий смысл и величие, становится мощным воплощением труда.

Постановка вопроса об орошении в любовно-романтической поэме, конечно, необычна, но не случайна. Фархад стоит намного выше традиционных героев народных сказок и легенд, занятых лишь поисками своей любимой: он не только рыцарь любви, но богато одаренная личность, чуткая к нуждам народа.

Весть о дивных подвигах Фархада доходит до царицы Армении Михин-Бану и ее племянницы Ширин. Они являются к месту работ, и Ширин влюбляется в Фархада. Фархад завершает прокладку канала, строит дворец и на вершине горы устраивает большое озеро. По случаю пуска воды идет народное торжество.

Навон, любивший народные празднества в Герате, отличавшиеся весельем и красочностью, с большой живостью изобразил людские толпы, торжествовавшие по случаю победы труда. Появление воды в безводном крае трактовано поэтом как источник жизни и радости.

По случаю этого праздника Фархад и Шапур приглашены во дворец царицы, им воздаются почести. Ширин подносит Фархаду чашу с вином и предлагает выпить за их любовь.

Между тем слава о красоте Ширин доходит и до владыки Ирана — Хосрова. Он снаряжает послов к Михин-Бану, прося руки ее племянницы. Михин-Бану отказывает Хосрову. Последний оскорблен, собирает войско, вторгается в Армению и осаждает столицу.

Перед читателем вырастает роковая, грозная фигура Хосрова. Он является воплощением зла, он противопоставлен прекрасным образам Фархада, Ширин и Михин-Бану. Подобно черной туче нависает он со своими войсками над страной Ширин. Хосров не способен понять ни высокой души, ни поступков Фархада — в нем он видит только соперника. Фархад и Хосров вступают в борьбу. Но Хосров, стоявший во главе огромного войска, не может одолеть Фархада в открытом бою и прибегает к коварству, чтобы победить его. Закованный в цепи, Фархад не теряет мужества. Гневно он обличает Хосрова, сидящего на престоле древних царей Ирана. В знаменитом диалоге Фархад острым ножом логики, ярким пламенем своей любви сражает врага. Тело Фархада в плену, но духом он настолько выше Хосрова, что заставляет его умолкнуть.

Хосров считает унижительным для себя проявить великодушие к Фархаду. В то же время он не осмеливается казнить его, думая, что это недостойно величия шаха. Посоветовавшись с везиром, Хосров решает коварно убить Фархада.

Злая старуха колдунья под видом благочестивой отшельницы приносит Фархаду ложную весть о гибели Ширин, и в скорби он призывает смерть.

В прощальном монологе Фархад горько жалуется на испорченность этого мира. Но все же он любит жизнь. Он мечтает о расцвете жизни на земле, о царстве любви.

Навои бесконечно углубляет понятие любви. Для него любовь и верность — синонимы. Его герои всегда руководствуются изречениями: «Животное лучше, чем тот человек, которому чуждо понятие верности». Верность — священный жизненный долг. Он ни на мгновение не отступает перед препятствиями, встречающимися на пути к осуществлению цели.

Фархад умирает. Услышав весть о его смерти, прощается с жизнью и его возлюбленная — Ширин. В припадке ревности к Ширин сын Хосрова убивает своего отца. Из Китая прибывает с огромным войском друг Фархада Бахрам. Он очищает Армению от захватчиков. На место умершей от горя тетки Ширин, Михин-Бану, он назначает лучшего, справедливейшего представителя той же династии. Войска Бахрама возвращаются на родину. А Бахрам вместе с Шапуром остаются у могилы Фархада, чтобы там закончить свои дни.

Широко и спокойно струятся воды прорытого Фархадом канала «Нахр-ул хаят» — «Реки жизни».

В скорбную мелодию смерти врывается торжественный гимн вечной, созидательной жизни.

В таких же тонах написана и другая поэма — «Лейли и Меджнун». Навои обратился к старинному сказанию о юноше-поэте Кайсе, до такой степени поглощенном любовью к Лейли, что его прозвали Меджнуном (безумным, одержимым).

Легенда о трагической любви Лейли и Меджнуна сложилась на арабской почве. Некоторые арабские историки считали, что Меджнун — не поэтический вымысел, а реальное лицо: Кайс ибн-ал Мулаввах, который

жил в Аравии в VII веке, перенес любовную трагедию и изливал свои чувства в лирических стихах.

Стихи, приписываемые Кайсу-Меджнуну, и предания о нем широко популярны среди арабов. Однако литературное оформление свод этих преданий получил не в арабской поэзии, а у великого азербайджанца Низами в его поэме «Лейли и Меджнун».

Поэт повествует о том, как богатый и благородный араб долго молил бога даровать ему сына, и, наконец, родился у него красивый мальчик, названный Кайсом. В семилетнем возрасте Кайс обучается в школе. Там он знакомится с девочкой по имени Лейли. Детская дружба переходит в любовь. Взрослые разлучают юных влюбленных. Не в силах бороться со своей страстью, Кайс приходит в такое отчаяние, что его отец отправляется к отцу Лейли и просит выдать ее за сына. Он получает отказ, а старейшины его племени советуют излечить Кайса, впавшего в безумие,— найти ему жену среди девушек родного, а не чужого племени.

Отец Кайса берет сына, прозванного отныне Меджнуну, в Мекку, надеясь, что у великой мусульманской святыни он исцелится от своей любви к Лейли.

Но это не помогает. Кайс-Меджнун бежит в пустыню. Там он живет среди диких зверей, получая жалкое подаяние от проходящих мимо караванов. Он неустанно слагает песни в честь Лейли и оглашает воздух стонами и рыданиями. Между тем к Лейли сватается юноша Ибн-Салам. Родители Лейли дают согласие на брак, и она становится женой Ибн-Салама. Но Лейли безумно страдает от тоски по возлюбленному Меджнуну. В это время одержимость Меджнуна достигает такой силы, что реальная Лейли ему уже не нужна. Он живет ее идеальным образом, как бы в нем воплотившимся, вернуться к обычной жизни он уже не может. Лейли умирает, умирает на ее могиле и потрясенный Меджнун.

Низами украсил поэму рядом вставных эпизодов. Арабский военачальник Науфаль пытается с оружием в руках заставить отца Лейли выдать ее замуж за Кайса; вокруг этой трагической любви происходит борьба племен. Низами тщательно вырисовывает характеры главных и второстепенных героев, стараясь в то же вре-

мя бережно передать не только сюжет, но и детали арабской старинной легенды.

Навои, взяв тот же сюжет, тех же героев, что и Низами, по-своему истолковал их, так что значительно отошел от предшествовавших ему Низами, Хосрова и Джами. Об этом Навои сам повествует в следующих строках:

Любсвью вечной вдохновясь, ужель
Я в самой сказке этой видел цель?

Дух истины я в ней горячий взял,
А содержание — лишь придачей взял.

Низами прежде всего затрагивал религиозно-мистическую проблему слияния своего героя, Меджнуна, с божеством путем потери собственного «я», растворения его в страданиях любви. Навои осветил другую сторону старинной легенды о Лейли и Меджнуне и в основу поэмы положил социальные отношения: бесправное положение женщины, жестокость родовой и племенной вражды. Поэтому самый стиль повествования и психологическая разработка характеров даны у Навои гораздо жизненнее, чем у Низами.

В «Лейли и Меджнуне» точно так же, как в «Фархаде и Ширин», глубоко и многосторонне показаны душевные качества героев.

Кайс, который тоже вырос в богатой и жаждавшей ребенка семье, обладает качествами, роднящими его с Фархадом. И Фархад, и Кайс — дети одной великой судьбы. Они должны пройти тем неизбежным путем, который им предначертан. Это — путь любви.

Так же, как и у Фархада, первыми словами Кайса были слова любви. Кайса отдают в школу к лучшему учителю. Подобно Фархаду, Кайс проявляет огромные способности и быстро овладевает науками. Правда, Кайс не обладает физической силой и удачью Фархада, но он является как бы воплощением тех же нравственных качеств.

Кайс так же, как Фархад, впитавший чувство любви с материнским молоком, еще в школе влюбляется в Лейли. Однажды весной Кайс и Лейли вместе со своими товарищами по школе отправляются гулять. Дети разбегаются по степи, усеянной цветами. Оба влюбленных случайно сталкиваются в тихом уголке,

окруженном кустами цветущих роз. Здесь они впервые решаются выразить свои чувства. Кайс падает в обморок. В это время приходят рабыни, сопровождающие Лейли, и незаметно для других уводят ее домой.

Но несправедливый и жестокий мир, стеною вставший между Фархадом и Ширин, разъединяет и эти чистые души. Кайс обладает редкими духовными богатствами: он талантливый поэт, но любовь превращает юношу в безумца. Где бы не появлялся Кайс, за ним гурьбою бегут дети и кричат: «Вот идет Меджнун». Он забывает родителей, свое племя; вся жизнь, весь мир сосредоточены для него в образе Лейли:

Но Кайс не в силах сдерживать себя:
Ушло сознание, сердце погубя.

О чем ни спросят, он молчит в ответ,
Как будто в тех вопросах смысла нет.

Он против наважденья восстает, —
Любовь себя невольно выдает:

То вздох раздастся, то блеснет слеза...
Тогда решает он поднять глаза

На луноликую свою любовь,
Чтоб возвратить себе сознание вновь.

Встретив на улице собаку, Кайс завидует ее счастью, потому что она может свободно бродить по той улице, где живет племя Лейли:

О ты, чей голос радость мне принес,
Ночной товарищ мой, печальный пес.

Ты, верный друг, мне громкий подал крик,
Всех заблудившихся ты проводник.

Вокруг селенья ходишь, честный страж.
Неправда ль, одинаков жребий наш...

...Я тоже пес, как ты, но ты важней:
Ты можешь в стан войти к прекрасной, к ней.

Твоя судьба — хранить и хлеб, и кров.
Моя судьба — бродить вокруг шатров.

Кайс и Лейли изображены Навои как скорбные па-сынки судьбы. Не трудно раскрыть социальный смысл их несчастья. Когда отцу Лейли, главе целого рода, осторожно сообщают, что Кайс теряет рассудок от любви,

он сочувствует юноше и признает его редкие духовные качества. Но, узнав, что Кайс влюблен в Лейли, он бледнеет от ярости и посылает угрозы родителям Меджнуна. Любовь Меджнуна к его дочери он воспринимает как оскорбление собственного достоинства. Испуганные его угрозами, родители Меджнуна насильно увозят своего единственного любимого сына в степь, где он бродит, плача и крича о своей любви. Меджнуна заковывают в цепи, чтобы он не бежал. Но когда Ибн-Салам, известный своим богатством и знатностью, посылает в дом Лейли сватов с ценными подарками, отец Лейли с радостью принимает этих людей. Богатства Ибн-Салама для него ценнее духовной мощи Кайса.

Меджнун становится человеком единого всепоглощающего чувства любви. Он — жертва взглядов жестокого века на женщину, как на товар, который можно купить и продать. Его роль пассивна, он — мученик любви, ищущий бесконечного наслаждения и бесконечности страданий. Это обостренно-болезненное восприятие мира и выражается в поведении Меджнуна. Встретив запаршивевшего пса, Меджнун обнимает его, разрывает свою рубаху и перевязывает его раны; он просит пса прийти к дому, где живет его возлюбленная, и за него поцеловать порог ее дома. Для Меджнуна собственная личность — ничто перед образом Лейли. Он сравнивает свою преданность с преданностью собаки.

Страшное зрелище представляет собой Меджнун в степи. Тело его покрыто грязью. Он играет с муравьями, лепит из глины могильные холмы, посыпает голову песком и глиной, поет в один голос с птицами.

Но даже в этом печальном виде Меджнун живет богатством духовного мира; страдания его стали ярким, неисчерпаемым источником вдохновения.

Только люди, подобные великодушному Науфалю, однажды узнавшие горечь любви, способны понять Меджнуна. Науфаль испытывает глубокое уважение к своему другу, которого он встречает в пустыне, среди зверей. Чтобы исцелить несчастного влюбленного, Науфаль посылает своих людей к отцу Лейли и просит его оказать милость «юноше, который усвоил все существующие науки». Увидев, что его просьба не действует, он прибегает к оружию. Вместе со своим отрядом Нау-

фаль нападает на отца Лейли, но и мечом он не может сломить упрямства жестокого отца. Последний заявляет, что лучше убьет дочь, чем отдаст ее Меджнуну.

Наконец, стремясь вернуть Меджнуна к жизни, Науфаль сватает ему свою дочь. Он заботится о Меджнуне потому, что видит в нем воплощение лучших человеческих качеств.

Меджнун воспринимает свое трагическое положение как неизбежный дар судьбы. Он противник насилия. Встретив Науфалья на охоте, Меджнун не скрывает своего отвращения к такой забаве. Он просит Науфалья не охотиться на зверей, не проливать напрасно их кровь. Он говорит Науфалю, что недостойно настоящего человека жить охотничьей добычей.

Но Кайс не стоек в своем «непротивлении злу». Как только Науфаль указывает Меджнуну на возможность захватить Лейли силой, он с готовностью принимает участие в кровопролитном сражении, которое ведется с этой целью. Но во сне он видит угрозу, нависшую над Лейли, и просит Науфалья немедленно прекратить военные действия.

Ширин и Лейли, возлюбленные Фархада и Меджнуна, не только прекрасны по внешнему виду: они прекрасны и по своим духовным и моральным качествам.

Принцессу Ширин воспитывает благороднейшая и умнейшая правительница Михин-Бану. Когда Хосров, придя в Армению со своими войсками, предъявил Михин-Бану требование отдать за него Ширин, царица решает обратиться к Ширин и узнать ее мнение. Но даже при таких тяжелых обстоятельствах Ширин не хочет подчиниться насилию. Для Ширин выше всего — ее человеческое достоинство.

Хосров усиливает осаду. Опасность нависла над Арменией. Фархад в плену у врага. Но Ширин остается верной себе и своей любви. После покорения страны неприятелем, после гибели Фархада, Ширин все-таки решает сохранить верность ему. Она умирает, обнимая тело своего возлюбленного.

Возлюбленная Меджнуна по красоте, силе любви и преданности не уступает Ширин. Хотя аристократическая семья Лейли любит ее, девушка лишена свободы, скована гнетом сурового воспитания и феодальных обычаев. В глазах людей ее среды любовь к свободно из-

бранному человеку — преступление. Поэтому Лейли скрывает чувство, которое сжигает все ее существо. Когда служанки, пришедшие за ней во время прогулки, застают девушку с Меджнуном среди цветущих роз, Лейли пугается и умоляет их никому об этом не рассказывать.

Лейли обручают с богатым, но совершенно чуждым ей человеком — Ибн-Саламом. Услышав печальную весть о своей помолвке, она выражает скорбь только любимой няне. Она боится, как бы родственники не начали злословить о ее чести. Поэтому, как ни трудно ей таить свою любовь, она должна молчать. Меджнун, встречающий на своем пути тысячи препятствий, имеет то преимущество перед Лейли, что может открыто, во всеуслышание рыдать и говорить о своей любви, тогда как Лейли вынуждена скрывать свои чувства.

Лейли выдают замуж за Ибн-Салама. Она заранее готовится к тому, чтобы превратить свадебный пир в траурное пиршество. Во время брачной церемонии Лейли обдумывает страшный план — убить себя принесенным из дома кинжалом. Но, к ее счастью, жених неожиданно сражен тяжелой болезнью. Лейли спасена от самоубийства и от необходимости разделить ложе с нелюбимым человеком.

С каждым днем чахнет Лейли от любовной тоски и, наконец, уже не может подняться с постели. В предсмертный час она осмеливается рассказать матери о своей любви, выразить печаль сердца. С изумительным величием уходит она из жизни, сознавая, что жизнь будет вести и без нее:

Но губит осень все цветы в саду,
Настало время: скоро я уйду.

Смерть надо мной уже нависла. Нет,
Она пришла. Таиться смысла нет...

Пусть эту розу победит недуг, —
Не плачь, когда цветок уйдет на луг.

И если солнце навсегда зайдет,
Пусть не затмится пылью небосвод.

«Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун» — не занимательные любовные сказки, это — мощная симфония любви. Навон вкладывает в слово «любовь» всеобъемлющее значение. Царство и корона — ничто пе-

ред любовью. Жизнь приобретает настоящий смысл только благодаря любви. Любовь воплощается в искренности, верности, мужестве, во всех лучших свойствах героев Навои.

В поэмы «Фархад и Ширин» и «Лейли и Меджнун» Навои вкладывает, согласно существовавшим в его эпоху традициям, символично-мистический смысл. Местами в них обнаруживается влияние идей суфизма. Когда Фархад, преодолев ряд препятствий, совершив множество подвигов, наконец находит в сокровенном месте Сократа, ждущего его, чтобы передать ему тайны своего учения, Сократ так объясняет ему смысл любви:

Вся жизнь — ничто, она — лишь прах и тлен.
Богатства, власть — все это духа плен.

Но в этом смысл земного бытия:
Отречься должен человек от «я».

Тот, кто от «я» отрекся, только тот
К спасению дорогу обретет.

Дороги же к спасенью нет иной,
Помимо жертвенной любви земной.

Любовь печалью иссушает плоть,
В сухую щепку превращает плоть,

А лишь коснется, пламенно-светла, —
И вспыхнет щепка и сгорит дотла.

Понятие любви проникнуто здесь мистикой. Основным условием и счастливым завершением любви является отречение от самого себя. Несмотря на такой философско-мистический налет в определении сущности любви, герои этой гениальной поэмы живут настоящей, полнокровной жизнью. Они не считают своим идеалом уход в аскетизм, в созерцание божества. Они изучают все науки и искусства, чтобы постигнуть тайны природы. Они строят прекрасные дворцы, прорывают горы, чтобы открыть путь воде. Они борются против всякого насилия и несправедливости. Они погибают во имя великой любви и человечности, утверждая даже гибелью своей торжество жизни.

4. «Семь планет»

Поэма «Семь планет», четвертая по счету — едва ли не самая сложная и пышная по композиции и богат-

ству образов. Эта поэма, написанная Навои в 1484 году, так же, как и другие поэмы, входящие в «Хамсу», является «назира» на соответствующее произведение Низами и других предшественников.

Основной герой поэмы — иранский шах Бехрам V, известный под прозвищем Бехрам Гур, правивший с 420 по 438 г. С именем Бехрама (Бахрама) в Иране и Средней Азии было связано множество легенд и сказаний. Это объясняется тем, что в народном представлении образ ничем не выделявшегося шаха слился с мифологическим образом древнего индо-иранского божества грозы — Вертрагны. Память об этом божестве, видимо, сохранилась у армян в образе витязя Вахагна, у грузин — героя Вахтанга.

Фирдоуси в «Шах-наме» уделяет большое внимание Бахраму, изображая его отважным витязем, ловким охотником и ценителем женской красоты. Особенно выделяется рассказ о любви Бахрама к прекрасной рабыне, музыкантше Азадэ. Чувствительная женщина осудила жестокость шаха на охоте, и он в гневе растоптал ее копытами своего коня. Здесь явственно проступают мифологические черты Бахрама — Вертрагны, божества грозы, которое, по народному поверью, разит золотым копьём молнии.

Обратившись к сюжету о Бахраме, Низами написал поэму «Семь красавиц», в которой любовная история отодвинута на задний план, а в центре повествования оказалось семь изящных новелл. В связи с этим Низами отказался от размера «мутакариб», которым обычно писали героические поэмы, и предпочел более гибкий и подвижный метр «хафиф».

Низами рассказывает историю любви Бахрама и рабыни Фивне, отступая в подробностях от аналогичного рассказа Фирдоуси, а затем повествует о том, как шах велел привезти ему семь красавиц со всех концов земли и построить для них семь дворцов.

Все дворцы — разного цвета, в зависимости от того, какой планете они посвящены и с каким днем недели связаны.

Вот значение цветов этих семи дворцов:

1. Черный — Кайван (Сатурн) — суббота.
2. Желтый — Солнце — воскресенье.
3. Зеленый — Луна — понедельник.

4. Красный — Миррих (Марс) — вторник.
5. Синий — Утарид (Меркурий) — среда.
6. Сандаловый — Муштари (Юпитер) — четверг.
7. Белый — Зухра (Венера) — пятница.

Связь между цветами, планетами и названиями дней недели восходит к астрономическим таблицам древнего Вавилона. Намеки на эту связь сохранились и поныне в названиях дней недели в различных европейских языках (*франц.* mardi — Martis dies, то есть день Марса, или вторник; mercredi — Mercurii dies — день Меркурия, или среда; *англ.* Saturday — день Сатурна, или суббота и т. д.).

Каждому из дворцов Низами посвящает одну из новелл, тематически между собой связанных и разрабатывающих общую тему любви в разных ее проявлениях. Все новеллы Низами насыщены сказочной фантастикой, в них появляются драконы, говорящие птицы, злые и добрые духи и другие волшебные персонажи.

Эмир Хосров, подобно Низами, включил в свою «Хамсу» поэму о Бахраме, назвав ее «Восемь раев». Сюда входят семь новелл и «Восьмой рай», рассказ о Бахраме, обрамляющий всю поэму. Бахрам у Хосрова любит рабыню Диларам, но жестоко расправляется с ней, услышав ее насмешливое замечание по его адресу: шах оставляет ее одну в степи, подвергая страшным опасностям, но Диларам спасается и, благодаря своей находчивости и уму, заставляет царя раскаяться в жестоком поступке.

Однако основной интерес поэмы Хосрова не в истории Бахрама и Диларам, а в семи новеллах, совершенно отличных по содержанию и колориту от новелл Низами; они выдержаны в веселых жизнерадостных тонах и написаны с большим поэтическим мастерством.

Приступая к созданию поэмы, Навои сохранил мотив постройки семи дворцов, имевшийся у обоих предшественников. Поэтому он назвал свое произведение «Семь планет» — по числу планет, дней недели и дворцов, построенных для развлечения Бахрама, впавшего в отчаяние от разлуки с Диларам. Моментам любви и страсти в этой поэме Навои придавал особенное значение и осуждал предшественников за то, что они «удалили поэму от жара любви». Навои также осуждает Низами за то, что тот уделит слишком много места

описанию жизни такого ничтожного человека и правителя, как Бахрам. Действительно, Низами идеализировал Бахрама и превратил его в примерного государя.

Обращаясь к предшественникам, Низами и Эмир Хосрову, Навои писал:

Вы оба велики, мои учителя,
И вашим гением украшена земля.

Но повести соткав изящнейшую ткань,
Истории не всю вы уплатили дань...⁶⁴

Навои создает сложный психологический портрет царя Бахрама. В начале правления он хочет установить в стране справедливость, и Навои восторженно рассказывает о тех разумных реформах, которые проводил новый царь:

Все грабежи пресек его булат,
Убив дракона, раздобыл он клад.

Разбогатеv, он на семь лет вперед
От податей освободил народ.

Но вскоре проявляется деспотическая сущность Бахрама. Он отходит от государственных дел, не заботится о народе, оставив его на разграбление своим бекам и везирам. Царь проявляет деспотизм даже к своей возлюбленной и готов обречь ее на смерть.

У Навои есть морально-воспитательная задача: показать негодность правителей, забывающих о благе народа и предающихся разгулу и пьянству.

В обращении к читателю поэт определяет свою цель — не развлекать народ, а говорить ему правду и пробуждать умы и сердца. Без этого поэт делает бесплодную и неблагодарную работу:

Ничто не тяжелее тех трудов,
Которые нам не дают плодов.

Когда нельзя стихом зажечь сердца, —
Бессмысленны все тяготы певца!

Увы, мы скажем о певце таком:
Стремился в храм, попал в питейный дом!

Удавшийся поэтический замысел, воплощенный в совершенную словесную форму, Навои сравнивает с пышно цветущим садом, где не молкнут птичьи голоса:

Пусть зашумит словесный сад листвоv,
Пусть грянет звонко соловей живоv,

---

⁶⁴ Перевод Л. Пеньковского.

Пусть пенье громогласного певца
И вдохновит и опалит сердца.

Пусть сад растет, не ведая границ,
Пусть не смолкают в нем напевы птиц.

Пусть сад цветет, исполненный щедрот,
Пусть песню соловья поймет народ!

В соответствии со всеми эстетическими взглядами Навои построил сложный сюжет поэмы, воспользовавшись лишь его общими очертаниями у Низами и мелкими подробностями у Эмира Хосрова.

Навои сохранил эпизод с Диларам, дав рабыне то же имя, что и у Хосрова, и главное внимание уделил новеллам, которые у великого узбекского поэта вполне оригинальны и по темам, и по сюжетной разработке. Навои лишь сохраняет порядок дворцов, планет и дней недели, как это сделано у Низами.

Ни у кого из предшественников вставные новеллы не связаны органически с обрамлением, как у Навои. После жестокой расправы с Диларам царь Бахрам заболевает, и чтобы вылечить его, искусные архитекторы, по совету врачей, строят семь дворцов. Мотив постройки дворцов логически обоснован поэтом. Чтобы отвлечь шаха от тоски по Диларам, к нему приводят дочерей семи покоренных им властителей. Каждый день Бахрам устраивает пышный пир в одном из этих дворцов. Везиры делают все возможное, чтобы развлечь царя. Но как только наступает вечер, Бахрама охватывает тоска. Он не может уснуть ни на минуту. Чтобы разогнать свою грусть, Бахрам ежедневно слушает рассказы чужестранцев — по рассказу в каждом дворце; так возникает семь сказок. В них описываются занимательные романтические приключения, картины и образы один другого увлекательнее. Богатый житель города Халев — Ахи, египтянин Саад, ювелир из Малой Азии, принц Сухейль, его возлюбленная — царевна Михр, щедрый Масуд и его любимая, музыкант из Хорезма — все эти живые персонажи, проходящие через превратности судьбы, наполняют семь рассказов, органически входящих в поэму.

Во всей композиции поэмы сказывается рационализм Навои, его постоянное стремление поставить содержание на первое место.

Каждая сказка имеет свою нравоучительную тенденцию; вместе с тем она аллегорически связана с цветом дворца, в котором рассказывается. Так, в Золотоцветном дворце путник рассказывает о золотых дел мастере, в Зеленом — о зеленой стране Шахрисябз и т. д. Первого путника приводят к Бахраму в субботу, последнего — в пятницу.

В субботу в Черном дворце путник рассказывает Бахраму историю индийского царевича Фарруха. Царевич увидел во сне красавицу, в которую влюбился. Он покидает дряхлого отца и устремляется на поиски приснившейся женщины. Странствия приводят его в Халеб. Здесь один добродетельный купец, по имени Ахи, находит его в чрезвычайно жалком состоянии и вводит в свой дом. Ахи случайно узнает, что его нищий гость — индийский царевич и что красавица, приснившаяся гостю, является его, Ахи, женой. Из уважения к чистой любви Фарруха Ахи разводится со своей женой и вручает ее ничего не подозревавшему Фарруху. Когда Фаррух узнает всю правду, он, потрясенный поступком купца, решает отныне относиться к жене Ахи как к родной сестре. Между тем торговые дела Ахи терпят крах. Он вынужден покинуть Халеб. После долгих скитаний он попадает в Серендиб — столицу государства Фарруха. Фаррух узнает его, соединяет с женой, одаряет богатством и своею дружбой.

Нравоучение, вытекающее из этого рассказа, достаточно прозрачно: благородство и самопожертвование Ахи не остаются не вознагражденными — Фаррух платит ему тем же благородством.

Содержание второй сказки, услышанной Бахрамом в воскресенье в Золотом дворце, таково.

В Руме жил искусный ювелир по имени Зейд. Знает свое ремесло, начитанный в философии и медицине, превосходный собеседник, он становится любимцем румийского шаха. Ведая в стране проверкой пробы, он в огромных количествах ворует золото и серебро, но шахскому любимцу все сходит с рук. Выпросив у шаха две тысячи батманов золота, Зейд создает удивительный самодвижущийся престол. Шах, восхищенный искусством ювелира, щедро награждает его. Престол прославился, как чудо из чудес. Однако завистники Зейда сумели обнаружить подлог: престол был не золотой, а

позолоченный. Когда шах узнает об обмане Зейда, он велит бросить его в темницу, из которой невозможно было убежать. Но Зейду с помощью хитрости удается вырваться из заточения. Он бежит в «землю франков» (европейцев), откуда попадает в Кустантынию (Константинополь). Судьба приводит его в богатый языческий монастырь, полный золотых идолов. Зейд становится главным жрецом этого монастыря, служителем богинь арабского домусульманского пантеона Лат и Менат. С помощью двух единоверцев-мусульман он изготавливает железных идолов, покрывает позолотой и ставит их на место золотых, унося золотые в укромное место. Зейд погружает все свое добро на судно и отплывает на родину. Он исцеляет шаха от тяжкого недуга и дарит ему все золото. Шах прощает его, а идолов приказывает разбить и все золото раздать жителям.

В этой сказке обличаются проходимцы и мошенники, пользующиеся любовью и покровительством шахов.

Восточная схоластическая философия считала зеленый цвет — цветом счастья. Вот почему герой следующей сказки, поведенной Бахраму в Зеленом дворце в понедельник, носит имя Саад, что означает «счастье».

Юноша Саад, сын египетского купца, славился добротой, гостеприимством и ученостью. Однажды к Сааду пришли гости, одетые с ног до головы в зеленое. Оказалось, что они из Шахрисябза — «зеленой страны». Саад узнал от них, что в их стране имеется монастырь, в котором к человеку являются птицы добра и зла. Но Саад не понимает их пророчаний. По совету спутников, Саад приходит за разъяснением к святому отшельнику, старцу Файлакусу, судьба которого чудесным образом связана с судьбой самого Саада. Смысл толкований старца сводится к тому, что Саад должен жениться на дочери шаха зеленой страны, но при этом преодолеть три препятствия: победить негра-великана, ответить на вопросы мудреца, убить страшную колдунью. С помощью старца Саад преодолевает все три преграды (причем колдунья оказывается чучелом, вывешенным шахской дочерью для устрашения женихов) и становится зятем шаха и его наследником. Заодно и отшельник приобретает смысл жизни.

Мораль этой сказки можно видеть в том, что надо мужественно преодолевать преграды на пути к счастью.

Четвертая сказка, повествуемая Бахраму в Красном дворце во вторник, посвящена истории богатого и щедрого юноши Масуда. К Масуду в гости, под вымышленным именем, приезжает повелитель Индии Джуне, известный своей щедростью. Однако шах убеждается, что юноша Масуд гораздо щедрее его, индийского шаха. Он решает назначить Масуда правителем города Тараза вместо тирана Джайсура. Об этом узнает Джайсур. По совету своего помощника Маллу он входит в доверие к Масуду и при помощи коварства похищает его и заключает в темницу. Однако дочь Маллу, давно уже влюбленная в Масуда, бежит вместе с пленником. Влюбленные прибывают в Дехли (Дели) — столицу Индии. Здесь Масуд попадает в шахский дворец и узнает в шахе своего гостя. Джуне приказывает казнить Джайсура и Маллу и становится Масуду близким другом.

Победа добра над злом — основная мысль этой сказки.

Пятая сказка рассказана в среду в Голубом дворце.

У одного царя была красивая дочь по имени Михр. Вместе со своей свитой она отправилась на морскую прогулку. Вдруг поднялась буря и унесла корабль, который захватывает морской пират Джабир, живущий на скалистом острове. Увидев принцессу, пират влюбляется в нее. Он устраивает царевну в своем дворце, а ее свиту отпускает на родину. Несмотря на свою пламенную любовь, Джабир не осмеливается приблизиться к принцессе. Он довольствуется радостью, которую ему дает его любовь.

Михр уже помолвлена со смелым и красивым царевичем Сухейлем. Сухейль, ничего не зная о происшедшем, отправляется из своего царства в страну Михр, чтобы, отпраздновав свадьбу, увести с собой молодую жену. Но буря уносит его корабль. Люди жестокого властителя морей Джабира сообщают ему о появлении корабля. Джабир молниеносно приближается к судну. На море происходит продолжительный бой. Не одолев Сухейля в открытой борьбе, Джабир ныряет под воду и продырявливает днище корабля. Наполнившийся водой корабль опускается на дно. Подобрав потерявшего сознание Сухейля, качавшегося на волнах, Джабир увозит его на свой остров. Он удивлен смелостью Сухейля и

поэтому не убивает его. Боясь, что Сухейль может оказаться опасным врагом, Джабир заключает его в яму, вырытую во дворе его дома.

Свита Михр, отпущенная Джабиром, возвращается к царю и рассказывает о несчастье, постигнувшем его дочь. Тот посылает гонцов к отцу Сухейля с предложением вместе отправиться в поход против Джабира, чтобы освободить Михр. Отец Сухейля только из этого обращения узнает о судьбе сына, о котором ничего не слышал в течение полугода. Оба царя отправляются в поход против Джабира — один морем, другой сушей. Но Джабир захватывает обоих в плен и заключает в темницу на своем острове.

Михр узнает, что в темнице на острове томится какой-то пленный и хочет освободить его, чтобы отправить гонцов к Сухейлю с сообщением о своей судьбе. При помощи двух нукеров она освобождает одного из пленных. Пленный, увидев Михр, падает в обморок. Его приводят в чувство, и Михр узнает в нем Сухейля. Радостно взволнованные, они бросаются в объятия друг другу. В этот момент появляется Джабир. Сухейль говорит ему:

...Не храбрость — похищать добро,
Не храбрость — днище распороть хитро,

Корабль пустить на дно, людей связав.
Ты показал мне свой собачий нрав,

Свое коварство показал в борьбе,
А я отвагу покажу тебе.

Происходит яростная схватка.

Сухейль бросает Джабира на землю, связывает его и заключает в темницу.

Михр и Сухейль освобождают всех узников, томящихся на острове. Среди них они находят и своих отцов. Счастливые и радостные Михр и Сухейль устраивают роскошный пир и празднуют свою победу.

Поучительный вывод дан в сказке:

Кто роет яму для другого, тот
Сам в эту яму вскоре попадет.

Шестой рассказ Бахрам слышит из уст путника, приведенного в Сандаловый дворец в четверг. Это рассказ о двух странниках, о честном Мукбиле и о лжеце Мудбуре. После красочно описанных странствий в пус-

тыне, названной «долиной сатанинского огня», спутники достигают морского берега и отплывают на корабле в «восточную страну». Разыгрывается страшная буря, происходит кораблекрушение, вызванное богохульством Мудбира, и спутники на утлом челноке приплывают к маленькому круглому острову, который является подножием огромного сандала. В дупле этого сандала протекает источник, впадающий в море. На берегу источника стоит камень, на котором написано, что источник обладает волшебными свойствами. Когда из источника изопьет правдивый человек, то в течение трех месяцев он не будет терпеть ни голода ни жажды. А если из источника изопьет лжец, то у него разорвется брюхо. Когда этот лжец захочет искупаться в источнике, то он сгорит дотла, едва вступит в воду. Если в источник войдет правдивый человек, то его глазам откроется необыкновенное чудо.

Когда правдивый Мукбиль и лжец Мудбир испили из чудесного источника, они решили искупаться. Едва Мудбир ступил ногой в источник, как вода, вскипев, обожгла ногу лжецу. Он выскочил из воды. Тогда в воду погрузился Мукбиль. Глазам его предстал обширный сад, в котором стоял дворец. Мукбиль вступил во дворец, где его встретили прекрасные девушки и повели к царевне. Царевна изумила его своей красотой. Она нежно приняла его. Мукбиль воспылал к ней страстью. Царевна обещала устроить на другой день свадебный пир, а для утоления страсти предложила Мукбилю провести ночь с ее служанкой. Мукбиль поневоле согласился и на другой день проснулся на берегу источника. Он снова нырнул, но все исчезло: и сад, и дворец. В ужасном горе он перечитывает надпись на камне, которая советует после омовения немедленно покинуть остров. Мукбиль вместе с Мудбиром пускается на челноке в море. Челнок пристаёт к большому кораблю. Корабль полон мертвецов: он целый год прокружился в водовороте, припасы кончились, люди от голода погибли. Корабль был нагружен сандаловым деревом, предназначенным для шаха восточной страны. Дело в том, что дочь шаха страдала головной болью, от которой излечивает запах сандала. Восточный шах приказал поэтому построить для дочери сандаловый дворец.

Лжец Мудбир решил овладеть кораблем и грузом.

Явившись к шаху, он выдал себя за хозяина корабля, а Мукбиля — за своего раба. Но только он произнес эту ложь, как разорвался на куски. Пораженный чудом шах послал за Мукбилем. Правдолюб так ему понравился, что он женил его на своей дочери. Царевна, видя, что ее муж находится в постоянном унынии, спросила Мукбиля о причине его тоски. Мукбиль рассказал ей о своем видении на дне волшебного источника. В особенности Мукбиля поразило то, что его жена оказалась двойником подводной царевны. Тогда жена рассказала ему, что в нее влюбился джин, и она стала одержимой. Когда джин прогнали врачи, тот удалился в свое царство, но приказал написать портрет царевны. Этот портрет и увидел Мукбиль.

Сказка показывает, что лишь прямой путь правды и бескорыстия — вернейший в жизни.

Путник, рассказывающий последнюю, седьмую сказку в Камфарноцветном дворце, сам является действующим лицом этой сказки. Он — музыкант и певец, прибывший из Хорезма. Из его рассказа царь Бахрам узнает о дальнейшей судьбе Диларам. Оказывается, Диларам, брошенная Бахрамом в безлюдной пустыне, была найдена своим бывшим хозяином и воспитателем. Соскучившись по ней, он отправился навестить ее и по пути находит в пустыне. Он окружает ее вниманием, заботами и увозит обратно в Хорезм. В Хорезме, живя в одиночестве, Диларам вспоминает о Бахраме и слагает песни любви к нему. В своем несчастье она обвиняет себя, а не Бахрама. Злой поступок Бахрама она объясняет вспышкой гнева.

Узнав об этом, Бахрам немедленно отправляет гонцов в Хорезм; они привозят к нему Диларам. Бахрам снова наслаждается близостью возлюбленной и по-прежнему проводит время в пирах и веселье.

Знаменательна концовка поэмы, в которой Навои изображает гибель шаха Бахрама. В соответствии с общим стилем «Семи планет» этот эпизод рисуется в гиперболических тонах аллегории. Но за фантастической картиной трагической охоты Бахрама легко разглядеть основу и прочитать морализующую тенденцию Навои.

Царь Бахрам отправляется на охоту с огромным полчищем в сто тысяч человек. Охотники мчатся по

степям и топям, уничтожая перепуганных зверей. Их кровь струится реками. И в то же время с небес льется дождь, он превращается в страшный ливень и затопляет обширную местность, на которой происходит охота. Болотистая почва засасывает охотников. Тщетно Бахрам и его придворные поднимают вопли, несущиеся к небу. Их всех ждет неминуемая смерть.

Гибель Бахрама в болоте — грозное предупреждение правителям, которые в поисках земных наслаждений забывают о благе народном. Бахрам у Навои вызван к жизни вполне реальной фигурой Хусейна Байкары, который под влиянием дворцово-реакционной клики предавался пьянству и разврату, потеряв последнее подобие «просвещенного монарха», каким выглядел в начале царствования.

Навои придавал поэме «Семь планет» серьезное воспитательное значение, что видно хотя бы из заключительных слов:

Мой труд! Начни в родной стране свой путь,
Народу своему желанным будь,

Чтобы могла сердца людей зажечь
Моя правдовзвыскающая речь...

Иди, мое творение, в народ,
Пусть он в тебе святыню обретет...

5. «Вал Искендера»

«Вал Искендера» представляет собой заключительную поэму «Хамсы». В центре этой поэмы — величественный образ полководца Александра Македонского, о котором сохранили память народы Средней Азии.

В 329 году до н. э. Александр Македонский, преследуя персов, уже разбитых в битвах при Иссе и при Гавгамелах, вторгся в Бактрию, затем переправился через Окс (нынешняя Аму-Дарья) близ современного Термеза и вступил на территорию Согда (теперь — Узбекистана). Два года пришлось Александру Македонскому вести упорную борьбу с бактросогдийскими племенами, не желавшими подчиниться чужеземному завоевателю. С величайшим трудом Александру удалось к весне 327 года до н. э. покорить свободолюбивые племена Бактрии и Согда и окончательно утвердить

свое господство на обширных землях Средней Азии. Последствием походов Александра Македонского явилось возникновение Греко-Бактрийского царства, в состав которого входил и Согд. Культура Греко-Бактрии прониклась в ту пору сильным эллинистическим влиянием. Следы этого влияния видны в остатках древних построек, в найденных при археологических раскопках статуэтках и терракотах, в мифологических воззрениях согдийских мыслителей. Несмотря на малую изученность этой проблемы, нельзя не согласиться с утверждением советского искусствоведа В. Чепелева: «Будущее, очевидно, покажет, что Бактрия, Согдиана, доисламский Хорезм были крупнейшими форпостами своеобразной античной цивилизации Востока»⁶⁵.

Воображение народов Востока было на долгие столетия захвачено подвигами Александра Македонского, принесшего туда знакомство с культурой эпохи эллинизма. Неудивительно поэтому, что и предшественники Навои, и он сам высоко ставили великого македонца.

Завоеватель Ирана, Средней Азии и Индии вошел не только в историю этих народов, но и вызвал огромное количество легенд, народных сказаний, стихов и песен. Персидские хроники рассказывали об Александре как об иранском царе, превращая его в сына Дария II и делая его греком только с материнской стороны.

Мусульманские легенды об Александре проникли в коран, где он называется Зулькарнайн (двурогий). Значение этого прозвища трудно объяснить.

Фирдоуси ввел в «Шах-наме» рассказы об Искендере (Александре) как об иранском царе. Поэт повествовал о его походах и приключениях в чужих и далеких странах.

Низами разбил свою поэму об Александре на две части. В первой, названной «Книгой славы», описаны жизнь Александра, его военные таланты, его подвиги.

Вторая часть «Книги счастья» посвящена изложению суждений греческих мудрецов и философов. В небольших притчах Низами пытается раскрыть читателю взгляды эллинских мыслителей, под влиянием которых развивался духовный мир Александра Македонского.

⁶⁵ Об античной стадии в истории искусства народов СССР. М.—Л., Искусство, 1944, с. 70.

Низами, рассказывая о походах Александра, насыщает свое повествование фантастическими описаниями. Среди них — интересный эпизод борьбы Александра с неукротимым племенем русов. Александр и здесь одерживает победу и берет в плен царя русов Кинтала с десяти тысячной армией.

Интересно отметить, что тема Александра Македонского была необычайно популярна и в западноевропейской литературе средневековья. В этом сказалось неувядающее влияние античной культуры. Хотя суровая католическая религия, захватившая в цепкие руки все стороны жизни христианского средневековья, и объявила античный мир «достойным осуждения язычеством», — образы эллинской древности волновали умы наиболее просвещенных людей эпохи и врывались в аскетическую церковно-рыцарскую литературу. В XII—XIII столетиях во Франции возник цикл романов из античного мира. Греческие герои, дравшиеся под стенами Илиона, получили все черты буйных и грубых феодалов.

Таковую же христианско-рыцарскую окраску получил и средневековый французский роман об Александре Македонском. По-видимому, его содержание заимствовано из византийской версии «Александрии».

Роман начинается с рождения Александра, который выдается за сына египетского царя Нектанеба.

Труверы Ламбер де Тор и Александр де Берне, давшие французскую обработку роману, подробно описывают рыцарское воспитание Александра. Затем излагается история его походов, и здесь реальное причудливо смешано с фантастическим. В качестве противника Александра фигурирует легендарный король Николай. Многословно рассказывается о покорении Греции, персидском походе, осаде Тира.

У авторов западных версий романа об Александре не было тех идейных целей, которые определяют композицию и изложение поэмы Навои. Стремясь развлечь слушателей, французские труверы загромождали роман баснословными авантюрами. Мудрость Александра раскрывается главным образом в его изобретательстве: он придумывает снаряды для плавания по воздуху и для исследования морского дна. Роман заканчивается описанием смерти Александра в Вавилоне. Умиравший

царь завещает своим полководцам завоевать лучшую в мире страну — Францию.

Низами в поэме об Александре изображает своего героя как мудрого правителя и как великого полководца, ведущего освободительные войны, защищающего права народов. Поэма заканчивается изображением некой утопической страны, которая является страной подлинного счастья, где нет ни нужды, ни коварства, ни насилия, ни богачей, ни бедняков.

Так узнаем мы о сокровенных мечтах великого азербайджанца, и он убедительно изображает потрясение Александра, который утверждает, что если бы он знал о существовании такой идеальной страны, то не скитался бы по миру, а навсегда избрал бы образ жизни этой страны и сделал бы его законом жизни для себя.

Низами превращает Александра в мусульманского пророка и, самостоятельно разрабатывая легенду о великом македонце, нашедшую ранее место в творчестве своих предшественников, придал этой легенде иной смысл.

Поэма Эмира Хосрова об Искендере, предназначенная для феодальных кругов индийской знати, была гораздо умереннее в политическом отношении, чем творение Низами. Естественно, Хосров не поднялся до изображения идеальной, утопической страны; все же, следуя за Низами, он создал образ Искендера как мудрого и справедливого правителя.

Навои в своей поэме отказался от концепции Низами и изобразил Искендера мудрым государем, сняв с него всякую религиозную оболочку и не придавая ему силы пророка, пришедшего к познанию совершенного счастья на земле.

Навои поставил перед собой цель дать в этой поэме урок тимуридам и призвать их к мудрости и справедливости. Об этом говорит двойное посвящение: Султан-Хусейну и его сыну Бадиузземану, наследнику гератского престола. Искендер у Навои не пророк, осененный божественной благодатью, ибо это был для тимуридов недостижимый идеал. Искендер — прежде всего великий государственный деятель и философ.

Каждая глава поэмы Навои (за немногими исключениями) распадается на четыре части: во вступлении (первой части) развивается основная философская

мысль главы, во второй части идет небольшой рассказ, иллюстрирующий основную мысль, третья часть посвящена беседе Искендера с греческим мудрецом Аристотелем. Искендер задает вопросы из различных областей науки, и Аристотель отвечает ему. Наконец, четвертая, повествовательная часть излагает какой-либо эпизод из жизни и деятельности Искендера.

Во вступлении к поэме Навои говорит о необходимости старательно и углубленно изучать историю и дать характеристику четырех иранских династий.

Затем поэт переходит к рассказу о жизни и деятельности Искендера.

Сперва Навои рассказывает о воспитании македонского царевича, сына Файлакуса (Филиппа). Его наставником является мудрый Никумахос, отец философа Аристотеля. Когда Файлакус чувствует приближение смерти, он призывает Искендера и предлагает ему престол. Но Искендер боится принять на себя бремя власти и просит приближенных выбрать другого справедливого правителя. Собравшиеся настаивают на том, чтобы Искендер вступил в управление страной.

В первые же дни царствования Искендер сурово карает угнетателей народа, освобождает на два года народ от налогов, устанавливает цены на базарах, вводит клейменные гири. Вскоре Искендеру приходится вступить в войну с иранским царем Дара (Дарием). Искендер отказывается платить дань, которую Дара получал от Файлакуса.

Навои описывает сражение между войсками Искендера и Дара, воссоздавая реальную картину боя на уровне военной техники XV века, что, конечно, является анахронизмом. Сражение не дало перевеса ни одной из сторон. Но двое вельмож Дара, ненавидевших его за жестокость и несправедливость, убили царя и этим решили победу Искендера.

Искендер велел казнить убийц своего врага и завладел Ираном.

Все шахи, подчинившиеся Дара, признали власть Искендера, кроме правителей Кашмира, Индии и Китая.

Искендер идет походом на правителя Кашмира Маллу, который при помощи колдунов хочет сломить силу Искендера. Но македонский правитель противо-

поставляет науку колдовству: его ученые изобретают большой металлический шар, начиненный горючими и взрывчатыми веществами. При помощи этих снарядов рушатся стены неприступных крепостей. Маллу вынужден сдаться. Искендер готов оставить ему престол и хочет жениться на его дочери для укрепления дружбы. Но Маллу умирает, и престол достается его сыну.

Искендер идет в Индию, и рай (раджа), видя, что сопротивление бесполезно, слагает оружие. Искендер, как и подобает мудрому и справедливому государю, не совершает над ним никакого насилия и лишь облагает данью.

Затем Искендер идет походом на Китай. Китайский хакан всячески пытается предотвратить военные действия и однажды является под видом китайского посла к Искендеру. Когда македонец удивился его решимости, хакан ответил, что, как всем известно, Искендер не поднимает руки на беззащитного. Противники примирились, и война была предотвращена. Хакан устроил Искендеру пышную встречу, и осыпал его дарами, и в том числе отдал рабыню необыкновенной красоты. Эта рабыня обладала прекрасным голосом и отличалась мужеством воина. Ее доблестигодились Искендеру во время нового похода на Магриб (Северное побережье Африки, к западу от Египта), где ему пришлось сражаться с жестокими и дикими племенами.

На обратном пути Искендер попадает в гористую страну, где живут люди, занимающиеся мирным трудом. Но на них нападают дикие племена, живущие по ту сторону горного хребта. Дикари грабят и разрушают страну, для защиты которой Искендер возводит большой вал, закрывающий проход через ущелье, где обычно проходили разрушители. Этот эпизод дал название поэме. Но заглавие поэмы содержит и другой, иносказательный смысл. Поэт призывал тимуридов, и в частности Султан-Хусейна, отгородиться стеной справедливости и человечности от феодального мира насилия, смут и угнетения.

Окончив военные походы, Искендер отдается науке. Он хочет изучить жизнь моря, создает большой флот в три тысячи кораблей, возглавляемый философом Сократом. Сам царь спускается с корабля в море в стеклянном ящике и исследует дно морское.

Вернувшись на сушу, Искендер пускается в обратный путь, но силы оставляют его, и переход через знойную пустыню ускоряет роковой конец. Искендер, лежа на смертном одре, делит свое царство между наследниками, пишет прощальное письмо матери. Тело умершего правителя везут для погребения в Александрию. Одна рука покойного, согласно его завещанию, выставлена наружу, чтобы все могли видеть и знать, что даже сильнейшие люди мира сего уходят из жизни с пустыми руками.

Всю свою жизнь борющийся за интересы народа, Навои считал, что для духовного и экономического развития страны необходимо создать прочные законы, что цель людей, стоящих у власти,—устанавливать справедливость. Навои был противником феодальной анархии и политической раздробленности государства. Он был убежден, что только в большом, централизованном государстве можно обеспечить мирную жизнь и способствовать развитию культуры. Все это может сделать, по мнению Навои, просвещенный, идеальный правитель. Навои считал, что от моральных качеств царей, от характера проводимых ими реформ зависит расцвет и упадок страны. Вот почему Алишер был тесно связан с Хусейном Байкарой и неустанно внушал ему свои социальные и политические идеалы, надеясь, что тот сможет их осуществить. Жизненную практику борьбы против реакционной дворцовой клики Навои сочетал с поэтической практикой. Ему приходилось и на деле и в своих произведениях обличать гнусные деяния придворных феодалов и самого султана. В его время это было опасной и смелой задачей:

Тот, кто избрал себе удел служить царям земным,
Тот поневоле должен стать слепым, глухим, немым⁶⁶.

Но Навои не хотел быть «слепым, глухим, немым» перед царем. Как бы трудно ему не приходилось, какие бы беды ему не угрожали, он все же стремился обличать ошибки и прегрешения правителей. Неустанно призывал Алишер как государственный деятель Хусейна Байкару к справедливости и заботе о народе. Навои считает, что величие Александра Македонского и его огромные успехи на полях сражений объясняются его близостью к народу и заботами о нем:

⁶⁶ Перевод этот и последующий из «Вала Искендера» — Л. Пеньковского.

Увидел Искендер, лишь на престол взошел,
Что бездной отделен от подданных престол.

Провозвестил тогда народу счастье он,
И сблизил весь народ с верховной властью он.

Едва он проложил к народу прочный мост,
Народом окружен он был, как сонмом звезд.

И пред народом он сказал такую речь:
«Господь меня послал ваш стон и плачь пресечь.

И если есть меж вас обиженные тут,
Пусть жалобы свои открыто подадут.

Пусть каждый о своем — подробно, не таясь,
Поведает мне все, одним руководясь:

По совести со мной, как с другом говоря,
Пусть друга видит он во мне, а не царя.

Да не страшат его ни сан мой, ни венец:
Не лести внемлю я, а голосу сердец...».

Искендер обладает всесторонним, пытливым умом и любознательностью. Он ценит изобретателей и сам придумывает разные чудесные машины. Устанавливая порядок и законность, он облегчает жизнь подданных. Он постоянно тщательно следит за действиями всех своих подчиненных, воспитывает хороших, честных людей и карает сеющих раздор и насилие. Ежедневно он лично выслушивает жалобы народа, сокращает размеры налогов. Все эти деяния приносят благодетельные результаты:

В стране порядок он и право утвердил
И этим греческий народ обогатил.

У Навои Искендер — смелая, энергичная, деятельная натура. Царь превращает государство в цветущий край и организует сильную и преданную армию. Одну за другой покоряет он страны на Западе и на Востоке. Он не грабит народы покоренных стран, но устанавливает там порядок и вводит свои законы. Он отменяет варварские обычаи, строит новые города и села.

Вся деятельность Искендера проникнута идеей справедливости. На образе Искендера Навои раскрывает чрезвычайную творческую силу этой идеи. Даже противники Искендера в большинстве случаев вынуж-

дены склоняться не перед его армией, а перед его справедливостью.

Искендер — просвещенный монарх. Он знаком со всеми существовавшими в его время науками. Он глубоко уважает людей знания и искусства. В походах царь окружен философами и учеными. Он часто обращается к ним за советом, старается практически использовать научные открытия. Применяя изобретения ученых, он разрушает мощные крепости и проникает в неприступные тайники. Искендер старается познать тайны жизни и природы. Его не удовлетворяет видимый органический и неорганический мир. Он хочет попасть на дно морское, ознакомиться с жизнью его обитателей. Таким образом, герой, завоевавший мир, теперь стремится его познать.

Описывая своего героя, Навои как бы хочет сказать царствующему Султан-Хусейну: вот каким должен быть правитель.

«Вал Искендера» написан гораздо проще и доступнее, чем другие поэмы «Хамсы». По-видимому, Навои особенно рассчитывал на широкое распространение этой поэмы среди родного народа.

6. «Хамса» как художественное целое

«Хамса» — это плод гигантского творческого труда Навои. В ней содержится более двадцати пяти тысяч байтов. Но вместе с тем это также поэтический синтез философской и художественной мысли многих веков и поколений.

Обращаясь к тем поэтам, которые до него брались за «Хамсу», Навои писал:

Предшественники! Черпали вы здесь,
Но ценный жемчуг не исчерпан весь.

Бездонно море слов! Никто из нас
Не может истощить его запас.

И даже я, беспомощный ловец,
Нырнувший в это море, наконец,
Успел собрать столь драгоценный груз,
Что им теперь по праву я горжусь...⁶⁷

---

⁶⁷ Эта и все последующие стихотворные цитаты (кроме оговоренных особо) в переводе Л. Пеньковского.

Навои прекрасно понимал трудности, стоявшие на его пути: ему приходилось состязаться с поэтами, писавшими на персидском языке, имевшем большие литературные традиции. И в первую очередь Навои соперничал на поприще создания «Хамсы» с гениальным азербайджанцем Низами:

Рукой схватив такую «Пятерню»,
В руке надолго ль силу сохранию?

У всех трещали пальцы до сих пор,
Кто с Низами вступал в подобный спор.

Быть надо львом, чтоб рядом сесть со львом,
Тем более — чтобы в драку лезть со львом.

Навои тщательно изучил литературное наследие великих поэтов и прекрасно овладел техникой персидского стихосложения. Не надо забывать, что в эпоху Навои придавали огромное значение форме, и отделка стиха нередко достигала поразительной виртуозности. Таким образом, произведения изощренного поэта превращались в головоломку и разгадать тайный смысл такой поэзии могли лишь избранные читатели, проникавшие в сложные построения стихотворца. Это была поэзия для узкого, избранного круга, до народа она не доходила, и народ ничего не мог бы почерпнуть из этой искусственной формалистской поэзии.

Как уже отмечалось, Навои еще в юношеском возрасте писал на персидском языке под псевдонимом Фани. Одновременно Алишер писал и на языке тюрки (староузбекском). Он боролся за развитие родного литературного языка. Навои осуждал поэтов, пишущих только на персидском языке и пренебрегавших родным языком.

Эта позиция Навои вполне закономерна для всей его деятельности. Он понимал, какую роль играет проблема языка для создания национального государства, для политического и культурного развития своего народа.

Везир Султан-Хусейна Алишер поддерживал своего государя в постоянной борьбе против крупных феодалов, желавших расчленить обширное государство, с таким трудом удержанное потомком Тимура.

Алишер был непримиримым врагом жадных и хищных феодалов. Здесь он имел мощную поддержку в народных массах, которые в ответ на притеснения султанских сановников и феодалов, на тяжелый налоговый гнет поднимали восстания. Еще в XIV веке, до перехода власти в руки Тимура, происходили народные восстания в Хорасане и Мавераннахре. Народные волнения вспыхивали и при наследниках Тимура — Шахрухе и Хусейне Байкаре. Вероятно, у дворцовой реакционной знати имелись все основания утверждать, что Навои и его родственники сочувствовали восставшим. За всеми дворцовыми кознями и интригами можно разглядеть не только личные устремления сановников, но и элементы острой социальной борьбы крупных феодалов и купцов, с одной стороны, и народных масс — с другой.

Алишер Навои всегда принимал сторону народа:

Служа народу, отдыха я от трудов не знал,
И кто, когда и в чем меня предать готов — не знал.

Не знал покоя ни во сне, ни даже за едой,
Давился горем ночью, днем — обидой и бедой.

Ему надо было найти язык и форму, которые были бы доходчивы для народа. Вот почему Навои писал на узбекском языке основные свои произведения в стихах и прозе.

Староузбекский язык, как предшествующее звено современного узбекского, стал вполне литературным языком только в творчестве Навои. Это не значит, что до него не было попыток писать на этом языке. Еще в XII веке Ясави писал стихи на родном языке; при монголах, завоевавших страну в XIII веке и позднее, появилось несколько литературных произведений: книга Рабгузи, поэма Кутба и др. Но все эти опыты не оказали существенного влияния на литературный язык и поэзию эпохи тимуридов. При Шахрухе и Улугбеке творили такие значительные поэты, как Лутфи и Саккаки. Они подняли родной язык на высшую ступень, но все же их произведения на тюркском языке были единичными явлениями. В основном поэты эпохи тимуридов продолжали писать на персидском языке.

Персидский язык в X веке стал господствующим в Средней Азии. Он сменил арабский, принесенный сюда вместе с завоеванием страны арабами, начавшимся в

середине VIII века. Об этом говорит Навои: «Во времена, когда страна находилась под царством арабских халифов и царей, поэты изображали вселенную посредством арабского языка». Арабское влияние было так сильно, что арабский язык в литературе почти вытеснил в Средней Азии и иранские, и тюркские языки местного населения. Ученый — лингвист XI века Махмуд Кашгари указывает, что ислам и мусульманская культура имели огромное влияние на тюркские народы, однако тюрки даже после принятия ислама сохранили родной язык, хотя ученые, тюрки по происхождению, писали на арабском языке, например, философ аль-Фараби и другие.

Монголы, хлынувшие в XIII веке в Среднюю Азию, не лишили тюркские языки их значения. Сами монголы восприняли тюркскую культуру и быт и на западе страны слились с тюрками. Так, например, Тимур не говорил по-монгольски, а владел двумя языками — тюрки, чисто народным и языком города — таджикско-персидским. Впрочем, в эпоху Тимура уже существовал ряд типично тюркских городов, как, например, Андижан, в котором, по словам Бабура, не было ни одного человека, не знавшего тюркского языка. Этот тюркский язык был по преимуществу разговорным.

Так обстояло дело и в эпоху Навои, при последних тимуридах.

Алишер Навои, как известно, выполнил для своей родины и для своего народа ту задачу, которую ставили перед собой великие деятели Возрождения на Западе. Так дю Белле во Франции боролся за создание литературного родного языка против средневековой «кухонной» латыни. Так Данте в первом трактате «Пира», ратуя на национальный итальянский язык, доказывает, что латынь «приносила пользу немногим, вульгарный же язык окажется многим действительно полезен».

Навои посвятил лингвистический трактат «Тяжба двух языков» разрешению существенной проблемы борьбы за узбекский язык.

Враги Алишера утверждали, что Навои восстает против персидского языка, потому что не знает его. Навои обличал лживые утверждения своих врагов.

«От пятнадцатилетнего возраста и до сорокалетнего, — пишет Навои в «Тяжбе двух языков», — было мало

дней, когда бы я не занимался чтением и изучением персидских писателей. Я много раз вникал в замечательные и красивые произведения этих поэтов, мною глубоко и критически изученных. Размышляя об их достоинствах и недостатках, я своим исследованием постиг тайны их тонкости».

Действительно, Навои в совершенстве владел персидским языком. В этом нас убеждают и тысячи строк стихов, написанных Навои по-персидски, и показания современников. Так ученый Даулетшах пишет, что уже в дни юности Навои был двуязычным поэтом: «В поэзии тюркской он сделался самым знаменитым, а в персидской — отличным».

Навои отдавал должное персидскому языку и преклонялся перед великими поэтами прошлого. Но многие поэты, по мнению Навои, пишут по-персидски только в силу традиции, только потому, что писать на персидском языке легче. «Если бы люди поняли правду, они знали бы, что узбекский язык в действительности шире и поле для творчества свободнее. Строить речи, говорить красиво, слагать стихи, сочинять легенды — все это на узбекском языке окажется легче».

Это высказывание Навои раскрывает чисто демократическую, народную тенденцию горячего патриота. Говоря о стихах и легендах, Навои обращается к истокам народного творчества. В другом месте (в первой поэме «Хамсы») Навои обвиняет узбекских поэтов в том, что они не пишут песен в духе узбекской народной поэзии.

Но мало было доказать необходимость писания на узбекском языке. Навои стремился раскрыть языковые сокровища родной речи: «Богатство узбекского языка доказано множеством фактов. Выходящие из народной среды талантливые поэты не должны выявлять свои способности на персидском языке. Если они могут творить на обоих языках, то все же очень желательно, чтобы они на своем языке писали стихов побольше».

В трактате «Тяжба двух языков» Навои уделяет большое внимание конкретному анализу родного литературного языка.

В эпоху Навои в литературе господствовал своеобразный «формализм». Поэты отодвигали на задний план содержание. Главным в произведении считался

внешний блеск, игра слов и разные словесные ухищрения. Одаренность автора и художественное достоинство его произведений расценивались с точки зрения литературной формы. Борясь за внедрение в литературу родного языка, который иронизирующая феодальная аристократия считала грубым языком кочевников, Навои выступал также и против господствующего в литературе чрезмерного увлечения формой.

На первом месте в языке для Навои стоит вопрос содержания, значения слова. Слово для него — это жемчужина, мышление — море, а человек — водолаз, который со дна моря вылавливает жемчуг.

«Цена слова определяется по жемчугу, то есть по содержанию».

«Вслед за содержанием возникает язык, и посредством языка воспринимается содержание».

Таким образом, для Навои существеннейшей особенностью языка является возможность передавать на нем различные оттенки мысли. Он доказывает на многочисленных примерах, что тюркский народный язык очень богат, но «этот цветущий сад и эта сокровищница были до сего времени скрыты от людей, до их ценностей не дотрагивались человеческие руки».

Навои дает примеры богатства синонимов родного языка. Он приводит, например, семь синонимов слова «ййгламоқ» — плакать, причем каждый из этих синонимов имеет определенный оттенок.

Точно так же Навои дает многочисленные примеры, прозаические и стихотворные, омонимов родного языка. Омонимы играют очень важную роль, так как являются составной частью особой стихотворной формы, называемой туюг. Навои определяет туюг как строфу из двух двустиший, содержащую игру слов. Игра слов строится на соединении двух одинаково произносимых, но разнозначущих слов. Таково, например, слово «кўк», означающее в узбекском языке: небо, зелень, зеленая трава, сизый, синий.

По мнению Навои, туюг является лучшим доказательством разнообразия и богатства родного языка.

Давая конкретный анализ словарных богатств узбекского языка, Навои приводит ряд слов, адекватных которым нет в персидском и арабском языках. Возражая тем, кто говорит о необходимости заимствовать сло-

ва из персидского языка, Навои указывает, что и персидский язык заимствует целый ряд узбекских терминов и названий из военного и охотничьего обихода.

Трактат Навои «Тяжба двух языков» научно обоснован, и политическая цель борьбы за родной язык, как доступный широким народным массам, не заслуживает от поэта чисто художественных и литературных задач. Всей своей творческой практикой Навои утверждает право поэта создавать подлинную литературу на родном языке. В поэме «Лейли и Меджнун» Навои пишет:

Знающие персидский язык познали легенды,
Но были лишены этого турки.
Ты имел это в виду,
И благодаря тебе и тюркские страны
Стали наслаждаться легендами.

Поэтические труды Навои и его теоретические работы одинаково утверждали узбекский язык в его правах. Но «Тяжба двух языков» — специальная лингвистическая работа Навои, посвященная этой благородной задаче.

«Мне думается,— пишет Навои,— что я этой работой установил и доказал право узбекских поэтов писать на родном языке, благодаря чему они оценили значение своих родных слов и выражений и поняли положение своего языка. Вместе с тем они освободились от упреков и обвинений со стороны людей, говорящих по-персидски».

Навои понимал, что нужно практически помочь поэтам своей страны овладеть богатствами родного языка. Об этом говорил он, собирая у себя писателей и ученых. Для них написал он особый труд по стихосложению («Весы размеров»). Он дал разбор узбекского, арабского и персидского стиха и особенно остановился на туюге, как форме, которая свойственна исключительно узбекской поэзии.

Очевидно, по настоянию Навои, Хусейн Байкара особенно покровительствовал поэтам, писавшим на узбекском языке. В своеобразной критической работе Навои «Собрание изящных» он осуждает тех, кто не хочет учиться у великих поэтов прошлого. Нападая на поэта Мавлана Абдуллу за издевки над Фирдоуси, Низами и Хосровом, Алишер перечисляет достоинства

классиков персидской и арабской литературы. Эти достоинства: простота, ясность и понятность изложения, и они необходимы для любого поэта. Однако обстоятельное изучение классиков не должно мешать работе на родном языке.

Навои часто собирал поэтов Герата у себя, обсуждал с ними новые произведения, на каком бы языке они не были написаны. Он упрекал молодых поэтов, которые «отворачивались от трудного (от своего языка) и выявляли себя сторонниками легкого (т. е. персидского языка)».

Оценки Навои объективны и глубоко обоснованы. Это отмечает без ложной скромности и сам Навои в «Тяжбе двух языков». Он так рассказывает о литературных собраниях, происходивших в его доме: «Прошло свыше тридцати лет, даже почти сорок лет с того времени, как Хорасан стал Египтом среди других земель и превратился в страну большой культуры с обилием образованных людей и литераторов. Все стихотворцы этой страны... приносили на мои собрания произведения на разных языках с просьбой их исправить. Мои мысли и соображения они добросовестно принимали. Если некоторые из поэтов были недовольны моими мыслями и советами, я подтверждал доказательствами правильность моих мыслей. Они удовлетворялись этим, принимали мои мысли и советы, считая себя моими учениками, и возвращались домой благодарные мне».

Так Алишер Навои выступал организатором национальной литературы и горячим приверженцем родного языка — тюрки.

В «Тяжбе двух языков» Навои доказал, что его родной язык открывает огромные возможности для поэзии, так как обладает богатейшей лексикой, пригодной для утонченной формы и для самого глубокого содержания.

Содержание для Навои играло первенствующую роль. Изошренность формы он считал нужным, но не самодовлеющим делом. В пояснении к «Фархад и Ширин» Навои высказывает следующие мысли:

Дом живописью украшать решив,
Так выстрой дом, чтоб сам он был красив.

Пусть рифма у тебя в стихах звонка,
Пленительно преданье, мысль тонка,

Но в летописи давних лет вникай,
В рассказы стариков, поэт, вникай.

Ты, может быть, еще откроешь клад,
Что пропустил предшественника взгляд:

И этот клад народу предъяви,
Чтоб стал достоин ты его любви.

А то, что сам народ воспел, — к чему
В таком же виде подавать ему?

Ни наслажденья, ни почета нет —
Коня гонять чужим коням вослед.

На той лужайке, где не первый ты,
Как соберешь ты лучшие цветы?

Ведь не одна лужайка в цветнике,
А ты не попрошайка в цветнике...

Алишер Навои последовательно осуществлял задачи, сформулированные в этой поэтической декларации. Он оригинально ставил и разрешал проблемы общественного устройства, любви, семьи, брака, освобождения личности от морального и физического угнетения. Создавая «назира» на поэмы своих предшественников, Навои отнюдь не был «погонщиком коня чужим коням вослед». Его «Хамса» представляет собой законченное художественное целое как по форме, так и по содержанию.

Каждая поэма — самостоятельна по сюжету и развертыванию действия. Герои не переходят из поэмы в поэму.

Чем же связаны пять поэм «Хамсы» между собой?

Только общей идейной направленностью поэта, поновому рассказавшего широко известные народу романтические истории о Фархаде и Ширин, Лейли и Меджнуне, о приключениях царя Бахрама.

В чем новизна концепции Навои? В том, что он воплощает в своих героях мечту о свободном человеке, о творце собственного счастья.

В соответствии с этим Навои строит сюжет и композицию своих произведений, желая показать в «Лейли и Меджнуне» трагические последствия обычая женить молодых людей, не считаясь с их чувствами и влечениями. Навои приводит примеры глубоко несчастных

браков: Меджнуна пытаются насильно женить на дочери Науфала, хотя Меджнун любит только Лейли, а дочь Науфала имеет возлюбленного. Лейли насильно выдают замуж за Ибн-Салама, хотя она навек преда-на Меджнуну.

Предшественники Навои не делали упора на общественно-этическую сторону патриархальных браков мусульманской семьи.

Низами, рисуя безумие Меджнуна, трактует это состояние своего героя в духе суфийской философии. Любовь Меджнуна приобретает чисто духовный характер, он сливается с любимой духовно, ощущая себя самого как проявление Лейли. Он уже не стремится к физическому обладанию Лейли, потому что любовь его приняла высшую, совершенную форму, когда влюбленный как бы растворяется в возлюбленной.

Навои интересуют проблемы земной любви и земных человеческих чувств. Поэтому Навои вводит в сюжет эпизод страстной встречи Лейли и Меджнуна, после того как Лейли покинула дом внезапно умершего мужа, а Меджнун оставил дочь Науфала.

Навои мягко и целомудренно описывает близость влюбленных, которые «как плющ и кипарис переплелись». Навои оправдывает эту неосвященную догмой ислама связь, потому что видит в ней огромную нравственную силу и чистоту. В этой связи — подлинная любовь и подлинная страсть:

Не страшен путь греха такой чете,
Их даже грех приводит к чистоте.

Кто чистотою равен им, для тех
Вовек любовь не превратится в грех.

Влюбленный должен чистым быть всегда:
Любовь желанью грязному чужда!

На этом примере отчетливо видно, как Навои подчиняет сюжетные ходы поэмы определенному замыслу. В композиции отдельных частей «Хамсы» нет случайностей или «проходных эпизодов», вставленных ради занимательности. Все четко продумано и рассчитано, словно Навои имел возможность циркулем геометра измерять вольный полет творческой фантазии.

Навои применяет интересный прием, чтобы убедить

читателя в «авторской объективности». Каждую главу поэмы (это мы находим в «Фархаде и Ширин» и «Лейли и Меджнуне») Навои открывает двустилием, ссылкой на какого-то рассказчика:

Кто вяжет в книгах тонких мыслей вязь,
Так свой рассказ украсил, вдохновясь.
(«Фархад и Ширин»)

Строитель корабельный — о таком
Рассказывает случае морском.
(Там же)

Тот, кто перо печали в руки взял,
Так эту книгу скорби написал.
(Там же)

Тот, кто уроки мне давал не раз,
В науке слова так повел рассказ.
(«Лейли и Меджнун»)

Кто слова своего копье метнул,
Калама так поводья повернул.
(Там же)

Навои придает каждой поэме «Хамсы» свои композиционно-стилевые особенности. Повествование о Фархаде и Ширин, разбитое на главы, он прерывает всякий раз обращением к кравчему, прося у него налить чашу вина. Здесь проявляется неисчерпаемая находчивость поэта, который в зависимости от настроения, навеянного ходом излагаемых событий, меняет сорт вина.

Стоит Навои дать пышное описание китайских дворцов и роскошных яств, подаваемых на пирах,— и он заканчивает главу таким обращением:

Китайской красотой пленен давно,
И я люблю китайское вино:

Так не забудь же, кравчий, и щедрей
На том пиру и мне вина налей.

Рассказывая о жестокостях насильника Хосрова, осадившего крепость в Армении, Навои так заключает главу:

Дай, кравчий, чашу неба — и не спорь!
Налей вина алей вечерних зорь:

Познаю винной крепости игру, —
Пойму войны свирепость и игру.

Описав трагическую смерть Ширин у бездыханного тела Фархада, Навои восклицает:

Покрепче, кравчий, мне вина налей!
С возлюбленной я обнимусь своей.

Мы будем спать, пока разбудит нас
Дня воскресенья мертвых трубный глас.

Как отмечалось, прославление вина, дающего забвение горестной жизни, обращение к кравчому — в традициях классической поэзии мусульманского Востока. Об этом пели Хафиз, Омар Хайям, такие мотивы звучат у многочисленных второстепенных поэтов Востока. В поэзии Навои также нет недостатка в использовании этих традиционных мотивов. Однако весьма характерно для высокой идейности творчества Алишера, что он даже посредством традиционного обращения к кравчому дает читателю представление о тех чувствах и настроениях, которые должна вызывать та или иная глава.

В сюжетных построениях, как мы уже отметили, Навои не допускает случайностей, нигде не вводит параллельного действия и придерживается строгой последовательности во времени. Он часто переносит повествование из одного места в другое, но никогда не опускает того, что одновременно происходит в двух местах.

Так, например, рассказывая о том, как Хосров отправляет к Ширин посла с предложением стать его женой, поэт расстается с Хосровом и его приближенными, перенося действие в Армению, страну Ширин, изображает прибытие посла к тетке Ширин, Михин-Бану. Михин-Бану принимает решение, затем беседует о сватовстве Хосрова с Ширин и, наконец, вежливо отказывает послу шаха. После этого действие снова переносится во дворец Хосрова, когда посол возвращается с отказом. Такая последовательность проводится как закон во всех поэмах «Хамсы».

Навои стремится к тому, чтобы действие в «Хамсе» развивалось плавно, без скачков и было естественным и правдоподобным. Для усиления правдоподобия поэт часто прибегает к тщательной разработке деталей. Навои ищет правдивого изображения человеческих чувств, страстей и переживаний. Поэтому Навои придает большое значение мотивации поступков героев.

Отец Лейли требует решительного разрыва дочери с Кайсом; он считает, что необычайная, безумная любовь юности, на которую обращают внимание окружающие, позорит его дочь. Прекрасно мотивирован отказ дочери Науфаля от Меджнуна ее любовью к другому человеку. Психологически верно обосновано поведение Науфаля, который сперва пробует уговорить отца Лейли отдать дочь за Меджнуна, затем, получив оскорбление в ответ, идет войной на отца Лейли и, наконец, по просьбе Меджнуна прекращает борьбу, так как Меджнун боится, что строптивый отец Лейли скорее убьет дочь, чем отдаст за него, носящего презрительную кличку безумца.

По ходу действия раскрывается многосторонность характеров героев и героинь. Благородство Науфаля неоднократно подвергается трудным испытаниям. Так, желая утешить Меджнуна, он предложил ему в жены свою дочь. Но Меджнун расстался с ней после брака, не став ее мужем. Это было оскорблением для Науфаля, для его дома, для его племени. Но его разум и благородство преодолели обиду и страдания. Он понял, что «здесь невиновны даже сын и дочь», он только сказал: «Забудем все, не в силах мы помочь».

Никогда Навои не рисует героев одной краской. Никогда также, кроме сцен первого знакомства с ними, он не дает им необоснованных характеристик. Он ставит героев в такие обстоятельства, при которых легче всего раскрывается их характер. Навои говорит об отзывчивости и трудолюбии Фархада, о многообразии его технических знаний, но все эти качества обнаруживаются в действиях Фархада. Когда он попадает в Армению и видит людей, угнетенных непосильным трудом и свирепыми надсмотрщиками,— Фархад сразу решает, что должен помочь несчастным:

Хоть я и не затем пришел сюда,
Но слишком велика у них беда.

Точно так же в поступках и делах раскрываются отвратительные свойства Хосрова, его сына Шируйе и советника Бузург-Умида. Мы видим жестокость, вероломство и необузданную гордость злодея Хосрова. Он уничтожает села и города, подвергает жителей истязаниям и пыткам. Но и этот злодей — не беспросветно черен в изображении Навои. Когда Фархад, пленник

Хосрова, выявляет величие духа, в сердце Хосрова возникают муки сомнения, и он не решается казнить Фархада, мужественно обвиняющего шаха в злодеяниях.

Царь Бахрам, раздраженный дерзким ответом красавицы рабыни Диларам, жестоко расправляется с нею. Но затем его терзает раскаяние, он проводит бессонные ночи, горько оплакивая потерю. Чувство любви облагораживает даже такого самодура и деспота, как Бахрам.

Когда поэт дает характеристики героев, интересно отметить, что здесь большую роль играют нравственные качества изображаемых людей. Отец Меджнуна выступает не только как глава нескольких племен, человек высокого сана,— отмечаются его гостеприимство и покровительство бедным и обездоленным:

Искусство щедрости его влекло
И превратил он мудрость в ремесло.

Отец Лейли, которого Навои сделал школьным учителем целого племени, славится как «звезда наук», как человек чуткий к нуждам народа, но тут же отмечаются и другие его свойства — сила воли и вспыльчивость:

Был гнев его горячим, жестким был,
Но камень гнева мягким воском был.

Был гнев самумом, — не губил он роз,
Из пламени былинки не унес.

Художник Шапур, с которым Фархад встречается случайно и становится его другом, разделяя с ним тяготы борьбы с врагами, получает такую краткую, но выразительную характеристику:

Шапуrom назывался он. Шапур
Был с виду необщителен и хмур.

Всегда задумчив, не весьма речист,
Но был он добр душой и сердцем чист.

Был молод, привлекателен он был,
Умен и наблюдателен он был.

Определяя основные свойства героев, Навои, естественно, останавливается на тех из них, которые имеют существенное значение для развития действия и для осмысления образа.

Наряду с такими четкими правдоподобными характеристиками персонажей поэм, мы встречаем и другие — построенные по принципу гротеска и нарочитой гиперболизации. Иногда поэт хочет подчеркнуть сказочность поступков своих героев, сделать их деяния предметом философских обобщений.

Так описывается китайский хахан, отец Фархада:

Звезд в небесах, а на земле песка
Нам не хватило б счесть его войска...

Завоеватели пред ним — рабы,
Сдают ему владенья, гнут горбы.

Как океан, как золотой рудник,
Он был богат и щедрым быть привык.

Нет, не рудник! Скажи, что он там был
Небесным сводом, горизонтом был.

Так описывается дух зла Ахриман, сраженный Фархадом:

Разбрызгивая смертоносный яд,
От головы до пят искрясь, как яд,

Валил он ревом мирозданья лес,
Он воплями шатал чертог небес.

Так каждый волос вздыбился на нем,
Как будто стал копейным острием.

А впрочем, — нет, не копы были то,
А страшных змей подобья были то...

Был ростом выше башен Ахриман,
Как страшный суд, был страшен Ахриман.

Сказочное преувеличение, гиперболичность — характерный прием Навои, когда поэт рассказывает о подвигах своих героев в бранном деле или в области знания. Фархад, как и подобает легендарному богатырю, уже в десять лет

....хватая на бегу,
Мог разгибать он радуги дугу;

Тупой стрелой он мог Арктур пронзить,
А острой мог зенит он занозить:

Планету Марс он на аркан ловил,
Созвездью Льва хребет он искривил;

Он выжал воду из созвездья рыб;
Он шестопером семь бы сфер прошиб.

Со скоростью круженья сфер свое
Умел меж пальцев он вращать копьё.

Так что казалось — он прикрыт щитом,
Полнебосвода им затмив притом.

Эти пышные прославления доблести и ума, подаваемые в таких тонах преувеличения, Навои с большим тактом сочетает со строго обдуманном и размеренным ходом действия, с весьма логическими и мотивированными поступками героев.

Если Навои надо признать большим мастером характеристики, портрета, то не менее искусно рисует он пейзаж. Изображение природы занимает большое место в поэмах, причем природа никогда не является у него только фоном, а как бы обязательной составной частью произведения. Силы природы, добрые и злые, активно участвуют в жизни героев Навои, сочувствуют их горю, содействуют их счастью.

Прекрасной ночью, под открытым небом происходит страстное свидание Лейли и Меджнуна:

Все крохотные твари в эту ночь
Стремались двум любовникам помочь.

Раскинул нитку длинную паук:
Закрыв их паутиною паук.

Чтобы влюбленных скрыть, на мир легло
Летучей мыши серое крыло.

Чтоб не тревожить их, комар замолк,
Глаза прикрыл мохнатым ухом волк.

Такое одушевление природы, своеобразный философский анимизм часто встречается в творчестве Навои. Это — не только стилиевой прием, но непосредственный вывод из философско-религиозных взглядов Навои, содержащих в себе весьма ощутимые элементы пантеизма.

В системе образов Навои мы находим также и персонафикацию отвлеченных понятий. Обреченность Фархада изображается таким образом:

Любовь сказала: «Мной Фархад избран, —
Румянец розы превращу в шафран»...

Мечтала скорбь: «Разрушу я потом
До основанья этот светлый дом».

Говоря о своем творчестве, Навои вкладывает мысли в уста Вдохновению, которое появляется на пороге, как только он в вечерний час заостряет кончик своего калама.

В природе, описываемой Навои, нет резкого разграничения между органическим и неорганическим миром. Все в природе живет, дышит, радуется или горюет. В «Лейли и Меджнуне» дан пышный пир весны, «когда ликует хмель, в пустыне распускается щавель», когда «небо — как попугай, переливающийся блеском радуги», когда «земля как птенец, любящий пух и тепло».

Живописец природы, Навои выбирает редкостные краски для изображения цветов:

Облита роза желтая дождем.
То — жемчуга на блюде золотом.

Иль, может быть, у розы желчь во рту?
Лицо желтушной, может быть, в поту?

Прощается с полями синий лед.
И слезы расставанья иней льет...

Прольется ранняя роса на луг,
И вспыхнут маки красные вокруг.

Вот птицы, вот голубка с голубком,
Сидят рядком и полетят рядком.

И листья, одеяние стволов,
Теперь для птиц уединенья кров.

И люди, прегрешенья не страшась,
Уходят в степь в благословенный час.

Так в блеске цветов и красок весь мир — растения, птицы, люди — расцветает с приходом весны. Удивительно образно Навои рисует смену дня и ночи:

Когда заря-невеста поднялась,
Белилами рассвета набелясь,

И небеса прислуживали ей.
Держа пред нею зеркало-ручей...
(«Лейли и Меджнун»)

Когда дохнул рассветный ветерок
И дымный полог с ночи он совлек,

День, посрамляя ночи нищету,
Серебряную выставял плиту.

Как выползший из логова дракон,
Вонзив язык горящий в небосклон,

С драконью голову величиной,
Катилось солнце из норы ночной...
(«Фархад и Ширин»)

Лишь утренней зари забил родник,
Преобразив небесный луг в цветник.
(Там же)

Так неисчерпаемо разнообразно изображает природу в рассветные часы Навон. Не менее образно рисует он наступление ночи:

Когда же ночи змей, разинув пасть,
На утомленный день решил напасть,

И густо за клубил свой черный дым
Над мировым простором голубым.

И солнце, спрятав лик в багряный прах,
Поспешно скрылось и само в горах....

Жаркий, удушливый день в аравийской пустыне находит свое колоритное изображение:

Песок июньским солнцем накален!
От зноя пострадал и небосклон,

И звезды, уstraшенные жарой,
Искали тени где-то под землей.

Переменилось неба естество,
Как видно, лихорадило его!..

Колосья хлеба лопнули везде,
Сходны с горохом на сковороде...

И вот уже к сковороде земли
Фазан и куропатка подошли,

Они клюют готовое пшено:
Ай, хорошо изжарено оно!

Паук с полыни скрылся от жары:
Он в паутине скрылся от жары.

Бежит собака, высунув язык!
То — летний месяц молодой возник!

Червяк, — он плавится в таком аду,
Спешит укрыться в наливном плоду.
(«Лейли и Меджнун»)

В изображении картин природы Навои не прибегает к вырисовыванию деталей. Он любит давать обобщения, развертывает широкие полотна. В сцене кораблекрушения (в «Фархаде и Ширин») грозный ураган, движущий по морю огромные волны, приобретает под кистью Навои стихийно-сказочный характер. Этот ураган —

Как тычет пикой в грудь врага батыр.
И тысячи проткнул он в небе дыр:

Светила, замерцавшие сквозь тьму,
Служили доказательством тому.

Созвездья Рыб и Рака, трепеща,
В пучину вод низверглись сообща.

А остальные — в страхе пред водой,
Едва завидя месяц молодой,

К его ладье все устремились, в ней
Спастися пытаясь от морских зыбей...

подавляющее большинство образов Навои относится к системе зрительных, живописных. Мы знаем, что Навои был большим знатоком и любителем изобразительных искусств. Под его покровительством расцвела гератская школа живописи во главе с Кемалуддином Бехзадом, прозванным европейскими искусствоведами Рафаэлем Востока. В Герате работали выдающиеся миниатюристы, мастера по тонкой росписи фарфора, — и многие образы Навои напоминают по осязательности восприятий тончайшую игру линий и красок гератских художников.

Когда Навои хочет описать облик холодного декабрьского неба, он говорит о том, что чародейка-зима обволокла небо облаками, как мехом белки. Поверхность замерзшего пруда Навои сравнивает с большой школьной доской, посеребренной ювелиром — зимой, а русло арыка — с кинжалом.

Когда Навои хочет рассказать о бедствиях, обрушившихся на человека, он говорит образно и просто:

Несчастья потянулся караван.

Стрелы — это струи дождя, строки газелей — жемчужный ряд. Стройный стан уподобляется арабской букве «алиф», изображаемой в виде вертикальной черты. Стоит горю прийти к этому статному человеку, — и он сгибается наподобие арабской буквы «даль». Так Навои даже в начертаниях букв алфавита находит образное выражение мыслей и чувств. Поэт любит играть образами-контрастами. Чахнувшего Фархада он сравнивает с воском, в который превратился кремень, а «стан, прямой как пальма, — под грозой стал слабой виноградною лозой».

Этот образ по прямой ассоциации влечет за собой новый дополнительный:

Однако же вино подобных лоз
Свой цвет берет от их кровавых слез.

Дополнительные образы, вызываемые прямыми ассоциациями по сходству или контрасту — обычный изобразительный прием Навои.

Используя традиционный сюжет любви розы и соловья, Навои говорит, что соловей так стонет, прося любви розы, что она вся закипает кровью и рдеет...

...впрочем, я не прав:
Избранницею соловьиной став,

Полна не кровью алою она,
А настоящим пламенем полна.

Изображая пир у китайского хакана, Навои отрицанием усиливает впечатление от изумительного золотого цвета вина:

Нет, не вино, а золота раствор
Здесь наливали в золотой фарфор.

Тем же приемом отрицания пользуется Навои в описании рождения Фархада:

Иль новый месяц так взошел светло?
Не месяц — солнце новое зошло!

Не солнце — роза! Но ее не тронь:
Не роза расцвела — возник огонь.

Подобный прием вытеснения одного образа другим для усиления впечатления применяет Навои в описании обаятельной внешности Лейли. Это описание он вкладывает в уста Кайса:

Когда б шипы на розе не росли,
Была бы роза как моя Лейли!

Где кипарис? Когда б он был стройней,
Мне кипарис напомнил бы о ней!

Когда б фиалки запах был нежней,
Фиалка б мне напомнила о ней!

Глаза нарцисса были бы черней, —
И мне нарцисс напомнил бы о ней!

В «Хамсе» мы находим необычайное богатство образов, метафор, сравнений. Преобладают образы живописные. Золото осени, зелень весеннего луга, серебро воды, мрамор стен — все это передает Навои с таким совершенством, что о нем можно сказать его же словами о китайском художнике Мани:

То, что Мани умел нарисовать,
Неправильно картиной называть:

Из мертвого бумажного листа
Сияла самой жизни красота.

Мир идей Навои

Алишер Навои был великим просветителем своего века и воинствующим художником. Он рассматривал литературу и искусство как средство пропаганды при помощи художественных образов самых передовых идей своего века.

Столица Хусейна Байкары дала много свежего, оригинального и прогрессивного во всех областях культуры. Расцвет этого среднеазиатского феодального государства длился недолго. В конце XV и начале XVI веков войска кочевников узбеков под предводительством Шейбани-хана завладели страной, свергнув династию тимуридов.

Навои жил и творил на закате династии тимуридов, когда их владения содрогались под натиском внешних завоевателей и от внутренних междоусобиц. Это был жестокий век, мало благоприятный для осуществления тех идеалов, о которых мечтали Навои и современники, близкие ему по духу, лучшие люди страны.

Аналогии иногда приводят к неверным выводам, и поэтому опасно сравнивать блестящее время Навои с

эпохой Возрождения на Западе. Но если считать главным и наиболее характерным для Возрождения стремление к освобождению человеческой личности от крепких пут теологии и религиозного фанатизма, то нечто подобное находим мы в чаяниях и стремлениях культурных деятелей Герата XV века.

Передовые люди этой эпохи использовали религиозно-мистические движения суфизма как своеобразную форму оппозиции к официальному исламу.

Суфийская поэзия превращала грозного мусульманского бога, стоящего над миром, в нечто близкое, осязаемое.

Такое понимание существа бога приемлемо и для Навои.

Навои противоречив в своих религиозно-философских высказываниях. Он посвящает Мухаммеду — «любимцу» мусульманского бога и четверем первым халифам восторженные оды, но как передовой человек своего времени, как мыслитель он свободен от религиозной нетерпимости среды, в нем нет и следа фанатизма. Все религиозные убеждения, включая и самые языческие, приобретают в глазах Алишера одинаковое значение. Грани стираются, ни одна религия не может претендовать на исключительную истинность: «Одного ты сделал идолопоклонником, так как ты дал своей красоте проявиться в идоле, и этой красотой ты сделал идола гордым. Другой чтит солнце, поклоняется ему день и ночь... Язычник сжигает себя на огне или в лучах солнца, перед твоим лицом...».

Так, по мысли Навои, в идоле огня или солнца выражается одна и та же сущность. Следовательно, нельзя считать какую-либо одну религию истинной. Мир есть бог. Во всем отражается лишь он.

Навои облакает в мистическую оболочку этот философский пантеизм. «Ты не имел сперва начала, не будет тебе и конца. Этот мир был открыт в тебе... Все моря находились в тебе в покое и тишине и не проявляли себя в волнах. Существовал лишь ты один, не было других существ. Твоя красота проявлялась только в тебе. Небесное зеркало служило для отражения твоей красоты: в нем отражались небесные видения. Ты сам был зрителем, и ты восхищался самим собой. Ты сам был горд своей любовью и красотой. Было единство, не

было множества. Кроме единого, не было другого единого...»

Можно подумать, что Навои так объясняет происхождение мира, что для него бог есть нечто вечное и абсолютно прекрасное, что мир находится в самом боге в состоянии покоя, словно составляя все его содержание: «Проявления твоей красоты не имели предела, им понадобилось бесконечное число зеркал».

Но в понимании Навои бог и мир не существуют отдельно.

Для него бог — вовсе не то могущественное существо, которое находится над миром, за пределами «девяти небес», в каком-то воображаемом пространстве, как это проповедуют представители разных религий. В понимании Навои бог есть мир, он воплощен, растворен во всех мировых вещах и явлениях.

Дуализм бога и мира преодолен Навои: «Существуешь только ты. Кроме тебя — ничего. Если что-нибудь есть, то оно только ты».

Так два века спустя независимо от Навои и далеко от его родины к тому же выводу пришел Спиноза: **«Все, что только существует в мире, существует в боге, и без бога ничего не может ни существовать, ни быть мыслимым».**

Но у Спинозы, в его могучей пантеистической системе, не остается места для божественных непознаваемых качеств высшего существа. А у Навои отождествление бога с природой не выходит за пределы религиозного мышления.

Излюбленной темой поэта является идея воплощения бога в мире. Все изменения, происходящие в мире, объясняются действием божественной красоты, отражающейся в бесконечном ряде зеркал.

Таким образом, у Навои в виде основного начала выступает не природа, а некая абсолютная опозитизированная сила, которая для созерцания своей красоты открывает себя в мире.

Навои признает объективный мир, но он мыслится им как бог. Он утверждает, что нет тела без души, так же, как нет души без тела.

Источником всех знаний Навои считает наши органы чувств. Все полученное через органы чувств передается, по образному выражению Алишера, «предприя-

тию человеческого мозга». Затем, после обработки, мозг передает все полученное извне «первоначальному хранителю сокровища», то есть духу. Так отделяется нужное от ненужного, достигается гармония, согласованность духа и материи.

В эпоху Навои наука была в плену у религиозных догм. Философия должна была заниматься доказательством бытия бога. Естествознание в современном смысле не существовало. Навои рассказывает, что какой-то авантюрист, выдавая себя за иностранного ученого, обманул Хусейна Байкару, обещая превратить медь в золото. В другом месте он рассказывает о некоем Абдулкахаре: «Его мечтой стала химия. Затратив на это много средств, он ничего не мог получить. При этом от долгого раздувания огня и вредного влияния веществ он потерял слух».

Из точных наук наибольшее развитие в эпоху Навои получили математика и астрономия. Но и эти науки после трагической гибели Улугбека больше не выдвигают на Востоке крупных имен.

Поэта-мыслителя не могли удовлетворить ни религия, ни суфийская философия, ни наука на ее тогдашнем уровне.

За официальной догмой ислама скрывались обман и корыстолюбие духовенства, и Алишер не мог не видеть этого. Недаром писал он в своем «Хайрат-ул-абрар» («Смятение праведных»), что «ряса духовников сшита из ниток обмана и лжи, а палка, на которую они опираются, является столбом дома гнусностей».

Навои пользовался суфийской терминологией, но относился явно отрицательно к положениям суфиев о непознаваемости мира и интуитивности восприятия божества. В отличие от мистиков-интуитов, прославлявших экстаз и чувство, Навои славил человеческий разум как меру вещей: «Когда всеильный создал темную келью человеческого тела, он возжег там светильник разума».

Круг мыслей Навои был весьма широк. Из арабских источников он узнал об основах учения Фалеса, Пифагора, Платона, Сократа и Аристотеля. Тогда как современные Навои ученые мусульманского Востока, находясь в цепях теологии, считали, что философия вредна, а Платон и Аристотель — люди, сбившиеся с пути ал-

лаха», Навои высоко ставил имена античных философов и ценил их за стремление к истине.

В поэме «Семь планет» Навои говорит об эллинских философах:

Их знаниям нет границ, и столь они мудры,
Как будто вложены в них целые миры.

Да, в каждом — целый мир познания воплощен,
Без них вселенная — тщета, ненужный сон.

Из гуши мудрости они сотворены,
И счастьем их дела в веках осенены.

Алишер сам жадно искал ответа на коренные вопросы философии. И у него возникали,— и не раз, по-видимому,— глубокие сомнения в истинности религии.

Пей вино! Ведь сущность мира, этой древней мастерской,
Людям непонятна так же, как и на заре веков.

Поколенья уносили в землю юные мечты,
Жизнь растратив на догадки, на тщету бесплодных слов.

В поисках правильного пути познания мира он часто впадает в противоречия, доходя до того, что объявляет разум слепым в вопросах познания истины.

Такие мотивы разочарованности встречаются в газелях Навои. Но для правомерного мусульманина истинность творца неоспорима, для него все объясняется очень просто — всемогуществом «создателя».

Боясь быть уличенным в богохульстве, Навои не мог открыто высказать свои философские взгляды. Он вынужден был вуалировать их суфийской терминологией.

Религиозно-мистический покров служил ему для высказывания выдвинутых мыслей, расходившихся с догмой ислама.

Правда, мы находим немало антиклерикальных мест и в «Хамсе», и в газелях, где Навои в прямой форме выступает против шейха, предостерегающего поэта от опасностей любви:

В ладье жадности, среди лицемерия волн,
Сотворил весло себе из железа ты, шейх.

Сеть коварства и лжи готовишь народу ты,
Четки сделав зерном-приманкой, хитроватый шейх...

Если бы честного шейха я мог найти,
Я рабом твоим стал бы без платы, шейх⁶⁸.

Узкий фатализм неприемлем для Навои точно так же, как и суфийская созерцательность и отречение от мира. Правда, Джами рассказывает, что Навои был посвящен им в тайны ордена накшбенди, добровольно отрекся от жизненных почестей и вступил на «путь бедности» и отказа от своей личности. Этот «подвиг» Навои, по словам Джами, произошел в 1476 году. Усталый от борьбы с придворной кликой, Навои, быть может, и объявил о подобном отречении, но это событие не отразилось на кипучей деятельности многосторонней и волевой натуры Алишера.

Близость Навои с дервишским шейхом Джами объясняется тем, что Джами отнюдь не принадлежал к числу узко правоверных мусульман. Он был широко образованным человеком. Считавший себя мюридом (учеником) Джами, Навои преклонялся перед огромной эрудицией своего учителя, который помог ему проникнуть в глубины философии мусульманства. Из этой философии он черпал только то, что было важно для построения его мировоззрения, опиравшегося на идеи любви к родине и человеку.

В свое время делались попытки объяснить поэмы Навои с точки зрения суфийской философии и объявить систему образов «Хамсы» только мистическими аллегориями, обозначающими пути познания высшей истины. Но при ближайшем и беспристрастном изучении творчества Навои легко обнаружить ошибочность этого взгляда. Во всех поэмах мы видим кипение бурных человеческих страстей и столкновение живых характеров. В «Фархаде и Ширин», как и в «Лейли и Меджнуне», на первом плане — живые чувства и переживания героев. Сколь бы ни были необычны их душевные порывы и поступки, поэт тщательно их мотивирует, старается всегда быть логичным и последовательным.

Однако, несмотря на всю прогрессивность взглядов Навои на религию и идею божества, поэт был сыном своего времени, и многое из фаталистических воззрений его предков и современников сказывалось и на нем. Отсюда вытекает некоторая противоречивость поэта в

---

⁶⁸ Перевод Н. Лебедева.

подходе к судьбам его героев. С одной стороны, Навои, как просветитель и человек разума, показывает, что его герои крепнут в борьбе с препятствиями и смело идут наперекор судьбе, с другой — поэт как бы верит в предначертания судьбы, которые самым роковым образом влияют на все события в жизни его героев. Особенно выразительно мысль о непреложности судьбы выражена в «Фархаде и Ширин»:

Будь человек мудрец иль будь простак,
Будь он богат великий иль бедняк,

Будь он владыка-царь иль будь дервиш,
Могуч, как лев, иль слаб и мал, какмышь,

Не снять ему, — закон судьбы таков, —
Судьбой надетых на него оков.

Бессмысленно, как по воде писать,
Пытаться от судьбы себя спасти.

Невидимо судьба нам метит лбы,
Но нам не разгадать клейма судьбы.

Всеведущим в мирских науках будь,
В делах судьбы тебе заказан путь.

В премудростях людских и я силен,
А пред судьбой, как неуч, посрамлен.

Выступая против суеверий и мракобесия ортодоксального ислама, Навои противопоставляет темным силам реакции могучую силу разума и просвещения.

Поэт выше всего ценит в человеке жажду знания, стремления осуществить свои творческие возможности. Такое стремление было в высокой степени присуще самому Алишеру Навои. По размаху пытливого ума и разносторонности познаний он напоминает таких гениев европейского Возрождения, как Леонардо да Винчи. Навои был великим поэтом, выдающимся государственным деятелем, историком, лингвистом, художником, музыкантом, каллиграфом.

Такое многообразие дарований отмечали и современники Навои. В восторженных отзывах об Алишере, оставленных нам Джами, Бабуром, Мирхондом, Хондемиром, Сам-Мирзой и Даулет-шахом, неизменно подчеркивается богатство интересов Навои. Так Сам-Мирза писал о нем: «Этот великий человек, этот добродетельный ученый не потерял бесполезно ни одной ми-

нута своей жизни, которую он целиком посвятил изучению наук и упражнениям в добрых делах, а также содействию прогрессу науки и, наконец, составлению литературных трудов, которые до конца мира останутся нерушимыми памятниками его славы».

Навои как культурнейший деятель своего времени не только покровительствовал ученым, поэтам, художникам, искусствам, но и считал необходимым в своих поэтических творениях распространять науку и просвещение. В последней главе «Смятения праведных» Навои говорит, что ученых надо возвеличивать, как пророков. Во времена господства религиозных предрассудков этот призыв звучит весьма смело.

Навои строит облик положительных героев как бы по своему подобию. Фархад, Меджнун, Шапур, Искендер — это люди больших знаний. И в них Навои ценит многосторонность интересов и способностей.

Когда Фархаду исполняется три года, отец находит ему великолепного учителя:

Постиг он все науки естества,
Всю математику, как дважды два.

Был в Греции он как философ чтим, —
Сам Аристотель школьник перед ним.

Этот учитель приучает царевича к знанию:

Когда Фархаду стало десять — он
Был уж во всех науках искушен.

И в десять лет имел такую статью,
Какой и в двадцать не дано блистать.

Всего достиг, таков его удел:
Оружием науки он владел.

Фархад мог бы стать книжником, знатоком корана — и только. Но не в этом идеал Навои. Фархад, помимо книжной мудрости, усваивает тайны ремесла от каменотесов, мастеров-строителей и художников, подобно самому Навои, который вникал во все детали построек на берегу Инджиля в родном Герате, и попеременно становится архитектором, каменщиком, искусным художником.

Фархад развивает и свои физические силы. Как и подобает сказочному царевичу, он совершает гипербо-

лические подвиги, сохраняя черты глубокой человечности:

Но хоть ученым он прослыл большим,
И был, как богатырь, несокрушим,

Он скромнен был, как новичок, едва
По буквам составляющий слова.

Он силой не хвалился никогда,
Ни в чем не заносился никогда,

И, равнодушен к власти, он скорей
На нищенство сменил бы власть царей.

Он сердцем чист был и очами чист,
Всем существом, как и речами, — чист.

Неутомимая жажда знания, стремление к совершенству в сочетании с чистотой души и скромностью — вот черты самого Навои, которые он внес в образ Фархада.

Кайс-Меджнун, несмотря на различие характера с Фархадом, также «науки сделал своим ремеслом», усвоил «все науки мира».

Александр Македонский, данный в поэме «Вал Искендера» как идеальный правитель, также отличается широкой образованностью. В государственных и военных делах, во всех случаях жизни Александр просит совета у ученых. Здесь Навои пропагандирует свой идеал просвещенного монарха, окружающего себя учеными советниками. Он дает этим правителям совет, «как обращаться с учеными, красую страны, чтобы сердца их не были в обиде».

Человек знания, просвещенный, должен служить народу и содействовать народному благу. Эту мысль непрестанно развивает Навои.

Идеальный герой Навои, воплощенный в образе Фархада, — подлинный гуманист в глубоком смысле этого понятия. Он — защитник обиженных и угнетенных. Он не способен обидеть муху, — говорит о нем Навои, — и если кому-нибудь приходится переживать печали, он огорчается больше, чем сам пострадавший. «Если нечаянно в ногу нищего попадет репей, — он готов был вытащить его своими ресницами».

Гуманизм в понимании Навои — это не мягкотелая сентиментальность, не безрассудная доброта чувствительной натуры. Навои ценит и прославляет сознатель-

ный, целеустремленный гуманизм. Фархад активно борется со злом, и когда деспот Хосров совершает нападение на Армению, войска его грабят и жгут прекрасную страну, подвергая население мучениям и пыткам,— тогда Фархад, «неспособный обидеть и муху», вынимает из ножен меч для решительной борьбы с захватчиками.

В проникновенных строках поэмы Навои разъясняет читателю, в чем сущность этого кажущегося противоречия между Фархадом-миролюбцем и Фархадом — грозным мстителем шаху Хосрову за его злодеяния:

Но если спросишь: как же тот, кто сам
Привержен был страданьям и слезам,

Кто каждому несчастному был рад
Помочь и обласкать его, как брат;

Кто с каждым бедняком сердечен был,
Великодушен, человечен был;

Кто презирал насилие и зло, —
Теперь убийство сделал ремеслом?

То мы напомним: проливая кровь,
Он воевал за верность и любовь

И ужас наводил на тех людей,
Которых на злодейство вел злодей.

Фархад же человеком был — и он
Самозащиты признавал закон.

Да, положенье было таково:
Иль он — Хосрова, иль Хосров — его.

Творчество Навои проникнуто жгучей ненавистью к тиранам и поработителям народа. В «Смятении праведных» Навои позволяет себе выразить без всяких аллегорий лютую ненависть народа к насильникам из правящих классов:

Кто к наслаждениям избрал насилья путь,
Тот проклят и презрен навеки в мире будь!

Проклятья, ненависть в народе тот найдет,
В ком угнетателя себе народ найдет.

Алишер твердо верил в народные силы, в то, что угнетатели, независимо от высокого сана, понесут

должное возмездие. Он знал о ряде грозных народных восстаний, поднятых в Средней Азии против крупных хищных феодалов и до Тимура, и при его потомках. При Хусейне Байкаре было два таких восстания — в Герате в 1470 году и в Балхе в 1490 году. Мы знаем, что Навои принял в гератском восстании сторону народа и выступил посредником между ним и падишахом. Навои признавал право восстания за народом, если не было других путей для обуздания угнетателей. Он говорил, что «наказанием и смертью злого угнетателя спасешь изможденного и угнетаемого».

В «Вале Искендера» мы находим колоритный образ Барбары-Барка, пастуха, раба персидского шаха Дария. Во время войны персов с воинами Александра Македонского этот раб переходит на сторону Александра. Но поступок Барбары — не предательство, совершенное ради выгоды. Барбара действует благородно, сознательно борясь против рабовладельческой персидской сатрапии. Никто из современных Навои поэтов не интересовался так глубоко и искренне положением угнетенных и обездоленных. Никто так трогательно, как Навои, не мог изобразить душевное состояние человека низкого положения, придавленного пятой жестоких властителей.

Так Барбара-Барк, рассказывая о себе, жалуется, что царь Дарий даже не считал его живым существом, а когда он почтительно обратился к нему и рассказал о своей доле, Дарий велел палачам бросить раба на землю и колотить палками.

Отстаивая принципы человечности, Навои обращается в «Вале Искендера» к правителям, которые жестоко казнят людей за малейшую провинность:

Как много для него перестрадала мать,
Как мучилась всю жизнь, чтоб сына воспитать.

Чтоб сын спокойно спал, сама себя она
Лишала по ночам и отдыха, и сна.

Раз тридцать небо путь свой древний обошло,
Покуда сын вошел в житейское русло.

А ты, кто сделал зло занятъем, ты, увы,
Отдашь приказ — и он лишится головы!

В суровое время феодальных междоусобиц, приносивших неисчислимые бедствия народу, поэт мечтал

о таком обществе, устои которого зиждились бы на прочном мире и дружбе. Алишеру казалось, что покой в стране может быть установлен только при помощи сильной централизованной власти монарха, могущего создать крепкую национальную державу.

В данных исторических условиях это было ярчайшей прогрессивной идеей и не только для Средней Азии.

Говоря о процессе ликвидации феодальной раздробленности и создания централизованных национальных государств в Европе, Энгельс указывает, что «тенденция к созданию национальных государств, выступающая все яснее и сознательнее, является одним из существеннейших рычагов прогресса в средние века»⁶⁹. Такая централизация, ликвидируя феодальную раздробленность и неминуемо вытекавшие из нее войны и опустошения, была мощным политическим фактором быстрого экономического развития каждой державы. Вместе с тем централизация создавала условия для успешной борьбы против внешних врагов и поэтому являлась «представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации, в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства»⁷⁰.

Народные интересы руководили Навои, когда он в своей поэтической и практической деятельности политика и дипломата ратовал за просвещенную монархию как самую прогрессивную форму государственного устройства в феодальном обществе.

Эта тенденция присуща и гуманистам европейского Ренессанса. Стоит припомнить, как Шекспир в своих исторических хрониках последовательно защищал королей — собирателей раздробленных феодальных вотчин. Стоит припомнить социально-политические взгляды великого француза Франсуа Рабле, создателя «Гаргантюа и Пантагрюэля», чтобы увидеть, как мысль о просвещенной монархии, о короле, окруженном советниками-философами, проходит через все его творения.

Навои по личному опыту знает, что уговорами, словами, проповедью нельзя «сломить меч насилия». Врага можно победить только силой в открытой борьбе.

---

⁶⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XVI, ч. I, с. 444.

⁷⁰ Там же, с. 445.

Нет другого способа для защиты отечества от разорения, от нападений чужеземцев, которые «готовы слезать, как саранча, всю зелень и всю землю в дальних краях» («Возлюбленная сердец»).

Навои высоко ценит чувство любви к родине, хотя это понятие родины при феодальном строе и при отсутствии национального государства очень ограничено и неразвито по сравнению с современными представлениями о родине и патриотизме.

Для властительного феодала вообще нет понятия «родины»: он легко обретает себе родину там, где ему удастся мечом захватить власть и господствовать над населением. Изгнанный более сильным хищником, феодал находил себе новую «родину» на других землях, где ему удавалось утвердиться.

Иначе понимал значение родины Навои. Оно было тесно связано с любовью к народу и заботой о его благосостоянии. Родина в понимании Навои — земля, которую испокон веков обрабатывают землепашцы, своим кровным трудом закрепившие ее за собой.

Родную землю надо защищать от врагов-захватчиков всеми силами, потому что в этой защите — залог спасения народного блага.

Патриотизм в понимании Навои — естественное для человека чувство. Оно не имеет ничего общего с узким национализмом.

Навои меньше всего свойственны мысли о расовом различии, о превосходстве той или иной расы. В «Хамсе» мы находим представителей многих стран и народов. Фархад, благороднейший человек — сын китайского народа. Его друг, Шапур — иранец, Ширин — армянка, Меджнун — араб, Искендер — македонец. В произведениях Навои фигурируют негры, туркмены, русские, грузины, индийцы. Навои прежде всего оценивает душевные качества, и для него не играют роли ни национальные, ни общественные различия.

В эпоху Навои расовые предрассудки проявлялись гораздо резче в Западной Европе. Неудивительно, что гуманисты Запада полемически защищали равноправие рас и исповеданий. Так, Шекспир в своем «Отелло» доказывает, что белый Яго чернее, чем мавр Отелло.

У Навои такая проблема не возникает. Но он наносит удар религиозному фанатизму ислама, разделяю-

щему человечество на правоверных и неверных, рисует людей различных вероисповеданий, уважающих друг друга и становящихся союзниками в общем деле.

Когда Фархад попал в плен, он легко мог бы бежать из темницы, но он не хочет сделать это. Ведь он подвергнет смертельной опасности приставленных к нему стражей, ему чужих персов. Но он знает, что тиран Хосров погнал их на войну, и сочувствует этим несчастным жертвам насилия.

...я не убегу,
Вас бедствиям подвергнуть не могу.

Вам жертвовать собою нет причин,
Вас — сотня здесь несчастных, я — один.

Такой поступок совершить нельзя, —
Ценой невинных жизней жить нельзя...

Широкий ум Навои искал вне рамок официальной догмы ответа на насущные философские вопросы.

Реакционные мусульманские ученые считали непогрешимым учение корана и отрицали науку и философию, считая их выдумкой «неверных». Мы знаем, что Навои с большим уважением относился к именам великих античных философов, мы встречаем у него упоминания и Сократа, и Платона, и Аристотеля. Отблески такого отношения к пытливой мысли греков мы видим и в «Фархаде и Ширин», и «Вале Искендера». Когда отец Фархада, китайский владыка, отправляется походом в Грецию, он выражает глубокое уважение к древней эллинской культуре и к ее великим философам:

Почтил он, озадачив мудрецов,
На должности назначив мудрецов..

Сказал он: «Я пустыню пересек
Не для того, чтоб разорен был грек.

Не на чужие страны льстился я, —
Иной мечтой руководился я...

Эта мечта является и мечтой самого Навои: приобщаться к мудрости греческих философов, учиться этическим принципам у Платона и Сократа. Навои указывает в «Семи планетах», что греческие философы «не действовали из личной корысти, они поступали так, как нужно, чтобы строить правильную жизнь». Среди многочисленных персонажей «Фархада и Ширин» мы нахо-

дим и Сократа. Эллинский философ представлен как образец духовного совершенства:

То совершенный разум так сиял,
То чистый дух, как зодиак, сиял.

Свет исходил не только от лица, —
Лучился дух сквозь тело мудреца...

Греция для Навои — благословенная, счастливая страна, потому что она «обрела красоту благодаря мудрости».

Разумный, светлый патриотизм Алишера приводил его к сознанию, что благо родины не может быть достигнуто без связей с передовыми странами, без уважения к чужим народам: «Пусть и Восток, и Запад будут твоей обителью, — что за беда, лишь бы ты достигал желанного».

Фархад, горячо любящий родину, свой сказочный Китай, выражает глубокое сочувствие Армении, на которую обрушились полчища захватчиков:

Я знаю, как угнетена страна,
Которая врагом покорена....

В письме к Ширин Фархад связывает любовь к прекрасной девушке с любовью к ее стране, переживающей суровые дни:

Те бедствия, что грозный небосвод
Обрушил на тебя, на твой народ,

Столь велики, что не могу дерзнуть
Сказать, что я страдал когда-нибудь

Но даже это малое — уже
Невмоготу терпеть моей душе.

И жертвой искупления за вас
Она готова стать хотя б сейчас.

* * *

Как уже отмечалось, проблема любви — одна из центральных тем в «Хамсе». Навои укорял своих предшественников в том, что они «отстранили любовные чувства от изображения», в том, что «в их изображениях нет любовных страданий». По словам Навои, его неизменной целью является:

Людей любви запечатлеть следы —
Их судьбы, скорби, подвиги, труды.

Женщина в феодальном обществе являлась предметом купли-продажи, выгодной сделки. Властители и их сановники, беки и нойоны⁷¹ на Востоке, феодальные сеньоры и рыцари на Западе чаще всего женились из корыстных, династических, политических и дипломатических соображений. Таким образом, средневековый брак вовсе не был союзом любящих сердец: он представлял собой грубую материальную силу, прозу жизни.

Средневековый рыцарь Запады исповедовал своеобразный культ женщины. Возвышенный образ мадонны воплощался в земную женщину, избранницу рыцаря, который поклонялся ей, не смея мечтать о физической близости.

Но поэзия любви ничуть не отражала реальных отношений между мужчиной и женщиной. Она была или насквозь надуманной и аллегоричной, уходящей в средневековую мистику, или чересчур земной, дающей картины легкомысленных, мимолетных связей бравых рыцарей с чужими женами. Стоит припомнить высказывание Энгельса о рыцарской любовной лирике: «..рыцарская любовь средних веков отнюдь не была супружеской любовью. Наоборот! В своем классическом виде у провансальцев рыцарская любовь прямо стремится к нарушению супружеской верности, и поэты это воспевают»⁷².

Поэты, воспевавшие наслаждения любовью с чужой женой, были гораздо ближе к действительности, чем те слагатели рыцарских романов, которые изображали чуждаковатых «медждунов» типа Дон Кихота, превращавших в своих мечтах грубую девку Альдонсу в благородную Дульсинею.

На мусульманском Востоке многоженство, дозволяемое кораном, и строгости затворнической гаремной жизни в еще большей мере, чем на Западе, угнетали женщину, делали ее обезволенной рабыней мужа-господина. Подлинные чувства были здесь, как и на Западе, редким, исключительным явлением и существовали

---

⁷¹ Монгольское обозначение военных феодалов.

⁷² Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч., т. XVI, ч. 1, с. 51—52.

главным образом в мечтах и творениях поэтов, «людей не от мира сего».

Навои дает поэтическое определение подлинной, идеальной любви в форме диалога между Хосровом и Фархадом. С одной стороны мы видим грозного и грубого завоевателя, желающего силой завладеть Ширин, с другой стороны — тонкого и нежного влюбленного, пленника шаха-тирана. Для Хосрова Фархад — безумный соперник, несчастный Меджнун. Он не может понять силу и сущность подлинной любви.

Хосров спрашивает:

Каким владеешь в жизни ремеслом?

Фархад отвечает:

Горением любви, враждой со злом.

Хосров

Кто ж ремеслом таким бывает сыт?

Фархад

Горящий сыт огнем, — любовь гласит.

Хосров

Не сказка ли твоя любовь навек?

Фархад

То знает лишь горящий человек.

Хосров

А в чем же суть горенья твоего?

Фархад

Кто носит сан, тот не поймет его.

Хосров

Давно ль твое горенье началось?

Фархад

Когда душа и тело были врозь.

Хосров

Не отречешься ль от любви своей?

Фархад

Сам отрекись от этих слов скорей.

Хосров

Что ты считаешь мукой для любви?

Фархад

Страшней всего разлука для любви.

Хосров

В чем благодать влюбленных, сила их?

Фархад

Свиданье, благосклонность милой их.

Хосров

В возлюбленной ты очарован чем?

Фархад

Ее ревнуя к языку, — я нем.

Хосров

Любовь ее к себе где носишь ты?

Фархад

А душу — где, зачем не спросишь ты?

Хосров

Мечтаешь о свиданье с пери той?

Фархад

Да, но довольствуюсь одной мечтой.

Хосров

Мед каплет с уст ее, — так говорят.

Фархад

Для друга — мед, для недруга — в них яд.

Хосров

Не сгубят ли тебя ее уста?

Фархад

О, эта гибель — вся моя мечта!

Хосров

Так что ж — любовь: ущерб, убыток лишь?

Фархад

Такой ущерб для любящих барыш.

Хосров

Однако — больше пользы в жемчугах?

Фархад

Пред философским камнем жемчуг — прах.

Хосров

Себя, дервиш, не шахом мнишь ли ты?

Фархад

Любовь не судит — шах, дервиш ли ты?

Хосров

Меджнун, подумай о своей судьбе!

Фархад

Влюбленный не печется о себе.

Хосров

А если я страну тебе отдам?

Фархад

О шах, становишься ты жалок сам.

Хосров

За дерзость ты заплатишь головой

Фархад

Уж лучше казнь, чем разговор с тобой..

Фархад и Ширин любят друг друга за высокие человеческие качества. В феодальном мире такая любовь, естественно, необычна, и о ней рассказывает Ширин как об идеале:

Круговращенье вечное небес
Таких еще не видело чудес.

Такой любви, как между ним и мной,
Примером ставшей для любви земной.

Не преходящей похотью сильна, —
Сильна была единством душ она.

Такая любовь кажется окружающим странной. Для них обычны браки-сделки или чувственная связь мужчины и женщины. Вот почему грубый Хосров называет Фархада Меджнуном, вот почему Кайс слывет безумцем.

Но действительно ли вызывающим жалость безумцем представлял себе Навои Кайса? Разумеется, нет. Люди не могут не замечать его честности и благородства. Когда дочь Науфалья выходит замуж за Меджнуна, она раскрывает ему свое сердце, потому что над ним «горит свет верности». Оказывается, что у нее тоже есть человек, страдающий по ней:

И я внушила страсть душе одной,
Есть у меня любимый, есть больной,

Из-за меня сгорает он в огне,
Привязан путами любви ко мне.

И я люблю, горю я вместе с ним,
Но пламя наше в тайне мы храним.

Подумай сам: что будет, если вдруг
Услышит он, что мне Меджнун — супруг?

Как нынешнюю ночь он проведет?
Не в силах жить, он гибель обретет!

Отныне тайну знаешь ты мою,
О милости, Меджнун, тебя молю:

Поняв, что я перед другим в долгу,
Что поступить иначе не могу, —

Ты встанешь и покинешь мой шатер,
Не выставишь меня ты на позор.

Меджнун разлучен с Лейли, которая выдана за нелюбимого; дочь Науфала не может соединиться с тем, кто так любит ее. Навои вскрывает любовные трагедии, вызванные средневековыми воззрениями на детей, как на собственность родителей. Юноши подчиняются их требованиям жениться на девушках, к которым они не чувствуют сердечного влечения. Девушки представляют собой товар, который родители стараются сбыть выгоднее.

Это — обычное и узаконенное явление в феодальном обществе и на Востоке, и на Западе. Всякое отступление неуклонно ведет к трагической развязке.

Мировая поэзия дает нам множество вариаций темы о двух влюбленных, разъединенных жестокостью и предрассудками окружающего общества. Таковы, например, легенда об Абессаломе и Этери, возникшая на грузинской почве, история Тристана и Изольды, столь популярная на средневековом Западе, пленительная французская сказка об Окассене и Николетте (по-видимому, восточного происхождения) и, наконец, шекспировская трагедия «Ромео и Джульетта».

Меняется обстановка действия, варьируются мотивы, мешающие соединению любящих, — но остается неизблемым стремление поэта показать, как губительны для подлинной любви и свободы личности предрассудки косного мира. Во всех этих вариациях «старой истории, которая остается вечно новой», более или менее резко проступает рожденная Ренессансом идея раскрепощения личности от устаревших традиций и вековых авторитетов. В этой борьбе за эмансипацию личности с особой силой выступали проблемы семьи и брака. Семейные устои средневековья требовали от женщины беспрекословного подчинения главе семьи. Женщина всегда была рабой, сперва как дочь, потом как жена. Особенно тягостным это рабство было в странах ислама, допускавшего многоженство.

Навои не решался открыто выступить против многоженства. Однако в образах Фархада и Меджнуна Навои как бы давал примеры единой и цельной любви, которой не страшна и самая смерть. Развратные шахи вроде Хосрова изображены Навои как сладострастни-

ки, ищущие любовных приключений и подбирающие женщин для своих гаремов. Это — люди, не имеющие представления о подлинной любви, они достойны презрения.

Навои — поэт чистой и высокой любви. В его произведениях нет места легкомысленным и галантным похождениям любовников. Он не изображает супружеских измен, хотя бы они и были вызваны высокой страстью, как это мы видим в романах различных версий о Тристане и Изольде.

Юный рыцарь Тристан, попавший после кораблекрушения во владения корнуэлского короля Марка, становится придворным этого могущественного феодала и совершает ряд сказочных подвигов. Раненный великаном Мархольдом, Тристан приплывает к берегам Ирландии, и здесь королевская дочь Изольда вылечивает его. Вернувшись ко двору короля Марка, Тристан сватает ему Изольду. Это — династический брак, который должен пресечь старую феодальную вражду между Корнуэлсом и Ирландией.

По ошибке Тристан и Изольда выпивают волшебный напиток; с этого момента они страстно и навсегда полюбили друг друга. Изольда становится женой короля Марка, но тайком встречается с Тристаном. Король обнаруживает эту связь, и возлюбленные должны бежать из королевства. Затем Марк снова берет к себе жену, а Тристан странствует по свету. Он ранен в одном турнире, чувствует, что должен умереть, и Изольда приходит к смертному одру своего возлюбленного.

Во всех версиях этой любовной истории проявляется сила чувства рыцаря и его дамы, а супружеская измена Изольды как бы оправдывается вмешательством сверхъестественной силы, воплощенной в волшебном напитке.

Реальная обстановка эпохи Навои и высоко ценяемая им роль моралиста, в лучшем понимании этого слова, не приводили его к мысли изображать супружескую измену как протест против уродливых форм брака-сделки.

У Навои люди, не любящие друг друга, насильно соединенные браком или не одержимые взаимной любовью, проявляют благородство и целомудрие. Такие человеческие качества выражает, например, юноша

Фаррух, сын индийского царя Джусрат-хана. Его историю рассказывает один из путников в «Семи планах». Напомним ее содержание.

Подобно Фархаду, Фаррух не стремится к власти над людьми, его не интересует пышность придворной жизни. Он уезжает в Сирию и, надев на себя лохмотья, бродит в окрестностях одного города. Щедрый и благородный Ахи, случайно встретив юношу, вводит его в свой дом. Когда он узнает, что этот юноша безумно полюбил его жену Гульчихру, Ахи отдает жену Фарруху. Фаррух увозит Гульчихру в Индию, оставив свои лохмотья на память Ахи.

В отсутствие Фарруха в Индии умирает его отец. Фаррух получает престол, но власть и богатство не могут пленить Гульчихру, она любит своего первого мужа.

Фаррух уважает цельность чувства Гульчихры. Он поселяет ее в построенном для нее дворце, и там она живет, не разделяя ложа с Фаррухом.

Ахи испытывает превратности судьбы. Его бросают в тюрьму по подозрению в заговоре. В лохмотьях, оставленных Фаррухом, ему удается бежать в Индию. Там случайно его встречает Фаррух, узнает по одежде, радостно приводит Ахи в свой дворец. Он объявляет благородному человеку, что хочет выдать за него свою сестру, приводит во дворец Гульчихры, и там Ахи вновь обретает свою жену, прославляющую честность и целомудрие Фарруха.

Судьба Гульчихры, с которой обходятся как с рабой или с вещью, находит благополучный исход. Ее верность мужу вознаграждена по достоинству.

Но не всегда Навои приводит любовные конфликты к такому благополучному разрешению. Гибнут Фархад и Ширин, Лейли и Меджнун, потому что им не дано сломить зло и жестокость окружающего мира. Но, погибая, они, как подлинно трагедийные герои, утверждают правоту идеи, за которую боролись.

Когда безымянный слагатель старофранцузской песни-сказки об Окассене и Николетте повествует о любви графского сына Окассена к бедной полонянке Николетте,— за авантюрной тканью рассказа о двух влюбленных, которые бродят по свету, ища друг друга, и, наконец, соединяются в счастливом браке, чувствуется бесспорное осуждение старой морали, восстающей против

«неравного брака»; в повествовании звучат иронические выпады против средневекового аскетизма, кое-где проскальзывают и атеистические нотки, весьма сдержанные по условиям времени, проявляется сочувствие к обездоленным и униженным.

Разумеется, все эти социальные мотивы не нарочито введены безымянным пикардийским жонглером в повесть об Окассене и Николетте. Но так как автор вливал в свой фантастический рассказ сильную реалистическую струю, то эти моменты непосредственной критики замшелого средневековья были вполне естественны.

В поэмах Навои, независимо от того, где происходит их действие — в Китае, Сирии, Аравии или Индии, — сквозь причудливость фантастики ясно проступает тенденция к реальному изображению современных поэту общественных явлений; поэта-мыслителя волнуют современные ему живые люди с их стремлениями.

Возникает вопрос, почему Навои как бы нарочито переносит действия своих поэм в чужие страны. Высказывалось предположение, что это — поэтический прием, вызванный желанием увлечь читателей «экзотикой».

Возможно, что Навои рисует чужие земли, нравы и обычаи для придания поэмам сказочного колорита. Но основное не в этом. Навои не бытописатель. Он — философ, дающий в своих образах обобщенные картины человеческих отношений, нравов и обычаев, которые не свойственны феодальному миру и о которых он мог только мечтать как о действительности будущего.

Поэты европейского Возрождения любили утопии, уводили читателя в сказочные, несуществующие страны. Рабле в «Гаргантюа и Пантагрюэле» рисует жизнь на материках и островах, не нанесенных ни на одну географическую карту. Шекспир избирает ареной комедий Италию, лучезарную, залитую южным солнцем, совсем не похожую на Италию его эпохи. Руставели выводит героев «Витязя в тигровой шкуре» за пределы средневековой Грузии и превращает их в арабов, турков, мавров. В основе этого приема столь разных по национальности и стилю поэтов лежит общее желание — оторвать от плоской и повседневной действительности жизнь и дела своих героев, приподнять их над этой действительностью, рисуя картины прекрасного будущего в какой-то неведомой и фантастической стра-

не, выразить страстный протест против тирании, против несовершенства своего века.

Так поступает и Навои. Он ищет своих героев или в историческом прошлом, когда говорит об Александре Македонском, Хосрове Парвизе или Бахраме, или — в современности, но в далеких сказочных землях.

Проблема любви, всесторонне освещаемая поэтом, играет в его творчестве первенствующую роль, потому что любовь для Навои — не только глубокое индивидуальное чувство; любовь для него — могучий общественный фактор. Любовь — двигатель, побуждающий бесправную женщину его эпохи бороться за свое счастье, за эмансипацию человеческой личности.

Любовь Ромео и Джульетты в трактовке Шекспира перерастает рамки личной трагедии. Вражда патрицианских семей Монтекки и Капулетти мешает соединению прекрасных молодых людей. Как бы они ни были сильны и самоотверженно преданы друг другу, они не могут сломить вековых феодальных предрассудков и гибнут как бессильные жертвы мира беззакония и произвола.

В «Лейли и Меджнуне» Навои — тот же идейный замысел. Герои поэмы разлучены вследствие кровной вражды между племенами. «Трагическая вина» Меджнуна заключается в том, что он стремится к браку по любви, а не по выбору старейшин своего племени. Мораль филономическая (родовая) вступает в резкий конфликт с моралью онтономической (индивидуальной), и Меджнун предстает перед нами как бунтарь против устаревших норм этики.

Меджнун, одержимый испепеляющей любовью, так далеко заходит в своей борьбе за право любить, что посягает не только на земные устои, но и на божественные, освященные исламом. Когда Меджнуна отправляют в Мекку в надежде, что там у великой мусульманской святыни он исцелится от любви к Лейли, тот обращается к богу со словами, в которых содержатся выпады против учения о предопределении — основы мусульманской религии.

Геенну заслужил я? Раскали
Геенну — страстью пламенеть к Лейли.

Достоин места я в твоём раю?
Дай вместо рая мне Лейли мою.

Для Меджнуна нет никаких ценностей в ином, потустороннем мире, кроме тех, которые он находит в земном, осязаемом мире, где любовь — не что иное, как высшее проявление природы. Здесь звучит характерная для Навои нота протеста против средневековых устоев и средневековых понятий любви земной и небесной.

Любовь в поэмах Навои побуждает героев к деятельности, к борьбе против семейного и общественного гнета. Во имя любви к Ширин Фархад совершает свои подвиги; любовь Меджнуна к Лейли дает повод другу Меджнуна Науфалю вести войну с племенем Лейли, когда вождь племени отказывается выдать Лейли за Меджнуна.

Так многосторонне и глубоко поставлена проблема любви в «Хамсе» великого поэта.

* * *

Алишер Навои по праву может быть назван певцом женщины. В «Хамсе» мы находим вереницу пленительных женских образов.

Навои — мастер в изображении женской красоты. Он избегает традиционных для восточной поэзии сравнений и метафор при описании своих героинь, он ищет в них не только черты общепризнанного канона красоты, а черты определенной личности, индивидуальности.

Описывая губы Ширин, Навои говорит:

Как от вина — влажны, и даже вид
Той винной влаги каждого пьянит.

Но вкус — как сахар, но понять изволь,
Что те же губы сыпали и соль.

Изображая щеки Ширин, Навои находит свои необычаемые образы:

Нет роз, подобных розам нежных щек:
На подбородке — золотой пушок.

Так тонок был, так нежен был, что с ним
Лишь полумесяц узенький сравним,

При солнце протупающий: бог весть,
Воображаем он иль вправду есть.

Еще одна деталь в портрете:

И о ресницах мне сказать пора:
Что ни ресничка, то конец пера,

Подписывающего приговор
Всем, кто хоть раз на пери бросит взор.

Но поэта интересуют главным образом душевные качества героинь. Они — не пассивные рабы, затворницы гаремов, а равноправные члены общества. Если в своей стране Навои находил немного прототипов для создания таких действенных женских образов, то он охотно обращался в чужие, полусказочные страны и находил там свой идеал женщины.

Впрочем, в политической практике Навои встречал такие примечательные фигуры, как властолюбивая и тщеславная тетка Мухаммед-Ядгара, Паянда-бегим или жена султана Хусейна, Хадича-бегим, решительно вмешивавшаяся в государственную жизнь Герата. Но это были единичные явления, еще ярче проступавшие на темном фоне бесправия мусульманской женщины.

Навои в своих творческих мечтах видел женщину, освобожденную от патриархальных предрассудков и традиций, женщину, осуществляющую свою волю и самостоятельно распоряжающуюся своей судьбой.

Такова, например, правительница Армении Михин-Бану. Это мудрая и справедливая женщина, для которой главное в жизни — сила и безопасность страны. Подданные Михин-Бану — каменотесы, прокладывающие канал в горах, — так характеризуют правительницу Армении:

Венчает добродетелью страну
Царица, наш оплот — Михин-Бану.

Есть сорок крепостей у нас в стране, —
Их башни с Зодиаком наравне.

Сокровищ у Михин-Бану в казне —
Никто не видел столько и во сне.

На лик ее венец не бросил тень,
Но дань с венцов берет он что ни день.

Опора нам владычество ее,
Отрада нам владычество ее.

Михин-Бану — женщина решительная. Когда тиран Хосров вторгается в Армению, он встречает стойкое

сопротивление. Крепость прекрасно защищена и снабжена припасами. Народ героически сражается с ордами захватчиков, и Михин-Бану выступает как организатор народного сопротивления.

Ширин также отличается умом, знаниями и чувством справедливости. Она полюбила Фархада не только за его красоту и преданность ей, но за его высокие душевные качества:

Ученый мастер самый лучший ты,
Батыр отважный и могучий ты.

По сравнению с Ширин, понимающей любовь как защиту человеческих прав и человеческого достоинства, какой бледной тенью встает перед нами невеста французского рыцаря Роланда Альда в знаменитой «Песне о Роланде». Альда — кротка и безропотна, ей не дано вступать в борьбу, и, узнав о гибели Роланда, она умирает, сломленная горем. Женщина христианского средневековья — объект для поклонения рыцарей или жена-раба своего сеньора. Она живет под непрерывным надзором отца и мужа, и только в XV—XVI веках, когда расшатываются устои средневекового устройства семьи, мы видим женщин-ученых, политиков и даже воинов, открывателей новых рынков и торговых путей.

Навои отстаивает право женщины проявлять свою деятельность во всех областях жизни. Поэт рисует наперсниц Ширин, десять девушек из дворца Михин-Бану. Каждая из них могла блеснуть своим искусством.

Одна могла в моря стихов нырять,
Та — круг мелодий пляской измерять;

У третьей — третий дар: была она
В живописанье логики сильна;

Четвертая — чертежницей была, —
Чертила геометрии тела;

Искусство пятой — алгебра; шестой —
Отпущен был дар слова золотой;

Науки естества — даны седьмой;
Вершина философии — восьмой;

Девятая — преданья древних дней
Хранила в ясной памяти своей;

Десятая — загадок мудрых клад
Могла бы расточать хоть год подряд.

Так воображению Навои рисуются женщины-поэтессы, художницы, математики, ораторы, естествоиспытатели, философы, историки. Быть может, Навои находил немного таких женских дарований в Герате, но он мечтал о том, чтобы в расцвете науки и искусства родного города женщины принимали деятельное участие.

Навои видел и знал по личному опыту, что надо обладать стойкостью и волей для того, чтобы преодолевать жизненные невзгоды. Он часто ставит своих героинь в острые напряженные ситуации. И тогда характерные черты их личности раскрываются во всей широте. Такова, например, сложная ситуация в истории Гульчихры, одной из героинь «Семи планет». Стойкость, благородство и целомудрие жены Ахи, отданной чужому человеку, Фарруху, четко вырисовывается по мере нарастания действия.

Разумеется, на первом месте среди женских образов Навои стоит Ширин. Когда послы Хосрова являются во дворец Михин-Бану с предложением выдать Ширин замуж за могучего царя, Ширин решительно требует от своей тетки, чтобы она отказала Хосрову. Она не может соединить свою жизнь с нелюбимым. Это было бы страшным пленом для нее:

...если средство есть,
То пусть Бану мою спасает честь.

А если нет — его найдет Ширин:
Сама себя тогда убьет Ширин!

Так же предана царю Бахраму красавица Диларам. Когда, разгневавшись на свою возлюбленную, Бахрам обрекает ее на страшное наказание,— даже это не отвращает Диларам от Бахрама. Она считает себя виноватой в том, что разгневала царя. Девушка готова просить прощения у него и тяжело переживает разлуку с Бахрамом.

Такова и история Михр, дочери одного князя, спасающей своего жениха Сухейля из плена («Семь планет»).

В подобной же сюжетной ситуации Навои дает образ дочери правителя Джайсура, Гульрух. Эту историю рассказывает один из путников в «Семи планетах».

Персидский царь Хосров назначает справедливого и образованного юношу Масуда губернатором под-

властного ему города. В Масуда влюблена девушка Гульрух. Джайсур ненавидит своего преемника. Он добивается заключения Масуда в тюрьму. Заключенному грозит казнь.

Гульрух открывает двери тюрьмы и бежит вместе с любимым. Они плывут по морю и прибывают в Персию. Неподалеку от столицы они подвергаются нападению разбойников, которые совершенно обирают их. Масуд отправляется во дворец Хосрова. Шах узнает его, берет под высокое покровительство, устраивает брак Масуда с доблестной Гульрух. Джайсур казнен по приказу шаха, а Масуд и Гульрух возвращаются на родину.

Навои вправляет в рамку авантюрной новеллы рассказы о доблести, находчивости и самоотверженности своих героинь. Наряду с решительными женщинами, идущими плечом к плечу с мужчинами в преодолении невзгод, Навои знает и женщин более пассивных, живущих только одним чувством. Такова, например, Лейли. Она трогательна в своей преданности Меджнуну; отказаться от любви к нему она не может, «даже если весь мир станет того требовать». Несмотря на пассивность и слабование, Лейли стойка в своей любви.

Навои неисчерпаем и разнообразен в изображении сложных и часто противоречивых характеров своих героинь. И здесь сказывается широта мысли Алишера Навои, не знавшего национальной узости. Он прославляет мудрость женщин Армении — Михин-Бану и Ширин; он отмечает благородные чувства аравитянок — Лейли и дочери Науфаля; китайка Диларам пленяет своей красотой и высокой одаренностью; Гульрух и Михр, дочери Индии, спасающие своих возлюбленных в минуту опасности, достойны высшего уважения.

В пору, когда грамотность была достоянием узкого круга людей, Навои наделяет умением прекрасно излагать свои мысли не только героев «Хамсы», но и героинь. В письме Ширин к Фархаду проявляется ее большой ум. Но письмо весьма примечательно и по форме. Ширин выражается необычайно образно, строит свою речь логически: сперва отмечает высокие моральные и физические качества Фархада, затем говорит о своей преданности ему, и, наконец, чувство берет верх над рассудком, диктующим сдержанность, — и Ширин

страстно объясняется Фархаду в любви, хотя и терзается тем, что любовь к нему послужила причиной зверского нападения Хосрова на Армению:

Твоя печаль, я знаю, тяжела,
Но не подумай, что моя мала.

И все же, вспомнив о тебе, Фархад,
Свои страдания множу я стократ.

Я — пленница любви твоей, и вот —
Мой стон, мой вопль пронзает небосвод.

С тобой в разлуке я забыла смех,
Мне без тебя на свете нет утех:

Венец мой царский захватил Хосров,
Мой край родной поработил Хосров;

Я и народ мой — мы обречены,
Как совы, жить в горах заточены;

Нас всех теперь сравнил надменный враг:
Мы все рабы — царица и бедняк.

Те, кто в плену, — мертвы при жизни тут,
Те, кто спаслись, — от страха перемрут.

Все эти беды, весь позор, вся кровь —
Всему причиной лишь моя любовь.

И Лейли, подобно Ширин, берется за перо, чтобы сказать любимому Меджнуну о своей любви.

Навои рисовал романтические, идеализированные образы женщин, которые лишь некоторыми чертами могли быть похожи на реальных женщин его страны и эпохи. Должно быть, немногие из современниц Алишера могли по широте образования и глубине чувства служить образцами для его героинь; ясно одно: Алишер Навои видит в женщине прежде всего свободную и равноправную с мужчиной личность. Он защищает ее право на счастье и доказывает, что при соответствующих общественных условиях женщина может создавать культурные ценности и занимать почетное место в обществе и государстве.

Заключение

Таков Алишер Навои, автор «Хамсы», великий поэт, мыслитель и государственный деятель. Он всем своим творчеством стремился к тому, чтобы принести пользу своей стране и своему народу, чтобы осуществились его мечты о счастливой жизни, освобожденной от зла и насилия.

Алишер Навои мечтал о том, чтобы его книги были близки народу. У народа почерпнул он благородную мудрость и любовь к сказочной фантастике. Навои считал делом своего творчества умение претворять старинные народные легенды и сказания в новые, более глубокие по идейному замыслу произведения:

А то, что сам народ воспел, — к чему
В таком же виде подавать ему?

Скромный в жизни и чуткий к творчеству друзей и современников, Навои в заключении к «Фархаду и Ширин» дал справедливую оценку своей высокой роли поэта, слагающего стихи на родном для тюркских народов языке:

Пусть Низами победоносный ум
Завоевал Берда, Ганджу и Рум,

Пусть был такой язык Хосрову дан,
Что он завоевал весь Индустан;

Пускай на весь Иран поет Джамии,
В Аравии в литавры бьет Джамии, —

Но тюрки всех племен, любой страны,
Все тюрки мной одним покорены!

Я войск не двигал для захвата стран,
Но каждый раз я посылал фирман —

Скажи: писал я дарственный диван —
Не так, как государственный диван.

И от Шираза до степей туркмен,
От Хорасана до китайских стен,

Где б ни был тюрк, — под знамя тюркских слов
Он добровольно стать всегда готов.

И эту повесть горя и разлук,
Страстей духовных и высоких мук,

Всем собственным невзгодам вопреки,
Я изложил на языке тюрки...

Навои не переоценил своего выдающегося значения. Он не только сыграл крупнейшую роль в развитии узбекского языка и литературы, но оказал влияние и на развитие литератур казахской, туркменской, азербайджанской. Тюрки малоазиатские и европейские многим обязаны в своей литературе и культурной жизни Алишеру Навои.

Творения Навои проникли в народные массы, его сюжеты и образы нашли отражение в богатом фольклоре народов Средней Азии.

У входа в Ферганскую долину есть возвышенность, названная Ширин-Фархад. Народная фантазия изменила замысел Навои, придала другой колорит образам Фархада, Ширин и Хосрова.

По преданию, возникшему в Фергане, к красавице Ширин сватались богатырь Фархад и красавец Хосров, богатый и образованный человек. Ширин обещала стать женой того из них, кто сумеет оросить пространство вдоль возвышенности у Ферганской долины.

Фархад принялся за работу. У правого берега Сыр-Дарьи он откалывал от скалы каменные глыбы и сбрасывал их в реку, чтобы поднять уровень воды и направить русло реки в равнину.

Хосров, не способный выполнить такую богатырскую работу, обратился за помощью к колдунье, которая посоветовала ему расстелить в степи камышовые циновки. «При свете солнца блестящие циновки будут выглядеть как вода», сказала колдунья Хосрову.

Действительно, Ширин показалось, что степь залита водой, она поверила Хосрову и согласилась выйти за

него замуж. Узнав об этом, Фархад подбросил вверх свой кетмень и подставил под него голову, чтобы покончить с жизнью.

Но днем, когда солнечные лучи падали прямо, циновки уж не блестели, и Ширин увидела, что она обманута. В отчаянии красавица покончила с собой.

Прошли годы. Сгнили циновки, разостланные обманщиком Хосровом, а степь оставалась по-прежнему безжизненной. И только на Сыр-Дарье, гласит предание, сохранились могучие пороги — следы работы Фархада.

В окрестностях Ленинабада (Ходжента) и Байсуна именем героев поэмы Навои народ назвал гору — Фархад-таг и реку — Ширин-сай.

Современный нам узбекский сказитель, народный поэт Фазыл Юлдашев создал свою поэму «Фархад и Ширин». Он рассказывал о самоотверженной любви Фархада, о том, как он, преодолевая препятствия, достигает своей цели. Народный певец отвергал трагическую развязку, данную Навои. Ширин приезжает к Фархаду со своей теткой Михин-Бану, и возлюбленные соединяются, а Хосров и его приспешники посрамлены и частью уничтожены. Певец заключает поэму:

Фархад любил Ширин,
Трудом добился он своей возлюбленной.

Ширин, признательная за труд Фархада, сочла его достойным себя.

Народ изменил финал поэмы Навои, придал ей оптимистическую развязку. Тут уместно вспомнить слова Горького: «Очень важно отметить, что фольклору совершенно чужд пессимизм, невзирая на тот факт, что творцы фольклора жили тяжело и мучительно, — рабский труд их был обесмыслен эксплуататорами, а личная жизнь — бесправна и беззащитна. Но при всем этом коллективу как бы свойственны сознание его бессмертия и уверенность в его победе над всеми враждебными ему силами»⁷³.

Народы Средней Азии сохранили много сказок, песен и легенд о Фархаде и Ширин, о Лейли и Меджнуне, и в этих народных вариантах герои нередко превращались из знатных представителей феодального общества в людей из народа.

⁷³ М. Горький. О литературе. М., Сов. писатель. 1953, с. 698.

Происходит своеобразный круговорот сюжетов, образов и понятий в процессе превращения произведений Навои в народные. Но ведь и сам Навои широко черпал материал из сокровищницы народной мудрости и вводил в свои поэмы рассказы, притчи, пословицы и поговорки, жившие в недрах народа. Разнообразны источники, из которых Навои брал сюжеты и темы. Легенды корана, арабский любовный роман, персидская лирическая поэзия давали богатый материал гениальному узбекскому поэту. Но наряду с этим Навои нередко вводил в свое творчество почерпнутое из непосредственных жизненных наблюдений, из своего многообразного опыта. В таких случаях он охотно уснащал поэтический словарь народными выражениями, и это еще больше сближало поэта с читателями из народа.

Широкий кругозор Навои, уважение поэта ко всем народам, его идеи о свободе человеческой личности и о справедливости — все это выводит творчество Алишера Навои за пределы его времени и остается жить в веках.

Алишера Навои можно поставить в ряд с великими народными писателями всех эпох и народов. Алишер Навои — первый поэт узбекского народа, получивший мировое признание.

ИЛОВАЛАР

АВТОБИОГРАФИЯ

Я родился в 1905 году в г. Ташкенте в семье мелкого торговца. Отец в молодости был кустарем-ткачом, но, получив от своего отца в наследство небольшую сумму денег, открыл в деревне Хумсан бакалейную лавочку. После Октябрьской революции он опять сел за свой станок и несколько лет занимался ткачеством, пока его сыновья, — мой старший брат и я, не взяли его на иждивение.

Когда мне исполнилось семь лет, меня отдали в махаллинскую старометодную школу, в которой я учился пять-шесть лет. После Октября, примерно в 1918 году, поступил в школу «Намуна», потом перешел в педагогический техникум им. Нариманова, после окончания которого учился на экономическом отделении факультета общественных наук САГУ. Одновременно в средних школах преподавал родной язык и литературу, а также общественно-политические дисциплины. Два года (1927—1928) учился в Ленинграде в Институте народного хозяйства им. Ф. Энгельса, но по болезни вернулся в Ташкент и в 1930 году окончил экономический факультет САГУ, был оставлен для научной работы при кафедре политэкономии. Некоторое время работал в Москве в Комакадемии и в Институте экономических исследований, где под руководством московских научных руководителей углубленно проработал теоретическую экономию. С 1930 г. по 1935 г. преподавал в вузах Ташкента (САПИ, САХИ, пединститут) политэкономии.

С 1935 г. по 1937 г. работал в Институте языка и литературы им. А. С. Пушкина в качестве научного сотрудника. В 1939—1940 гг. работал в Учпедгизе в качестве литературного переводчика.

Начал писать с 1922 года, стал печататься с 1924 года. Писал стихи. В 1926 году вышел мой первый сборник стихотворений «Туйгулар», («Чувства»), а через три года второй сборник — «Кунгид найлари» («Флейты сердца»). В 1932 году выпустил третий сборник стихотворений «Машъала» («Факел»), потом — книгу «Бахтигуль и Сагындык» — поэму и стихотворения. К этому же времени относятся поэмы «Уч» («Месть») и «Темирчи Жура кофир» («Кузнец Джура»). В 1936 году перевел «Евгения Онегина» Пушкина. В 1939 году написал роман «Священная кровь». В 1942 году закончил роман «Навон». В настоящее время, после поездки по фронту, работаю над романом о героях-узбеках Отечественной войны. Кроме того, мною написан в разное время ряд статей по вопросам узбекской литературы и переведены на узбекский язык учебники хрестоматии по литературе и научные труды по другим наукам.

«ПУТЬ СЛАВЫ»

(творческая заявка)

С первых дней Великой Отечественной войны узбекский народ со всеми братскими народами Советского Союза воюет против немецко-фашистских захватчиков, проливает свою кровь за честь и независимость великой Родины, которая дала ему свободу и счастливую жизнь.

Сыны узбекского народа на всех фронтах Отечественной войны с железной стойкостью дерутся с подлым, коварным врагом, совершая героические подвиги. Имена сотен узбекских богатырей, овечьих слабой, известны всей стране.

Автор этих строк, побывав на фронте, собрал материал о героях узбеках и в настоящее время пишет роман о славных богатырях узбекского народа. По просьбе Ташкентской киностудии он решил на основе этого романа написать сценарий художественного фильма. Цель сценария — создать образ лучшего бойца-узбека и через этот синтетический образ показать те выдающиеся боевые и моральные качества, которые узбеки проявляют в тяжелой борьбе с фашистскими захватчиками.

Действие происходит на фронте, на определенном этапе войны, именно в той ее стадии, которая завершена разгромом немцев под Москвой.

Герой сценария — молодой колхозник чабан Бектемир. Он из далеких горных районов Узбекистана. Бектемир обладает хорошей физической силой, подвижностью, скромным характером и природным умом. Бектемир отличается наивно-поэтическим взглядом на жизнь. Если сравнить его с большинством молодежи нашего времени, с его ровесниками, то он очень прост и самобытен.

Война внезапно отрывает Бектемира от его величественных гор, прекрасных лугов и шумных водопадов, от того замечательного края, где люди честно трудились и наслаждались радостями счастливой, богатой, мирной жизни. Благодаря своей сильной натуре, Бектемир встречает эту перемену спокойно и мужественно, но видит в ней злую шутку какого-то рока. После непродолжительной учебы в лагерях он очутился на фронте, где день и ночь идут ожесточенные сражения.

Бектемир по природе не трус. В нем глубоко скрыты качества прекрасного человека и бесстрашного воина. Вся задача состоит в том, чтобы постепенно вскрыть дремлющие в нем качества, заставить его расти в совершенно новой обстановке, в ходе жестоких боев с коварным врагом. Путь его роста представляется автору, примерно, в следующем виде.

В первые дни своего пребывания на фронте Бектемир чувствует себя слабым, беззащитным перед грандиозной, страшной машиной смерти и разрушения. Он только и слышит грохот бомб, снарядов, мин. Танки кажутся ему неотразимыми железными чудовищами. Он глубоко потрясен, он обижен, сердит на себя от сознания кажущегося своего бессилия...

Часть, в которой Бектемир состоит бойцом, упорно сопротивляясь, изматывая силы врага, отступает. Путь отступления тяжелый. Бектемир вместе со своей частью шагает непроходимыми лесами и болотами. На пути встречаются сожженные деревни и города. Он

везде видит кровь детей, женщин, стариков, убитых немцами. В нем начинается кипеть ненависть к врагу.

Бектемир знакомится с пожилым бойцом, серьезным, несколько замкнутым, но сильным духом и волей сибиряком. Бектемир привыкает к огню и смерти. Но его не покидает досада — ведь он ничего не сделал, не убил ни одного фрица! Однажды его самозабвение глубоко задевает вопрос сибиряка: «Ты боишься?».

В одном бою Бектемир выводит с поля боя раненого товарища. В другой раз в рукопашной схватке смело орудует своим штыком. Когда командир части приказывает сибиряку идти в разведку и думает, кого из бойцов дать ему в помощь, сибиряк называет Бектемира. В этой разведке Бектемир проявляет себя, как смелый воин и преданный друг. Он возвращается из разведки, неся на своих плечах раненого сибиряка; им удалось захватить у немцев много документов. Вместе с ними возвращается русская девушка, которую немцы подвергли жестоким пыткам, как партизанку. Ее спас Бектемир.

Девушка остается работать при санбате. Между ней и Бектемиром возникает любовь. Но из-за различия характеров, воспитания и взглядов любовь часто приносит им огорчения, недоразумения и проч. Бектемир излишне ревнив; девушка без всякого умысла допускает некоторую вольность в своем обращении с другими бойцами и т. д.

Во время «охоты за языком» Бектемир попадает в хитро устроенный капкан врага. Допрос. Он держит себя, как верный сын своей родины. Никакие угрозы, никакие пытки не могут ни на миг поколебать его стойкость. Он готов скорее принять смерть, чем мысль об измене.

Бектемиру удается бежать в тот момент, когда гитлеровцы готовятся покончить с ним. По дороге он находит себе коня: ночью, встретив немецкого офицера на лошади, Бектемир бросается к нему и как отличный «улакчи» (мастер в национальной игре «козлодранье»), на всем скаку вырывает офицера из седла. Быстро положив голову офицера через стремя, под свою ногу, и крепко прижав ее к брюху лошади, отважный джигит бурей мчится к своим (вспомни подвиг узбекского бойца Ахмеда Далимова).

Бектемир встречает своего друга-земляка, раненного в ногу; радуясь от всей души этой неожиданной встрече, он обнимает и целует друга. Но вскоре Бектемир узнает, что его земляк преступник, что он обвиняется в самостреле. Бектемир сперва не верит этому, но факт установлен; преступник признается в совершенном им преступлении. Тогда Бектемир сам совершает над ним суровую расправу....

Красная Армия переходит в большое наступление. Очищены от гитлеровцев десятки городов и тысячи сел и деревень. Огромные трофеи. В битве за большой населенный пункт в критический момент выходят из строя командир и его помощник. Бектемир, как лучший боец части, берет командование на себя. Вдохновляя бойцов своим примером, он поднимает их в решительную атаку. Благодаря «хитрому» плану и умелому его выполнению Бектемир наносит врагу смертельный удар.

Во главе отряда врывается он в населенный пункт. Советские люди, освобожденные из кровавых лап фашистов, бросаются к отважному командиру со словами любви и благодарности.

Бектемир с красным знаменем поднимается на возвышенность. В момент водружения советского знамени он падает от пули немца, скрывавшегося на чердаке.

Зная водружено другом Бектемира — сибиряком. Бектемир приходит в себя в госпитале. Здесь он видит любимую девушку. Суровое лицо храброго воина озаряется широкой, ласковой, как лучи весеннего солнца, улыбкой.

Автор изложил лишь схему сюжета будущего сценария, сознательно сделав ее краткой, опустив некоторые мотивы, важные для понимания и раскрытия образа Бектемира. Возможно даже, содержание заявки следует рассматривать просто как материал, подлежащий дальнейшему драматическому формированию. Автор не искушен в вопросах кинодраматургии; кино для него — новая область, и он охотно признается в этом. Но вместе с тем автор намерен серьезно работать над сценарием и уже совершенно отчетливо видит свои задачи.

Во-первых, в сценарии должен быть один главный и центральный герой, Бектемир. Сибиряк, девушка, земляк Бектемира и другие действующие лица будут существовать лишь в той мере, в какой это окажется необходимым ради наиболее полного раскрытия образа Бектемира. Это целиком определяет и характер сюжета. Можно сказать, что сюжет сценария «Путь славы» представляется автору как сюжет центрального героя.

Основные сюжетные и драматические мотивы вытекают из отношений: Бектемир — земляк, Бектемир — девушка, Бектемир — сибиряк, Бектемир — командир. Возможно, в заявке, в схеме это выражено недостаточно ясно, однако в сценарии будет именно так. Не следует забывать при этом, что автор имеет в виду создать образ подлинного узбека с особым, свойственным узбекам мышлением, понятиями, отношением к жизни и проч. Должен получиться герой с определенным национальным характером. А это само по себе может стать достаточной питательной почвой для интересных сюжетных положений и контрастов.

Внутренняя идея образа Бектемира заключается в некотором парадоксе: он не трус, но в первом бою, увидев гигантскую машину истребления в действии, струсил. Это преходящая слабость, замеченная его товарищем, вызывает очень острое чувство досады на себя самого, вызывает недовольство собою, своими собственными поступками. Бектемир был сильный человек. Вскоре он делом завоевал репутацию храбреца. Но ощущение стыда, так сказать след моральной пощечины, нанесенной самому себе, сохранился и продолжал существовать еще долгое время. В части его давно уже считали самым сильным, самым обстрелянным и опытным солдатом, а Бектемир со все возрастающей дерзостью и упорством мстил немцам, мстил и за те несколько минут страха, который испытал когда-то во время первого своего боя.

Так автор представляет себе внутреннюю идею образа Бектемира, его движение, его эволюцию. Понятно, это должно проявиться в отношениях Бектемира и с девушкой, и с сибиряком, и с другими персонажами.

Что касается жанра вещи, то автор считает, что поставленные им перед сценарием задачи успешнее всего могут быть решены в жанре психологической, реалистической драмы.

«МАХМУД ТАРАБИ», ИЛИ «ЩИТ НАРОДА»

(Творческая заявка Айбека и Александра Дейча)

В дни Великой Отечественной войны, когда славные сыны узбекского народа плечом к плечу с другими народами Советской страны сражаются против фашистских варваров, — задача писателей всех родов поэтического оружия внушать своему народу чувства гордости, достоинства и чести. Обращаясь к героическому прошлому узбекского народа, мы находим образ, могущий взволновать сердца современного советского зрителя: образ вождя народного движения против монгольских захватчиков Махмуда Тараби.

Мы предполагаем написать историческую драму (в прозе), дающую картину борьбы Тараби и вооруженного народа Бухары с монголами-угнетателями.

Оба лагеря будут показаны реалистически: с одной стороны, зритель увидит людей труда — ремесленников и дехкан, взявшихся за мечи для защиты своей независимости, с другой стороны, раскроется мир монголов-угнетателей: нойонов, солдат, местных феодалов, прислужников завоевателей.

На первом плане фигура Тараби. Это ситовщик, ремесленник, не деленный спокойной мудростью и страстью государственного деятеля и борца за справедливость. Махмуд Тараби сумел организовать отряды ремесленников и крестьян и повел их в открытый бой против монгольских завоевателей.

Во время военных действий Махмуд выступает как умелый стратег и наносит поражение опытным монгольским воинам.

После победы Тараби проводит мудрую политику халифа, правящего по воле восставшего народа. Он очищает Бухару от враждебной ему знати, прибегает к террору против врагов народа, конфискует их имущество в пользу беднейшего населения. Всеми поступками Тараби руководит чувство справедливости и благородство. Он стоек и непоколебим в проведении своих планов.

Рядом с Тараби стоит интересная фигура ученого, друга восставшего народа, Махбуби. Своим авторитетом он поддерживает свободолобивые стремления Тараби и его соратников.

Влюбленная пара: дочь Тараби, Джамила и джигит Ядгар придают лирико-драматический колорит героической пьесе и вносят теплоту и задушевность.

Стан монголов будет дан также разносторонне. Фанатичные приверженцы идеи властвования над миром, монгольские военачальники и правители во многом дают прообразы современных фашистских «теоретиков», и их темный, полный суеверий и мрачного шаманства мир резко противопоставлен оптимистическому жизнетворческому миру трудового народа.

Нами разработан подробный план пьесы со всеми сюжетными ходами, и мы просим заключить с нами договор на пьесу «Махмуд Тараби», или «Щит народа» и дать нам материальную возможность в кратчайший срок осуществить творческий замысел. Мы уверены, что сможем дать нашим театрам, и в первую очередь — узбекским вполне подходящую пьесу как по художественным качествам, так и по политическим.

Айбек, Ал. Дейч

ЩИТ НАРОДА

(сценарий пьесы)

Картина первая

Дворец правителя Бухары Махмуда Ялавача. Сводчатый зал. Ковры, на стенах оружие, кривые сабли и луки. Махмуд Ялавач, по происхождению хорезмиец, получил мандат на управление страной непосредственно от великого хана Чагатая. Все местные должности при нем остались за бывшими до монгольского завоевания чиновниками, и Махмуд Ялавач, крупнейший купец и ростовщик, опираясь на свои отряды, в которых были не только монголы, но и мусульмане, ставил своей целью выкачать из населения возможно больше продуктов и денег. Баскаки (сборщики податей) были поставлены в такие условия, что могли творить самые вопиющие злоупотребления.

Действие начинается с того, что в Бухаре ожидается прибытие Чагатая, возвращающегося с охоты. Чагатай должен провести несколько дней в гостях у Ялавача, который прибыл для этого из своей резиденции в Ходженте.

По случаю торжества собрались местные и монгольские чиновники. Между ними чувствуется напряженность. Один из местных чиновников просит у монгольского начальника хорошую лошадь, необходимую для служебных разъездов. Монгол издевательски отвечает, что для тюркского баскака хорош и ишак.

Ялавач успокаивает всех и заглаживает скандал.

Монгольский военачальник Илдыз-Нойон заносчиво заявляет: «Мы — хозяева, а вы должны исполнять нашу волю. Великий Чингиз, умирая завещал нам власть над вами. Мы свято храним этот завет великого хакана».

Появляется глубокий старик со старухой. Они приносят жалобу Ялавачу. Сын старика прогнал стадо феодала со своего пастбища, и его за это бросили в тюрьму. Ялавач сочувствует старику, но боится монголов. Они не одобряют его мягкости. Старик и старуха бросаются к ногам Илдыз-Нойона. Монгол отталкивает их ногой. Старик окровавлен. Гонец сообщает о прибытии Чагатая. Хор девушек и юношей встречает хана. Приходят богачи в шелковых халатах с подарками и букетами. Появляется Чагатай в охотничьем костюме. Сокольник с беркутом на плече. Нарядная жена Чагатая. За ними свита: седые бахадеры, сыновья-царевичи, жены — пестрая и шумная толпа. Музыка и хор.

Выступает Ялавач с приветствием. Чагатай немногословен и суров. Неожиданно замечает старика, лежащего на полу. Спраши-

вает о нем. Жена хана проявляет некоторое сочувствие. Но вскоре горе старых людей начинает раздражать монголов. Старика и старуху выводят за дверь.

Ялавач рассказывает, что страна благоденствует и процветает.

Извещают о прибытии знаменитого бухарского ученого Махбуби. Он «ученый человек, известный и прославленный за свои качества и происхождение». Он питал неприязнь к имамам Бухары (Джувейни). Махбуби — пожилой человек лет пятидесяти, величественного вида, в чалме, с седой бородой.

Возникают споры о преимуществах Ясы, сборника узаконений монголов, освященного Чингизом перед шариатом. Махбуби произносит горячую речь за равноправие народов, за священность их законов, против угнетения. Чагатай возмущен. Здесь сталкиваются два мировоззрения, два подхода к жизни. Махбуби советует обратиться к великим грекам и искать у них законы справедливости.

Монголы приказывают бросить Махбуби в зиндан. Ученый, уходя, швыряет в лицо Чагатаю обвинение в жестокости: «Поднявший меч насилия, умрет от своего меча!».

Ялавач рассказывает Чагатаю, что у Махбуби есть красавица дочь Дильдар. Чагатай поручает Илдыз-Нойону привести ее. Илдыз-Нойон отправляется в Тараб.

Картина вторая

Тараб. Тихий летний вечер. Внутренний дворик дома Махбуби. Дильдар читает свои стихи девушкам. Она настроена тревожно и обеспокоена судьбой своего отца, который отправился во дворец Ялавача и до сих пор не возвращается. Содержание стихов: «Имею ли я право любить, когда страна в огне пожара, когда монголы топчут наши нивы и оскорбляют стариков и женщин?».

Девушки поют задушевную лирическую песню. Появляется Тараби с ситами. Махбуби ценит природный ум Тараби, его свободолюбие, честность и горячность. Дильдар радостно встречает Тараби. Она испытывает нежную дружбу к нему. И Тараби отвечает ей тем же.

Девушки расходятся. Тараби и Дильдар остаются одни. Дильдар высказывает свои опасения об отце, Тараби утешает ее. Но сам он тоже неспокоен.

Молодой джигит идет по дороге. Это — Орханбек. В руках у него страннический посох. Вид мужественный и лирический. Цветок за ухом. Увидев молодых людей, просит напиться воды и отдохнуть. Из разговора с Тараби выясняется судьба Орханбека. Это — царевич, сын хана, разгромленного Чингизом. Он родом из Отрара. Орханбек полон ненависти к монголам-угнетателям. В нем бушует жажда мести. Взволнованный Тараби протягивает ему руку. От царевича до ситовщика — все должны объединиться для борьбы с подлыми захватчиками. Дильдар скрепляет рукопожатие дружбы.

За сценой шум. Врываются монголы во главе с Илдыз-Нойоном. Илдыз-Нойон вкрадчиво подходит к девушке, предлагая ей отправиться к самому Чагатаю. Дильдар напугана. Она горячо отвечает: «Я дочь бедного, но честного ученого. Мне нечего делать при дворе, я не привыкла к блеску придворной жизни».

Тараби выступает в защиту Дильдар. Орханбек поддерживает его. Илдыз-Нойон издевается над Тараби и Орханбеком и велит схватить Дильдар. Ее уводят.

Собирается народ. Тараби обращается к народу со словами тнева: «Мы должны освободиться от монгольских поработителей. К восстанию!».

Народ верит в силу Тараби. Всеобщее воодушевление.

Картина третья

В доме Илдыз-Нойона. Дильдар взята монгольским военачальником в качестве прислужницы. Илдыз-Нойон укрывает девушку от Чагатая, предложив ему другую (Старуха Айша. Разговор с Дильдар. Дильдар томится здесь. Она узнала о том, что отец брошен в темницу, ее волнует и судьба Тараби. Она решает, переодевшись в платье нукера, пробраться в темницу.

Появляется Илдыз-Нойон. Он хочет завоевать симпатию девушки, всячески уговаривает ее быть с ним ласковее. Дильдар проявляет покорность и даже пытается дать ему понять, что она покорена его красотой и силой. Илдыз-Нойон в восторге. Он говорит, что придет ночью на свидание с ней и уходит.

Появляется Орханбек. Илдыз-Нойон нанял его нукером. Улучив момент, Орханбек объясняется с Дильдар. Он подозревает ее в измене, но девушка успокаивает Орханбека; она прибегает к притворству, чтобы усыпить подозрительность Илдыз-Нойона.

Наступает ночь. Орханбек приносит мужской наряд Дильдар. Она переодевается и вместе с Орханбеком бежит из дома.

Слышны шум, песни, пьяные выкрики. Где-то за занавесом идет пир. Илдыз-Нойон в сопровождении нукера — телохранителя является на свидание. Никого не находит. С тоской вспоминает о девушке, которая убежала от него.

Вбегает Тараби с несколькими воинами. Они перебили стражу и, воспользовавшись пьяной суматохой, решили захватить оружие в доме Илдыз-Нойона.

Тараби сражается с Илдыз-Нойоном, сбивает его с ног. Нукеры Тараби связывают монгольского военачальника и его воинов. Затем открывают люк в полу дома, выгребают оружие и убегают.

Картина четвертая

Темница. Махбуби томится в ожидании казни. Вдохновенный монолог о чувствах, волнующих его. Появляются переодетые Орханбек и Дильдар. Старик, думая, что пришел за ним, держится гордо и непримиримо: «Смерть и казнь — пустые слова. Есть лишь одно, за что стоит жить и умереть — человеческое счастье».

Дильдар, не выдержав, бросается в объятия отца. Они проникли в тюрьму, предъявив в виде пропуска кольцо Илдыз-Нойона, которое Дильдар сняла с его пальца. («Кольцо злодея освободило вас!»).

Все трое собираются покинуть темницу, но с грохотом отворяется дверь: входят палач и нукеры и хватают всех троих.

Картина пятая

Площадь. Помощники палача готовят плаху, отпуская веселые шутки и разговаривая о предстоящей казни. Раннее утро. Приходят раисы (представители городской власти). Является и Илдыз-Нойон. Он уже протрезвился, держится по-прежнему самоуверенно и украшает ночное происшествие, выставляя себя героем. При этом говорит, что, по-видимому, Тараби — опасный чародей, с которым поэтому нелегко справиться.

Собирается толпа. Люди шепотом говорят о монголах-захватчиках, возлагают надежды на Тараби.

Приводят осужденных. Все трое суровы и молчаливы. Махбуби, Дильдар и Орханбек обмениваются прощальными словами.

Илдыз-Нойон дает знак к началу казни: первым к плахе ведут Махбуби. Плач женщин. Внезапно возникает гул сражения. Палачи убегают. Врываются Тараби и его воины. Илдыз-Нойон схвачен вместе с другими беками.

Тараби, взойдя на возвышение, объявляет, что отныне страной будут править не садры, а народ.

Картина шестая

Дворец Мелик-сенджара, резиденция Тараби в Бухаре. В зале собрались садры во главе с Бурханаддином. Садры вынуждены оказывать победителю Махмуду Тараби почести. Они явились во дворец, чтобы передать Махмуду власть. В ожидании Тараби говорят об «ужасных днях, наступивших для Бухары», о том, что власть захватили «базарные люди». Садры с суеверным страхом говорят о чародействе Тараби. Один из них рассказывает, случай у моста Вазде. Бурханаддин сообщает, что сестра Тараби — благо-разумная женщина, испугавшаяся такого неожиданного взлета Махмуда. Она обещает повлиять на брата. «Мы ее осыпем золотом, если ей это удастся», — говорит один из садров.

Появляется Махбуби. Садры упрекают его за измену, за то, что связал свою судьбу с обманщиком. Махбуби возражает резко: «Истинная наука с народом и для народа».

Нукеры Тараби вносят сундуки. В них одежда и драгоценности, взятые в домах богачей, бежавших из Бухары. Садры с ужасом смотрят на сундуки.

Входит Тараби. Он держится просто. Одет без излишней роскоши. Тараби приводит с собой бедняка в лохмотьях. Велит открыть сундук. Сам достает богатый халат и дает бедняку. Он обещает ему клочок земли, на котором тот сможет трудиться. «Дай мне оружие — говорит бедняк. — Мне нужно защитить и новую одежду, и новую землю, и новую жизнь».

Садры, поговорив между собой, решают уйти. Тараби их не задерживает, но предупреждает, что они должны готовиться к тому, чтобы сегодня же вечером передать власть и халифское звание Тараби. «Мне не нужны сан и почести, но я халиф именем народа», — говорит Тараби. Садры сетуют на то, что некоторые из их рядов убиты повстанцами, а некоторым пришлось бежать. Тараби обрывает: «Нет жалости к змею, даже спрятавшей жало. Неуместна мягкость в дни, требующие суровости».

Садры уходят.

Тараби собирает своих военачальников на совет. Среди них Орханбек. Махмуд призывает всех к вооружению. Один из военачальников говорит о том, что надо бедным людям раздать одежду и пищу. Орханбек резко выступает против этого: «Для чего подкупать простонародье? Не надо грабить имущество монголов и местных богачей. Они должны править страной, потому что в их жилах течет лучшая кровь».

Тараби дает отпор Орханбеку: «Послушай, царевич. Знай, что кровь у всех одна, только души бывают светлые и темные».

Заканчивается военный совет, и люди Тараби расходятся. Махбуби сообщает о приходе сестры Тараби. Тараби радостно встречает ее, но она холодна с братом. Сестра говорит, что дело приняло опасный оборот: «Аллахом даны богатство и бедность, и нельзя гордецу сломить этот порядок вещей». Резко оборвав речь, сестра Тараби заявляет, что явились сейиды, пусть они скажут свое слово.

Тараби взволнован. На мгновение он колеблется. Быть может, он не прав?! Нет! Ошибки нет. Надо быть твердым и идти вперед.

После спора с сейидами, грозящими отлучить Тараби от ислама, последний удар наносит Орханбек. Он является к Тараби, чтобы проститься с ним. Он, конечно, заклятый враг монголов-захватчиков, но и с Тараби ему не по пути. Тараби отпускает Орханбека, жалея его, такого молодого и обреченного скитаться бездомным путником.

Заключительный монолог Тараби, исполненный непоколебимой решимости.

МАХМУД ТАРАБИ

(сценарий оперы)

Первый акт

Площадь в деревне Тараб. Весна. Раннее утро. Вдали над дубами видны свисающие деревья и кусты вьющихся роз. В углу с небольшой высоты струятся потоки воды. На первом плане сбоку — несколько мастерских ремесленников. Над одной висит сито. Это мастерская ситовщика Тараби.

При поднятии занавеса слышен веселый, бодрый хор девушек и юношей, собравшихся у водопада. Гамма простых, но живописных одежд. Многие девушки пришли к воде с глиняными кувшинами.

Хор смолкает. Девушки отпускают веселые шутки и остроты по адресу Джамилы, которая ждет — не дожидается своего любимого Ядгара. Джамила бойко отвечает на приставания подруг и нетерпеливо смотрит вдаль.

Появляется Ядгар. Это простой деревенский парень, стройный и мужественный, с открытым честным лицом. Все встречают его радостно, со смехом. По его поведению сразу можно увидеть, что Ядгар полон любви к Джамиле. Джамила отвечает тем же, и между молодыми людьми завязывается стройный любовный дуэт. Это песня любви и дружбы.

Ядгар торопится на полевые работы, прощается с любимой и уходит. Часть молодых людей расходится. Девушки несут кувшины с водой.

Появляется Тусунбай. Круглый, похожий на шар, пожилой, в богатой одежде. Тусунбай — крупный местный феодал. Он смотрит на девушек хищными глазами как на игрушки, пригодные лишь для его развлечения.

Увидев Тусунбая, девушки испытывают тревогу и отвращение. Они знают его грубый чувственный нрав и боятся стать его жертвами.

Тусунбай, преграждая путь Джамиле, обращается к ней с нежными речами, которые получают комическое звучание. Тусунбай говорит о красоте Джамилы и о своей страсти к ней. Он обещает ей всяческие радости в своем гареме. Но Джамила резко отталкивает Тусунбая и велит забыть о ней навсегда. Тусунбай раздраженно напоминает ей, что она только дочь ситовщика и «нечего считать себя звездой на небе». Он приходит в ярость и удаляется неуклюжей медвежьей походкой, бросая на ходу угрозы.

Выходит Тараби. В руках несколько незаконченных сит. Направляясь к мастерской. Тараби останавливается на мгновение у каскадов воды и радостно смотрит на девушек и на окружающую

природу. Он нежно обнимает дочь. Другие девушки окружают его, и из его уст льется широкая песня жизнелюбца. В эту песню вторгаются скорбные ноты, вызванные бедственной долей народа, попавшего под пяту монголов. Но бодрость и вера в правду побеждают, и песня кончается верой в грядущую победу народа над насильниками.

Девушки уходят. Тараби открывает мастерскую, и другие ремесленники тоже. Воздух наполняется мелодией труда. Неспешным шагом приходит дервиш. Этот старик с пышной бородой носит грубую одежду. В прошлом он знаменитый наккаш (художник-архитектор), строитель лучших дворцов в стране. После монгольского нашествия предпочел уйти от всего мирского и искать правду в отшельничестве. Но он не стал нищенствующим монахом; под его одеждой бьется горячее сердце вольнодумца и поборника свободы. Он ходит из города в город, разнося идеи борьбы с насильниками и сея семена восстания.

Дервиш сообщает, что монголы с каким-то злым намерением ищут красных девушек. Тараби и другие ремесленники взволнованы этой вестью. Отцы торопятся спрятать дочерей.

Тараби узнает знаменитого наккаша, спрашивает его о причине превращения в дервиша. Дервиш показывает письмо великого ученого Бухары Шамседдина Махбуби, призывающее к восстанию. Тараби говорит, что нет в стране честного сердца, в котором бы не горело это пламя восстания и ненависти к поработителям.

Топот конских копыт. Грохот запираемых дверей, плач женщин и детей. Спотыкаясь, пробегают несколько человек.

На площадь вступает Буринайхан с отрядом вооруженных нукеров. Буринайхан — монгольский военачальник, надменный и жестокий. Тусунбай встречает монголов с раболепными поклонами и предлагает свои услуги Буринайхану. Буринайхан объявляет о смерти принца из династии Чингизхана и требует семь самых красивых девушек для погребального обряда: по монгольским верованиям, покойник ведет загробную жизнь, и поэтому надо по случаю смерти царевича закопать живьем девушек, чтобы они были его наложницами в подземном царстве.

Постепенно площадь заполняется народом. Все в отчаянии. Тусунбай, отведя Буринайхана в угол, сообщает, что родители спрятали лучших девушек, но он берется их найти, если получит в награду одну из них, Джамилу. Буринайхан дает обещание. Тусунбай уходит с монгольскими нукерами.

Тараби гневно упрекает Буринайхана в бессмысленной жестокости: «Ваш кинжал пронзил самое сердце, но вы сами утонете в потоках нашей крови и наших слез». Буринайхан с каменным спокойствием выслушивает Тараби.

Приводят девушек, волоча их по земле. Среди них — Джамила. Тараби, сдерживая гнев, наблюдает за событиями. Ядгар появляется и, увидев Джамилу среди пленниц, хочет броситься на нукеров. Тараби удерживает его. Буринайхан уводит пленниц.

Дервиш уходит следом за монголами, обещая Тараби следить за судьбой девушек.

Тараби обращается к народу с призывом — восстать и отомстить. Народ кричит в воодушевлении: «Нет пощады тиранам!».

На небе вспыхивает огромное зарево — монголы, уходя из деревни, подожгли ее.

Второй акт

Роскошный зал во дворце правителя Бухары — Хакима. В зале военачальники, бахадурь, служившие еще Чингизхану, чиновники, местные и монгольские. Присутствующие приветствуют правителя Бухары и славят могущество Чагатая, сына Чингизхана.

Правитель объявляет, что сейчас состоится торжественная подготовка к погребальному обряду и велит ввести девушек для отбора.

Из толпы выступает шаман в магическом одеянии. Два нукера с факелами становятся у входных дверей. Творя заклинания, шаман зажигает факелы.

Вводят девушек. Правитель Бухары осматривает девушек, одетых с особой пышностью. Все обращают внимание на Джамилу.

Кази калан, главный судья Бухары, предатель своего народа, поддерживающий власть монголов, человек средних лет с пышной черной бородой и жадными, плотоядными глазами. Он с вожделием смотрит на Джамилу.

Правитель Бухары призывает девушек честно служить знамени-тому покойнику в подземном царстве. Кази калан поздравляет девушек с выпавшим на их долю счастьем.

Девушки стоят посреди зала. Шаман обводит по полу вокруг них магический круг и с заклинаниями надевает на палец каждой по золотому кольцу. Затем шаман велит каждой девушке для очищения души пройти между двумя зажженными факелами.

Девушки совершают обряд, затем, по приказу шамана, исполняют танец смерти. Девушек уводят.

Приходит Тусунбай. Он требует у Буринайхана исполнения обещания насчет Джамилы. Буринайхан направляет его к Хакиму. Тусунбай повторяет просьбу, но Хаким резко отвергает ее, обещая дать другую девушку взамен.

Появляется гонец. Он сообщает: в Тарабе и других местах близ Бухары — восстание. Головные отряды под предводительством Тараби уже ведут сражение у городских стен. Много монгольских нукеров уже сложило головы.

Смятение. Все поражены неожиданностью сообщения. Каждый по-своему выкрикивает имя ситовщика Тараби.

Правитель упрекает чиновников, особенно местных, в плохом управлении, в том, что они до сих пор не привлекли народ на сторону монголов.

Отведя в сторону Кази калана, Хаким подсылает его в лагерь Тараби: «Будь змеей, жалящей в самое сердце, будь кинжалом, разящим наповал, будь ядом, убивающим медленно, но верно. Если ты хорошо выполнишь мое поручение — станешь моим беком, тарханом и получишь в награду прекрасную девушку».

Кази калан клянется в собачьей верности и уходит.

Нукеры приносят оружие. Все разбирают его и вооружаются. Хаким призывает беков, завоевавших край, мечом удержать власть в нем.

Обнажив меч, Хаким идет вперед. Беки — за ним.

Тусунбай выводит на опустевшую сцену Джамилу. Он предлагает ей спасенье, если она согласится быть его наложницей. Джамила гордо отказывает ему: «Лучше смерть».

Тусунбай решает взять Джамилу силой и поспешно уходит за нукерами.

Появляется Дервиш. Стоя у входа, он слушает печальную песню Джамилы.

Дервиш подходит к Джамиле и предлагает ей немедленно сесть на лошадь, стоящую у входа и бежать в горы. Дервиш выводит девушку через потайной ход.

Возвращается Тусунбай, ищет Джамилу.

Слышен шум приближающегося сражения. В испуге вбегают воины Хакима, а за ними — повстанцы Тараби.

Дервиш возвращается через потайной ход. Он восторженно поднимает руки к небу, восклицая:

— Слава истине и справедливости! Те дворцы, что я строил, снова вернулись к народу!

Третий акт

Первая картина

Стан Тараби. Ночь. Ярko светит луна. В степи — палатка. Виден обоз. Костры.

Из палатки выходят Тараби и Ядгар. Они одержали победу, но обоим гнетет тоска: Тараби грустит по дочери, Ядгар — по невесте. В дуэте выражаются чувства Тараби и Ядгара.

Но вот, отряхнув грусть, Тараби снова становится мужественным и решительным человеком. Он приказывает ввести пленных. Приходит Кази калан. Он держится раболепно перед Тараби. Сообщает, что у богачей, особенно у монгольских беков, конфисковано много имущества. Спрашивает, как поступить с этим добром?

Тараби приказывает раздать всем нуждающимся и открыть житницы для народа.

Вводят пленных: Тусунбая, Хакима, Буринайхана и др. Пленные угнетены и держат себя трусливо.

Собирается народ. Ядгар читает смертный приговор монголам — насильникам. Народ приветствует приговор.

Незаметно приблизившись к пленным якобы для того, чтобы узнать их имена, Кази калан подает им надежду на освобождение.

Пленных уводят. Тараби уходит в палатку, за ним — Ядгар.

Кази калан, оставшись один, открывает один из больших сундуков с отнятым у богачей имуществом, берет пригоршню золота и прячет в карман.

Входит Караджан, слуга Кази калана, и сообщает, что он все исполнил: нужные люди уже на воле!

Кази калан радостно награждает Караджана золотом.

Дервиш вбегает в волнении. Он видит золото в руках Караджана. Ударяет посохом Караджана по руке, и золото со звоном сыплется на землю.

Кази калан видит, что разоблачен. Он бросается с кинжалом на Дервиша и закалывает его.

Кази калан и Караджан относят труп Дервиша в сторону. Рассвет. Входят сейды — в белом одеянии и белых чалмах. Сейды — «потомки пророка», привилегированные духовные лица. Они требу-

ют Тараби. Он появляется. Сеиды упрекают Тараби в богоотступничестве и требуют отказа от мятежа, от раздачи имущества беднякам и т. д. В противном случае грозят отлучением от ислама.

Тараби терзается сомнениями, боится, что сеиды погубят его дело. Убеждает сеидов, что дело его нужно народу, что он борется лишь против зла и насилия.

Сеиды настаивают на своем требовании. Тараби, выведенный из себя, кричит: «Моя религия — любовь к родине и к народу!» Раздраженные сеиды уходят.

Оставшись один, Тараби беспокойно мечется по сцене. Тараби натывается на труп Дервиша. В ужасе обнимает голову покойного, и из чалмы Дервиша выпадает письмо. Это письмо подбросил, во время сцены с сеидами, слуга Қази калана, Қараджан. В письме говорится, что Ядгар — предатель, освободивший пленных.

Тараби, прочитав письмо, приходит в ярость. Он вызывает Ядгара и бурно объясняется с ним, показав письмо Дервиша.

Ядгар, склонив голову перед Тараби, клянется в невинности: «Если ты можешь хоть немного сомневаться во мне, отруби мне голову».

С этими словами Ядгар передает свою саблю в руки Тараби.

Тараби колеблется. В это время вбегает воин с сообщением, что страшная сила Чагатая идет на Бухару.

Тревога в военном лагере Тараби.

Вторая картина

Дикая местность в горах: крутые скалы, темные пещеры, узкие тропинки. Хмурый день.

Джамила с копьем стоит на скале. Она вспоминает о недавних мирных днях, об отце и женихе.

Ниже — толпа вооруженных крестьян и горожан. Многие с восхищением смотрят на отважную девушку, предводительницу отряда.

Приходят новые люди, просят принять их в отряд. Среди них — Халташ и Халпаш — раб и рабыня. Халташ — маленький, плешивый, увертливый. Халпаш — высокая, рябая женщина. Они радуются, что наконец нашли лагерь Джамилы, о которой слава идет по округе. Кто-то указывает им на Джамилу. Они замечают грусть Джамилы и решают развлечь девушку.

Халташ и Халпаш поют комические песни и исполняют народные танцы.

Джамила смотрит вдаль и говорит одному из джигитов: там видна пыль, два монгола идут по дороге, надо их взять. Раб и рабыня продолжают петь и танцевать. Нукеры им подпевают.

Приводят Тусунбая и одного бедно одетого монгола, человека из народа.

Джамила и Тусунбай удивлены встречей. Джамила велит удалиться всем, кроме пленных. Она допрашивает Тусунбая. Тусунбай дает ложные показания, уверяя, что в Бухаре все спокойно и что побуждаемый любовью к Джамиле, он долго разыскивал ее и, наконец, нашел.

Джамила насмешливо выслушивает Тусунбая и ласково обращается к бедному монголу, прося его сказать правду.

Пленный монгол, почувствовав доверие к Джамиле, рассказы-

вает, что Чагатай, узнав от Тусунбая и других, бежавших из плена, о положении дел в Бухаре, послал войско на выручку, против Тараби. Отстав от этого войска, Тусунбай и монгол заблудились в горах и попали в лагерь Джамилы.

Джамила сама убивает Тусунбая и велит своему отряду готовиться к выступлениям на помощь Тараби.

Четвертый акт

Крепость Бухары. Вооруженная толпа ожидает нападения монголов. Тараби воодушевляет народ, призывая сражаться до последней капли крови.

Появляется Ядгар и просит разрешения у Тараби взять оружие и защищать город.

Тараби колеблется, но все же дает оружие Ядгару и поручает ему один из постов. Затем уходит. Ядгар тоже.

Появляются Кази калан и Караджан. Кази калан говорит, что оружие, которое Тараби держал в запасе, уже тайным путем отправлено монголам. Кази калан считает нужным как-нибудь сообщить об этом монголам.

Караджан привязывает к стреле записку и закладывает в лук, готовясь пустить ее в лагерь монголов. Кази калан рад, что Караджан придумал способ сообщить нужные сведения монголам. Оба уходят.

Появляется Тараби, за ним Ядгар, держащий за шиворот Караджана. Начинается допрос. Ядгар рассказывает, что он поймал Караджана в тот момент, когда он отправил монголам записку, привязанную к стреле. Караджан оправдывается, что он посылал таким образом бранные слова монголам. Ядгар возражает, что если бы было так, то монголы не схватили бы с такой радостью стрелу и не несли бы ее военачальникам.

В это время караульный сообщает, что издали видна пыль: наверное откуда-то к монголам идет подмога.

Тараби обеспокоен. Велит Кази калану выдать оружие, имеющееся в арсенале. Кази калан, с дрожью в голосе, сообщает, что какие-то неизвестные люди ночью похитили оружие.

Тараби хватая Кази калана за горло, разоблачает его: «Ты предатель, это дело твоих рук! Иначе ты сообщил бы обо всем раньше!».

Тараби решает сразу покончить с Кази каланом и Караджаном. Перепуганный Караджан обещает Тараби сказать правду, если его оставят в живых. Тараби соглашается, и Караджан раскрывает все преступления Кази калана. Он сознается, что послал стрелу с запиской, сообщающей о передаче оружия. Ядгар убивает Кази калана кинжалом, а Караджана отправляют в темницу. Тараби радостно обнимает Ядгара и назначает его начальником обороны крепости.

Тараби и Ядгар готовятся к сражению. Дозорный сообщает с башни, что к ним приближается большой отряд, возглавляемый какой-то женщиной. Тараби и Ядгар смотря с вышки вдаль. На коне въезжает Джамила, окруженная джигитами. Радостная встреча с отцом и Ядгаром. Тараби дает приказ: «В бой». Монголы бегут. Войска Тараби возвращаются со знаменами врага. Народ празднует победу.

ОТЧЕТНЫЙ ДОКЛАД СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА ЗА ПЕРИОД С 1 ЯНВАРЯ ПО 1 ДЕКАБРЯ 1947 ГОДА

Основным недостатком в работе Союза советских писателей Узбекистана было почти полное отсутствие современных тем в создаваемых произведениях ведущих писателей (основной упор в творческой работе делался на описание прошлого). Постановление ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматического театра и мерах его улучшения» и ряд других директивных документов стали программой дальнейшего развития советской узбекской литературы. Эти постановления легли в основу работы всего Союза в целом, а также каждого писателя в отдельности. Все писатели повернулись лицом к современности, к описанию современной жизни узбекского народа и начали создавать поэмы, повести, пьесы, романы, стихотворения о современности.

Это явление можно считать отрядным, хотя оно еще полностью нас не удовлетворяет. Могу привести ряд примеров:

Гафур Гулям написал цикл стихотворений «Огни Узбекистана»; Абдулла Каххар написал первую часть романа «Два чинара»; Миртемир Турсунов написал пьесу «Президент» о первом президенте Узбекской ССР Юлдаше Ахунбабаеве. Тов. Уйгун написал пьесу «Песни жизни», в данный момент он закончил музыкальную драму о Фархадстрое «Асрлар» («Эпохи»), Аскад Мухтаров написал поэму «Сталевар» об участии узбекского народа в развитии металлургии. Шарипов Д. закончил поэму «Максим Горький» (печатается в № 11 журнала). Тов. Шейхзаде закончил сценарий «История одной песни». Мною написана поэма «Девушки» (о пяти девушках). Мирмухсин закончил поэму «Уста Гияс». Бабаев М. закончил поэму «Садовник» (в данное время печатается в журнале). Тураб Тула закончил драму «Наш сын» и музыкальную драму «Талант». Туйгун закончил пьесу «Мухаббат». Парда Турсунов закончил повесть «Дорога правды», Садык Каландаров опубликовал в журнале повесть «Мы на Урале». Тимур Фаттах, автор узбекского гимна, закончил сценарий «Новая земля», а также обсужден и принят сценарий Фатхуллина «Его сказки» и пьеса «В дни испытаний». Товарищи Шухрат и Шукрулло заканчивают произведения о Герое Социалистического Труда Бабаеве. Тов. Шукрулло написал поэму, а Шухрат «Повесть о Бабаеве».

Кроме этого, Хамид Гулям закончил свою поэму, которая в ближайшее время будет обсуждена. Айдын Сабирова сдала в печать сборник сказок. Сафаров Назир закончил пьесу об Октябрьской революции в Ташкенте. Зульфия Исраилова сдала в печать сборник

стихов на современные темы. Янгин Мирзаев закончил драму «Испытание». Рамз Бабаджанов закончил поэму «Дорогие друзья».

Русские писатели, живущие в Узбекистане, в своем творчестве основной своей задачей ставили отображение современности.

Тов. Швердин закончил и опубликовал роман «Санджар непобедимый», который вы знаете. Светлана Сомова закончила цикл стихов о Фархадстрое. Тов. Удалов А. совместно с Каландаровым закончил повесть «Мы на Урале».

Тов. Мильчаков опубликовал в журнале рассказы и патристические стихотворения, а именно «Хамид Махмудов», «Рождение офицера», «Хозяин хутора», перевел поэму «Сталевар», закончил перевод поэмы Мирмухсина «Уста Гияс» и работает над повестью «На главном Варшавском шоссе». Владимир Липко завершил поэму «О доблести твоей и славе» и готовит сборник избранных стихов. М. Быкадоров — цикл стихов и очерков о Фархадстрое.

Короче говоря, все писатели Узбекистана откликнулись на современные темы, и мы можем сказать, что в 1947 году выпущен и издан ряд неплохих поэм и повестей. В этом отношении нам помогло Отделение литфонда, которое издало 13 названий. Тов. Бирюлин показал свой издательский талант в этом отношении.

Выпущены издательством СП УзССР «Девушки» Айбека, «Сталевар» Аскада Мухтара, первая часть романа А. Каххара «Два чинара», сборники рассказов «Рукопись Алишера» и «Дорогами войны», сборник рассказов фронтовых писателей «Славные страницы» («Шонли сахифалар»), сборник стихов и очерков фронтовых писателей. Оба эти сборника включают в себя произведения этих писателей, побывавших на фронтах. Также изданы сборник стихов Уйгуна «Узбекистан», поэма Маяковского «Владимир Ильич Ленин» в переводе Шейхзаде и его сборник стихов.

В связи с обращением писателей к современным темам и изданием ряда сборников стихотворений и рассказов Узбекским отделением литфонда нам придется серьезно ставить вопрос о создании специального издательства писателей Узбекистана. Это издательство дало бы много развитию узбекской советской литературы. Кадры для этого издательства есть, найдутся и база издательства, и бумага. Временно можно организовать это издательство в здании Союза советских писателей Узбекистана, попросить соседей наших (музфонд, худфонд, Союз архитекторов и др.), чтобы они освободили помещение. В этом помещении вполне можно поместить издательство СП Узбекистана.

Это издательство занималось бы изданием и периодической печати СП Узбекистана, а именно журналов «Шарк юлдузи» и «Звезда Востока».

Коротко об этих журналах. Художественный журнал «Шарк юлдузи» — орган СП Узбекистана раньше выпускался неаккуратно и двойными номерами, а в данное время уже стал выпускаться более аккуратно. Сейчас уже выпущен 10-й номер и печатается 11-й. Редакция журнала сдала 12-й номер в типографию.

Содержание этих журналов: в первую очередь печатаются произведения на современные темы. Большинство вышеперечисленных произведений были опубликованы в журналах: «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Два чинара» А. Каххара, «Мы на Урале» Садыка Каландарова, пьеса Уйгуна «Песня жизни», пьеса Туйгуна «Любовь», поэмы Айбека, Мирмухсина, Шарипова, Аскада Мухтара, Бабаева.

Стихотворения и очерки писателей Хаида Гуляма, Саидахмеда, Тураба Тулы, Рамза Бабаджанова, К. Мухамедова, молодого поэта Саиды Зуннуновой и других.

Объем журнала и тираж его не удовлетворяют нас. Объем узбекского журнала 5 печатных листов, тираж 3 тысячи экземпляров. Объем русского журнала 5 печатных листов, тираж 5 тысяч экземпляров.

Вследствие маленького объема мы не можем опубликовать в журнале полностью романы и повести, публикуем в сокращенном виде и тянем от первого до двенадцатого номера. Это, конечно, неудобно для чтения и вообще непригодно для восприятия читателя.

Надо довести объем обоих журналов до 8 печатных листов с тиражом до 10 тысяч экземпляров с тем, чтобы этот журнал обеспечил хотя бы малейшую потребность библиотек Узбекистана. Библиотек имеется более 5 тысяч — колхозных, районных, областных. Спрос на эти журналы громадный. Редакция журнала получает письма с просьбой послать им хотя бы один экземпляр данного журнала.

Писатели Узбекистана также занимаются переводами произведений современных русских писателей и писателей братских республик, а также классиков русских и западноевропейских, а именно.

Абдулла Каххар перевел «Войну и мир» Льва Толстого. Это отрадное явление. Эта книга уже выпущена УзГИЗом, подготовлена непосредственно СП Уз. «Война и мир» впервые в Средней Азии издана на узбекском языке. Другие республики еще не переводили и не издавали.

Товарищ М. Исмаилов закончил перевод «Молодой гвардии» (совместно с Адилом Рахимовым). Миртемир Турсунов закончил перевод поэмы С. Щипачева «Домик в Шушенском», а сейчас работает над переводом «Одиссеи» Гомера.

Товарищ Шейхзаде работает над переводом стихотворений Маяковского, а также над переводом «Чайльд Гарольда» Байрона.

М. Исмаилов и Уйгун работают над переводом «Дон Кихота» Сервантеса.

Кандидат филологических наук товарищ Муталибов закончил перевод первого и второго тома «Тысячи и одной ночи» непосредственно с арабского языка. Перевод удачный. Это первый перевод с арабского языка после революции.

Товарищ Шарипов перевел сказку «Девушка и смерть» М. Горького и его цикл стихотворений, а также поэму о Фархадстрое Владимира Луговского.

Аскадом Мухтаровым переведено произведение Ванды Василевской «Просто любовь».

Но отдельные писатели не выполняют своих обязательств перед Союзом советских писателей и издательствами.

О работе Президиума

За отчетный период проведено 13 заседаний Президиума. На заседаниях Президиума обсуждались следующие вопросы.

1. Об участии писателей в выборах в Верховный Совет УзССР.
2. О выполнении УзГИЗом плана издания художественной литературы в 1946 году и о плане на 1947 год.

3. О подготовке к 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции (два раза).
  4. О 800-летию города Москвы.
  5. О курсах-конференциях молодых писателей.
  6. О семинарах по изучению истории ВКП(б) и философии.
  7. О сборнике узбекской литературы за 30 лет.
  8. О мероприятиях в ознаменование 500-летнего юбилея Алишера Навои.
  9. Отчет Андижанского отделения Союза писателей Узбекистана.
  10. О литфонде.
  11. О командировке молодых писателей на совещание в город Москву.
  12. О мероприятиях по организации работы секций.
  13. О работе молодых писателей.
  14. Обсуждалось письмо А. Фадеева и ряд организационных вопросов.
  15. О юбилейном номере журнала «Шарк юлдузи» и «Звезда Востока».
  16. Утверждение юбилейного плана издания СП Уз.
  17. Прием в члены товарищей Удалова и Мильчакова и в кандидаты тов. Зуннуновой и Данилова.
  18. О распределении обязанностей в связи с новыми штатами.
  19. О некоторых писателях, не принимавших активного участия в литературном процессе.
  20. Утверждение комиссии по работе с молодыми писателями.
  21. О выезде писателей на хлопкозаготовки.
  22. Утверждение плана работы секций.
  23. О членстве в ССП некоторых писателей.
  24. О выдвижении кандидатов на Государственную премию.
  25. Читка письма строителей ФархадГЭС.
  26. Выделение делегатов на II съезд Союза писателей Таджикистана.
  27. Выдвижение делегатов на Всесоюзное совещание молодых писателей.
  28. Утверждение календарного плана лекционной работы клуба и т. д.
- Союз писателей Узбекистана выпустил несколько сборников, посвященных историческим датам, в частности 800-летию Москвы и выборам в Верховный Совет СССР, а именно сборники стихов «Москва» и «Поэты выборов».
- Организован перевод и издан отдельный сборник лучших произведений великого русского поэта-демократа Некрасова, посвященный 125-летию со дня рождения его.
- Выпущен сборник «Красный галстук», посвященный 25-летию пионерской организации.
- Во всех крупных городах Узбекистана (в Ташкенте, Самарканде, Бухаре, Андижане, Нукусе, Хиве и других городах) проведены литературные вечера, посвященные выборам в Верховный Совет СССР, 800-летию Москвы, 30-летию Советской власти, 125-летию со дня рождения Некрасова и др.
- Президиум организовал работу по отбору в Литературный институт Москвы наиболее талантливых молодых писателей-узбеков. Для чего опытные писатели были командированы в областные го-

рода, отобрали 30 кандидатов, все документы находятся в Отделе пропаганды ЦК КП(б)Уз.

Президиум организовал подстрочный перевод на русский язык лучших произведений узбекских поэтов и писателей. Для этой цели ищутся в Союзе необходимые средства.

Члены ССП Салье, Ивашев, Соцредотова оказывают Союзу большую помощь.

Работа секций

В Союзе писателей Узбекистана ныне работают следующие секции: секция прозы (руководитель Абдулла Каххар, помощники: Айдын Сабилова и Янгин Мирзаев);

секция поэзии (руководитель Шейхзаде, помощник Аскад Мухтаров);

секция драматургии (руководитель Тимур Фаттах);

секция русской литературы (руководитель Шевердин М. И., помощник Мильчаков).

Комиссия по работе с молодыми писателями (руководитель Уйгун, ответственный секретарь Рамз Бабаджанов).

Руководитель семинара с молодыми писателями Миртемир, руководитель русского семинара Светлана Сомова.

Секция прозы. Реализуя решение общегородского собрания писателей, секция проделала следующее:

1. На своих собраниях члены секции прослушали лекции «Как надо читать книгу» и др.

2. Обсудили творчество молодого прозаика Хакима Назирова. Одобренные секцией рассказы приняты для напечатания в 9, 10 и 11-м номерах журнала «Шарк юлдузи».

В последнее время эта секция перестала работать.

Секция поэзии. 1. Многие поэты (Шейхзаде, Рамз Бабаджанов, Мухамедов, Мирмухсин) были в областях, на строительстве в Беговате и на Фархадстрое (список поэтов, побывавших на хлопковых полях и на строительстве прилагается).

2. Организованы творческие вечера, обсуждены на собраниях секции произведения молодых поэтов (К. Мухамедова, С. Акбарова, Зуннуновой).

Но в данное время секция поэзии плохо работает.

Секция драматургии. На собраниях секции прочитаны лекции о творчестве Шекспира, о его трагедии «Гамлет» (лектор Шейхзаде).

Организована встреча молодых драматургов с Камилем Яшеном, который поделился с молодыми опытом своей работы.

Обсуждались пьесы молодого писателя К... «Пропавший сын» и Тахирова «Их трое». Дан им ряд указаний об исправлении недостатков в своих пьесах.

Также прочитаны пьесы «Мой сын» Аскада Мухтарова и Тураба Тулы, «Песня жизни» Уйгуна, «Президент» Миртемира.

Секция драматургии работала совместно с Управлением по делам искусства и киностудией, где обсуждался также ряд сценариев тов. Темура Фаттаха и Фатхуллина.

Но вот прошло уже больше двух месяцев, как секция не провела ни одного заседания и ни одной читки.

Секция русской литературы. 1. Секция заслушала на своем собрании доклад писателя Азиза Ниалло о решении ЦК КП(б)Уз о задачах писателей Узбекистана.

2. Секция обсудила новую поэму писателя Владимира Липко «О доблести твоей и славе».

3. На собрании секции была заслушана критика. Обсуждались №№ 6, 7, 8-й журнала «Звезда Востока» (докладчик Лиходзиевский).

К работе секции привлечены в качестве критиков научные работники филологического и литературного факультетов ВУЗов столицы: кандидаты филологических наук Лиходзиевский, Ульрих, Черпахов.

Обсуждались поэмы А. Иванова «Зябь большой реки» (помещенная в журнале «Звезда Востока») и «Навои» самаркандского поэта Федорова. Обсуждался сценарий Ганиева «На крутом повороте». Сценарий признан негодным, авторам дано указание о дальнейшей работе над сценарием.

Секция русской литературы ввиду малого числа писателей не разделена по жанрам. Она должна была вести обсуждение всех жанров литературы, а именно: прозу, поэзию, драматургию. Основные вопросы жанров данная секция не обсуждала.

Также секция русской литературы слабо поддерживает связь с областными писателями, пишущими на русском языке.

В последнее время секция в связи с выездом большинства писателей на строительство Фархадской ГЭС и на хлопкоуборочную кампанию проводила свои собрания один раз в месяц.

Семинар начинающих писателей. В Союзе писателей Узбекистана работают два семинара для начинающих узбекских и русских писателей.

Семинар в 1947 году работал регулярно до мая месяца. После этого был перерыв ввиду летних каникул.

Проведены были лекции на темы: «Восстание 1916 года», «Работа с книгой», «Что надо знать начинающему писателю», «Шекспир и его трагедия «Гамлет», «Об атомной энергии» и другие.

На трех собраниях семинара обсуждалось творчество начинающих писателей, а также писатели выступали с читкой своих произведений. Проводилась встреча с ведущими писателями.

После каникул узбекский семинар проводил обсуждение произведений молодых поэтов, посвященных Фархадской гидроэлектростанции.

Обсуждались произведения, посвященные 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Проводилась лекция по теории литературы, на тему «Что нужно знать молодому поэту».

На семинаре три раза собирались по вопросу обсуждения сборника очерков и рассказов, изданных издательством «Правды Востока» и «Қзыл Узбекистан» под названием «Тортик» («Подарок»).

Русский семинар. Занятия семинара русских начинающих писателей в 1947 году с 1 января по 1 июня проводились по плану, утвержденному русской секцией СП Узбекистана.

Семинар проводился один раз в неделю по понедельникам. В основу работы семинара положены творческие обсуждения про-

изведений молодых писателей и лекции литературоведов по вопросу теории литературы.

Всего было проведено 7 двухчасовых лекций по вопросам литературы и 8 обсуждений молодых писателей. Темы проводимых лекций:

1. Марксистско-ленинское учение о литературе, как о средстве художественного освоения мира.

2. Проблема народности и партийности литературы.

3. Тема и идея художественного произведения.

4. Композиция и сюжет литературного произведения.

5. Язык художественной литературы.

6 и 7. Система стихосложения в русской поэзии. Руководитель семинара — тов. Нинова, лектор — тов. Черепанов.

Узбекская консультация. Консультант — поэт Мирмухсин.

За отчетный период из районов республики поступило на консультацию 22 рукописи, и на них даны подробные рецензии. Кроме того, проведено 23 устных консультации для начинающих писателей Ташкента. Имеется консультационная связь с начинающими писателями многих районов республики.

Союз писателей Узбекистана вынес решение о созыве курсовых конференций для начинающих писателей с июня 1947 года.

Русская консультация. Консультант — товарищ Нинова.

С 1 января по 1 декабря 1947 года в консультационное бюро поступило 79 рукописей на русском языке. На них 25 авторов получили письменную консультацию-рецензию, 54 автора получили устную консультацию.

Работа комиссии с молодыми писателями. Руководитель комиссии товарищ Уйгун, помощник — Рамз Бабаджанов.

Союз советских писателей СССР на создание данной комиссии обратил очень большое внимание. В Москве проводится большая работа по данному вопросу под руководством А. А. Твардовского. У нас в ответ на обращение тов. Фадеева и Твардовского создана комиссия по работе с молодыми писателями.

Эта комиссия проводила летом республиканское совещание молодых писателей, где были сделаны следующие доклады:

1. Доклад Айбека «О советской литературе».

2. Доклад Шейхзаде «О советской поэзии».

3. Доклад Абдуллы Каххара «О прозе».

А также был ряд выступлений в прениях по докладам. На этом совещании участвовало более 30 человек из областей, а вместе с ташкентцами — 70 человек.

Организованы литературные страницы в газетах «Яш ленинчи» и «Комсомолец Узбекистана», а также организовано выступление по радио.

Ряд писателей был послан в области для оказания помощи молодым писателям (Шукрулло, Шухрат).

Однако после совещания комиссия по работе с молодыми писателями не работает. Срывается календарный план работы, не делаются выезды на предприятия, на заводы.

Участие писателей в выборах в Верховный Совет УзССР

В момент выборов в Верховный Совет УзССР писателями проделана значительная работа, а именно:

1. Семь писателей были направлены в области нашей республики, где они выступали на собраниях избирателей с чтением своих произведений. Этими писателями организованы в областных газетах 2 литературные полосы по выборной тематике, написано 6 очерков о кандидатах в депутаты от районов. Очерки передавались по радио.

2. Выпущен специальный сборник стихов, посвященных выборам в Верховный Совет УзССР. Этой же теме посвящен ряд очерков, переданных по радио.

3. В период подготовки к выборам писатели провели 24 коллективных выступления на агитпунктах избирателей. Особенно активно работали писатели Джуманияз Шарипов, Уйгун, Миртемир, Светлана Сомова, Бабаев, Иванов, Рамз Бабаджанов, Аскад Мухтаров.

4. Три писателя (тов. Гуро, Сечко, Мирмухсин) работали постоянными агитаторами. Особенно активной работницей, пользовавшейся большой любовью избирателей, была писательница-партизанка, коммунистка Гуро.

В день выборов в Верховный Совет СССР СП Узбекистана организовал 3 писательские бригады, которые сделали 38 выступлений на агитпунктах. Всего за весь период выборной кампании по Ташкенту было проведено 63 выступления поэтов.

Писатели — Гафур Гулям, Иззат Султанов, драматург Яшен отмечены высоким доверием трудящихся Узбекистана и выбраны депутатами Верховного Совета УзССР.

В кампании по предстоящим выборам в местные советы депутатов трудящихся писатели также будут принимать активное участие.

В настоящее время один из писателей (Маъруф Хакимов) выдвинут на работу председателем окружной избирательной комиссии.

С открытием агитпунктов намечено проводить регулярные выступления на агитпунктах столицы.

Как в прошлые, так и в предстоящие выборы Союзом писателей выделены были для оборудования агитпунктов мебель, материалы и деньги.

Для агитационной работы за Союзом советских писателей закреплен ряд квартир по Первомайской улице; агитаторы выделены.

Идейно-воспитательная работа

В январе месяце 1947 года в СП Узбекистана были организованы 2 семинара — первый по изучению истории ВКП(б), состоящий из 16 человек и второй семинар по изучению философии, состоящий из 19 человек.

Кроме того, 7 писателей учились в вечерних и дневных университетах марксизма-ленинизма.

Семинары работали регулярно до июня месяца. В связи с летним временем, с выездом ряда писателей в творческие командировки, в отпуска на летний период работа семинаров была свернута.

Руководство работой семинара по изучению истории партии было поручено лектору ЦК ВКП(б) тов. Мельниной, работой семи-

нара по изучению философии руководила выдвинутая горпарткабинетом аспирант Вайсман.

По каждому разделу программы лекции читал наиболее подготовленный по этому вопросу лектор, рекомендованный парткабинетом горкома партии.

Работа семинаров после летнего перерыва возобновилась в октябре месяце. В течение этого периода занятия семинаров проходили объединенными ввиду того, что надо было прочитать цикл лекций, необходимых для обоих семинаров. За этот период прочитаны следующие лекции:

1. Всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции (лектор — кандидат исторических наук Минеев).

2. Октябрьское вооруженное восстание в Ташкенте (лектор — т. Минеев).

3. Советская литература за 30 лет (лектор — т. Иванченко).

4. Итоги философской дискуссии (лектор — т. Качановский).

В будущем семинары будут проходить три раза в месяц. В декабре они будут проведены 11, 18 и 25-го числа...

Наряду с семинарами в СП Узбекистана был заслушан целый ряд лекций, например: «О происхождении мира», «О землетрясении», «О восстании 1916 года» и другие. Всего по линии лекторского бюро для писателей было прочитано 11 лекций.

В дальнейшем вся работа по партийной учебе пойдет под непосредственным руководством и при помощи партийного кабинета Ташкентского городского комитета партии.

О выездах на Фархадстрой

За последний период на строительство Фархадской ГЭС выезжали в длительную командировку, на 10—15 дней, 25 писателей. В данное время, выезжая на Фархадстрой, писатели подготавливают к выпуску сборник художественных произведений о Фархадстрое. В данное время сборник проходит редакционную обработку. Цикл хороших стихотворений о Фархаде написан поэтессой-коммунисткой Светланой Сомовой.

Кроме того, длительное время на Фархадской ГЭС работали писатели Кедров и Калугин. По заданию дирекции строительства эти писатели подготовили к изданию сборник очерков о Фархадстрое, который будет выпущен силами самой дирекции.

Некоторые творческие и организационные вопросы

В данное время ведущие и молодые писатели Узбекистана включились в создание новых произведений на современные темы.

Однако этого далеко недостаточно. Мы не создали еще крупных полотен, романов, повестей об участии узбекского народа в Отечественной войне, о его самоотверженном труде после войны, в мирное время. Нет ни одного произведения о строительстве Фархадской ГЭС, Катта-Курганского водохранилища, о металлургическом заводе — первенце и гордости узбекского народа.

Наши писатели пока еще не выступают с острыми политическими памфлетами, фельетонами о поджигателях войны.

Нет еще хороших, высокохудожественных произведений об истории передовых колхозов, о гвардейцах хлопковых полей.

В Узбекистане есть семь Героев Социалистического Труда, о них написаны только очерки. Надо взяться за это дело и создать большие полотна о героях хлопковых полей.

Партия и правительство Узбекистана сейчас выдвигают проблему Аму-Дарьи, строительства железной дороги Чарджоу — Кунград, орошения Мирзачуля, создания второй хлопковой базы в Узбекистане — в Хорезмской и Сыр-Дарьинской областях.

Наши писатели должны вплотную заняться такими крупными проблемами. Особенно должны перекликаться с вызовом ленинградских патриотов в выполнении пятилетки в четыре года. Пока еще не видим ни одного выступления писателей.

Товарищ Фадеев — Генеральный секретарь Союза советских писателей СССР и ряд других писателей выступили на страницах «Литературной газеты» с призывом к стахановцам, рабочим, служащим бумажной промышленности о выполнении пятилетки в четыре года. Мы — писатели Узбекистана должны выступить с таким же призывом к рабочим, передовикам промышленности Узбекистана, в первую очередь бумажной промышленности, а именно Узбумкомбината, который сейчас начинает выпускать писчую бумагу....

Я отдельно не коснулся вопросов литературоведения и критики не потому, что у нас нет секций, а потому, что вообще отсутствует критика на страницах нашего органа — журналов «Звезда Востока» и «Шарк юлдузи». Были отдельные заметки, но и то «бледные». Нет у нас профессионалов-критиков. Наши писатели одновременно выступают с критическими статьями. Например, Шейхзаде, Иззат Султанов, Уйгун и другие. Специально критиков нет. Нам надо поднять этот вопрос. Институт языка и литературы при Академии наук должен заниматься этим вопросом. Газета Управления пропаганды ЦК ВКП(б) «Культура и жизнь» в своем последнем номере особо остро ставит данный вопрос.

Если совещание сочтет необходимым организацию секции критики, то этот вопрос нужно обсудить на ближайшем заседании нашего Президиума.

Надо принять меры для дальнейшего улучшения работы секций: прозы, поэзии, драматургии и комиссии по работе с молодыми писателями, они не должны работать так, как работают сейчас...

Теперь я хочу просить руководство Отдела пропаганды ЦК партии Узбекистана оказать нам помощь в следующих вопросах:

Нами были представлены проекты решений.

1. Об организации в Узбекистане издательства СП Уз.

2. Об улучшении организационно-хозяйственной работы Союза.

3. О новой ставке гонорара.

Прошу ускорить решение этих вопросов, а также помочь нам в увеличении объема и тиража журналов, восстановить хорезмский и андижанский отделы и создать отделы в ряде других областей, а именно: в Бухарской, Наманганской и в Ферганской областях. Все-таки создание областных отделов даст больше шансов для дальнейшего улучшения работы в областях.

Вот те вопросы, которые я мог осветить в своем кратком докладе.

ТЕЗИСЫ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ПЛЕНУМЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА

XI пленум отличается от всех бывших пленумов и конференций принципиально деловым характером, критическим подходом к явлениям литературы.

На пленуме выступил с большим, очень содержательным докладом генеральный секретарь ССП тов. Фадеев. В своем докладе тов. Фадеев охватил важнейшие вопросы развития всей великой советской литературы и показал ее достижения. Решения партии по идеологическим вопросам оказали огромное влияние на развитие всей советской литературы и на многие годы определили путь ее дальнейшего развития. Крупнейшие писатели нашей страны создали замечательные произведения, отображающие советскую действительность. Среди этих писателей — Шолохов, Федин, Эренбург, Катаев, Каверин, Гроссман, Павленко, Инбер, Василевская, Смолнич, Копыленко, Киачели, Лацис, Абдулла Каххар, Муқанов, Мухтар Ауэзов.

Основные кадры советских писателей работают не покладая рук. В нашей советской литературе десятки-сотни молодых дарованных. Большинство новых имен — поэты. Тематика произведений этой молодежи — современность, жизнь советских людей, героев труда и тыла, в период Великой Отечественной войны, послевоенный трудовой героизм советского народа, темы четвертой пятилетки.

Тов. Фадеев в своем докладе одним из основных вопросов советской литературы ставил вопрос о советском патриотизме. Советский патриотизм должен быть душой всей советской литературы. Тему советского патриотизма писатели должны разработать со всей глубиной и серьезностью. Хотя тема советского патриотизма скажется во многих произведениях, но произведения, поднимающие эту тему во всем ее величии, очень редки в нашей литературе.

После выступления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам литературно-художественные журналы улучшили свою работу, начали печатать произведения, воспитывающие советский народ, нашу прекрасную молодежь. Журналы усилили свои общественно-политические разделы и разделы критики и библиографии. Появились интересные статьи, излагающие, разъясняющие линию партии в литературе и искусстве. Следует отметить, что журналы стали уделять гораздо больше внимания литературам народов СССР. Это очень важно, товарищи. Мы должны показать свои лучшие произведения через русский язык всем народам Советского Союза.

Каждый писатель должен стремиться к тому, чтобы его про-

изведения появились на русском языке, печатались в толстых московских журналах и стали достоянием миллионов читателей Советского Союза. Теперь все журналы требуют произведения узбекских писателей. Я получаю письма от редакторов московских журналов, они просят стихи, очерки, рассказы и повести. Редактор журнала «Новый мир» тов. Симонов пишет в своем письме о необходимости систематического участия писателей Узбекистана в его журнале, но нам очень трудно получить произведения от наших писателей, мы очень щедры на обещания — на всякие «хуп». Часто мы не можем выполнить самые скромные требования газет и журналов — написать небольшую статью о творчестве того или иного поэта или о каком-нибудь вопросе узбекской советской литературы. В течение двух месяцев мы в Союзе не могли организовать статью о художественных переводах за тридцать лет для «Литературной газеты».

Мы должны перевести на русский язык для толстых журналов лучшие произведения писателей Узбекистана, произведения, показывающие жизнь нашей республики, ее замечательных людей, творящих чудеса трудового героизма на колхозных полях, на народных стройках и т. д. К сожалению, таких произведений у нас очень мало. Произведения, затрагивающие эти темы, по своей идейной глубине, художественному качеству пока очень слабы.

Тов. Фадеев в своем докладе подробно говорил о работе писательских организаций. Во многих писательских организациях республик творческая работа оживилась, литература начала подниматься в гору. Все это, говорит тов. Фадеев, — результат проведения в жизнь указаний нашей партии. Огромный сдвиг в работе, большой настоящий подъем литературы мы наблюдаем в братской Украинской республике. Десятки больших, полноценных художественных произведений прозы, поэзии, драматургии, посвященных темам советской действительности, созданы за последнее время писателями Украины. На Украине разоблачены пережитки национализма в области художественной литературы, исторической науки и в литературоведении. Украинские советские писатели с помощью Центрального Комитета партии Украины сумели вскрыть, осудить факты пошлости, аполитичности, безыдейности в творчестве отдельных писателей и ученых.

В молодых прибалтийских советских республиках прояснились идейные позиции писателей, теперь в этих республиках писатели старшего поколения постепенно переходят на советские темы, появляются новые писатели, пишущие на темы советской действительности. Но, конечно, кое-где положение было иное. ЦК партии Казахстана вскрыл националистические извращения в трудах по казахской литературе. Так период господства ханов, султанов, угнетавших казахский народ, называют «героическим периодом казахской литературы», казахскую литературу, созданную в период, когда Казахстан стал частью Российской империи, — литературой «эпохи скорби».

Факты идеализации прошлого, восхваления древних царей имеют место в литературе Армении. Тов. Фадеев очень правильно критиковал все недостатки армянской литературы, далее тов. Фадеев указал на ошибки некоторых азербайджанских литераторов, которые идеализировали эпоху, когда жил и творил великий азербайджанский поэт Низами Гянджеви, называя его время «золотым ве-

ком» азербайджанской истории. Конечно, все это не выдерживает никакой критики.

Товарищи, как вам известно, еще существует капиталистическое окружение. Во многих странах еще имеются фашиствующие элементы, имеются крайние реакционеры, шайки алчных империалистов, проповедующие новые войны. Идеологическая борьба обостряется. Мы должны неустанно вести борьбу со всеми проявлениями чуждой идеологии и укреплять свою советскую идеологию. Борьба с низкопоклонством, борьба против буржуазно-националистических пережитков, борьба с идеализацией прошлого — это одна из важнейших политических задач нашего времени в области идеологии.

Тов. Фадеев со всей большевистской принципиальностью разоблачал все проявления чуждой советским людям идеологии, осудил низкопоклонство перед западной культурой, философией, литературой, попытки представить гениального поэта Пушкина как подражателя, поиски каких-то западных источников прообразов и т. д. Мы знаем, что буржуазия и ее идеологи проповедуют самые темные, самые грязные, самые зоологические идеи, взгляды и инстинкты. Буржуазная литература, философия, искусство нашего века насквозь проникнуты мистикой, мракобесием, они антинародны, они лишены всякого света и разума.

Советская литература самая передовая, самая могучая, богатая литература проникнута светом солнца нашей эпохи. Наша литература на подъеме. Она развивается на основе социалистического реализма, который органически объединяет революционный романтизм с реалистическим началом. Произведений, отвечающих этим требованиям, пока мало, говорит тов. Фадеев. Но у нас в Узбекистане мы должны еще создать их первые ласточки...

ОТЧЕТ О ПОЕЗДКЕ В АНГЛИЮ

Перед отъездом в Лондон в качестве члена делегации Верховного Совета СССР, я надеялся встретить на родине Шекспира, Диккенса, Байрона, Бернса, Шелли и других замечательных мастеров художественного слова, имена которых известны и чтимы далеко за пределами Великобритании, писателей и поэтов, достойных своих предков. Но во время своего пребывания в Англии из чисто случайных и кратких встреч с некоторыми представителями науки, искусства и литературы я узнал, что современная английская литература не блещет большими талантами и признанными мастерами. На вопрос, кто является лучшим представителем современной литературы, многие затруднились ответить, а некоторые люди называли имена отдельных писателей, хвалили лишь некоторые стороны их творчества. Один поэт, которого доктор Хилль характеризовала как одного из выдающихся поэтов молодого поколения, в беседе со мной сказал, что сейчас в английской поэзии отсутствуют школы и направления: «Каждый поэт моего поколения старается идти своим путем и найти что-то, чего сам еще ясно не представляет себе».

Для творчества многих поэтов характерно стремление ухода от жизненных тем, стремление к мистицизму. Современная английская поэзия не оказывает влияния на поэзию других народов Европы и сама, замыкаясь в своих рамках, не заимствует лучшего у своих соседей.

Во время войны некоторые поэты побывали на фронтах и так или иначе откликнулись на те или иные события. Но это было явление временное. И ныне не видно, как мне кажется, перспективы для влияния жизненных событий на английскую поэзию.

Один писатель сказал, что он бывший юрист и теперь пишет детективные романы, что этот жанр интересует читателей, а потому «социальный роман» он оставляет Пристли. Кстати, несколько слов о Пристли. Многие образованные англичане, с которыми я говорил, считают его неплохим писателем. Во время войны он приобрел популярность главным образом благодаря своим выступлениям.

В Кембридже профессор-востоковед Минорский на мой вопрос о том, как он смотрит на современную английскую литературу, ответил, что теперь у англичан во всем кризис: кризис и в угольной промышленности, и в литературе. Во время ленча в Оксфорде со мной беседовал о литературе и культуре народов Средней Азии

один из профессоров университета, историк. Я коротко рассказал о том, как растет новая культура нашей страны и о выдающихся деятелях в области литературы и их лучших произведениях. Он ответил, что понимает условия, в которых развивается наша культура и выразил надежду, что советская литература даст миру не одно прекрасное произведение. «Потому что, — сказал он, — ваших писателей окружает новое, новая жизнь. У них есть идеалы и убеждения, без которых не может быть писателя. У нас, у англичан, к сожалению, нет этого. Поэтому нет больших настоящих произведений».

После встречи наших писателей с писателями Лондона в помещении Литературного университета, где я рассказал аудитории об узбекской литературе, классической и современной, ко мне подошел студент и на ломаном русском языке заговорил со мной. Он сказал, что за короткий период Узбекистан достиг больших успехов в области культуры. «У вас много писателей. Они тесно связаны с народом, пишут о нем и для него. У нас не так. Наши лучшие писатели очень далеко стоят от обыкновенных людей, увлекаются каким-то новым символизмом, заняты формальными исканиями. Они не учатся у жизни и не учат нас жизни. Поэтому их мало читают. Ваши писатели много пишут сами и много переводят. Шекспир, Байрон, Данте, Сервантес становятся достоянием узбеков. Мы очень хотим знать современную русскую литературу, но нет переводов. Здесь у нас не заботятся о потребностях широкого читателя».

Во время приема, организованного обществом культурной связи с СССР, я разговаривал с тремя писательницами. Они главным образом интересовались вопросами издания, размерами гонораров и тиражами книг художественной литературы в Советском Союзе. Обрисовав положение у нас, я попросил их ознакомить меня с положением дел в Англии. Писательницы говорили, что у них прежде всего нужно иметь имя. Пока не добьешься известности в литературе, трудно добиться того, чтобы тебя печатали. Часто гонорар за книгу зависит не от объема книги и не от ее качества. Гонорар за книгу выплачивают в размере 30—40 фунтов стерлингов. На трудности, которые встречаются автору, желающему напечатать книгу, жаловался даже один из членов парламента. Он не писатель, но свой досуг он посвятил написанию истории своего села, состоянию хозяйства, интересным событиям, некогда происходившим здесь, обычаям и традициям. Как говорит автор, книга без сомнения интересная и полезная. Но ни одно издательство до сих пор не согласилось ее печатать. «Наконец, — говорит он, — я решил все расходы принять на себя. Посмотрим, что получится. Если книга будет иметь успех, то это мое счастье. Если нет, то я понесу известный убыток».

Мне приходилось говорить иногда с некоторыми людьми, которые писали или пишут литературные исследования. Эти литературоведы отрицали необходимость определенной социально-философской точки зрения на явления творчества и выдвигали на первый план субъективный подход к разбираемому или исследуемому произведению. В министерстве просвещения на наш вопрос о том, существует ли в средней школе определенная программа по литературе, дающая направление и суждение о принципах литературной критики, нам ответили, что каждый профессор по-своему строит курс

преподавания. Вообще чувствовался какой-то страх у англичан перед словами «школа», «направление». Литературу они хотят оторвать от общественной и политической жизни, от классовой борьбы. Это, конечно, своеобразная школа несомненно завуалированная, затуманивающая сознание человека.

На приеме, организованном Обществом культурной связи с СССР, со мной беседовал архитектор. Он сказал, что современные архитекторы Англии не ставят больших проблем перед собой, они заняты не принципиальными проблемами искусства, а главным образом уточнением, детализацией отдельных мелких частей строительной композиции. Здесь же я говорил с молодым художником, который рассказал, что придерживается течения нового символизма, но сущности этого течения он не сумел объяснить. В современной Англии, в литературе, в живописи и других видах искусства чувствуется стремление уйти от реализма. Некоторые понимают реализм весьма примитивно, как натурализм, как бытовизм. Сейчас трудно в связной форме последовательно изложить все мои соображения о литературе, искусстве современной Англии. Для этого нужно собрать все мелкие детали всех встреч, всех разговоров, даже отдельные реплики.

Заканчивая этот краткий отчет, скажу лишь, что на современной английской литературе и искусстве лежит печать тяжелого упадка и безысходности.

КОММЕНТАРИИ
ИЗОҶЛАР

«Мукаммал асарлар тўплами»нинг ушбу, қўшимча, XX жилдига Ойбекнинг турли йиллар мобайнида рус тилида ёзган асарлари киритилди.

Ушбу жилд уч қисмдан иборат бўлиб, унинг биринчи қисмига адибнинг адабий-танқидий мақола ва лавҳалари, нутқлари ва илмий ишларга ёзган тақризлари киритилди. Таниқли рус адабиётшуноси А. И. Дейч билан ҳамкорликда ёзилган ёхуд ёзила бошлаган «Халқ қалқони» пьесаси ва «Алишер Навоий» адабий-танқидий очерки ҳам ушбу жилддан ўрин олди. Ниҳоят, учинчи қисмда Ойбекнинг ҳаёти ва ижодини ёритишга ёрдам берувчи айрим материаллар берилди.

Ана шу тарзда ушбу жилд «Мукаммал асарлар тўплами»нинг рус тилида ёзилган адабий-танқидий асарлардан ташкил топган XIX жилдини янги материаллар билан бойитади ва ушбу нашрни яқунлайди.

Ушбу жилдга жалб этилган асарларнинг аксар қисми Ўзбекистон ССР Давлат архивининг турли фондларида, шунингдек, турли шахсий архивларда, шу жумладан, Ойбекнинг мемориал уй-музейида сақланади. Шунинг учун ҳам уларнинг маълум бир қисми ёзувчи томонидан ички тақриз сифатида ёзилган ёхуд бадиҳона нутқ шаклида айтилган. Бошқача айтганда, улар матбуот учун мўлжалланмаган.

Лекин шунга қарамай, бу тақриз ва нутқларда, шунингдек бошқа материалларда ўзбек фани, адабиёти ва санъати тарихига алоқалор муҳим масалалар илгари сурилгани ҳамда Ойбекнинг илмий ва ижодий диапазонини кўрсатувчи ҳужжатлар бўлгани сабабли уларни «Мукаммал асарлар тўплами»нинг ушбу қўшимча жилдига киритиш мувофиқ топилди.

Мазкур жилддан ўрин олган мақола ва адабий лавҳалар, шунингдек А. И. Дейч билан ҳамкорликда яратилган «Алишер Навоий» адабий-танқидий очерки эса ўз вақтида вақтли матбуот саҳифаларида эълон қилинган ёхуд алоҳида китоб шаклида нашр этилган.

Ойбек асарлари қўллангани нашрга тайёрлашда тузувчилар серқирра адиб ва адабиётшунос олимнинг бой адабий-танқидий меросини мумкин қалар тўла ҳолда эълон қилишга ҳаракат қилдилар. Шунга қарамай, шубҳасиз Ойбекнинг баъзи бир асарлари ушбу нашр доирасига кирмай қолди ва бундай ҳоллар тегишли жилдларнинг изоҳларида айтиб ўтилди. Шу билан бирга, тузувчи-

лар диққатидан, турли сабабларга кўра, четда қолган асарлар, таржималар, тақризлар ва бошқа материаллар топилиши мумкин.

А. С. Пушкин номидаги Тил ва адабиёт институтининг ушбу нашрни тайёрлашда иштирок этган ходимлари ҳамда Ойбек мемориал уй-музейининг илмий коллективи бундай асарлар топилиши билан уларни турли илмий ва илмий-оммабоп нашрларда эълон қилиб боришни ўз зиммаларига оладилар.

Шунингдек, ушбу нашрда у ё бу асарнинг нотўғри ўқилган ўринлари ёки ёзилш санаси хато берилган ҳоллар ҳам Ойбек ижодига бағишланган тадқиқот ва мақолаларда тузатилиб борилади.

МАҚОЛАЛАР, ТАҚРИЗЛАР, НУТҚЛАР

МАҚОЛАЛАР ВА АДАБИЙ-ТАНҚИДИЙ ЛАВҲАЛАР

Поэзия Советского Узбекистана

(11-бет)

«Узбекистанская правда» газетасининг 1933 йил 24 ноябрь сонидида эълон қилинган. Мақолада келтирилган шеъррий парчалар Ойбек томонидан рус тилига таржима этилган бўлиб, уларни газета редакциясининг ходими А. Лаврентьев қайта ишлаган.

Мақола қўлёзмаси сақланмаган.

Машираб (1657—1711) — ўзбек шоири. Ўз ижодида Шарқ поэзияси классикларининг энг яхши анъаналарини давом эттирган, руҳонийлар ва уларнинг нариги дунё ҳақидаги ақидаларини фож этган.

Сўфи Оллоёр (XVII аср) — диний-мистик шоир. У ўзининг асарларида диний-мистик ғояларни илғари сурган.

Аҳмад Яссавий (?—1116) — диний-мистик адабиёт намояндаси. Ўз ҳикматларида таркидунёчилик каби мистик ғояларни кенг тарғиб қилган.

Ҳамид Олимжон (1909—1944) — ўзбек совет шоири, публицисти, адабиётшунос олими ва жамоат арбоби.

Уйғун (асл номи Раҳматулла Отақўзиев, 1905) — ўзбек совет шоири ва драматурги, Ўзбекистон ССР халқ шоири. Ойбек 30-йилларнинг бошларида Ҳамид Олимжон ва Уйғун ижодларида рўй берган юксалишни алоҳида қайд этиш мақсадида уларнинг ўз ижодларини қайта кўриб чиққанликлари ҳақида сўз юритади.

Ғафур Ғулом (1903—1966) — ўзбек совет шоири, Ленин мукофоти лауреати. Ўзбекистон ССР халқ шоири.

Ғайратий (асл номи Абдураҳим Абдуллаев, 1905—1976) — ўзбек совет шоири, ўзбек совет поэзиясининг асосчиларидан бири.

Мақсуд Шайхзода (1908—1967) — ўзбек совет шоири, драматурги, адабиётшунос олими ва педагоги.

Эргаш (Неъматуллаев, 1908—1954) — ўзбек совет шоири.

Жасур — ўзбек совет шоири.

Ҳасан Пўлат (1911—1942) — ўзбек совет шоири.

Элбек (асл номи Машриқ Юсупов, 1899—1939) — ўзбек шоири, ёзувчиси.

Фитрат (асл номи Абдурауф Абдураҳим ўғли, 1886—1937) — ўзбек шоири, ёзувчиси, драматурги ва адабиётшунос олими.

Карим Аҳмадий — ўзбек совет ёзувчиси.

Шукур Саъдулла (1912—1972) — ўзбек совет болалар шоири.
Собир Абдулла (1905—1972) — ўзбек совет шоири ва драматурги.

Соли Турдий — 30-йилларда ижод этган шоирлардан бири.

Эминжон Аббос — ўзбек совет шоири.

Уктой — 30-йилларда ижод этган шоирлардан бири.

Жигой — 30-йилларда ижод этган шоирлардан бири.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770—1831) — немис классик философиясининг намоянчаси. Диалектика ҳақидаги таълимоти билан философия тарихида чуқур из қолдирган мутафаккир.

Отобразить в литературе величие нашей эпохи

(17-бет)

Совет Иттифоқи Коммунистик партиясининг XVII съезди (1934 йил, 26 январь — 10 февраль) очилиши муносабати билан ёзилган ва «Литература Средней Азии» газетасининг 1934 йил 1-сонида эълон этилган.

Мақоланинг қўлёзма нусхаси сақланмаган.

...я сумел написать три поэмы — «Уч», «Бахтигул ва Соғиндиқ» ҳамда «Темирчи Жўра кофир» дostonлари кўзда тутилмоқда.

Я стараюсь изжить узко индивидуалистические... элементы моего творчества. — Ойбекнинг 20-йилларда ёзган ва теран кечинмалар билан йўғрилган шеърлари шу давр танқидчилиги томонидан пессимистик поэзия сифатида баҳоланган эди. Бу ерда Ойбек шу танқидий мулоҳазалардан хулоса чиқараётганини қайд этмоқда.

...заканчиваю поэму из колхозной жизни «Ураз»... — «Ўрознинг бахти» дostonи кўзда тутилмоқда.

...работаю над романом, в котором будет изображена жизнь советской интеллигенции... — Ойбек 20-йилларнинг охирида «Студентлар» номли роман устида иш бошлаган эди. Бироқ ёзувчи бу роман устидаги ишга кейинчалик қайтмади. Романнинг дастлабки боблари ёзилган дафтар ҳанузга қадар топилмаган.

...я приступил совместно с М. Асимовым к написанию пьесы. — Социализмнинг етти шартини кўрсатишга бағишланган бу саҳна асари тугалланмай қолган.

Замечательный документ эпохи

(18-бет)

Совет Иттифоқи Коммунистик партиясининг XVII съезди материаллари эълон қилиниши муносабати билан ёзилган ва «Литература Средней Азии» газетасининг 1934 йил 6 март сонида эълон қилинган.

Мақола қўлёзмаси сақланмаган.

Узбекские классики

(19-бет)

«Литературная газета»нинг 1937 йил 28 май сонида босилган ушбу мақола ўзбек адабиёти ва санъатининг Москвада бўлиб ўтган биринчи декадаси (1937) муносабати билан ёзилган.

Мақола қўлёзмаси сақланмаган.

Повесть о Навои

(22-бет)

«Правда Востока» газетасининг 1941 йил 1 январь сонида эълон қилинган. Мақола қўлёзмаси сақланмаган.

...повесть об Алишере Навои.— Ойбекнинг дастлабки ижодий режасига кўра, «Навоий» романи қисса бўлиши керак эди.

...принимал участие в переводе первой части хрестоматии (греческая литература).— Уруш арафасида ўзбек тилига таржима этилган ва нашрга тайёрланган ушбу хрестоматия Улуғ Ватан урушининг бошланиши билан чоп этилмай қолган. Хрестоматия қўлёзмасининг тақдирин ҳам номаълум. Ойбек томонидан таржима этилган асарларнинг қўлёзма нусхалари адиб архивида сақланмаган.

Около двух тысяч строк мной переведено из бессмертной поэмы Гёте.— Ушбу таржима ҳам юқорида тилга олинган хорижий адабиётлар хрестоматиясида чоп этилиши лозим эди. Бахтга қарши, бу таржима қўлёзмасини ҳам сақланмаган.

[Моя работа над «Евгением Онегиным» Пушкина]

(23-бет)

1949 йилда А. С. Пушкин туғилган куннинг 150 йиллиги муносабати билан ёзилган.

Уша йилнинг 12 апрелида «Литературная газета» редакцияси Ойбекка телеграмма билан мурожаат этиб, ундан 15 майга қадар А. С. Пушкиннинг «Овозим-ла чулганур поёни йўқ улуғ Русь, ундаги барча эллар мени ёдлайди ҳар дам» деган мисралари билан боғлиқ мавзуда мақола билан қатнашишни илтимос қилган эди. Мазкур мақола «Литературная газета»нинг шу таклифи билан ёзилган, аммо ўз вақтида редакцияга юборилмаган бўлиши мумкин.

Ёзувчи архивида мақоланинг машинкаланган нусхаси сақланган бўлиб, у сарғиш ёзув қоғозига ёзилган ва икки саҳифадан иборат.

Мақола биринчи марта «Қишлоқ ҳақиқати» газетасининг 1977 йил 5 июнь сонида «Геннал шоир» сарлавҳаси остида рус ва ўзбек тилларида эълон қилинган.

Зулфия (1915) — Социалистик Меҳнат Қаҳрамони, Ўзбекистон ССР халқ шоири, СССР Давлат мукофоти ва Ҳамза номидаги Ўзбекистон ССР Давлат мукофоти лауреати, халқаро «Нилуфар» журналининг совриндори. Зулфия кейинчалик Пушкиннинг айрим лирик шеърларини таржима этган ҳамда бир қанча дoston ва шеърлий драмаларининг таржимасига муҳаррирлик қилган.

Абдулла Қаҳҳор (1907—1968) — Ўзбекистон ССР халқ ёзувчиси, СССР Давлат мукофоти ва Ҳамза номидаги Ўзбекистон ССР Давлат мукофоти лауреати. А. С. Пушкиннинг «Капитан қизи» қиссасини таржима қилган.

Темур Фаттоҳ (1910—1967) — ўзбек совет шоири. Ўзбекистон ССР Гимни текстининг муаллифи. Пушкиннинг «Лўдилар» дostonи ва бир қанча лирик шеърларини таржима этган.

С новыми силами за творческий труд

(25-бет)

СССР Ёзувчилари II съездининг якунланиши муносабати билан «Правда Востока» газетасининг мухбири билан қилинган ушбу суҳбат тексти мазкур газетанинг 1954 йил 31 декабрь сониди эълон этилган. Совет ёзувчиларининг II съезди 1954 йил 15—26 декабрь кунлари бўлиб ўтган.

Гладков Фёдор Васильевич (1883—1958) — рус совет ёзувчиси, М. Горькийнинг эътиборини қозонган «Цемент» романининг муаллифи.

Маяковский Владимир Владимирович (1893—1930) — совет поэзиясининг асосчиси.

Луи Арагон (1897—1982) — француз ёзувчиси, жамоат арбоби, «Халқлар ўртасида тинчликни сақлаш учун» Халқаро Ленин мукофоти лауреати.

Тойн Де Фрис — голланд ёзувчиси.

Жек Линдсей (1900) — инглиз ёзувчиси ва публицисти.

Пабло Неруда (1904—1973) — Чили шоири ва жамоат арбоби, «Халқлар ўртасида тинчликни сақлаш учун» Халқаро Ленин мукофоти лауреати.

Эльза Триоле (1896—1970) — француз ёзувчиси ва шоири, Луи Арагоннинг рафиқаси.

Али Сардор Жафрий (1913) — ҳинд ёзувчиси ва жамоат арбоби.

Аҳмад Аббос (1914) — ҳинд ёзувчиси ва кинорежиссёри. «Дайди», «Жаноб 420» каби фильмларнинг сценарий муаллифи, «Уч денгиз оша» фильми сценарийсининг муаллифларидан бири.

Ҳусайн Муруват — Ливан ёзувчиси.

Саид Али Нафисий — Эрон ёзувчиси.

Внимание братским литературам

(27-бет)

«Литературная газета»нинг 1954 йил 21 август сониди эълон қилинган.

Мақола қўлёзмаси сақланмаган.

Слава русскому народу

(28-бет)

СССР Олий Советига сайлов муносабати билан ёзилган ушбу мақола «Известия» газетасининг 1947 йил 16 февраль сониди эълон қилинган.

Мақола қўлёзмаси сақланмаган.

{Илья Чавчавадзе}

(31-бет)

Машҳур грузин шоири Илья Чавчавадзе таваллудининг 120 ва вафотининг 50 йиллигига бағишланган ушбу мақола «Мнатоби» журналининг 1957 йил 10 октябрь сониди грузин тилида босилган.

Ёзувчи архивида мазкур мақоланинг Ойбекнинг қизи Гулранг Тошмухамедова томонидан ёзиб олинган қўлёзма нусхаси сақланмоқда. У 21×29 форматдаги пуштиранг ёзув қоғозига ёзилган бўлиб, икки саҳифадан иборат. Унга 1958 йил 30 август санаси қўйилган.

Мақола рус тилида биринчи марта эълон қилинмоқда.

Праздник литературы

(32-бет)

Атоқли қозоқ адиби Мухтор Аvezов таваллудининг 60 йиллиги муносабати билан ёзилган ушбу мақола «Қазақ адабияты» газетасининг 1957 йил сентябрь сонларидан бирида эълон этилган.

Мақола Ойбекнинг қизи Гулранг Тошмухамедова томонидан ёзиб олинган. Мақоланинг ёзувчи архивида сақланаётган ушбу қўлёзма нусхаси 20×29 форматдаги оч ҳаворанг ёзув қоғозига ёзилган бўлиб, тўрт саҳифадан иборат. Мақола тагига 1957 йил 22 сентябрь санаси қўйилган.

Мақола рус тилида биринчи марта эълон қилинмоқда.

Абай Қўнонбоев (1845—1904) — қозоқ ёзма адабиётининг асосчиси, маърифатпарвар шоир, Мухтор Аvezов қаламига мансуб тарихий эпопеянинг қаҳрамони.

Фузулий Муҳаммад Сулаймон ўғли (1498—1556) — улуғ озарбайжон шоири ва мутафаккири. Урта Осиё ва Қозоғистонда унинг «Лайли ва Мажнун» достони айниқса машҳур бўлган.

Фирдавсий Абулқосим (тахм. 940—1020/1030) — форс-тожик адабиётининг классиги, машҳур «Шоҳнома»нинг муаллифи.

Об узбекской поэзии 30-х годов

(34-бет)

Ёзувчи архивида машинкаланган нусхаси сақланаётган ушбу мақола 1947 йилда Октябрь инқилобининг 30 йиллиги муносабати билан ёзилган деб тахмин этилади. Ушбу мақола, афтидан, тугалланмай қолган ва шунинг учун ҳам ўз вақтида эълон қилинмаган.

Багрицкий Эдуард Георгиевич (1895—1934) — рус совет шоири.

Любимый поэт

(37-бет)

Мақола «Литературная газета»нинг 1960 йил 5 январь сонида босилган.

Мақоланинг қўлёзма нусхаси ёзувчи архивида сақланади.

Фадеев Александр Александрович (1901—1956) — рус совет ёзувчиси ва жамоат арбоби. «Ўзбек халқининг ифтихори» номли мақоласида Ҳамид Олимжон тўғрисида самимий фикрлар билдирган.

Толстой Алексей Николаевич (1882—1945) — рус совет ёзувчиси ва жамоат арбоби. 1941—1942 йилларда Тошкентда яшаган,

Ҳамид Олимжон ва бошқа ўзбек ёзувчилари билан яқин ижодий алоқада бўлган.

Погодин Николай Фёдорович (1900—1962) — рус совет драматурги. Улуғ Ватан уруши йилларида Тошкентда яшаган ва «Ўзбекистон қиличи» музикали драмасининг яратилишида Ҳамид Олимжон, Уйғун ва Собир Абдулла билан ҳамкорликда иш олиб борган.

Бессмертная песня

(39-бет)

Ҳамза Ҳакимзода Ниёзий туғилган куннинг 70 йиллиги муносабати билан ёзилган ушбу мақола «Правда Востока» газетасининг 1961 йил 11 февраль сонида эълон қилинган.

Мақола қўлёзмаси сақланмаган.

Светоч мира и счастья

(40-бет)

КПСС янги программасининг лойиҳаси эълон қилиниши муносабати билан ёзилган ва «Звезда Востока» журналининг 1961 йил 9-сонида эълон қилинган.

Мақола қўлёзмаси сақланмаган.

Не уставать вам, дорогие друзья!

(42-бет)

«Литературная газета»нинг 1962 йил 14 август сонида эълон қилинган ушбу мақола Андриян Николаев ва Павел Поповичнинг космик парвози муносабати билан ёзилган.

Мақола қўлёзмаси Ойбек архивида топилмади.

Николаев Андриян Григорьевич (1929) — СССР космонавт учувчиси, авиация генерал-майори, икки марта Совет Иттифоқи Қаҳрамони. 1962 йил 11—15 августда «Восток-3» космик кемасида парвоз қилган. Иккинчи марта 1970 йил 1—19 июнда «Союз-9» космик кемасида учган.

Попович Павел Романович (1930) — СССР космонавт учувчиси, икки марта Совет Иттифоқи Қаҳрамони, авиация генерал-майори. 1962 йил 12—15 августда «Восток-4» космик кемасида, кейинчалик (1974 йил 3 июль) «Союз-14» космик кемасида парвоз қилган.

Одна большая и светлая судьба

(43-бет)

Мақола «Литературная Армения» журналининг 1962 йил 10-сонида чоп этилган. Арманистонда бўлиб ўтган ўзбек адабиёти ва санъати декадаси (1962 йил, 24—30 октябрь) муносабати билан ёзилган ушбу мақоланинг қўлёзма нусхаси Ойбек архивидан топилмади.

Литература, открывшая передо мной новый мир

(45-бет)

«Комсомолец Узбекистана» газетасининг 1963 йил 24 октябрь соннда босилган ушбу мақола Узбекистонда рус адабиёти ва санъати декадасининг (1963 йил, 24 октябрь — 2 ноябрь) очилши муносабати билан ёзилган.

Мақола қўлёзмаси ёзувчи архивидан топилмади.

Горянов — Ойбекнинг Навоий номидаги техникумдаги рус тили ва адабиёти муаллими. Замондошларнинг хотирлашларига кўра, устоз билан шогирд ўртасида ниҳоятда яқин ва самимий муносабатлар бўлган. Горянов Ойбекнинг рус тили ва адабиёти билан яқиндан танишувига катта ёрдам берган.

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — буюк рус шоири. Ойбек Пушкин ижоди билан Навоий номидаги таълим-тарбия техникумида ўқиб юрган кезларида яқиндан танишган. Унинг «Евгений Онегин» шеърый романи ва бир неча лирик шеърларни таржима қилган. Пушкин асарларини таржима қилиш Ойбек учун катта мактаб бўлган.

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) — буюк рус шоири. Ойбек Лермонтов ижоди билан ҳам Навоий номидаги техникумда ўқиб юрган кезларида танишган. Кейинчалик унинг «Маскарад» трагедиясини ўзбек тилига таржима қилган.

Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — буюк рус ёзувчиси. Ойбек Гоголь ижоди билан ҳам Горюнов ёрдамида техникумда ўқиб юрган чоғларида танишган.

Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877) — буюк рус шоири. Ойбекнинг Некрасов ижоди билан танишуви ҳам унинг техникумда таҳсил кўрган йилларига тўғри келади.

Блок Александр Александрович (1880—1921) — атоқли рус шоири. Навоий номидаги техникумда ўқиб юрган кезларида Блок ижоди билан танишган Ойбек машҳур рус шоирининг асарларидан мутаассир бўлади. Унинг таъсирида нозик туйғулар тасвирига берилади. Ойбек ўз умрининг сўнгги йилларига қадар Блок ижодига айрича меҳр билан қараган ва ўқиб борган. Блокнинг «Ямблар» номли тўплами унинг иш столидан қарийб аримаган.

Толстой Лев Николаевич (1828—1910) — буюк рус ёзувчиси. Ойбек Толстой ижоди билан ҳам техникумда танишган.

Чехов Антон Павлович (1860—1904) — буюк рус ёзувчиси. Чехов ижоди билан студентлик йиллариданоқ таниша бошлаган Ойбек 1944 йилда рус ёзувчиси вафот этган куннинг 40 йиллиги муносабати билан Узбекистон ССР Фанлар академиясининг илмий сессиясида доклад қилган. Шу доклад асосида ёзилган «Чехов ва ўзбек адабиёти» номли мақоласи «Правда Востока» газетасида (1944 йил, 15 июль) босилган.

Горький Алексей Максимович (1868—1936) — совет адабиётининг асосчиси. Ойбек «Қутлуғ қон» романини ёзишда М. Горький ижодидан маълум даражада таъсирланган. 30-йилларда эса унинг «Лочин қўшиғи» ҳикоясини таржима этган. Буюк адиб таваллудининг 100 йиллиги (1968) муносабати билан ёзган «Горький ҳақида сўз», «Буюк устоз» номли мақолаларида рус адибига бўлган чуқур ҳурматини ифода этган.

Тихонов Николай Семёнович (1896—1979) — рус совет ёзувчиси ва жамоат арбоби. Ойбек Тихонов билан яқин ижодий ва дўстона алоқада бўлган. Улар ўртасидаги дўстлик айниқса Покистон сафаридан сўнг (1949) янада мустаҳкамланган. Ойбек ўз дўстининг 70 йиллиги муносабати билан «Буюк дўстимиз» номли мақоласини ёзган, Тихонов эса ўзбек шоирининг «Наъматак» каби бир нечта шеърини рус тилига таржима қилган.

Светлов Михаил Аркадьевич (1903—1964) — рус совет шоири.

Факел в надежных руках

(48-бет)

Ўзбекистон ССР ташкил топган куннинг 40 йиллиги муносабати билан ёзилган ушбу мақола «Литературная газета»нинг 1964 йил 19 ноябрь сониди босилган. Мақола қўлёзмаси адиб архивида сақланмаган.

Хусниддин Шарипов (1932) — ўзбек совет шоири, Ўзбекистон Ленин комсомоли мукофоти лауреати.

Эркин Воҳидов (1936) — ўзбек совет шоири; Ҳамид Олимжон ҳамда Ўзбекистон Ленин комсомоли мукофотлари лауреати.

Гулчехра Жўраева (1937) — ўзбек совет шоираси, Ўзбекистон Ленин комсомоли мукофоти лауреати.

Сайёр Пўлат (асл номи Сайёрпўлат Файзуллаев, 1934) — ўзбек совет шоири.

Азиз Абдураззоқ (1928) — ўзбек совет шоири.

Улмас Умарбеков (1934) — ўзбек совет ёзувчиси, Ҳамза номидаги Ўзбекистон ССР Давлат мукофоти лауреати, Ўзбекистон Ленин комсомоли мукофоти лауреати.

Учқун Назаров (1934) — ўзбек совет ёзувчиси, Ўзбекистон ССР да хизмат кўрсатган санъат арбоби, кинорежиссёр.

Жонрид Абдуллахонов (1929) — ўзбек совет ёзувчиси.

Художник мужественного таланта

(49-бет)

Бир гуруҳ совет ёзувчиларига Социалистик Меҳнат Қаҳрамони унвони берилиши муносабати билан ёзилган ушбу лавҳа «Литературная газета»нинг 1967 йил 1 март сониди босилган.

Мақола қўлёзмаси сақланмаган.

Шолохов Михаил Александрович (1905—1983) — рус совет ёзувчиси, Социалистик Меҳнат Қаҳрамони, академик.

Федин Константин Александрович (1882—1977) — рус совет ёзувчиси ва жамоат арбоби, Социалистик Меҳнат Қаҳрамони, академик.

Корнейчук Александр Евдокимович (1905—1972) — украин совет драматурги ва жамоат арбоби, Социалистик Меҳнат Қаҳрамони, академик.

Леонов Леонид Максимович (1899) — рус совет ёзувчиси, Социалистик Меҳнат Қаҳрамони, академик.

Мирзо Турсунзода (1911—1977) — тожик совет шоири ва жамоат арбоби, Социалистик Меҳнат Қаҳрамони.

Тичина Павло Григорьевич (1891—1967) — украин совет шоири ва жамоат арбоби, Социалистик Меҳнат Қаҳрамони, Украина ССР Фанлар академиясининг академиги.

Упит Андрей Мартинович (1877—1970) — латиш совет ёзувчиси ва давлат арбоби, латиш совет адабиётининг асосчиларидан бири, Социалистик Меҳнат Қаҳрамони, Латвия ССР Фанлар академиясининг академиги, Латвия ССР халқ ёзувчиси.

Великий учитель

(50-бет)

1968 йил мартада М. Горький таваллудининг 100 йиллиги муносабати билан ёзилган ва қисқартирилган ҳолда «Слово о Горьком» сарлавҳаси остида «Правда» газетасининг 1968 йил 10 мартада эълон қилинган.

Мақола қўлёзмаси ёзувчи архивида сақланмоқда. Биринчи марта тўла ҳолда эълон қилинмоқда.

НУТҚЛАР

Выступление на обсуждении киносценария «Хамза» в Союзе писателей Узбекистана 26 декабря 1940 года

(52-бет)

Ҳамид Олимжон раислигида ўтказилган «Хамза» киносценарийси муҳокамасининг стенограммаси Ўзбекистон Давлат архивининг 2356 рақамли фондида (1-рўйхат) 78-сақлаш бирлиги остида сақланмоқда. Муҳокамада Ҳамид Олимжон ва Ойбекдан ташқари З. Фатхуллин, Ҳамроев, Ивашев, Голубкин, Темур Фаттоҳ, Жуманнёз Шарипов ва бошқалар иштирок этганлар.

Ҳамза Ҳакимзода Ниёзий (1889—1929) — ўзбек совет адабиётининг асосчиси, шоир, драматург ва жамоат арбоби. Ойбек ўзининг «Хамза» дostonини инқилоб куйчисига бағишлаган ва у ҳақда қатор мақолалар ёзган.

Вольфганг Амадей Моцарт (1756—1791) — Австрия композитори.

Антонио Сальери (1750—1825) — итальян композитори. Ривоятларга кўра, Сальери Моцартни заҳарлаб ўлдирган. Ушбу ривоят бир қанча асарларнинг, чунончи А. С. Пушкин қаламига мансуб «Моцарт ва Сальери» трагедиясининг майдонга келишига сабаб бўлган.

Выступление
на обсуждении романа «Священная кровь»
в Союзе писателей Узбекистана
19—20 февраля 1941 года

(55-бет)

Узбекистон Ёзувчилар союзининг Ҳамид Олимжон раислигида ўтказилган муҳокамасида Ойбекнинг «Қутлуғ қон» романи тўғрисида М. Шайхзода доклад қилган. Муҳокамада Юсуф Султон, Тўхтасин Жалолов, Ҳомил Еқубов, Шокир Сулаймон, Иззат Султон, Раҳмат Мажидий ва бошқа ўртоқлар қатнашганлар. Муҳокама стенограммаси Узбекистон Давлат архивининг 2356-фондида (1-рўйхат, 87-сақлаш бирлиги) сақланади.

Виленский — рус совет ёзувчиси, «Қутлуғ қон» русча нашрининг редактори. 30-йилларнинг охири ва 40-йилларнинг бошларида Узбекистонда яшаган ва адабий жараёнда қатнашган. Мазкур муҳокамада сўзга чиққан Виленский асар тўғрисида, хусусан Йўлчи образининг бадий қиммати тўғрисида салбий фикрлар билдирган.

Доклад
на общегородском собрании,
посвященном 100-летию со дня смерти И. А. Крылова
18 ноября 1944 года

(59-бет)

Буюк рус масалчиси И. А. Крылов вафот этган куннинг 100 йиллигига бағишланган Тошкент шаҳар жамоатчилигининг йиғилишида ўқилган ушбу доклад тексти ёзувчи архивида сақланади. Доклад тексти турли форматдаги қоғозларга ёзилган бўлиб, уларнинг жами 13 бетдан иборат. Докладнинг дастлабки саккиз саҳифаси қора қалам билан хитой қоғозига, қолган бетлари эса «Довуд Сасунли» эпоси таржимасининг орқасига ёзилган.

Узбекистонда И. А. Крылов юбилейини ўтказиш комиссиясининг раиси бўлган Ойбек рус масалчисининг бир нечта масалини ҳам таржима қилган. Ёзувчи архивида бир бетлик «Крылов и русская литература» ҳамда икки бетлик «Юбилей И. А. Крылова» деган материаллар ҳам сақланади.

Ушбу текст докладнинг тугалланмаган нусхаси бўлиб, унинг тўла ва машинкаланган нусхаси Ойбек архивидан топилмади.

Выступление
на заседании Президиума Союза писателей
Узбекистана
6 сентября 1945 года

(63-бет)

Узбекистон Ёзувчилар союзи Президиумининг ушбу йиғилишида Ойбек правление раиси, Жуманиёз Шарипов эса правление сек-

ретари қилиб сайланадилар. Шундан кейин Президиум аъзолари ўртасида мажбуриятлар тақсимланади. Ойбек правление раиси сифатида йиғилишга бошчилик қилиб, кун тартибидаги барча масалалар бўйича фикр билдиради.

Йиғилиш стенограммаси Ўзбекистон Давлат архивининг 2356 рақамли фондида (1-рўйхат, 104-сақлаш бирлиги) сақланмоқда.

Жуманиёз Шарипов (1911) — ўзбек совет ёзувчиси ва адабиётшуноси, филология фанлари доктори, Ўзбекистонда хизмат кўрсатган маданият ходими. 1945—1949 йилларда Ўзбекистон Ёзувчилар союзи правлениесининг секретари бўлган.

Сайёд-Наво (асл номи Арутюн Саядян, 1712—1795) — арман шоири. Арман, грузин ва озарбайжон тилларида асарлар ёзган. Сайёд-Наво вафотининг 150 йиллиги муносабати билан таржима этилиши мўлжалланган арман шоирининг китоби ўзбек тилида чиқмаган.

Ҳамид Фулом (1919) — ўзбек совет ёзувчиси ва шоири, СССР Давлат мукофоти ва Ҳамза номидаги Ўзбекистон ССР Давлат мукофоти лауреати.

Чустий (асл номи Набиҳон Хўжаев, 1904—1983) — ўзбек совет шоири. Уруш йилларида адабий жараёнда фаол иштирок этган.

Миртемир (фамилияси Турсунов, 1910—1979) — ўзбек совет шоири, Ҳамза номидаги Ўзбекистон ССР ва Бердах номидаги Қорақалпоғистон АССР Давлат мукофотлари лауреати, Ўзбекистон халқ шоири.

Мажид Усмонов — ўзбек совет ёзувчиси.

Кедров — Ўзбекистонда яшаган рус ёзувчиси.

Абдулла Қаҳҳор (1907—1968) — ўзбек совет ёзувчиси, Ўзбекистон халқ ёзувчиси, СССР Давлат мукофоти ва Ҳамза номидаги Ўзбекистон ССР Давлат мукофоти лауреати.

Ойдин (асл номи Манзура Собирова, 1906—1953) — ўзбек совет ёзувчиси.

Туроб Тўла (1918) — ўзбек совет шоири, Ўзбекистон халқ ёзувчиси, Ўзбекистонда хизмат кўрсатган санъат арбоби.

Саид Аҳмад (фамилияси Ҳусанхўжаев, 1920) — ўзбек совет ёзувчиси, Ўзбекистон халқ ёзувчиси, Ҳамза номидаги Ўзбекистон ССР Давлат мукофоти лауреати.

**Выступление
на диспуте, посвященном пьесе
М. Шейхаде «Джалаледдин»
в Союзе писателей Узбекистана
2 октября 1945 года**

(66-бет)

Ўзбекистон Ёзувчилар союзида Мақсуд Шайхзоданинг «Жалолдин Мангуберди» трагедияси бўйича бўлиб ўтган мунозарада Миртемир асосий доклад билан чиққан. Докладдан сўнг бўлиб ўтган мунозарада К. Яшин, В. Липко, М. Верхацкий, Темур Фаттоҳ, Жуманиёз Шарипов, Ойбек ва бошқалар иштирок этганлар. Мунозара стенограммаси Ўзбекистон Давлат архивининг 2356 рақамли фондида (1-рўйхат, 104-сақлаш бирлиги) сақланмоқда.

Жалолиддин Мангуберди (?—1231) — Хоразм шоҳи (1220—1231). Отаси Алоуддин Муҳаммад вафотидан сўнг 11 йил мобайнида Хоразм хонлигини бошқарган. Хоразм Чингизхон томонидан забт этилгач, Жалолиддин Мангуберди узоқ йиллар мобайнида мўғул қўшинларига қарши кураш олиб борган.

Муҳаммад Хоразмшоҳ ибн Такаш Султон Муҳаммад (?—1220) — Хоразм хони (1200—1220). Жалолиддин Мангубердининг отаси. Утрор, Бухоро ва Самарқанд шаҳарлари Чингизхон қўшинлари томонидан босиб олингач, Хоразмни сақлаб қолишга кўзи етмай, Каспий денгиздаги ороллардан бирига чекинган ва ўша ерда вафот этган.

Чингизхон (асл номи Тэмужин, тахм. 1155—1227) — мўғул феодал империясининг асосчиси. 1206 йилда мўғул хонлари қурултойида ўзини мўғул уруғларининг буюк хони деб эълон қилган. Сибирдаги бир қатор элатларни, Шимолий Хитой ва Урта Осиёни босиб олган. Чингизхон босиб олган территориялар таланган ва аҳоли кўплаб қириб ташланган.

Заключительное слово на общем собрании писателей гор. Ташкента 29 октября 1945 года

(69-бет)

Тошкент шаҳар ёзувчиларининг умумий йиғилиши 1945 йилда рус ва ўзбек тилларида нашр этилган «Литературный Ташкент» ҳамда «Зафар» альманахларининг муҳокамасига бағишланган. Йиғилишда Петров «Литературный Ташкент» альманахи тўғрисида доклад қилган. Доклад юзасидан бўлган муҳокамада Шайхзода, Орлова, Вифлиемский ва бошқалар иштирок этганлар. Йиғилиш стенограммаси Ўзбекистон Давлат архивининг 2356 рақамли фондида (1-рўйхат, 107-сақлаш бирлиги) сақланмоқда.

Петров — ўша йилларда адабий жараёнда иштирок этган рус ёзувчиси.

Орлова — ўша йилларда партия, совет муассасаларида ишлаган кишилардан бири.

Вифлиемский Дмитрий Яковлевич — Ўзбекистонда яшаган рус танқидчиси.

...роман, который пишет Шевердин... — «Санжар ботир» романи кўзда тутилмоқда.

Симонов Константин Михайлович (1915—1979) — рус совет ёзувчиси ва жамоат арбоби, Социалистик Меҳнат Қаҳрамони.

Выступление на расширенном заседании Президиума Союза писателей Узбекистана 23 мая 1946 года

(71-бет)

Ўзбекистон Ёзувчилар союзи Президиумининг ушбу кенгайтирилган йиғилишида рус тилида «Ўзбек прозаси антологияси»ни

яратиш масаласи кўриб чиқилди. Ойбек бу масала бўйича сўзга чиқиб, ўзининг фикр-мулоҳазаларини билдирди. Ийғилиш Ҳомил Еқубов, Миркарим Осим ва Порсо Шамсиевдан иборат группа сайлаб, бу группага ўзбек прозасининг антологиясини тайёрлаш вазифасини топширди.

1947 йилда рус тилида «Ўзбек поэзияси антологияси» нашр этилгач, Ойбек ташаббуси билан рус тилида «Ўзбек прозаси антологияси»ни нашрга тайёрлашга киришилди. Ўзбекистон Ёзувчилар союзининг шу йилларда бўлиб ўтган йиғилишларида антология устидаги ишнинг бориши ҳақидаги информациялар эшитилиб борилди. Аммо мазкур антология, номаълум сабабларга кўра, нашр этилмай қолди.

Ушбу нутқ стенограммаси Ўзбекистон Давлат архивининг 2356 рақамли фондида (1-рўйхат, 113-сақлаш бирлиги) сақланмоқда.

Ҳомил Еқубов (1907) — филология фанлари доктори, Ўзбекистон ССРда хизмат кўрсатган фан арбоби, Беруний номидаги Ўзбекистон ССР Давлат мукофоти лауреати, адабиётшунос олим, Ойбекнинг дўсти.

Миркарим Осим (1907—1985) — ўзбек совет ёзувчиси, Ойбекнинг болалик дўсти.

Порсо Шамсиев (1897—1972) — филология фанлари доктори, Ўзбекистон ССРда хизмат кўрсатган фан арбоби, навонийшунос олим.

Выступление на общем собрании писателей г. Ташкента 5 июня 1946 года

(73-бет)

Тошкент шаҳар ёзувчиларининг 1946 йил 5 июнда бўлиб ўтган умумий йиғилишида: 1) ЎзКП(б) Марказий Комитети бюросининг энг яхши пьеса учун эълон қилинган конкурс ҳақидаги қарорининг муҳокамаси, 2) адабий-бадий радиоэшиттириш сифатини янада оширишдаги ёзувчиларнинг вазифалари, 3) Хоразмдаги адабий ҳаётни ривожлантиришнинг баъзи масалалари тўғрисида, 4) ЎзКП(б) Марказий Комитети бюросининг бадий таржима адабиёти ҳақидаги қарорининг муҳокамаси масалалари кўриб чиқилди. 1-масала юзасидан М. Верхацкий, 2- масала юзасидан А. Уразаев, 3-масала бўйича Шайхзода ва Миртемир ўртоқлар доклад қилдилар. Ойбекнинг ушбу масалалар бўйича билдирган фикрлари ушбу йиғилиш стенограммаси билан бирга Ўзбекистон Давлат архивининг 2356 рақамли фондида (1-рўйхат, 113-сақлаш бирлиги) сақланмоқда.

М. Верхацкий — театршунос, Н. А. Островский номидаги Тошкент театр ва рассомчилик институтининг ўша йиллардаги ректори.

Кантемир Дмитрий Константинович (1674—1723) — энциклопедист олим, молдаван романининг асосчиси, «Оттаман империясининг ташкил топиши ва инқирози» китобининг муаллифи.

Акрамов Исмоил Акрамович (1907—1983) — ўзбек совет драматурги.

«Хоразм шоирлари антологияси» — урушдан кейинги йилларда нашр этилиши мўлжалланган ушбу тазкира устидаги иш якунланмай қолган.

**Доклад
на общегородском собрании писателей г. Ташкента
12 сентября 1946 года**

(78-бет)

Тошкент шаҳар ёзувчиларининг СССР Ёзувчилар союзи XI пленуми (1946, август) натижаларига бағишланган умумий йиғилишида сўзланган доклад. Доклад текстининг қўлёзмаси адиб архивида сақланмаган.

Ўзбекистон Давлат архивининг 2356 рақамли фондида (1-рўй-хат, 116-сақлаш бирлиги) сақланаётган стенографик ёзув асосида чоп этилмоқда.

Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967) — машҳур рус совет ёзувчиси, публицисти ва жамоат арбоби.

Катаев Валентин Петрович (1897) — таниқли рус совет адиби.
Каверин Вениамин Александрович (1902) — таниқли рус совет ёзувчиси.

Павленко Петр Андреевич (1899—1951) — рус совет ёзувчиси, Катта Фарғона канали қурилишига бағишланган тугалланмаган «Тинчлик заҳматқашлари» романининг муаллифи.

Василевская Ванда Львовна (1905—1964) — украин совет ёзувчиси.

Авезов Мухтор Умархонович (1897—1961) — машҳур қozoқ совет адиби.

Исмоилов — қozoқ адабиётшуноси, филология фанлари доктори; урушдан кейинги йилларда турли вульгар қарашлар таъсирида ноҳақ танқид қилинган.

Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) — буюк рус танқидчиси.

Мирмуҳсин (Мирсаидов, 1921) — ўзбек совет шоири ва ёзувчиси, Ўзбекистон халқ ёзувчиси.

Асқад Мухтор (1920) — ўзбек совет шоири, ёзувчиси ва таржимони, Ўзбекистон халқ ёзувчиси.

Твардовский Александр Трифонович (1910—1971) — рус совет шоири; узоқ йиллар мобайнида «Новый мир» журнаliga муҳаррирлик қилган.

Умар Ҳамидов — урушдан кейинги йилларда бадний ижод билан шуғулланиш орзусида бўлган кишилардан бири.

Туйғун (Шукуржон Худойбердиев, 1908—1984) — ўзбек совет драматурги, урушдан кейинги йилларда машҳур бўлган «Муҳаббат» пьесасининг муаллифи.

Муқимий (Муҳаммад Аминхўжа ўғли, 1850—1903) — ўзбек адабиёти классиги, маърифатпарвар ва демократ шоир.

Каримов Фулом Каримович (1909) — ўзбек совет адабиётшуноси, филология фанлари доктори, профессор.

Выступление
на собрании писателей г. Ташкента
27 сентября 1946 года

(89-бет)

Москвалик ёзувчилар — С. Щипачёв ва Ю. Либединский иштирокида ўтказилган Тошкент шаҳар ёзувчилари йиғилишида сўзланган нутқ.

Нутқ тексти Ўзбекистон Давлат архивининг 2356 рақамли фондида (1-рўйхат, 117-сақлаш бирлиги) сақланаётган стенографик ёзув асосида чоп этилмоқда.

Либединский Юрий Николаевич (1898—1959) — рус совет ёзувчиси.

Заключительное слово
на обсуждении киносценария «Алишер Навои»
4 октября 1946 года

(93-бет)

Ўзбекистон Ёзувчилар союзида «Алишер Навоий» киносценарийсининг муҳокамасига бағишланган йиғилишда сўзланган нутқ. Йиғилишга Ойбек ранслик қилган. Муҳокамада Н. Сафаров, Уйғун, Ойдин, Ивашев, Миртемир, К. Ерматов, Н. Ғаниев каби ёзувчилар ва кинорежиссёрлар иштирок этганлар. Уйғун, Иззат Султонов, В. Шкловский томонидан ёзилган ушбу сценарий асосида 1947 йилда кинорежиссёр Комил Ерматов «Алишер Навоий» фильмини суратга олган.

Нутқ тексти Ўзбекистон Давлат архивининг 2356 рақамли фондида (1-рўйхат, 118-сақлаш бирлиги) сақланаётган стенографик ёзув асосида эълон қилинмоқда.

Собир Муҳамедов (1912—1982) — кинодраматург ва давлат арбоби.

Нажмиддин, Хўжамна — «Алишер Навоий» киносценарийсидаги қаҳрамонларнинг исмлари.

Хусайн Бойқаро (1438—1506) — Хуросон ҳукмдори, шоир, Навоийнинг ёшлик йилларидаги дўсти.

Выступление
на заседании Президиума
Союза писателей Узбекистана
5 октября 1946 года

(95-бет)

Ўзбекистон Ёзувчилар союзи Президиуми йиғилишида сўзланган нутқ.

Йиғилишда ижодий секцияларнинг ишини қайта қуриш, Ёзувчилар союзининг область бўлимлари билан алоқани яхшилаш, ёш ёзувчилар семинарининг иши тўғрисидаги масалалар кўрилди ҳам-

да В. Мильчаков ва Н. Алимухамедовлар Ёзувчилар союзига аъзо қилиб олинди.

Нутқ Ўзбекистон Давлат архивининг 2356 рақамли фондида (1-рўйхат, 113-сақлаш бирлиги) сақланаётган стенографик ёзув асосида эълон қилинмоқда.

Саид Назар (1909—1959) — ўзбек совет ёзувчиси.

Выступление
на информационных сообщениях представителей
республиканских Союзов писателей на Секретариате
Союза писателей СССР
18 октября 1946 года
(96-бет)

СССР Ёзувчилар союзи секретариатида бўлиб ўтган иттифоқдош республикалар Ёзувчилар союзлари вакилларининг информацион учрашувиди сўзланган нутқ. Учрашувда Молдавия (Е. Буков), Литва (А. Венцлова, П. Цвирка), Украина (М. Рильский), Озарбайжон (Самад Вурғун), Тожикистон (М. Турсунзода), Татаристон (А. Ерикеев) Ёзувчилар союзи вакиллари ҳам иштирок этганлар ва нутқ сўзлаганлар.

Нутқ тексти Ўзбекистон Давлат архивининг 2356 рақамли фондида (1-рўйхат, 58-сақлаш бирлиги) сақланаётган стенографик ёзув асосида нашрга тайёрланди.

Юсупов Усмон Юсупович (1900—1966) — Ўзбекистон Компартияси Марказий Комитетининг собиқ биринчи секретари, партия ва давлат арбоби.

Самад Вурғун (Юсуф ўғли Векилов, 1906—1956) — озарбайжон совет шоири.

«Сейчас мы готовим «Антологию узбекской прозы».— Урушдан кейинги йилларда нашрга тайёрлана бошлаган бу тазкира устидаги иш тугалланмай қолган.

Сейчас переводится... «Божественная комедия» Данте, «Чайльд Гарольд» Байрона.— Ғафур Ғулум ва Шайхзода томонидан таржима этилиши мўлжалланган бу асарлар ҳам ўзбек тилига тўла равишда таржима этилмай қолган.

Выступление
на заседании Президиума
Союза писателей Узбекистана
9 января 1947 года

(100-бет)

Ўзбекистон Ёзувчилар союзи Президиумининг йиғилишида сўзланган нутқ.

Йиғилишда Улуғ Октябрь инқилобининг 30 йиллигига тайёргарликнинг бориши ҳақидаги масала ва бошқа ташкилий масалалар кўриб чиқилган.

Нутқ Ўзбекистон Давлат архивининг 2356 рақамли фондида (1-рўйхат, 129-сақлаш бирлиги) сақланаётган стенографик ёзув асосида нашрга тайёрланди.

Сомова Светлана Александровна — уруш йиллари ва урушдан кейинги даврда Ўзбекистонда яшаб ижод этган шоира; ўзбек шеърининг таржимонларидан бири.

Ваҳобов Мавлон Ғафурович (1909) — тарихчи, тарих фанлари доктори; урушдан кейинги йилларда Ўзбекистон Компартияси Марказий Комитетининг секретари.

«Одиссея» в переводе Миртемира... — ушбу эпос таржимаси устидаги иш ўз вақтида тугалланмаган.

В течение полутора месяцев я закончу «Ад». — Ғафур Ғулومнинг А. Данте «Илоҳий комедия»сининг биринчи қисмини таржима этиш тўғрисидаги ваъдаси бажарилмаган.

Данилов Сергей — урушдан кейинги йилларда адабиётга кириб кела бошлаган рус ёзувчиси.

Салье Михаил Александрович — таниқли шарқшунос олим ва таржимон.

Ивашев Николай Ефимович — ўзбек адабиётининг таржимонларидан бири.

Липко Владимир Александрович — Ўзбекистонда яшаган рус шоир ва таржимони.

Ёнгин Мирзо (Худойберган Мирзаев, 1917) — ўзбек совет шоир.

**Вступительное слово
на конференции, посвященной 800-летию
со дня рождения Низами
8 августа 1947 года**

(108-бет)

Озарбайжон адабиётининг асосчиси Низомий Ганжавий туғилган куннинг 800 йиллиги муносабати билан Олимлар уйида ўтказилган илмий конференцияда сўзланган нутқ.

Ёзувчи архивида сақланаётган автограф нусха асосида биринчи марта нашр этилмоқда.

**Выступление
на заседании Президиума
Союза писателей Узбекистана
16 октября 1947 года**

(110-бет)

Ўзбекистон Ёзувчилар союзи Президиумининг йиғилишида ёзувчи А. Удаловни союзга қабул қилиш масаласи кўрилаётган пайтда сўзланган нутқ.

Республика Давлат архивининг 2356 рақамли фондида (1-рўйхат, 128-сақлаш бирлиги) сақланаётган стенограмма асосида эълон этилмоқда.

Удалов Александр Андреевич (1914) — Ўзбекистонда ижод этаётган рус ёзувчиси.

**Выступление
на заседании Президиума
Союза писателей Узбекистана
21 апреля 1948 года**

(111-бет)

Ўзбекистон Ёзувчилар союзи Президиумининг йиғилишида Навоий юбилейига тайёргарликнинг бориши, шунингдек бошқа қатор ташкилий масалалар кўриб чиқилган. Алишер Навоий юбилейига тайёргарлик ишларининг бориши ҳақидаги масала юзасидан бўлиб ўтган муҳокамада Шайхзода, Уйғун, Ж. Шарипов, В. Луговской каби ўртоқлар иштирок этганлар. Ойбекнинг ушбу йиғилишдаги нутқ тексти республика Давлат архивининг 2356 рақамли фондида (1-рўйхат, 151-сақлаш бирлиги) сақланаётган стенографик ёзув асосида нашрга тайёрланди.

Султонов Иззат Отахонович (1910) — таниқли ўзбек совет драматурги ва адабиётшуноси, филология фанлари доктори; ўша йилларда А. С. Пушкин номидаги Тил ва адабиёт институтининг директори.

Абдужаббор Абдураҳмонов (1907—1983) — Ўзбекистон ССР Халқ Комиссарлари Советининг уруш ва урушдан кейинги йиллардаги раиси.

Зарипов Ҳоди Тиллаевич (1905—1972) — таниқли ўзбек фольклорист олими, А. С. Пушкин номидаги Тил ва адабиёт институтининг ўша йиллардаги раҳбарларидан бири.

Зоҳидов Воҳид Йўлдошев (1914—1983) — таниқли файласуф ва адабиётшунос олим.

Ғуломов Ҳожиакбар (1914—1956) — «Совет Ўзбекистони» газетасининг ўша йиллардаги муҳаррири.

Боровков Александр Константинович (1904—1962) — таниқли тилшунос олим, ўзбек тили тарихи бўйича йирик мутахассислардан бири.

Миркаримов — урушдан кейинги йилларда Ўзбекистон Ёзувчилар союзининг аппаратида ишлаган кишилардан бири.

Фатхуллин Зиннат Равилович (1903) — ўзбек совет ёзувчиси ва драматурги.

**Вступительное слово
на расширенном заседании Президиума
Союза писателей Узбекистана
20 мая 1948 года**

(122-бет)

Ўзбекистон Ёзувчилар союзи Президиумининг кенгайтирилган йиғилишида сўзланган нутқ. Нутқ тексти республика Давлат архивининг 2356 рақамли фондида (1-рўйхат, 150-сақлаш бирлиги) сақланаётган стенограмма асосида нашрга тайёрланди.

«*Муҳаббат*» — Туйғун пьесаси.

«*Ҳаёт қўшиғи*» — Уйғун пьесаси.

Скочирев Петр Георгиевич (1900—1966) — рус совет ёзувчиси.

**Заключительное слово
на конференции русских писателей Средней Азии
1 июня 1948 года**

(127-бет)

1948 йил 30 май — 1 июнь кунлари Тошкентда бўлиб ўтган Ўрта Осиёда яшовчи рус ёзувчиларининг конференциясида сўзланган яқунловчи нутқ.

Ёзувчи архивида ушбу нутқ текстининг 21×30,5 форматдаги сарғиш ёзув қоғозига ёзилган 4 саҳифадан иборат қўлёмаси сақланмоқда.

Биринчи марта эълон қилинмоқда.

Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888—1983) — таниқли рус совет ёзувчиси, Ленин мукофоти лауреати.

Трегуб Семён Адольфович — рус совет танқидчиси.

Инбер Вера Михайловна (1890—1972) — рус совет шоираси; Ўзбекистонга бир неча марта келган ва ўзбек шоирлари билан яқин ижодий алоқада бўлган.

Борodin Сергей Петрович (1902—1974) — Ўзбекистонда яшаган рус ёзувчиси, «Самарқанд устида юлдузлар» трилогиясининг муаллифи.

Берггольц Ольга Фёдоровна (1910—1983) — таниқли рус совет шоири.

**Выступление
на заседании Президиума
Союза писателей Узбекистана
1 июня 1948 года**

(132-бет)

Ўзбекистон Ёзувчилар союзи Президиумининг йиғилишида сўзланган нутқ. Йиғилиш эндигина ўз ишини тугаллаган Ўрта Осиё рус ёзувчилари конференциясининг яқунларига бағишланган бўлиб, унда айрим ўртоқларнинг конференцияда ва матбуотда билдирган нотўғри фикрлари баҳс объекти бўлган.

Республика Давлат архивининг 2356 рақамли фондида (1-рўйхат, 141-сақлаш бирлиги) сақланаётган йиғилиш стенограммаси асосида эълон қилинмоқда.

Бикодоров Михаил, Карцев, Калугин, Сечко — урушдан кейинги йилларда Ўзбекистонда яшаган ва адабий ҳаракатда иштирок этган рус ёзувчилари.

Иванов Андрей Митрофанович (1902) — Ўзбекистонда яшаётган рус шоири.

Ульрих Лидия Николаевна — филология фанлари доктори, «Горький ва Ўзбекистон» мавзунининг тадқиқотчиси.

Лиходзиевский Степан Иванович — филология фанлари доктори, адабиётшунос; ўзбек шеърятининг таржимонларидан бири.

**Выступление
на заседании Президиума
Союза писателей Узбекистана
19 июня 1948 года**

(136-бет)

Ўзбекистон Ёзувчилар союзи Президиумининг йиғилишида сўзланган нутқ. Йиғилишда Уйғуннинг Фарҳод ГЭС қурилишига бағишланган «Асрлар» музыкали драмаси муҳокама қилинган. Муҳокамада Уйғун, Я. Бобожонов, Н. Ивашев, Б. Снегов, Ш. Абдуллаев, Алимўхамедов, М. Исмоилий ва бошқалар иштирок этганлар.

Республика Давлат архивининг 2356-фондида (1-рўйхат, 150-сақлаш бирлиги) сақланаётган йиғилиш стенограммаси асосида эълон қилинмоқда.

**Выступление
на заседании Президиума
Союза писателей Узбекистана
1 сентября 1948 года**

(140-бет)

Ўзбекистон Ёзувчилар союзи Президиумининг йиғилишида сўзланган нутқ. Йиғилишда Ҳамза Ҳакимзода Ниёзий таваллудининг 60 ва вафотининг 20 йиллигини ўтказишга тайёргарликнинг бориши билан боғлиқ масалалар кўриб чиқилган.

Республика Давлат архивининг 2356-фондида (1-рўйхат, 150-сақлаш бирлиги) сақланаётган йиғилиш стенограммаси асосида эълон этилмоқда.

Выпустить к юбилею Хакимзаде подробную биографию...— Ҳамзанинг 1949 йилда нишонланган юбилейи муносабати билан Юсуф Султоновнинг «Ҳамза Ҳакимзода Ниёзий» номли адабий-танқидий очерки нашр этилди. Кейинчалик бу рисола янги фактлар ва материаллар билан бойитилиб борди. Лазиз Қаюмовнинг «Инқилоб куйчиси», «Инқилоб ва ижод», «Инқилобий драма» китоблари эса Ҳамзанинг мукамал биографиясини яратиш ишига улкан ҳисса бўлиб қўшилди.

...Необходимо привести в порядок могилу поэта в Шахмардане и памятник. Создать настоящий мавзолей, достойный поэта, чтобы там был дом-музей...— Ўзбекистон Ёзувчилар союзи ва шахсан Ойбекнинг ташаббуси билан 1949 йилда Ҳамза жасади Шоҳимардоннинг гавжум ва сўлим жойларидан бирига кўчирилиб, бу ерда 1950 йилда шоирга мақбара ўрнатилди (архитектор А. Бобохонов), 1957 йилда эса мақбара яқинида Ҳамзанинг мемориал музейи ташкил этилди.

Создать альманах лучших произведений, посвященных Хамзе

Хакимзаде Ниязи, выпустить книгу воспоминаний о нем...— Ойбек томонидан қўйилган вазифа фақат 1974 йилга келибгина қисман бажарилди. Шу йили шоир ҳақидаги шеърлар ва хотираларни ўзичига олган «Ҳамза замондошлари хотирасида» тўплами нашр этилди.

Абдулла Хатамов — узоқ йиллар мобайнида Шоҳимардонда маориф ва маданият ҳамда партия ва совет муассасаларида хизмат қилган Ҳамзанинг шогирди; «Ҳамза Шоҳимардонда» хотиралар китобининг муаллифи.

В этом году мы постараемся созвать очередной пленум... и приурочим к этому пленуму юбилей Фазыла Юлдашева.— Навбатдаги пленум орадан саккиз ой ўтгач, 1949 йилнинг 9—10 июлидагина бўлиб ўтди. Шу йилнинг 18 июлида эса Тошкентда Фозил Йўлдош ва Ислом шоир ижодларига бағишланган кеча ўтказилди.

**Вступительное слово
на заседании Президиума
Союза писателей Узбекистана
2 ноября 1948 года**

(143-бет)

Ўзбекистон Ёзувчилар союзи Президиумининг йиғилишида сўзланган кириш сўзи. Йиғилишда М. Бикодоровнинг «Правда Востока» газетасида босилган «Ҳам қошига, ҳам кўзига» («Вкривь и вкось») сарлавҳали «Уста Гиёс» достонининг таржимаси (таржимон В. Мильчаков) тўғрисидаги мақоласи муҳокама қилинган.

Республика Давлат архивининг 2356-фондида (1-рўйхат, 150-сақлаш бирлиги) сақланаётган йиғилиш стенограммаси асосида чоп этилди.

**Выступление
на заседании Президиума
Союза писателей Узбекистана
18 мая 1949 года**

(146-бет)

Ўзбекистон Ёзувчилар союзи Президиумининг йиғилишида сўзланган нутқ. Йиғилишда А. С. Пушкин таваллудининг 150 йиллигига тайёргарликнинг бориши билан боғлиқ масалалар кўриб чиқилди.

Республика Давлат архивининг 2356-фондида (1-рўйхат, 187-сақлаш бирлиги) сақланаётган йиғилиш стенограммаси асосида нашрга тайёрланди.

Правительственный юбилейный комитет возглавил подготовку к юбилею...— Ойбек Ўзбекистон ҳукумат юбилей комитети раисининг ўринбосари этиб тайинланган эди.

Сейчас УзГИЗ выпускает 4-х томник Пушкина...— Ойбек ушбу нашр учун «Евгений Онегин» шеърый романининг таржимасини жиддий равишда қайта қараб чиққан.

Вступительное слово
на научной сессии, посвященной 150-летию
со дня рождения А. С. Пушкина
9 июня 1949 года

(148-бет)

Ўзбекистон ССР Фанлар академиясида А. С. Пушкин туғилган куннинг 150 йиллигига бағишланган илмий сессияда сўзланган кириш сўзи. Илмий сессия ишида Иззат Султон «А. С. Пушкин ва ўзбек адабиёти», Мақсуд Шайхзода эса «А. С. Пушкин ва замонамиз» мавзuidaги илмий докладлари билан қатнашганлар.

Кириш сўзининг тексти адиб архивида сақланади.

Вступительное слово
на III Пленуме Союза писателей Узбекистана
9 июля 1949 года

(151-бет)

Ўзбекистон Ёзувчилар союзининг III пленумида сўзланган кириш нутқи. Пленумда ЎзКП(б) Марказий Комитетининг «Ўзбекистон Совет Ёзувчилар союзининг иши тўғрисида» деган қарори муҳокама қилинган. Шунингдек, пленум ташкилий масалаларни ҳам кўриб чиққан.

Кириш нутқи республика Давлат архивининг 2356-фондида (1-рўйхат, 188-сақлаш бирлиги) сақланаётган стенографик ёзув асосида нашрга тайёрланди.

Димитров Георгий Михайлович (1882—1949) — Болгария Коммунистик партиясининг асосчиси, халқаро коммунистик ҳаракатнинг арбобларидан бири.

Александровский — «Правда Востока» газетасининг ўша йиллардаги муҳаррири.

Выступление
на III Пленуме Союза писателей Узбекистана
9 июля 1949 года

(153-бет)

Ўзбекистон Ёзувчилар союзининг III пленумида сўзланган нутқ. Пленумда Ўзбекистон Компартияси Марказий Комитетининг Ўзбекистон Ёзувчилар союзининг иши тўғрисидаги қарори ҳақида М. Ғ. Ваҳобовнинг доклади ўқилгач, йиғилишга Уйғун раислик қилади ва Ойбекка сўз беради. Ойбек ўз нутқида Ёзувчилар союзининг сўнги йилларда олиб борган иши тўғрисида ахборот беради.

Нутқ тексти республика Давлат архивининг 2356 рақамли фондида (1-рўйхат, 188-сақлаш бирлиги) сақланаётган стенографик ёзув асосида нашрга тайёрланди.

Уинстон Черчилль (1874—1965) — Буюк Британиянинг давлат арбоби, кўп йиллар мобайнида бош министри; иккинчи жаҳон уру-

шидан кейин Совет Иттифоқи ва халқ демократияси мамлакатларига қарши бошланган «совуқ муносабатлар уруши»нинг ташкилотчиси.

Гарри Трумэн (1884—1972) — Американинг уруш ва урушдан кейинги йиллардаги президенти; СССР ва умуман социалистик лагерга қарши «совуқ муносабатлар уруши»нинг ташкилотчиси.

Парда Турсун (1909—1957) — ўзбек совет ёзувчиси, «Ўқитувчи» романининг муаллифи.

Ваҳобов Мавлон Фафурович (1909) — тарихчи, тарих фанлари доктори; урушдан кейинги йилларда Ўзбекистон Компартияси Марказий Комитетининг секретари.

Содиқ Қаландар — ўзбек совет ёзувчиси, «Биз Ўролда» қиссасининг муаллифи.

Убайдуллаев Ҳамидулла — урушдан кейинги йилларда С. Азимов ва С. Қосимов билан ҳамкорликда қатор адабий-танқидий мақолалар билан чиққан мунаққид; кейинчалик педагогик фаолият билан шуғулланган.

Азимов Сарвар Олимжонович (1923) — давлат ва жамоат арбоби, Ўзбекистон халқ ёзувчиси, адабиётшунос олим, филология фанлари доктори; урушдан кейинги йилларда фаол танқидчи.

Олимжонов Абдулла — урушдан кейинги йилларда адабий-танқидий мақолалар билан чиққан танқидчилардан бири.

Анорбоев Суннатулла (1922) — ўзбек совет ёзувчиси.

**Вступительное слово
на научной сессии,
посвященной 60-летию со дня рождения
Хамзы Хакимзаде Ниязи
1 октября 1949 года**

(168-бет)

Ўзбекистон ССР Фанлар академиясида Ҳамза Ҳакимзода Ниязий туғилган куннинг 60 йиллигига бағишлаб ўтказилган илмий сессияда сўзланган кириш нутқи.

Нутқ текстининг икки саҳифадан иборат машинкаланган нусхаси Ойбек архивида сақланади.

Биринчи марта эълон қилинмоқда.

**Заключительное слово
на научной сессии Академии наук УзССР
17 мая 1948 года**

(170-бет)

Ўзбекистон ССР Фанлар академиясининг Алишер Навоий туғилган куннинг 500 йиллигига бағишланган илмий сессиясида сўзланган нутқ. Илмий сессия ишида Москва, Ленинград ва қардош республикалар, шунингдек Эрон ва Афғонистондан келган олимлар иштирок этганлар.

Нутқ қўлёзмаси Ойбек архивида сақланади.

Биринчи марта эълон қилинмоқда.

**Заключительное слово
на конференции, посвященной вопросам
узбекского языкознания**

(172-бет)

Ўзбекистон ССР Фанлар академиясида бўлиб ўтган ва ўзбек тилшунослиги масалаларига бағишланган илмий конференцияда сўзланган нутқ.

Илмий конференция 1952 йил май ойида ўтказилган.

Нутқ тексти Ойбек архивида сақланади.

Айрим қисқартишлар билан биринчи марта эълон қилинмоқда.

Олим Усмон (1912) — тилшунос олим, филология фанлари кандидати, Ўзбекистонда хизмат кўрсатган фан арбоби.

Аюб Фулом (1914) — тилшунос олим, филология фанлари доктори, профессор.

Абдуллаев Фаттоҳ Абдуллаевич (1914) — тилшунос олим, филология фанлари доктори.

Маъруфов Зокир Маъруфович (1912—1984) — тилшунос олим, филология фанлари кандидати.

Жуманиёзов Ражаб — филология фанлари кандидати.

Решетов Виктор Васильевич (1910—1978) — тилшунос олим, диалектолог, филология фанлари доктори, СССР Педагогика академиясининг ҳақиқий аъзоси.

ТАҚРИЗЛАР

Отзыв

**о диссертационной работе А. Саади на тему
«Творчество Навои как высший этап в развитии
узбекской литературы»,
представленной на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

(183-бет)

Урта Осие Давлат университети (ҳозирги ТошДУ)нинг профессори Абдурахмон Саъдийнинг филология фанлари доктори илмий даражасини олиш учун ёзилган диссертациясига тақриз. Диссертация 1949 йилда ҳимоя қилинган ва Ойбек ушбу ҳимояда оппонент сифатида иштирок этган.

Биринчи марта эълон этилаётган ушбу тақриз қўлёзмаси Ойбек архивида сақланади.

Абдурахмон Саъдий (1889—1956) — ўзбек ва татар адабиётшуноси.

Отзыв
о диссертационной работе С. Алиева на тему
«Поэтическое творчество Бабура»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

(187-бет)

Бухоро Давлат педагогика институтининг ўзбек адабиёти кафедраси мудири Саид Алиевнинг филология фанлари кандидати илмий даражасини олиш учун ёзилган диссертациясига тақриз. Диссертация 1948 йилда ҳимоя қилинган.

Биринчи марта эълон қилинаётган тақризнинг машинкаланган нусхаси С. Алиев архивидан олинди.

Саид Алиев (1918) — филология фанлари доктори, профессор.

Рецензия
на статьи сборника «Великий узбекский поэт»

(189-бет)

Алишер Навоий таваллудининг 500 йиллиги муносабати билан нашрга тайёрланган мақолалар тўпламига ёзилган тақриз. Ушбу тўплам 1948 йил 29 мартда А. С. Пушкин номидаги Тил ва адабиёт институтининг Илмий Кенгашида муҳокама қилинган. Муҳокамада Ойбек ва Ҳоди Зариф ўз фикрлари билан сўзга чиққанлар. Китоб 1948 йилда Ўздавнашр томонидан чоп этилган.

Тақриз қўлёзмаси Ойбек архивида сақланади.

Воҳид Йўлдошев (1914—1983) — фалсафа фанлари доктори, Ўзбекистон ССР Фанлар академиясининг академиги.

Евгений Эдуардович Бертельс (1890—1957) — СССР Фанлар академиясининг мухбир аъзоси, таниқли шарқшунос олим.

Яҳё Гуломович Гуломов (1908—1977) — Ўзбекистон ССР Фанлар академиясининг академиги, тарих фанлари доктори, таниқли археолог олим.

Рашид Набиевич Набиев (1912) — Ўзбекистон ССР Фанлар академиясининг мухбир аъзоси, тарих фанлари доктори.

Михаил Евгеньевич Массон (1897—1982) — тарих фанлари доктори, таниқли шарқшунос ва археолог олим.

Предварительный отзыв
о диссертационной работе Ю. Султанова на тему
«Хамза Хакимзаде Ниязи как первый
узбекский советский писатель»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

(192-бет)

Таниқли ҳамзашунос олимнинг филология фанлари кандидати илмий даражасини олиш учун ёзган диссертациясига тақриз. Дис-

сертация 1949 йилда ҳимоя қилинган ва Ойбек ушбу ҳимояда расмий оппонент сифатида иштирок этган.

1949 йил 10 ноябрда ёзилган ушбу тақриз Ю. Султонов архивдан олинди.

Султонов Юсуф Султонович (1911) — Ўзбекистон ССР Фанлар академиясининг мухбир аъзоси, филология фанлари кандидати.

Предварительный отзыв
о диссертационной работе А. Ибрагимова на тему
«Литературная деятельность Мухаммеда Салиха»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

(193-бет)

Фаргона Давлат педагогика институти ўзбек адабиёти кафедрасининг доценти Акрам Иброҳимовнинг филология фанлари кандидати илмий даражасини олиш учун ёзган диссертациясига тақриз. 1950 йил 14 апрелда ҳимоя қилинган ушбу диссертацияга Ойбек расмий оппонентлик қилган.

Тақриз қўлёзмаси Ойбек архивида сақланади.

Иброҳимов Акрам Иброҳимович (1910—1983) — филология фанлари кандидати.

Муҳаммад Солиҳ (1455—1535) — ўзбек шоири, «Шайбонийнома» достонининг муаллифи.

Отзыв
о диссертационной работе С. Касимова на тему
«Творчество Хорезми»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

(194-бет)

Филология фанлари кандидати Солиҳ Қосимовнинг кандидатлик диссертациясига тақриз. Диссертация 1950 йил 14 июнда ҳимоя қилинган.

Тақриз Ойбек архивида сақланади.

Мунис Хоразмий (Шермуҳаммад Авазбий ўғли, 1778—1829) — ўзбек шоири, тарихчис ва маърифатпарвари.

Жонибек (туғилган ва вафот қилган йиллари номаълум) — Олтин Ўрда хони (1342—1357), Ўзбекхоннинг иккинчи ўғли.

Қосимов Солиҳ Қосимович (1920) — Ўзбекистон ССРда хизмат кўрсатган фан арбоби.

Отзыв
о диссертационной работе А. Бабаханова на тему
«Драматургия Хамзы Хакимзаде Ниязи в аспекте
пьесы «Бай и батрак»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

(197-бет)

Тошкент Давлат педагогика институтининг доценти Абдулла Бобохоновнинг филология фанлари кандидати илмий даражасини олиш учун ёзган диссертациясига тақриз. Диссертация 1950 йилда ҳимоя қилинган.

1950 йил 17 июнда ёзилган ушбу тақриз Ойбек архивида сақланади.

Бобохонов Абдулла Аюбович (1922—1982) — филология фанлари доктори, адабиётшунос ва педагог.

Фурқат (Зокиржон Холмуҳаммад ўғли, 1858/59—1909) — ўзбек маърифатпарвар шоири.

Отзыв
о диссертационной работе М. Афзалова на тему
«Народный вариант поэмы «Фархад и Ширин»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

(198-бет)

Фольклоршунос олим Мансур Афзаловнинг филология фанлари кандидати илмий даражасини олиш учун ёзилган диссертациясига тақриз. Диссертация 1950 йилда ҳимоя қилинган.

Тақриз қўлёзмаси Ойбек архивида сақланади.

Афзалов Мансур Афзалович (1910—1973) — филология фанлари кандидати, фольклорист.

Табарий (Абу Жаъфар Муҳаммад ибн Жарир ат-Табарий, 839—923) — араб тарихчиси ва филологи.

Еқут ибн Абдуллоҳ Ҳамавий (1179—1229) — адиб, географ ва сайёҳ.

Толстов Сергей Павлович (1907—1976) — совет археологи ва этнографи, СССР Фанлар академиясининг мухбир аъзоси.

Отзыв
о диссертационной работе Н. Давқараева на тему
«Очерки по истории каракалпакской литературы»,
представленной на соискание ученой степени
доктора филологических наук

(202-бет)

Таниқли қорақалпоқ адиби ва олими Нажим Довқораевнинг филология фанлари доктори илмий даражасини олиш учун ёзилган

диссертациясига тақриз. Диссертация 1951 йилда ҳимоя қилинган. Тақриз қўлёзмаси Ойбек архивида сақланади.

Нажим Довқораев (1905—1953) — филология фанлари доктори, қорақалпоқ адабиётшунослиги фанининг асосчиси, ёзувчи.

Бердах (Бердимурот Қарғабоев, 1827—1900) — қорақалпоқ адабиётининг классиги.

Ажиниёз Кусибой ўғли (1824—1878) — қорақалпоқ шоири.

Кунхўжа Иброҳим ўғли (1799—1880) — қорақалпоқ шоири.

Оташ Олтинбой ўғли (1828—1902) — қорақалпоқ шоири.

Отзыв

на автореферат диссертационной работы Г. Каримова на тему «Узбекский поэт-демократ Муками и литература его времени», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук

(205-бет)

Тошкент Давлат университетининг профессори Фулом Каримовнинг филология фанлари доктори илмий даражасини олиш учун ёзилган диссертациясига тақриз. Диссертация 1965 йилда ҳимоя қилинган.

Тақриз қўлёзмаси Ойбек архивида сақланади.

Каримов Фулом Каримович (1909) — филология фанлари доктори, профессор.

Завқий (Убайдулла Солиҳ ўғли, 1851—1921) — ўзбек шоири, демократик адабиёт вакили.

Шавқий Намангоний (Мулла Шамси Мулла Ҳусан ўғли, 1805—1889) — ўзбек шоири.

Отзыв

о диссертационной работе С. Далимова на тему «Жизнь и творчество Агахи», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук

(207-бет)

Тошкент Давлат университетининг доценти Субутой Долимовнинг филология фанлари кандидати илмий даражасини олиш учун ёзилган диссертациясига тақриз. Диссертация 1962 йилда ҳимоя қилинган.

Тақриз 1962 йил 27 июнда ёзилган. Ойбек архивида сақланади.

Субутой Долимов (1909) — филология фанлари кандидати, педагог.

Огаҳий (Муҳаммадризо Эрнийезбек ўғли, 1809—1874) — ўзбек шоири, тарихчиси ва таржимони.

Отзыв
о книге Э. Рустамова
«Узбекская поэзия первой половины XV века»

(209-бет)

Таниқли адабиётшунос Эргаш Рустамовнинг ушбу монографияси филология фанлари доктори илмий даражасини олиш учун ҳимояга тавсия этилгани муносабати билан 1964 йил 12 мартда ёзилган. Китоб 1963 йилда Москвада нашр этилган.

Тақриз қўлёзмаси Ойбек архивида сақланади.

Эргаш Рустамов (1925—1980) — филология фанлари доктори, адабиётшунос.

Ҳилолий (Бадриддин, XV асрнинг 70-йй.—1529) — ўзбек шоири.

Давлатшоҳ Самарқандий (тахм. 1436—1495) — шоир, адабиётшунос ва давлат арбоби.

Яқиний (XV аср) — ўзбек шоири, «Ўқ ва ёй» асарининг муаллифи.

Лутфий (1366—1465) — машҳур ўзбек шоири.

Саккокий, Отойи, Гадоий (XV аср) — таниқли ўзбек шоирлари.

Отзыв
о диссертационной работе П. Г. Булгакова на тему
«Абу Рейхан Бируни»,
представленной на соискание ученой степени
доктора филологических наук

(211-бет)

Шарқшунос олим П. Г. Булгаковнинг филология фанлари доктори илмий даражасини олиш учун ёзилган диссертациясига тақриз. Диссертация 1967 йилда ҳимоя қилинган.

Тақриз 1967 йил 10 ноябрда ёзилган. Ойбек архивида сақланади.

Булгаков Павел Георгиевич (1927) — Ўзбекистон ССР Фанлар академиясининг мухбир аъзоси, филология фанлари доктори.

Абу Наср Мансур ибн Али ибн Ироқ (XI аср) — араб математиги ва астрономи.

Ал-Ҳўжандий (XIV аср) — шоир, дунёвий адабиёт вакили.

ҲАМКОРЛИҚДА ЁЗИЛГАН АСАРЛАР

Айбек
А. И. Дейч
Щит народа

(215-бет)

Ушбу пьесанинг ижодий тарихига оид маълумотлар на ўзбек совет адабиёти тарихига бағишланган тадқиқотлар ва на Ойбек-

нинг адабий меросида учрамайди. Асар ҳақидаги бирдан-бир маълумотни адибнинг москвалик дўсти, таниқли рус ёзувчиси ва адабиётшуноси Ал. Дейч ўзининг «Ўзбекистон қалби» деб аталган мақоласида берган. Бу мақолада айтилишича, Ал. Дейч 1941 йил ноябрда вақтинча яшаш учун Ўзбекистонга кўчиб келгач, Ойбек билан яқиндан танишади ва дўстлашади. Бу йилларда Ойбек машҳур театр режиссёри С. М. Михоэлс ва композитор А. С. Чишко билан ижодий ҳамкорликда «Маҳмуд Торобий» операсини яратиш устида иш олиб борарди. Афтидан, опера жанрининг имкониятлари ёзувчига ўз ғоявий ниятларини тўла мужассамлантириш имкониятини бермаган бўлса керак, Ойбек шу йилларда Ҳамза номидаги Ўзбек Давлат драма театри учун «Ғалвирчи» пьесаси устида, Ал. Дейч билан ҳамкорликда эса рус театри учун «Халқ қалқони» пьесаси устида ҳам иш олиб боради.

«Михоэлс ва Ойбек бу ишга менн ҳам жалб этишди,— деб ёзди Ал. Дейч.— Бизда Ойбек билан ҳамкорликда худди шу тарихий материал асосида «Халқ қалқони» драмасини ёзиш нияти шу тариқа пайдо бўлди.

Шубҳасизки, драмада опера либреттосига нисбатан ҳаётгий материалнинг психологик таҳлили янада чуқурроқ, жиддийроқ бўлиши керак. Биз Ойбек билан қайси бир ҳозиржавоб французнинг «Гаприш керак бўлган жойда қўшиқ айтиш ўта нодонликдир», деган гапини эсладик. Драма планини барча тафсилотлари билан тузиб чиқдик. (Ушбу томнинг «Иловалар» бўлимига қаранг.— Н. К., Р. И.). Даврнинг ўзига хос бўёқ-рангларини топиш, халқнинг ҳикматга бой, мазмундор тилини билиш, бухороликларнинг ўз мустақиллиги учун олиб борган курашини ҳаётгий ва ҳаққоний акс эттириш учун кўпгина тарихий асарларни жиддий мутолаа қилдик. Михоэлс деярли ҳар кеча бизни келиб, Ойбек иккаламиз «дарс»ни қандай бажараётганимиз билан қизиқар эди. Бу ерда у жуда антиқа метод қўлларди. Агар қандайдир сюжет йўналишини тезда топса, уни дарҳол яроқсизга чиқарарди. Ҳеч қандай далил-исбот, ҳатто томошабиннинг драматик воқеаларни у каби тушунмаслиги ҳақидаги сўзлар ҳам кор қилмасди. «Мени доно деб ҳисоблаганларингиз учун раҳмат, лекин томошабинни ҳеч қандай асоссиз аҳмоқ деб билмаслик керак», дерди.

Талабчан режиссёр бизни тагин ўша эпизодни янгидан ўйлаб топишга мажбур қиларди. Бироқ моҳирлик билан фольклордан ижодий фойдаланиш натижасида диалогга «жон» киритган халқ тили уни беҳад севинтирарди...

Шу пайтларгача эсимда. Михоэлс тайёр кўринишларни ҳар хил қиёфага кириб ўқиди. Пьеса персонажлари жонланганда, Ойбек қувончдан ёниб ўтирарди...» (А. Дейч. Ўзбекистон қалби. Т., 1974, 29—31-бетлар).

Ўзбекистон Давлат архивининг республика Министрлар Совети ҳузуридаги Санъат ишлари бошқармасининг 2087 рақамли фондида сақланаётган ҳужжатлар орасида ушбу пьесага оид айрим маълумотларни топиш мумкин. 173-сақлаш бирлигида (1-тавсиф) сақланаётган ҳужжатларга кўра, муаллифлар ушбу пьесани 1943 йилда тугатиб топшириш ҳақида ваъда берганлар. Аммо душман Москва остоналаридан қувиб чиқарилгач, Ал. Дейч, бошқа қатор москвалик ёзувчилар сингари, Тошкентдан кўчиб кетган ва ҳар иккала муаллиф бошқа ижодий режаларини амалга ошириш билан

банд бўлганлар. Натижада пьеса устидаги иш ўз-ўзидан тўхтаб қолган.

Ойбек ва Ал. Дейч «Халқ қалқони» драмаларида 1238 йилда Маҳмуд Торобий бошчилигида мўғул истилочиларига қарши олиб борилган халқ қўзғолонини тасвирлашни ва ушбу асар билан совет халқини немис босқинчиларига қарши қаҳрамонона курашга даъват этишни, кишиларни халқимизнинг жанговар миллий анъаналари асосида тарбиялашни мақсад қилиб олганлар.

Аммо юқорида қайд этилган сабабларга кўра, асарнинг фақатгина биринчи кўриниши тўла қўлдан чиққан, учинчи кўриниши эса чала ҳолда қолган.

Маҳмуд Торобий бошчилигидаги халқ қўзғолони Ойбекнинг «Ғалвирчи» номли тугалланмаган пьесаси учун ҳам ҳаётий материал берган. (Бу асар ушбу нашрнинг XVIII томида эълон қилинган.) «Маҳмуд Торобий» операси либреттоси асосида ёзилган драматик дoston ҳам мавжуд бўлиб, у ушбу нашрнинг VI томида китобхонлар эътиборига ҳавола этилган.

Биринчи марта эълон қилинмоқда.

Маҳмуд Торобий (?—1238) — бухоролик ғалвирчи-ҳунарманд; мўғул истилочиларига қарши кўтарилган халқ қўзғолонининг ташкилотчиси ва раҳбари.

Чингатоийхон (?—1242) — Чингизхоннинг иккинчи ўғли, чингатоийлар сулоласининг асосчиси.

Маҳмуд Ялавоч (?—1254) — хоразмлик савдогар; Чингизхон ва унинг ўғиллари даврида Мовароуннаҳрни идора этган.

Яса — мўғул қонунлари мажмуаси.

Айбек
А. И. Дейч

Алишер Навоӣ

(228-бет)

Ойбек ва А. И. Дейч қаламига мансуб бўлган иккинчи асар Алишер Навоӣ ижодига бағишланган рус тилидаги монография бўлиб, бу ҳам Улуғ Ватан уруши йилларида бошланган.

А. И. Дейчнинг хотирлашича, ўша йиллардаги Ўзбекистон Ёзувчилар союзининг раиси Ҳамид Олимжон Тошкентга вақтинча кўчиб келган рус ва бошқа қардош халқларнинг ёзувчиларига мурожаат этиб, «Мен, Тошкент сизлар учун урушнинг охирини кутиш зали эмас, балки бутун умр эсда қоладиган қадрдон уйингиз бўлишини истайман», деган ва уларни ўзбек ёзувчилари ва олимлари билан ҳамкорликда ишлашга таклиф этган. Шу йилларда Ҳамид Олимжон ташаббуси билан Ойбек ҳамда А. И. Дейч ўртасида ижодий ҳамкорлик ва дўстлик алоқалари ўрнатилган.

«Ойбек ўша пайтларда «Навоӣ» романи устида берилиб ишлар, буюк шоир ва мутафаккир Алишер Навоӣ, у билан бирга яшаган одамлар ҳақида соатлаб тинмай гапиришга қурби етарди,— деб эслайди А. Дейч.— Ёзувчи узоқ ўтмишдаги Ҳиротнинг ўша пайтдаги ҳаётини шундай чуқур ўрганган эдики, Ҳусайн Бойқаро боғидаги ҳар бир дарахт, ҳар бир япроқни, шоҳ лашкаридаги ҳар бир навқарни биладигандай таассурот қолдирарди. У мени ҳам

Ўзимга нотаниш дунёга — Урта Осиёнинг Уйғониш даврини ўрганишга жалб этди, юрагимда Алишер Навоий «Хамса»сини яратган пайтда яшаб ижод этган шоир ва олимларга муҳаббат уйғотди, биз Ойбек билан ҳамкорликда «Навоий ва унинг даври» деган тадқиқот устида ишлай бошладик». (А. Дейч. Ўзбекистон қалби, Т., 1974, 25-бет).

Улуғ Ватан уруши йилларида бошланган ушбу асар устидаги ижодий иш урушдан кейинги йилларда ҳам ҳар иккала муаллиф томонидан давом эттирилди. Ойбек ва А. Дейч ўз тадқиқотларини давом эттирибгина қолмай, Москвада Алишер Навоий асарларини рус тилида нашр этиш иши билан ҳам жиддий шуғулландилар ҳамда шундай нашрлар учун сўзбоши ва изохлар ёздилар (қ. Навоий. Избранные произведения. М.—Л., 1948). Бундан ташқари, Тошкентда 1948 йилда нашр этилган «Великий узбекский поэт» номли тўпламда «Мир идей Алишера Навои» деган мақола билан қатнашдилар.

Ушбу адабий-танқидий очеркнинг Ойбек қаламига мансуб қўлёзма нусхаси топилмади. Ёзувчи архивида ушбу китобнинг мукамал бўлмаган машинкаланган нусхасигина сақланади.

Ушбу китоб биринчи марта тўла ҳолда 1968 йилда Фафур Фулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриётида чоп этилди.

Александр Македонский (милоддан аввалги 356—323 йиллар) — Македония подшоси; милоддан аввалги IV асрда Урта Осиёни истило этган.

Темуриланг, Амир Темур (1336—1405) — Мовароуннаҳр амири, темурийлар салтанати ва сулоласининг асосчиси.

Эрик III (XIV аср) — Кастилия қироли.

Рюи Гонзалес де Клавихо (XIV аср) — Кастилия қиролининг Темур саройига ташриф буюрган элчиси, амир Темур ҳақида Европада нашр этилган биринчи китоб муаллифи.

Шоҳруҳ (1377—1447) — Темурнинг иккинчи ўғли, Хуросон ҳокими.

Улуғбек (Муҳаммад Тарағай, тахм. 1394—1449) — буюк ўзбек олими, астроном, маърифатпарвар; Самарқанд ҳукмдори, Шоҳруҳнинг ўғли.

Абдуллатиф (1422/23—1450) — Улуғбекнинг иккинчи ўғли ва қотили.

Чингизхон (Тэмужин, Темучин, тахм. 1155—1227) — Урта Осиёнинг истилочиси, Урта Осиёда мўғуллар салтанатининг асосчиси.

Тулу — Чингизхоннинг иккинчи ўғли, Чингизхон босиб олган ерларнинг ҳукмдорларидан бири.

Платон (Афлотун, милоддан аввалги тахм. 427—347) — қадимги юнон файласуфи, идеалист.

Ғиёсиддин (XV аср) — рассом; Шоҳруҳ даврида Хуросонда яшаган ва ижод этган.

Заҳириддин Муҳаммад Бобур (1483—1530) — буюк ўзбек шоири ва олими; Европада буюк мўғуллар деб номланган сулоланинг асосчиси.

Хондамир, Ғиёсиддин ибн Ҳумолуддин ал-Ҳусайний (1475—1535) — машҳур муаррих, XV аср тарихи ва маданиятига онд илмий асарлар муаллифи; Мирхонднинг набираси.

Ҳусайн Бойқаро (Ҳусайн ибн Мирзо Мансур бини Мирзо Бойқаро, 1438—1506) — Хуросон ҳукмдори, ўзбек шоири.

Шарафиддин Али Яздий (?—1454) — машҳур муаррих ва шоир; Шоҳруҳ ва Иброҳим Султон даврларида яшаган; «Зафарнома»нинг муаллифи.

Абулқосим Бобур (1422—1457) — Хуросон ҳукмдори, Бойсунқур Мирзонинг ўғли, Шоҳруҳнинг набираси.

Абу Саид (?—1469) — Самарқанд ҳокими.

Фаридиддин Аттор (1148/51—1290/91) — форс-тожик шоири, «Мантиқут тайр» дostonининг муаллифи.

Лутфий (1366—1465) — йирик ўзбек шоири, Шоҳруҳ саройида ижод этган.

Абу Али ибн Сино (тахм. 980—1037) — буюк энциклопедист-олим, жаҳон медицинасининг асосчиси, файласуф.

Абдурахмон Жомий (1414—1492) — буюк форс-тожик шоири, файласуф, музикашунос; етти дostonдан ташкил топган «Ҳафт ранг» асарининг муаллифи.

Хўжа Ахрор (Хўжа Убайдулла, 1404—1490) — шайх, Улуғбекка қарши қаратилган диний реакциянинг ташкилотчиси.

Вильям Шекспир (1564—1616) — буюк инглиз драматурги.

Семёнов Александр Александрович (1873—1958) — шарқшунос ва муаррих, Ўрта Осиё тарихи ва маданиятининг тадқиқотчиси.

Саъдий. Мислқиддин Абу Муҳаммад Абдуллоҳ ибн Мушир-фиддин (1210—1292) — буюк форс-тожик шоири ва мутафаккири, «Бўстон» ва «Гулистон» асарларининг муаллифи.

Хусрав Деҳлавий, амир Хусрав (Яминиддин Абулҳасан, 1253—1325) — буюк форс-тожик шоири, Шарқ адабиётида «Хамса» яратган ижодкорлардан бири.

Ҳофиз Шерозий (Шамсиддин Муҳаммад, тахм. 1325—1389/90) — буюк форс-тожик шоири.

Низомий Ганжавий (Абу Муҳаммад Илёс ибн Юсуф, тахм. 1141 — тахм. 1204) — буюк озарбайжон шоири, Шарқда «Хамса» яратган ижодкорлардан бири.

Алигьери Данте (1265—1321) — буюк италян шоири, «Илоҳий комедия»нинг муаллифи.

Тоборий (X аср) — араб муаррихи.

Абулқосим Фирдавсий (940—1020 ёки 1030) — буюк форс-тожик шоири, «Шоҳнома»нинг муаллифи.

Доро II (милоддан аввалги 423—404) — ахоманийлар сулоласига қарашли подшолардан бири.

Ламбер де Тор, Александр де Берн — Ўрта асрларда яшаган сайёб француз шоирлари.

Бадиуззамон (?—1517) — Сейстон ва Балх вилоятларининг ҳокими, Ҳусайн Бойқаронинг катта ўғли.

Филипп II (тахм. милоддан аввалги 382—336) — қадимги Македония подшоши, Александр Македонскийнинг отаси.

Аристотель (милоддан аввалги 384—322) — қадимги юнон файласуфи.

Доро I (милоддан аввалги 522—486) — ахоманийлар сулоласидан чиққан подшо.

Рабғузий, Насриддин Бурҳониддин ўғли (XIII аср охири — XIV аср боши) — ўзбек шоири.

Қутб Хоразмий (XIV аср) — ўзбек шоири, «Хусрав ва Ширин» дostonининг муаллифи.

Аҳмад Яссавий (?—1116) — сўфий шоир, ўзбек тилида ёзилган илк адабий ёдгорликлардан бири — «Ҳикматлар»нинг муаллифи.

Форобий (Абу Наср бин Муҳаммад, 873—950) — буюк ўзбек энциклопедик олими ва файласуфи.

Маҳмуд Қошғарий (Ибн Ҳусайн ибн Муҳаммад, XI аср) — буюк тилшунос олим, «Девони луғотит турк» асарининг муаллифи.

Ж. Дю Белле (1522—1560) — француз шоири, «Француз тилининг ҳимояси ва шарафланиши» китобининг муаллифи.

Давлатшоҳ Самарқандий (Ибн Алавулдавла Бахтшоҳ ал Ғозий, тахм. 1436—1496) — шоир, адабиётшунос ва давлат арбоби.

Мавлоно Абдулла (XV аср) — Навоий даврида яшаб, ўзбек тилида ижод этган шоирлардан бири.

Умар Хайём (Ғиёсиддин Абулфатх Умар ибн Иброҳим, тахм. 1048—1122/23) — буюк форс-тожик шоири, файласуфи ва математиги.

Рафаэль Санти (1483—1520) — Уйғониш даври буюк итальян рассоми.

Қамолiddин Беҳзод (тахм. 1455—1535) — буюк ўзбек рассоми, Европада Шарқ Рафаэли сифатида шуҳрат топган ижодкор.

Шайбонийхон (Муҳаммад, 1451—1510) — XV асрнинг иккинчи ярми — XVI асрнинг бошларида Ўрта Осиё вилоятларининг ҳукмдори, шайбонийлар сулоласининг асосчиси; шоир.

Спиноза Бенедикт Барух (1632—1677) — нидерланд материалист файласуфи.

Фалес (милоддан аввалги тахм. 624—547) — қадимги юнон файласуфи.

Пифагор (милоддан аввалги тахм. 570—500) — қадимги юнон математиги, идеалист файласуф.

Сократ (Сукрот, милоддан аввалги 470/469—399) — қадимги юнон файласуфи.

Леонардо да Винчи (1452—1519) — Уйғониш даври буюк итальян рассоми ва олими.

Мирхонд Муҳаммад ибн Ҳовандшоҳ (1433—1498) — XV асрда Хуросонда яшаган машҳур муаррих.

Сам Мирза — XV асрда Хуросонда яшаган ўзбек шоири.

Франсуа Рабле (1496—1553) — машҳур француз ёзувчиси, «Гаргантюа ва Пантагрюэль» асарининг муаллифи.

Фозил Йўлдош ўғли (1872—1955) — ўзбек халқ достончиси, бахши.

«Алишер Навоий» адабий-танқидий очерки 1968 йил нашри асосида нашр этилди.

ИЛОВАЛАР

Автобиография

(387-бет)

Бир чизиқли ёзув дафтарига бинафша снёҳ билан ёзилган. Ушбу автобиографиянинг ёзувчи архивида сақланаётган нусхасида бирор сана қўйилмаган. Лекин шунга қарамай, уни тахминан

1944 йилда Ойбекнинг Коммунистик партияга номзод сифатида ўтиши учун тайёрланган, деб тахмин этиш мумкин.

Маълумки, Ойбекнинг матбуотда, чунончи кўп томлик асарларида эълон этилган бир қанча ўзбек тилидаги автобиографиялари мавжуд. Ушбу автобиография улардан қатор фактларнинг аниқ баён этилгани билан ажралади.

Некоторое время работал в Москве в Комакадемии и в Институте экономических исследований...— Ойбекнинг ушбу илмий муассасаларда иш олиб боргани тўғрисида шу пайтгача илмий адабиётларда бирор маълумот учрамаган эди.

С 1930 г. по 1935 г. преподавал в некоторых вузах Ташкента (САПИ, САХИ, пединститут) политэкономии.— Ойбекнинг таржиман ҳоли ва илмий фаолиятига бағишланган ишларда фақатгина унинг САГУда сиёсий иқтисоддан лекция ўқигани айтилган.

Биринчи марта эълон қилинмоқда.

Путь славы

(388-бет)

Ойбек Улуғ Ватан уруши йилларида ўзбек агитацион-бадний бригадаси составида Москва остоналарида жанг қилаётган ўзбек жангчилари ҳузурига бориб қайтгач (1942 йил декабрь — 1943 йил февраль), сафар таассуротлари асосида «Қуёш қораймас» номли романини ёзишга киришади. Бироқ у роман устидаги ижодий ишини тугатмай туриб, эҳтимол, Тошкент ҳужжатли ва бадний фильмлар киностудиясининг таклифи билан бўлса керак, ушбу роман мотивлари бўйича «Шон йўли» киносценарийсини ёзади. (Бу асар ушбу нашрнинг IX томида эълон этилган.)

«Шон йўли» сценарийси бўйича фильм, номаълум сабабларга кўра, суратга олинмаган.

Ушбу ижодий заявка Тошкент ҳужжатли ва бадний фильмлар киностудияси учун ёзилган бўлиб, унинг ўзбекча нусхаси мазкур нашрнинг XVIII томида чоп этилган.

Ижодий заявканинг ёзилган санаси номаълум.

Биринчи марта эълон қилинмоқда.

«Махмуд Тараби», или «Щит народа»

(391-бет)

Ушбу ижодий заявка 1943 йилда Ўзбекистон Халқ Комиссарлари Совети ҳузуридаги Санъат ишлари бошқармаси учун ёзилган. Шу йили тугалланиши мўлжалланилган ушбу асар А. И. Дейчининг Тошкентдан Москвага кўчиб кетиши сабабли тугалланмай қолган. Асарнинг биринчи ва чала ҳолда қолган учинчи кўринишлари ушбу томда эълон қилинмоқда.

Биринчи марта эълон этилмоқда.

Айбек
А. И. Дейч
Щит народа

(392-бет)

Олти кўринишдан иборат «Халқ қалқони» пьесасининг ушбу сценарийси 1943 йилда ёзилган. Пьеса А. И. Дейчнинг Москвага кўчиб кетиши муносабати билан тугамай қолган. Асарнинг айрим тайёр (ёзилган) қисмлари ушбу томда чоп этилмоқда.

Биринчи марта эълон қилинаётган пьесанинг ушбу плани (сценарийси) унинг қандай кўринишлардан иборат бўлиши кераклиги тўғрисида тўла тасаввур беради. Шу билан бирга у асарнинг қолган (эҳтимол ёзилган) кўринишларини топишда очқич вазифасини ўташи ҳам мумкин.

Ушбу сценарийнинг қўлёзма нусхаси, «Халқ қалқони» пьесасининг ҳозирча топилган кўринишлари сингари, А. И. Дейч архивида сақланади.

«Махмуд Тараби»
(398-бет)

«Махмуд Торобий» операсининг ушбу сценарийси Ойбекнинг шу номдаги либреттоси асосида ёзилган. «Потёмкин» броненосеци» операсининг муаллифи А. С. Чишко унга куй басталаган. Опера 1943 йилда Алишер Навоий номидаги Ўзбек Давлат опера ва балет театрида сахнага қўйилган.

Ойбек ва А. И. Дейч «Халқ қалқони» пьесасини ёзишда, афтидан, ушбу сценарийдан ҳам фойдаланганлар.

Сценарий тексти А. И. Дейч архивидан топилди.

Отчетный доклад
Союза писателей Узбекистана
за период с 1 января по 1 декабря 1947 года
(404-бет)

ВКП(б) Марказий Комитетининг «Звезда» ва «Ленинград» журналлари тўғрисидаги қарорининг икки йиллиги муносабати билан ёзилган. Тошкент шаҳар ёзувчиларининг 1948 йил 3 сентябрда бўлиб ўтган йнғилишида ўқилган ушбу доклад тексти баъзи бир қисқартишлар билан биринчи марта эълон қилинмоқда.

Доклад тексти ёзувчи архивида сақланади.

Тезисы выступления
на пленуме Союза писателей Узбекистана
(414-бет)

1947 йилда партиянинг адабиёт ва санъат тўғрисида чиқарган қарорлари муносабати билан СССР Ёзувчилар союзининг XI пленуми бўлиб ўтади. Пленумда СССР Ёзувчилар союзининг бош

секретари А. А. Фадеев партиянинг адабиёт ва санъат тўғрисидаги қарорлари ҳамда совет ёзувчилари олдида турган вазифалар тўғрисида доклад қилади.

Ойбек нутқининг ушбу тезислари СССР Ёзувчилар союзи XI пленумининг яқунланишига бағишланган Ўзбекистон Ёзувчилар союзи пленуми учун ёзилган. Бу пленумнинг ўтган, ўтмаганлиги тўғрисида ҳозирча аниқ маълумот учрамади.

Нутқ тезислари ёзувчи архивида сақланади.

Отчет о поездке в Англию

(417-бет)

1947 йил апрелида СССР Олий Совети депутатлари делегацияси Инглиз-совет дўстлиги жамиятининг таклифи билан Англияга борган. А. А. Фадеев раҳбарлигидаги ушбу делегация составида Ойбек ҳам бўлган.

Ойбек ушбу сафар таассуротлари асосида ўзининг «Шарқдан Ғарбга» номли шеърини ёзган.

Мазкур сафар ҳақидаги ҳисобот 1947 йил 14 апрелда Москвада ёзилган.

Ёзувчи архивида сақланади.

ОЙБЕК АСАРЛАРИ КЎРСАТКИЧИ*

- Абдулла Қаҳҳорнинг «Қўшчинор» романи юзасидан ўтказилган дискуссияда сўзланган нутқ XVIII, 34
- Абдулла Қодирийнинг ижоди тўғрисида XVIII, 69
- Абдулла Қодирийнинг ижодий йўли XIV, 113
- Автобиография XIX, 5
- Автобиография XX, 386
- Адабиёт, тарих, замонавийлик XIV, 283
- Адабиёт тўйи XIV, 312
- Адабиёт қоидалари XIV, 40
- Адабиётимизнинг дўсти XVIII, 89
- Адабий чоршанбалик XIV, 307
- Адҳам Раҳматнинг «Ўзбекистон асл фарзандлари» асари ҳақида XVIII, 70
- Ажойиб бобойлар XII, 53
- Азиз дўстлар, марҳамат XIV, 315
- Азиз дўстларим ва биродарларим! XII, 364
- Азиз дўстларим, севимли кизлар ва болалар! XII, 338
- Азиз ёш дўстларим XII, 372
- Азиз студентлар! XII, 343
- Азиз укаларим! XII, 356
- Азиз ўртоқлар! XII, 340
- Азиз ўртоқлар ва дўстлар! XII, 378
- Азиз Қаюмовнинг «Қўқон адабий муҳити» асари ҳақида XIII, 395
- Азизларим! XII, 349
- А. Алиевнинг кандидатлик диссертацияси ҳақида XVIII, 72
- Алишер Навоий (Ойбек ва А. И. Дейч) XX, 228
- Алишер Навоий XIII, 250
- Алишернинг ёшлиғи XI, 271
- «Амир Олимхон» романи учун тўпланган материаллар XVIII, 242
- Антологияга тайёргарлик XIII, 317
- Асака сафари материаллари XII, 139
- Ассалом, азизлар! XVIII, 92
- Бадий ижодда фойдаланиш учун халқ оғзидан ёзиб олинган асарлар XVIII, 267
- Байрам нашъаси XII, 292
- Байрамингиз муборак! XII, 361
- Байрамингиз муборак бўлсин XII, 387
- Бахтигул ва Соғиндиқ III, 65
- Бахтли қизлар ва болалар! XII, 360
- Баҳор йўли XII, 287
- Баҳор ҳаяжонлари XII, 366
- Баҳром XIII, 345
- Баъзи вазифалар ҳақида икки оғз гап XIV, 219
- Белорус декадасида XII, 376
- Бессмертная песня XX, 39
- 1960 йилда сайловчилар би-

* Ойбек шеърларининг кўрсаткичи ушбу нашрнинг II томида берилган.

- лан учрашувда сўзланган нутқ XVIII, 51
- 1961 йилда сайловчилар билан учрашувда сўзланган нутқ XVIII, 55
- 1962 йилда сайловчилар билан учрашувда сўзланган нутқ XVIII, 59
- 1957 йилда сайловчилар билан учрашувда сўзланган нутқ XVIII, 46
- 1957 йилда сайловчилар билан учрашувда сўзланган нутқ XVIII, 48
- 1948 йил ўзбек совет поэзиясининг муҳокамасида сўзланган нутқ XVIII, 44
- Благотворное влияние XIX, 90
- Бобур XVIII, 98
- «Бобур» дostonи учун материаллар XIII, 376
- Бобом IV, 33
- Болалик XI, 7
- Бугунги вазибалар XIV, 207
- Буюк гуманист XIII, 237
- Буюк давр XII, 299
- Буюк Октябрь XII, 319
- Вавилов. Афғонистон ҳақида XIII, 361
- Вазифаларимиз ҳақида XIV, 280
- Ватан қизи XVIII, 38
- «Вақфнома»дан XIII, 336
- Великая симфония XIX, 34
- Великая стройка XIX, 22
- Великий узбекский поэт Алишер Навои XIX, 216
- Великий учитель XX, 50
- Вместе строим мир красоты XIX, 93
- Внимание братским литераторам XX, 27
- Восифий. «Бадое ул-вақое» XIII, 329
- Вступительное слово на заседании Президиума Союза писателей Узбекистана 1 июня 1948 года XX, 127
- Вступительное слово на заседании Президиума Союза писателей Узбекистана 19 июня 1948 года XX, 136
- Вступительное слово на конференции, посвященной 800-летию со дня рождения Низами 8 июля 1947 года XX, 108
- Вступительное слово на научной сессии, посвященной 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина 5 июня 1949 года XX, 148
- Вступительное слово на научной сессии Академии наук УзССР, посвященной 60-летию со дня рождения Хамзы Хакимзаде Ниязи 1 октября 1949 года XX, 168
- Вступительное слово на расширенном заседании Президиума Союза писателей Узбекистана 20 мая 1948 года XX, 122
- Вступительное слово на III пленуме Союза писателей Узбекистана 9 июля 1949 года XX, 151
- Выступление на диспуте, посвященном пьесе Шейхзаде «Джелаледдин» в Союзе писателей Узбекистана 2 октября 1945 года XX, 66
- Выступление на заседании Президиума Союза писателей Узбекистана 6 сентября 1945 года XX, 63
- Выступление на заседании Президиума Союза писателей Узбекистана 5 октября 1946 года XX, 95
- Выступление на заседании Президиума Союза писателей Узбекистана 9 января 1947 года XX, 100
- Выступление на заседании Президиума Союза писателей Узбекистана 16 октября 1947 года XX, 110
- Выступление на заседании Президиума Союза писателей Узбекистана 21 апреля 1948 года XX, 111
- Выступление на заседании Президиума Союза писателей Узбекистана 1 сентября 1947 года XX, 108

тября 1948 года XX, 140
Выступление на заседании Президиума Союза писателей Узбекистана 2 ноября 1948 года XX, 143
Выступление на заседании Президиума Союза писателей Узбекистана 18 мая 1949 года XX, 146
Выступление на информационных сообщениях представителей республиканских Союзов писателей на заседании Секретариата Союза писателей СССР 18 октября 1946 года XX, 96
[Выступление на митинге по случаю подписки на Государственные займы в 1952 г.] XIX, 63
Выступление на митинге, посвященном образованию Общества дружбы народов СССР и Пакистана XIX, 96
Выступление на обсуждении киносценария «Хамза» в Союзе писателей Узбекистана 26 декабря 1940 года XX, 52
Выступление на обсуждении романа «Священная кровь» в Союзе писателей Узбекистана 26 декабря 1941 года XX, 55
Выступление на общем собрании писателей г. Ташкента 5 июня 1946 года, XX, 73
Выступление на расширенном заседании Президиума Союза писателей Узбекистана 23 мая 1946 года XX, 71
Выступление на собрании писателей г. Ташкента 27 сентября 1946 года XX, 89
Выступление на III пленуме Союза писателей Узбекистана 9 июля 1949 года XX, 153
Глазами друга XIX, 46
Глобус XII, 26
Гули ва Навоий IV, 67

Гулноз III, 96
Гулнор опа XII, 9

Даврим жароҳати IV, 55
Даф бўл! XII, 273
Дилбар — давр қизи III, 9
Доҳийдан ўрганиш XIV, 180
Дўст табриги XIV, 358
Дўстларим! XII, 386

Елғончи тўти XII, 311
Емон мўридан ёмон тутун чиқади XII, 309
Ен дафтарчанинг бир варағи XIII, 385
Еш дўстларим! XII, 375
Еш дўстларим! XII, 354
Еш ижодкорлар ҳақида XIV, 338

Ж. Шариповнинг «Бадний таржиманинг баъзи проблемалари» номили диссертациясига тақриз XVIII, 68
«Жалолитдин» драмаси ҳақида XIV, 224
Жаҳон орзуси яқин XII, 239
Жизнь и общественно-литературная деятельность Хамзы Хакимзаде Ниязи XIX, 254

Заключительное слово на конференции, посвященной вопросам узбекского языкознания XX, 172

Заключительное слово на конференции русских писателей Средней Азии 1 июня 1948 года XX, 132

Заключительное слово на научной сессии Академии наук УзССР 17 мая 1948 года XX, 170

Заключительное слово на обсуждении киносценария «Алишер Навоий» 4 октября 1946 года XX, 93

Заключительное слово на общем собрании писателей г. Ташкента 29 октября 1945 года XX, 69

- Замечательный документ эпохи XX, 18
Зафар ва Захро IV, 7
- И. Хусанхўжаевнинг «Алишер Навоий таълим-тарбия ҳақида» мавзундаги диссертацияси юзасидан XII, 404
Ижод булоғинг ҳамиша қайнасин XIV, 331
Ижод булоғингиз ҳамиша қайнасин XIV, 337
Ижодиётда янги галабалар сари XIV, 247
- Имени Навои XIX, 78
[Илья Чавчавадзе] XX, 31
Илғорлар даласида XII, 73
Илҳом булоғи XIV, 297
История, литература, современность XIX, 293
Интернациональный долг писателя XIX, 69
- Иигирма беш йил мобайнида ўзбек совет поэзияси XIV, 250
Йилларга бир боқиш XII, 256
Йўлнинг бошида XVIII, 200
- К вершинам творчества XIX, 42
К вопросу о мировоззрении Навои XIX, 125
К солнечным садам коммунизма XIX, 29
Камончи III, 119
Кекса қахрамон билан учрашув XII 68
Китобхонлар билан учрашувда сўзланган нутқ XVIII, 62
Кичик дўстларим, болалар, пионерлар! XII, 350
Комсомол юрагимда XII, 352
Комсомол ўртоқларим! XII, 365
Краткий отзыв о диссертационной работе С. Алиева на тему «Поэтическое творчество Бабура», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук XX, 187
- Крылья дружбы XIX, 87
Куйчи ва курашчи XIV, 328
Курашчи йигит XII, 45
Кўнглиминг энг яқин дўстлари XII, 359
- Лашкарбоши XVIII, 97
Ленин ҳақидаги асарнинг плани XVIII, 254
Лжец-попугай XIX, 72
Ликование узбекского народа XIX, 37
Литература, открывшая передо мной новый мир XX, 45
Любимый поэт XX, 37
- Мадҳалга қўшимча XIII, 359
«Мажолис ун-нафонс»дан XIII, 379
Маннон Мажидов — Уйғур XII, 60
«Махмуд Тараби» (сценарий оперы) XX, 309
«Махмуд Тараби, или Щит народа» (творческая заявка) XX, 391
Машраб XIX, 265
Маҳмуд Торобий IV, 98
Маҳорат мактаби XIV, 304
Менга янги дунёни кўрсатган адабиёт XIV, 332
Мир победит войну XIX, 43
Мискин болалар XII, 36
Мои творческие замыслы XIX, 61
[Моя работа над «Евгением Онегиным» Пушкина] XX, 23
Мусича XII, 15
Муқимий асарларида социал типлар XIII, 261
- Навоий (достон) III, 111
Навоий (роман) VI, 7
Навоий ариқ қаздирган XIII, 389
«Навоий» романига киритилиши лозим бўлган баъзи тазтишлар ва бўлимлар XIII, 383
«Навоий» романини қандай ёздим XIII, 291
Навоий ҳақида XIII, 7
Навоий ҳақидаги илмий иш-

ларга тайёргарлик (1-даф-
тар) XIII, 297
Навой ҳақидаги илмий иш-
ларга тайёргарлик (2-даф-
тар) XIII, 313
«Навойнинг болалиги» XII,
391
Навойнинг дунёқараш маса-
ласига доир XIII, 200
Навойнинг «Мажолис ун-на-
фонс» асари ҳақида XIII,
215
Навойнинг сиёсий фаолияти
XIII, 390
Навойнинг таржиман ҳоли
XIII, 103
Наврӯз Жапақовнинг канди-
датлик диссертациясига
тақриз XVIII, 74
Навқирон қалблар XIII, 370
Награда обяызваеt XIX, 20
Народы колониального Восто-
ка борются за мир XIX, 60
Не уставать вам, дорогие
друзья! XX, 42
Наши творческие замыслы,
XIX, 67
Неиссякаемый источник XIX,
24
Неугасимое солнце XIX, 83
Низкий поклон XIX, 101
Номалум бир пьеса қатнаш-
чиларининг рўйхати XVIII,
266
Нур қидириб, X, 57
«Нур қидириб» повести учун
тўпланган материаллар
XVIII, 238
О творчестве Маяковского
XIX, 109
Об узбекской поэзии XX, 34
Одамхўрлар XVIII, 209
Одна большая и светлая судь-
ба XX, 43
Озод этилсин! XII, 282
Оконда концерт XII, 235
Олам ўзгаряпти XII 274
Олтин водийдан шабадалар
VII, 7
Октябрдан бурунги ҳаёт XII,
321
Орлиный взлет XIX, 68
Оташин ватанпарвар ва та-

лантли шоир XIV, 196
Отзыв о диссертационной ра-
боте А. Бабаханова на те-
му «Драматургия Хамзы
Хакимзаде Ниязи в аспек-
те пьесы «Бай и батрак»,
представленной на соиска-
ние ученой степени канди-
дата филологических наук
XX, 197
Отзыв о диссертационной ра-
боте А. Саади на тему
«Творчество Навои как
высший этап в развитии
узбекской литературы»,
представленной на соиска-
ние ученой степени докто-
ра филологических наук
XX, 183
Отзыв на автореферат дис-
сертационной работы Г. Қа-
римова на тему «Узбекский
поэт-демократ Муқими и
литература его времени»,
представленной на соиска-
ние ученой степени докто-
ра филологических наук
XX, 205
Отзыв о диссертационной ра-
боте М. Афзалова на тему
«Народный вариант поэмы
«Фархад и Ширин», пред-
ставленной на соискание
ученой степени кандидата
филологических наук XX,
198
Отзыв о диссертационной ра-
боте Н. Давкараева на те-
му «Очерки по истории ка-
ракалпакской литерату-
ры», представленной на со-
искание ученой степени
кандидата филологических
наук XX, 202
Отзыв о диссертационной ра-
боте П. Г. Булгакова на
тему «Абу Рейхан Бируни»,
представленной на соиска-
ние ученой степени докто-
ра филологических наук
XX, 211
Отзыв о диссертационной ра-
боте С. Далимова на тему
«Жизнь и творчество Ага-

- хи», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук XX, 207
- Отзыв о диссертационной работе С. Касымова на тему «Творчество Хорезми», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук XX, 194
- Отзыв о книге Э. Рустамова «Узбекская поэзия первой половины XV века» XX, 209
- Отобразить в литературе величие нашей эпохи XX, 17
- Офарин XX, 291
- Отчет о поездке в Англию XX, 418
- Отчетный доклад Союза писателей Узбекистана за период с 1 января по 1 декабря 1947 года XX, 405
- Очерк развития узбекской поэзии XIX, 151
- Певец дружбы народов XIX, 268
- Пламенный патриот и талантливый поэт XIX, 141
- Пленум олдидан XIV, 300
- Повесть о Навои XX, 22
- Покистон меҳнаткашларининг турмуши XII, 385
- Покистон таассуротлари XII, 83
- Поэзия Советского Узбекистана XX, 11
- Праздник литературы XX, 32
- Предварительный отзыв о диссертационной работе А. Ибрагимова на тему «Литературная деятельность Мухаммеда Салиха», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук XX, 193
- Предварительный отзыв о диссертационной работе Ю. Султанова на тему «Хамза Хакимзаде Ниязи как первый узбекский советский писатель», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук XX, 192
- Проблемы изучения литературного наследия Алишера Навои XIX, 188
- «Путь славы» (Творческая завязка) XX, 387
- Пушкин и Узбекистан XIX, 107
- Пушкин — рус халқининг улуғ шоири XIV, 260
- «Равзатус сафо» XIII, 341
- Рецензия на статьи сборника «Великий узбекский поэт» XX, 189
- Рус оғамиз XIV, 302
- Рус тили XII, 264
- Рюн Гонзалес де Клавихо XIII, 330
- С. Айнийнинг мақоласидан XIII, 339
- С. Долимовнинг «Огаҳийнинг ҳаёти ва ижоди» мавзудаги диссертацияси ҳақида бир-икки сўз XIII, 403
- С. Мирвалиевнинг «Ўзбек совет адабиётида хорижий Шарқ халқлари ҳаёти ва курашининг ифодаланиши» мавзудаги диссертацияси ҳақида XVIII, 71
- С новыми силами за творческий труд XX, 25
- Светоч мира и счастья XX, 40
- Слава русскому народу XX, 28
- Самарали иш йили XIV, 299
- Самарқанд XIII, 357
- Санъатимиз Отабеги XIV, 353
- Сара қизлар сараси XII, 64
- Севикли оғамиз XII, 347
- Серҳосил куз XII, 80
- Синган умид XII, 16
- Служить народу XIX, 66
- Смертный час фашистской Германии XIX, 17
- Советская литература Узбекистана за два года XIX, 227
- Современная узбекская дра-

- матургия XIX, 242
Социалистик лирика учун
XIV, 73
Социальные мотивы в произ-
ведениях Мукими XIX, 179
Сплоченным все по плечу XIX,
91
Суюкли кизлар ва ўғиллар
XII, 357
Сўнги йилларда ўзбек поэ-
зияси XIV, 86
- Табиат ошиғи XIV, 340
Табрик ва истак XII, 377
Танқид соҳасида саводсизлик
ва ур-йиқитчиликка қарши
ўт очайлик XIX, 52
Тезиси выступления на пле-
нуме Союза писателей Уз-
бекистана XX, 415
Темирчи Жўра III, 59
Темурийлар ва Навоий ҳақи-
да XIII, 367
«Тиллатопар» XII, 21
Тинчлик ва бахт машғали
XII, 289
Тошкент ёзувчиларининг йи-
гилишида сўзланган нутқ
XVIII, 22
- У мангу тирик XIV, 318
У. Тўйчиевнинг «Ўзбек совет
поэзиясида бармоқ систе-
маси» мавзудидаги диссер-
тацияси ҳақида XVIII, 75
Ўзбекская литература на
подъеме XIX, 170
Ўзбекская советская поэзия за
25 лет XIX, 246
Ўзбекские классики XX, 19
[Ўзбекское общество по рас-
пространению политических
и научных знаний] XIX, 32
Улкан босқич XII, 286
Улуғ байрам XII, 253
Улуғ бирлик XII, 276
Улуғ дўстимиз XIV, 350
Улуғ йўл IX, 7
«Улуғ йўл»ни тортиқ қила-
ман XII, 390
Улуғ шоир ва гуманист ҳақи-
да XIII, 242
Унутилмас кунлар хотираси-
дан XII, 248
- Устод ҳақида XIV, 357
Устоз ва дўст XIV, 364
Устоз санъаткор XVIII, 76
[Учитель] XIX, 99
- Факел в надежных руках XX,
48
Фалсафий терминлар устида
бир қанча сўз XIV, 44
Фанорчи ота XII, 12
Фидокор қизлар XII, 56
Фронт бўйлаб XII, 151
- Халқ — қаҳрамон XII, 223
Халққа хизмат — бахт XII,
304
«Хамса»нинг асосий образла-
ри XIII, 158
Хоразм инқилобига бағишлан-
ган пьесанинг плани XVIII,
265
Хотиржам бўл, Бектемир!
XII, 237
Художественная литература
узбекского народа XIX, 136
Художник мужественного та-
ланта XX, 49
Хуш келибсиз, азизлар! XII,
362
- Чексиз умр XIII, 234
Чехов ва ўзбек адабиёти XIV,
188
Чехов и узбекская литерату-
ра XIX, 145
Чин юракдан XIV, 354
Читатели о библиотеке XIX,
19
«Чор девон»да 47 минг мис-
ра... XIII, 384
Чуқур ҳурмат XII, 279
Чўпон қўшиғи III, 79
- Шарқ адабиётининг билимдо-
ни XIV, 363
«Шарқ юлдузи» журнали
1948 йил сонларининг му-
ҳокамасида сўзланган нутқ
XVIII, 40
Шаҳримиз обод бўлсин XII,
294
Шоир ҳақида XIV, 276
Шоир ҳақида хотираларим
XIV, 321

- Шонли йўл X, 5
Шонли 40 йил ичида XIV, 343
- Щит народа (Ойбек ва А. И. Дейч) XX, 215
«Щит народа» (сценарий пьесы) XX, 393
- Э. Иброҳимовнинг «Увайсий ижодига доир» диссертацияси ҳақида XIII, 401
Эсда тутиш учун XIII, 388
Эсда қолдириш учун XIII, 387
- Юнус Юсуповнинг «Адабий меросимиз тарихига доир» асари ҳақида XIII, 406
- Яна бир зўр беринг, пахтакор дўстлар XII, 278
Яна шу асар ҳақида XVIII, 66
Янги ижодий режалар XIV, 320
Янги йил режалари XII, 382
Янги йил, янги ниятлар XIV, 314
Янги йилнинг қалами XII, 381
Янги куч билан XIV, 347
Янги режа XII, 389
Янги ғалабалар тилайман XII, 353
- Ўзбек адабиёти XIV, 183
Ўзбек адабиёти тарихи ҳақида XVIII, 186
Ўзбек поэзиясида тил XIV, 107
Ўзбек поэзиясининг тарихий тараққиёти тўғрисида XIV, 19
Ўзбек совет адабиёти юксалишида XIV, 242
Ўзбек совет адабиётининг тараққиёти ва галдаги вазифалари XIV, 218
Ўзбек совет адабиётининг юқори ғоявийлиги учун XIV, 229
Ўзбек халқининг адабиёти ва санъати XIV, 270
«Ўзбек шоирлари» ҳақида XIII, 408
Ўзбекистон баҳори XII, 260
- Ўзбекистон ССР Фанлар академиясининг илмий сессиясида сўзланган нутқ XVIII, 64
Ўзбекистон ССР Фанлар академиясида Навоийнинг туғилганига 525 йил тўлиши муносабати билан ўтказилган сессияда Ойбекнинг кириш нутқи XIII, 413
Ўзбекистонда ишчилар синфининг туғилишига бағишланган пьесанинг плани XVIII, 262
Ўйин учун ўқ XII, 33
Ўлмас асарлар яратайлик XIV, 310
Ўрнимиз — жанговар сафда! XVIII, 86
Ўрознинг бахти III, 79
Ўртоқлар! XII, 325
Ўртоқлар! XII, 329
Ўртоқларим ва дўстларим XII, 374
Ўртоқларим ва қимматли дўстларим XII, 328
Ўткир Рашидовнинг «Улуғ Ватан урушидан кейинги даврда ўзбек совет болалар адабиёти» мавзундаги кандидатлик диссертацияси тўғрисида XVIII, 67
Уч III, 47
- Қадаҳ сўзи XIV, 348
Қайдлар XIII, 386
Қайноқ кунлар XVIII, 218
«Қайноқ кунлар» пьесасининг умумий плани XVIII, 255
Қаламқашлар ўртасида самимий дўстлик бўлсин XVIII, 80
Қалин дўстлик XII, 266
Қаҳрамон қиз III, 89
Қаҳрамонлик XII, 219
«Қаҳқаҳаи ҳусн» тарихий драмасининг қатнашчилари рўйхати XVIII, 264
«Қизил Ўзбекистон»га XII, 351
Қизлар III, 125
Қисқача таржимаи ҳолим XIV, 9

- Қорақалпоғистонлик азиз дўст-
 ларга сўзимиз XVIII, 83
 Қонли бармоқлар XII, 40
 Қувонч XII, 78
 Қувонч, бахт, муваффақият
 тилайман XII, 388
 Қуёш сари XII, 251
 Қуёш қораймас VIII, 7
 «Қуёш қораймас» романи учун
 тўпланган материаллар,
 XVIII, 229
 Қутлуғ қон V, 7
- Файратингизга қойил XII, 280
 Галвирчи XVIII, 105
 Галаба баҳори XII, 245
 Гафур ҳақида XIV, 102
 Голибият XII, 267
- Ҳ. Сулаймоннинг «Алишер
 Навоий лирикасининг текс-
 тологик тадқиқоти» ҳақи-
 да XIII, 397
 Ҳаётим тонгида XII, 336
 Ҳаётимиз гулда XII, 284
 Ҳамза III, 166
 Ҳамиша яловбардор, ҳамиша
 устоз XIV, 360
 Ҳассос ижодкор XIV, 346
 Ҳақгўйлар IV, 15
 Ҳирот XIII, 352
 Ҳурматим чексиз XIV, 355
 Ҳурматли ўқувчилар! XII, 348
 Ҳусайн Шамснинг «Ҳуқуқ»
 романи ҳақида тақриз
 XVIII, 65

ОЙБЕК ТАРЖИМАЛАРИ КЎРСАТКИЧИ

- Апулей* Люций
 Метаморфозалар XV, 296
 Амур ва Психея ҳақидаги новеллалар XV, 298
 Вафосиз хотин ҳақида новелла XV, 305
- Ахматова* А. А.
 Мардлик XVII, 210
 «Боғда ғалати чуқур...» XVII, 211
- Белинский* В. Г.
 Поэзиянинг хил ва турларга бўлиниши XVII, 17
- Вергилий* Публий
 Буколикалар XV, 163
 Георгикалар XV, 166
 Энеида XV, 193
- Верхарн* Эмиль
 «Ҳаво ипақларига...» XV, 432
- Гейне* Генрих
 Силезия тўқувчилари XV, 424
 Қуллар кемаси XV, 425
- Гомер*
 Илиада (парча) XVIII, 222
- Гораций* Квинт
 Эподлар XV, 143
 Сатиралар XV, 145
 Қасидалар (Одалар) XV, 148
 Пизонларга бағишлов XV, 155
- Горький* А. М.
 Макар Чудра XVII, 193
 Лочин қўшиғи XVII, 207
- Довуд* Сасунли XVII, 233
- Катулл* Кай Валерий
 № 5 [Лесбияга] XV, 116
- № 3 [Чумчуқнинг ўлимига] XV, 118
 № 40 [Рақибга] XV, 118
 № 85 [Нафратланама — севаман] XV, 119
 № 27 [Шароб] XV, 119
 № 60 [Шонрона ҳангома] XV, 119
 № 95 [Адабий мунозара] XV, 120
 № 57 [Юлий Цезарга доир ҳажвнома — памфлет] XV, 120
 № 63 [Аттис] XV, 121
- Козлов* И. И.
 Дездемона романи XVII, 15
- Крилов* И. А.
 Япроқлар ва Илдизлар XVII, 11
 Қарға ва Товуқ XVII, 12
 Уткинчилар ва Йтлар XVII, 13
 Дуб дарахти ва Чўчқа XVII, 14
- Лермонтов* М. Ю.
 Маскарад XVII, 16
- Липко* В. А.
 Хат XVII, 229
- Лисогорский* Ондра
 Самарқанд кузи XV, 433
 Бомбардимон вақтида XV, 434
 Кончи партизанлар қўшиғи XV, 435
 Мен шонр XV, 436
- Лукиан*
 Туш кўриш XV, 261
 Худоларнинг сўзлашувлари

- XV, 263
 Денгиз суҳбатлари XV,
 270
 Ҳликларнинг сўзлашувлари
 XV, 274
- Луcreций* Тит
 Нарсаларнинг табиати ҳа-
 қида XV, 126
- Марциал* Валерий
 Биринчи китоб. Кириш
 XV, 242
 Иккинчи китоб XV, 244
 Учунчи китоб XV, 244
 Бешинчи китоб XV, 245
 Саккизинчи китоб XV, 245
 Ҳн биринчи китоб XV, 246
 Ҳн учинчи китоб XV, 247
 Ҳн тўртинчи китоб XV,
 247
 Томшалар ҳақида XV,
 247
- Мольер* Жан Батист
 Тартюф XV, 337
- Овидий* Публий
 Қайғули элегиялар XV,
 199
 Мухаббат қўшиқлари XV,
 202
 Хотин қаҳрамон XV, 205
 Метаморфозалар (Турла-
 нишлар) XV, 214
 Қайғули элегиялар XV,
 220
- Петроний* Кай
 Сатирикон XV, 286
- Плавт* Тит Макций
 Хумча [қўмилган хазина]
 тўғрисида комедия XV, 7
 Мақтанчоқ жангчи XV, 61
- [Фитначи қул образи] XV,
 67
- Потье* Эжен
 Интернационал
Проперций Секст
 I, 15; XV, 196
- Пушкин* А. С.
 Евгений Онегин XVI, 5
 Қишлоқ XVII, 7
 «Тун нури соҳир...» XVII,
 9
 Булут XVII, 10
 Полтава (парча) XVIII,
 224
- Сенека* Люций Анней
 Медея XV, 221
 Октавия XV, 233
 Қовоқланиш XV, 249
- Твардовский* А. Т.
 Гармонь XVII, 212
- Теренций* Публий
 Андриянка XV, 71
 Қардошлар XV, 72
- Тибулл* Альбий
 I, 1; XV, 193
- Франс* Анатолий
 Башарият тарихи XV, 430
- Чуковский* К. И.
 Бармалейни енгамиз XVII,
 217
- Цицерон* Марк Туллий
 Верресга қарши XV, 133
 Катилинага қарши нутқлар
 XV, 134
 Оратор ҳақида XV, 136
- Ювенал* Деций Юний
 I сатира XV, 251
 III сатира XV, 254
 IV сатира XV, 258

ИСМЛАР КҮРСАТКИЧИ

А

- Аббос VIII, 373, 374
 Абдулазизхон XVIII, 294, 373, 374, 391
 Абдулвоси Мунши XIII, 21
 Абдуллаев XII, 69; XVIII, 41
 Абдуллаев Фаттоҳ XX, 178
 Абдуллатиф XIII, 368, 370, 371, 372, 373, 374, 375; XX, 231
 Абдуллахонов Ж. XIV, 339; XX, 48
 Абдулло XIII, 370, 374, 375
 Абдулмужин XIII, 29
 Абдулла Қаҳҳор XIX, 185, 189, 191, 192, 210, 217, 243, 244, 285, 297, 301, 307, 308; XVIII, 27, 30, 34, 35, 38, 39, 79; XIX, 20, 27, 139, 146, 147, 253; XX, 23, 26, 29, 65, 79, 101—102, 105, 107, 117, 122, 157, 405—407, 499, 411, 415
 Абдулқюм XIV, 348
 Абдулқодир XIV, 236
 Абдулхай XIII, 17, 29, 156; XX, 261, 269
 Абдулхай Тўнний XIII, 31
 Абдулҳалим XX, 261
 Абдулҳақ Ҳамид XIV, 284; XIX, 272
 Абдулҳасан XIII, 31
 Абдусамат XIII, 314
 Абдулқаҳҳор XIII, 302, 380; XIX, 130; XX, 352
 Абдуҳолиқова А. XIX, 235
 Абу Али ибн Сино II, 337; XIII, 120, 318, 353, 404; XIV, 20, 23; XIX, 102, 154; XX, 28, 211, 233, 253
 Абу Наср Мансур ибн Али XX, 211
 Абу Саид XIII, 16, 17, 113, 114, 147, 252, 342, 367, 368, 371, 373, 304, 313, 341, 370, 374, 375, 380, 381; XX, 239, 242—244
 Абулмуҳсин XIII, 391; XX, 261
 Абулқосим XIII, 16
 Абулғозий XVIII, 286, 300
 Абулхайр XIII, 372, 374, 375, 385, 391
 Аваз Утар XIII, 287, 288, 406; XIV, 31; XIX, 162
 Август XV, 143, 198
 Аvezов Мухтор II, 238, 436; XII, 314, 353; XIV, 312; XIX, 75; XX, 32, 33, 79, 415
 Авлоний Абдулла XIV, 32; XIX, 163
 Аденауэр К. XVIII, 57
 Адҳам Раҳмат XIV, 39, 214; XVIII, 70; XIX, 168
 Адҳам Ҳамдам XIV, 214
 Ажинияз XVIII, 84; XX, 203
 Азиз Абдураззоқ XIV, 338; XX, 48
 Азимов Сарвар XIX, 239; XX, 165
 Айёмий XIV, 231
 Айний Садриддин XIII, 389; XIV, 363
 Айтматов Чингиз XIII, 314; XIX, 75
 Акбарий С. XX, 409

Акрамов И. XX, 73
Ал-Хўжандий XX, 211
Алавуддавла XIII, 371, 372, 375
Александр де Берн XX, 323
Али Атқо XIII, 343
Али Асий XX, 288
Али Қушчи XIII, 345
Алиев Саид XX, 187—188
Алиев XVIII, 72
Алимуҳаммад XIV, 45
Алимуҳамедов XVIII, 37, 38; XIX, 239
Амаду Жоржи XX, 26
Анмбетов Ҳалил XIX, 233, 245
Амидил Мулк XIII, 390
Амин Умарий XIV, 217, 255; XIX, 168
Амир бобо Али XIII, 342
Амир Зулнун XIII, 342
Амир Мазит Афғуний XIII, 343
Амир Муҳаммад Хусрав XIII, 314, 373, 374
Амирий XIII, 289; XIX, 137
Амириддин XIII, 342
Анварий XIII, 314
Андалиб XVIII, 300
Анорбоев Суннатулла XX, 165
Ансорий XIII, 315; XX, 263
Антокольский П. Г. XIV, 233; XIX, 170
Анқабой I, 372
Апулей XV, 295
Арагон Лун XX, 26
Арасту XII, 282; XIII, 74, 318
Аристотель XX, 108, 324—325, 352, 356, 362
Архангельский Н. П., 451
Асфандиёрхон XIV, 31
Асқарова Тожихон XIX, 27
Асқад Мухтор XIV, 39, 245, 247, 248, 257, 258; XVIII, 25, 30, 34; XIX, 168, 171, 174, 228, 233, 236, 238; XX, 84, 158, 405—407, 409, 412
Аттор Фаридиддин XIII, 56, 57, 108, 109, 212, 251, 314, 318, 381; XIX, 133; XX, 239—240, 265

Афзалов Мансур XX, 198—201
Афлотун XII, 282; XIII, 318
Ашраф XX, 288
Ахматова Анна II, 315, 448; XIV, 79, 339
Аъзам Айюб I, 192, 437
Аҳмадий XX, 209
Аҳмад XIII, 371; XIV, 23
Аҳмад Аббос XX, 26
Аҳмад Барлос XIII, 313
Аҳмад Мирзо XIII, 316, 377
Аҳмад Надим XIII, 302
Аҳмад Ҳасан XII, 203
Аҳмад Ҳожибек (Вафонй) XIII, 114, 115, 306, 329, 368—369; XVIII, 300; XX, 244
Аҳмад Ҳожий XIII, 17
Аҳмад Ҳусайн Мирзо XIII, 313
Аҳтар XII, 204, 210

Б

Багрицкий Э. Г. XX, 35
Бадруззамон XIII, 27, 28, 29, 30, 73, 148, 149, 154, 307, 390, 341, 342, 344, 391; XVIII, 290; XX, 259—260, 268, 324
Бадилкамол XIII, 342
Бажан Микола XII, 368; XIX, 94
Байрон Ж. Г. XIV, 15; XVII, 198, 149, 163, 173; XVIII, 7, 13; XIX, 10, 102; XX, 99, 407, 418, 419
Бальзак XIII, 237; XIV, 121; XIX, 102
Барбье XVII, 174
Бартольд В. В. XIII, 7, 58, 307, 370
Бать Л. Г. II, 419
Батюшков XVII, 172
Баҳром V XX, 311
Бегимов Асон XVIII, 84; XIX, 177
Бедил XIII, 220; XIV, 10; XIX, 6, 47, 188, 259
Безименский М. XIX, 19
Бектош XIV, 81
Бекназаров XIX, 178
Белинский В. Г. XII, 93; XIV,

- 260, 262, 267; XVII, 120; XVIII, 8; XX, 82, 149
- Беранже XVII, 173
- Бердах II, 198; XVIII, 81; XX, 203
- Берггольц О. Ф. XX, 127
- Бертельс Е. Э. XIII, 67; XIV, 307; XX, 189—190, 278, 290
- Бернс Р. XVII, 173; XX, 418
- Беруний XIII, 404; XIX, 102; XX, 211—212
- Беҳзод II, 128; XIII, 121, 388; XIV, 25; XIX, 156; XX, 347
- Бикодоров М. XIX, 172; XX, 133, 160, 406
- Билал XIII, 303
- Бинной III, 116, 307; XIX, 193
- Бисотий XIII, 301
- Блок А. А. I, 425; XII, 93; XIV, 185, 234, 285, 305, 333; XIX, 137, 138, 272, 273; XX, 46
- Бобожонов А. XIV, 245
- Бобожонов Етим XIX, 242
- Бобоев Мамарасул XIV, 39, 245, 247, 248, 257, 258; XVIII, 26; XIX, 172, 228, 230, 236, 238; XX, 107, 117, 406, 412
- Бобохонов Абдулла XX, 197
- Бобур Абулқосим VI, 24; XII, 100; 112, 113, 208, 313; XIII, 15, 16, 33, 105, 111, 112, 113, 115, 251, 370, 371, 372, 373, 375, 379, 381; XX, 238—239, 241—243
- Бобур Заҳриддин Муҳаммад XII, 313; XIII, 25, 32, 33, 46, 58, 113, 114, 121, 140, 219, 224, 281, 282, 283, 299, 306, 307, 354, 355, 367, 368, 375, 376, 377, 378, 395; XIV, 27, 28, 40, 184; XVIII, 98, 99—102, 104; XIX, 47, 59, 101—102, 107, 137, 158, 159, 191; XX, 19, 170, 187—188, 236, 245, 270, 332, 355
- Боймирза Ҳайит XII, 311, 312, 313, 314; XIX, 72, 74, 75, 76
- Бойсунқур XIII, 281, 371, 372; XX, 243
- Бойқаро мирзо XX, 237
- Боровков А. К. XX, 117, 179
- Бойқобилов Барот XIV, 338
- Бокаччо XV, 305
- Бородин С. П. XX, 127
- Боязид XIII, 104, 309
- Боқирғоний Сулаймон XIII, 322; XIX, 137, 189; XX, 195
- Броннер XVII, 165
- Брюсов В. XII, 93
- Буало XV, 144; XVII, 181
- Булгаков П. Г. XX, 211—212
- Бурлюк XIX, 110
- Бурундук XIII, 343, 344
- Бухорий Исматулло XIII, 382
- Бурҳониддин XIII, 378
- Бурҳонов Шукур XIX, 242
- Бўрнева Нозик XIX, 27

В

- Вавилов XIII, 361
- Вайсман XX, 413
- Валибек XIII, 123, 391, 392
- Валиев XX, 153
- Василевская Ванда XIX, 170; XX, 79, 407, 415
- Ваҳобов М. В. XX, 102, 157—159
- Вергилий XV, 143; XVII, 164, 186
- Верхарн Эмиль I, 383, 438; XV, 432
- Верхацкий М. XX, 73
- Виленский XX, 57
- Виньи XVII, 160
- Вифлиемский XX, 70, 134
- Волгин С. XIX, 238
- Вольтер XVII, 183
- Вордсворт XVII, 128
- Воронский XIV, 66, 67
- Ворошилов К. Е. II, 379; XIX, 39
- Восифий XIII, 329
- Воҳидов Эркин XIV, 338; XX, 48

Г

- Гавҳаршод XIII, 309, 370, 371, 372
- Гадодий XIII, 305; XX, 209

Гварин XVII, 164
Гейббельс XVII 165, 166
Гегель XIV, 100; XX, 14
Гезиод XVII, 169
Гейне Генрих I, 463; XIV, 80
Герцен А. И. XIV, 265
Геснер XVII, 164, 165
Гёте XIV, 14, 80; XVII, 160,
173, 181, 182, 186; XIX, 10,
108; XX, 22
Гидаш Анатолий XIV, 80
Гитлер А. II, 452
Гнедич XVII, 163, 166
Гладков Ф. В. XX, 25
Гоголь Н. В. I, 246; XIV, 11,
306, 333; XVII, 139, 162,
185; XIX, 108, 245; XX, 29,
46, 99
Гольдони XIX, 245
Гомер XVII, 153, 154, 162,
165, 182; XVIII, 222; XX,
407
Гораций XVI, 143, 144
Горбатов Б. XIX, 170
Горький А. М. II, 116, 381,
405, 411; XII, 93, 222, 310;
XIV, 34, 107, 128, 189, 192,
200, 233, 271, 306, 309,
310, 334, 355, 356, 357,
360, 361, 362, 364; XVII,
193; XVIII, 23, 79, 90;
XIX, 89, 102, 108, 146, 148,
164, 170; XX, 29, 47, 50—
51, 82, 125, 203, 382, 407
Горянов XIV, 11; XIV, 305,
333; XX, 46
Гофман XVII, 160, 162
Грей XVII, 172
Гроссман В. XX, 415
Гуро Ирина XIX, 236; XX,
412
Гулшан XX, 206
Гулханий XIII, 289; XIV, 30,
184; XVIII, 295; XIX, 137,
161
Гулчехра XIV, 338; XX, 48
Гюго Виктор XIV, 121; XVII,
160, 183

Д

Давлатшоҳ XIII, 381; XX,
209, 333, 355
Давидов XIX, 177

Даврон XIV, 111, 214
Данилов Сергей XIX, 238; XX,
104—105, 408
Данте Алигьери XIII, 237;
XIV, 14; XIX, 10; XX, 99,
292, 331, 419
Дарвиш Мансур XX, 244
Дарвиш Нозукий
Дарвишали XIII, 22, 23, 147,
251, 343, 391
Дейч А. И. I, 466; XX, 215,
391
Делил XVII, 186
Демулен XV, 133
Державин В. XIII, 318; XVII,
168, 170, 172; XIX, 283
Диккенс Чарльз XVII, 160
Димитров Г. М. XX, 151
Дитрих Л. А. II, 432
Добилев Аббос XVIII, 84
Довженко А. XIX, 94
Довқораев Н. XIX, 177, XX,
202—204
Долимов С. II, 438; XIII, 403;
XX, 207—208
Доро II XX, 322, 325, 350
Достоевский Ф. М. XIV, 189,
194; XIX, 146
Дунаевский XIII, 98, 100
Дурбек XII, 312; XIII, 222,
275, 276, 324; XIV, 25;
XVIII, 292; XIX, 73, 156,
175, 189
Дю Белле XX, 332
Дюкре-Дю-Мениль XVII, 159,
186

Е

Едгор XIII, 341, 355, 385, XX,
247—250
Едгор Муҳаммад XIII, 19,
115, 116, 117; XX, 247, 375
Евлия XIII, 52
Енғин Мирзо XIV, 245, 246,
247, 308; XVIII, 27; XIX,
172; XX, 406, 409
Ер Али XIII, 373
Ерий XIII, 302
Ермухамедова Турсун XIX,
40
Ёқубов Назрулла XII, 236
Ёқут XX, 198
Ёқубов Одил XVIII, 67

Еқубов Ҳомил I, 402; XIV, 307, 308, 358, 359; XX, 72, 113—114, 117, 165

Ж

Жалилов Обид XIX, 242
Жалолиддин XX, 66—68
Жалолиддин II, 347, 452; XIII, 56; XIX, 46
Жалолов Т. XIII, 408
Жан-Поль-Рихтер XVII, 124, 126, 127, 128, 186, 190
Жапоқов Наврӯз XII, 333; XVIII, 74, 81
Жасур XX, 12
Жафрий Али Сардор XX, 26
Жаҳонгир XIII, 104, 343, 369, 371, 372
Жаҳоншоҳ XIII, 375
Жданов В. В. XIV, 230, 231, 239
Жинна II, 395
Жиров Жин XVIII, 84
Жигой XX, 14
Жомий Абдурахмон XIII, 33, 56, 57, 58, 68, 69, 98, 125, 126, 140, 252, 279, 292, 297, 301, 311, 313, 314, 315, 316, 339, 340, 343, 353, 380, 381, 390, 399, 412; XVIII, 93, 292; XIX, 201, 204, 206, 283, 289, 298; XX, 19, 234, 254—255, 258, 278—280, 288—291, 297, 354—355, 380
Жонибек XIII, 274, 323; XX, 195
Жуков XVII, 166
Жуковский XVII, 172, 173
Жулмбетова Тарбия XVIII, 84
Жуманиёзов Р. XX, 178
Журжоний II, 311, 399, 447; XIII, 324

З

Завқий XIII, 268, 395; XIV, 32; XIX, 163; XX, 206
Зарифов Ҳоди XIV, 301; XIV, 309; XX, 118, 191
Зафар Днёр XIV, 218, 309
Захаркин И. Г. II, 403

Зевс II, 9
Зелинский К. И. XV, 134
Зиёвуддин Юсуф XIII, 316
Зоин XIII, 382
Зокмров Дони II, 435; XVIII, 41
Зокиров Муҳсин XIX, 239
Зоҳид Ҳ. XIV, 110
Зоҳидов Воҳид XX, 117, 189
Зоҳидов Теша XIX, 38
Зулолий XIII, 381
Зулфия I, 372; II, 367; XIV, 38, 215, 244, 297, 307, 346; XIX, 139, 168, 251; XX, 23, 101, 117, 405
Зуннунова Саида XIX, 240; XX, 407, 408
Зуфарова Ҳ. II, 451
Зухур Сидқий XII, 211

И

Иброҳимов Акрам XX, 193
Иброҳимова Эътибор XIII, 409
Ибарурри Долорес II, 41, 410
Ибн Батуға XIII, 297
Ибн Халдун XIII, 309
Ибн Ҳожиб XIII, 114, 371
Иброҳим XIII, 276, 368, 369, 373
Иброҳим Ҳусайн XIII, 22, 147
Иванов А. М. XIV, 246; XIX, 172, 235; XX, 133, 160 410, 412
Иванченко XX, 413
Ивашев Н. Е. XX, 104, 409
Иззат Султон XIV, 186, 217, 301, 308; XVIII, 37, 69; XX, 140, 244, 245, 285, 287; XX, 113, 121, 412, 414
Илёс Муслим XIV, 246
Илдиз Ноён XX, 218—227, 393, 395—397
Имодул Ислол XIII, 391
Имомхўжаев Т. I, 372; II, 367
Инбер Вера XIV, 233; XX, 85, 415
Ирвинг Вашингтон XVII, 162
Ирманов XIX, 77
Искандар Зулқарнайн XIII, 354; XIV, 19

қ.: Македонский А. XX,
322—329
Ислом шоир XIV, 34, 186;
XIX, 139, 165; XX, 153
Исмоилий Мирзакалон XIV,
214; XX, 40/
Исмоилов XX, 82
Исмоилов У. XX, 85
Ишқий XIII, 380
Иқбол XII, 83; XIX, 48, 74
Иқоний XIII, 317

К

Кадап XIII, 369
Каверин В. А. XX, 79, 415
Казаргоҳий XIII, 307
Каншов XX, 153
Каллимах XVII, 169
Калшурний XVII, 164
Калугин XX, 413
Кальдерон XVII, 174
Каменский XIX, 110
Камни XIV, 32; XIX, 163
Камол Бадахший XIII, 310
Камоллий XIII, 379, 380
Камоллиддин Ҳусайн XIII, 58
Камтар XIV, 217
Кант XVIII, 17
Капнист XVII, 168
Карамзин XIII, 318
Карим Аҳмадий XIV, 97, 99;
XX, 14, 95
Каримов Турғун II, 403; XII,
236
Каримов Фулом XIX, 239; XX,
87, 165, 205—206
Каримова Турсуной XIX, 27,
29
Катаев В. П. XX, 79, 415
Качановский XX, 413
Кедров XX, 65, 413
Кербобоев Б. XII, 314; XIV,
337; XIX, 75
Киачели М. XX, 415
Кинтал XX, 323
Киромий XVIII, 300
Клавдий XV, 249
Клавихо Р. Г. XIII, 308, 330,
334; XX, 226
Кобиллий Мирсанд XIII, 392
Кобулий XIII, 302, 313
Козлов И. И. XVII, 15, 124
Коклар XVII, 160

Кольриж XVII, 169
Кольцов М. XVII, 174
Комил XIII, 257, 288, 406;
XV, 133; XIX, 163
Копиленко XX, 415
Корнейчук А. Е. XIX, 94, 177;
XX, 49
Корнель XVII, 183
Косигин А. Н. XVIII, 52
Коупер XVII, 173
Кошанский XVII, 168
Кошгарий Маҳмуд XIII, 313,
316, 381; XIV, 22; XIX,
154; XX, 332
Крамер XVII, 159
Краснобаев И. М. XIV, 307
Кребильон XVII, 183
Крилов И. А. XIII, 318, 463;
XIV, 32; XVII, 11, 166;
XIX, 163; XX, 55, 62
Куйбишев В. М. XIX, 235
Кукольник XVII, 184
Кунхўжа XVIII, 84; XX, 203
Купер Ф. XVII, 128, 141, 143,
160, 162
Кучкингоҳон XIII, 371
Кушакевич XX, 199

Л

Лавренев Б. А. XIX, 245
Лагарп XVII, 151
Ламартин XVII, 168
Ламберн де Тор XX, 323
Лассал XIV, 128
Латипов Ҳикмат XIX, 242
Латифий XIII, 303
Лафонтен XV, 305; XVII, 159,
166, 186
Лацис В. XX, 415
Ле Иван XII, 368
Левис XVII, 159
Ленин В. И. I, 206, 259, 276,
391, 404; II, 47—49, 68,
69, 72 75, 79, 83, 95, 104,
148, 151, 173, 178, 207—
210, 249, 250, 268, 349,
373, 377, 379, 385, 388—
390, 391, 393, 394, 397,
398, 423, 431, 438, 440;
III, 15, 41, 62, 174, 177;
XII, 127, 361, 366; XIV,
46, 53, 68, 101, 107, 108,
249, 282, 302, 344, 345;

- XVIII, 54, 64, 74, 78, 87, 91; XIX, 20, 32, 80, 102, 167, 233, 234, 235, 236, 246, 263; XX, 30, 36, 109, 154, 178, 210
- Лебедев Н. XX, 282, 284
- Леонардо да Винчи XX, 355
- Леонов Л. М. XX, 49
- Лермонтов М. Ю. I, 463; XII, 93 347, 367; XIV, 11, 34, 184, 197, 202, 234, 302, 305, 333, 343; XVII, 16, 162, 170, 174; XVIII, 23; XIX, 93, 108, 137, 138, 142, 164, 170, 245; XX, 46, 158, 203
- Лессаж XVII, 160
- Либединский Ю. XX, 89, 92
- Линдсей Жек XX, 26
- Липко В. XIV, 245; XVII, 231; XIX, 172, 197, 237; XX, 104, 158, 406, 410
- Лисогорский Ондра XV, 433
- Лиходзневский С. П. XX, 134, 410
- Ломоносов М. В. XIII, 318; XVII, 168
- Лопе-де Вега XVII, 183; XIX, 245
- Луговской В. XIX, 289; XIX, 276; XX, 118, 125, 407
- Лукиан XV, 260
- Луначарский А. В. XIV, 42
- Лутфий IV, 82; VI, 25; XII, 313; XIII, 46, 110; III, 221, 226, 234, 235, 236, 251, 277, 278, 299, 300, 302, 311, 324, 325, 353, 381, 413; XIV, 24, 25, 183, 196, 325, 343; XVIII, 292; XIX, 73, 74, 107, 142, 156, 190; XX, 19, 191, 209, 234, 241—242, 331
- Лучетич Е. XII, 69
- Людовик XVII, 164
- М**
- Мавлон Икром XIX, 239
- Мавлоно Абдулла XX, 335
- Мавлонов Сирбой XII, 353
- Мажид Усмон XIV, 217
- Мажидий Абдулхамид I, 462; II, 402, 412, 413
- Мажидиддин Мухаммад XIII, 140, 141, 145, 146, 147, 148, 225, 342, 343, 344, 390; XX, 257
- Мажидов Маннон (Уйғур) XII, 60, 61, 62, 63; XIX, 242
- Мажлисий XIV, 28; XIX, 159
- Мазит Арғунхон XIII, 343
- Македонский А. XIV, 270; XIV, 151, 213, 214; XX, 186, 228, 287, 321—324, 327, 357, 359, 373; Қ: Искандар Зулқарнайн
- Маков В. XIV, 307, 309
- Малла XX, 325—326
- Малхасьян XII, 236
- Маннон Фани XIX, 239
- Манолис Глезос XII, 282
- Мансур XIII, 23
- Маркс Карл I, 136, 259, 276, 277, 386, 391, 443, 388, 395; XIII, 44; XIV, 14, 46, 53, 101, 107; XIX, 10, 32, 80, 118, 236; XX, 178, 360, 364
- Массон М. Е. XX, 191
- Масъуд Мирзо XIII, 301
- Махмур XIII, 262, 289; XIV, 30; XIX, 161
- Махсумова Нурия XIX, 40
- Махтумқули II, 198
- Машраб I, 63; II, 63, 65, 411, 412; XII, 313; XIII, 284, 285, 387; XIV, 28, 29; XVIII, 296, 297; XIX, 74, 169, 170, 265, 266, 277; XX, 11
- Машҳадий Султонали XIII, 121, 399
- Маъдан XIII, 395
- Маъдалихон XVIII, 299
- Маъруф Ҳаким XIV, 308; XX, 95, 107, 117, 412
- Маъруфов Зокир XX
- Маяковский В. В. I, 241, 409, 444; XII, 93, 367; XIV, 34, 38, 79, 185, 197, 199, 234, 253, 254, 305, 329, 334; XIX, 56, 90, 93, 97, 108, 109, 111—114, 117, 119, 120—123, 138, 139, 142—164, 249; XX, 26, 27, 29, 35, 47, 203, 406

- Маҳзуна XIII, 289, 290, 395; XIV, 30; XIX, 161
- Маҳмуд XII, 201; XIII, 341, 371
- Маҳмуд Мақал XIX, 43
- Маҳмуд Торобий XX, 391—392, 395—404
- Маҳмуд Ялавоч XX, 215, 217—223, 393, 395
- Маҳмудий Қатагон II, 412
- Маҳмудова Турсуной XII, 236
- Мельнина XX, 412
- Мерзляков XVII, 168
- Меценант XV, 143, 144
- Мильчаков В. XIV, 246; XIX, 172, 238; XX, 103—104, 119, 143—144, 406, 408
- Минеев XX, 413
- Минорский XX, 418
- Мирабо XV, 133
- Мироқилов Миршоҳид XIX, 242
- Мирвалиев С. XVIII, 71
- Мирзаев Муҳаммаджон II, 403
- Мирзаев Тешабой XIX, 25
- Мирзо Абдулло XIII, 371
- Мирзо Абдурраззоқ XIII, 371
- Мирзо Олим XIII, 262, 264; XIX, 179
- Мирзо Санжар XX, 242—243
- Мирзо Қосим Анварий XIII, 105
- Мирзобек XIII, 304
- Миркаримов XX, 117
- Миркарим Осим I, 43, 410; II, 451; XIV, 217, 246; XVIII, 23; XIX, 172, 253; XX, 17, 72, 117
- Мирмуҳсин XIV, 39, 245, 247, 248, 258, 308; XVIII, 24, 25, 34; XIX, 168, 171, 229, 230, 236, 238; XX, 82, 107, 143, 155, 405—406, 409, 411—412
- Мироншоҳ, XIII, 104, 308, 309, 333, 368, 369, 371, 373
- Миронфуруши XIII, 373
- Мирсаид XIII, 113, 224, 303, 367, 371; XX, 244
- Миртемир I, 372, 462; II, 367, 414; XIV, 38, 85, 187, 215, 216, 244, 301, 307, 308; XVIII, 26, 30; XIX, 139, 140, 167, 168, 171, 175, 232, 245, 251; XX, 29, 65, 95, 101—102, 105, 107, 116, 405—406, 409, 412
- Мирҳайдар XIII, 22, 29, 251
- Мирхонд XIII, 32, 351, 368, 392; XVIII, 292; XX, 253, 355
- Мискин XIII, 374; XIV, 32; XIX, 163, 164
- Мичурин XIX, 35
- Молчанов XII, 193
- Мольер XV, 7, 9, 337
- Моцарт В. А. XX, 52
- Моҳин бегим XIII, 377
- Муборизиддин XIII, 30, 343, 391
- Мужрий XVIII, 300
- Музаффар Барлос XIII, 19, 118
- Музаффар Мирзо XIII, 28, 307, 342, 344, 390
- Музаффар Ҳусайн XIII, 148, 149, 316; XX, 259—260
- Мулла Бозор охун II, 411; XIX, 265
- Мулк хоним XIII, 369
- Мумтоз Ҳусайн XII, 203, 209
- Мунзиддин Ҳусайн XIII, 369
- Мунис XIII, 286, 406; XIV, 231; XVIII, 300, 301
- Мунший XIII, 329
- Мур Томас XVII, 128, 173
- Муродхўжаев Абдулла XX, 153
- Мусаев Аяпберган XVIII, 74
- Мусаева Шафоат I, 426
- Мусрепов Ғабит XII, 353
- Мусин XIV, 46, 47, 48, 49
- Муссолини II, 44
- Муталлибов С. XX, 407
- Муталова Замира XIX, 25, 27, 35
- Муҳамедов Музаффар XIX, 242
- Муҳамедов Собир XX, 93
- Муҳаммад XX, 350
- Муҳаммад Бадахший XX, 245
- Муҳаммад Солиҳ XX, 193
- Муҳаммад Хўжабек XX, 195
- Муқанна XIV, 187
- Муқимий XII, 296, 313; XIII, 144, 167, 168, 261, 263,

- 264, 265, 266, 267, 268,
269, 270, 271, 273, 303,
379; XIV, 11, 184, 232, 311,
325, 343; XVIII, 300; XIV,
31, 32; XIX, 12, 74, 101,
137, 138, 162, 163, 179,
180, 183, 184, 185, 186,
187, 256, 257; XX, 29, 87,
140, 197, 205—206
- Муқонов Собит XII, 353; XX,
415
- Муҳаммад Али XIII, 113, 224,
251, 253, 304, 367, 371
- Муҳаммад Бурундуқ XIII,
341, 343
- Муҳаммад Валибек XIII, 343
- Муҳаммад Маъсум Мирзо
XIII, 342
- Муҳаммад Мўмин XIII, 149,
371; XX, 259—260
- Муҳаммад Неъмат Ободий
XIII, 218, 219
- Муҳаммад Саид Паҳлавон
XIII, 248
- Муҳаммад Солиҳ XIII, 283,
381; XIV, 28; XVIII, 293;
XIX, 137, 159
- Муҳаммад Султон XIII, 370,
371
- Муҳаммад Тархон XIII, 17
- Муҳаммадшоҳ I XX, 288
- Муҳаммад Қосим XIII, 29;
XX, 261
- Муҳаммад Ҳованд XIII, 341
- Муҳаммад Ҳусайн XIII, 30,
313, 392; XX, 267
- Муҳаммад Хўжа XIII, 323
- Муҳаммадий Қуддус XIV,
218, 309; XVIII, 67; XIX,
239, 348; XX, 407, 409
- Муҳамедов Мумтоз XII, 202;
XV, 214; XIX, 26, 97, 232,
235
- Муҳиддинбек XIV, 42
- Муҳиддин Қори XII, 209
- Мўмин Мирзо XIII, 27, 28
- Мўғулбек XX, 257
- 25, 34, 36, 37, 38, 40, 41,
42, 44, 45, 48, 75, 76, 77,
82, 83, 84, 85, 86, 87, 89,
90, 93, 94, 98; XII, 60,
223, 296, 312, 313; XIII,
7, 11, 15, 17, 18, 19, 20,
21, 22, 23, 24, 26, 28, 29, 30,
31, 32, 33, 35, 36, 37, 38,
40, 41, 42, 43, 46, 48, 50,
57, 58, 59, 60, 61, 62, 63,
64, 67, 68, 69, 70, 71, 72,
78, 79, 80, 83, 84, 88, 89,
90, 91, 92, 93, 94, 95, 96,
97, 100, 106, 107, 108, 109,
110, 111, 112, 113; XIV,
10, 11, 15, 16, 22, 24, 25,
26, 27, 40, 183, 184, 193,
196, 202, 232, 239, 272,
275, 280, 282, 285, 304,
311, 312, 325; XV, 333,
343, 347; XVIII, 16, 93,
293; XIX, 11, 21, 23, 47,
73, 74, 78, 81, 82, 101, 102,
125—134, 137, 142, 149,
156—159, 167, 174, 188—
190, 192, 193—199, 200—
206, 208, 212, 214—219,
221—223, 225, 226, 252,
271, 272, 282—288; 114,
115, 116, 117, 118, 119,
120—127, 132, 139, 140—
150, 151—154, 156—166,
168, 169, 194, 195, 196,
198, 200—207, 210, 211,
212, 213, 215, 216, 217,
218, 219, 220—234, 237—
242, 244—258, 260, 277,
278, 279, 280—282, 290,
291—293, 297, 298, 300,
301, 304, 306, 307, 311,
313, 314, 315, 316, 318,
319, 324, 329, 336, 337,
339, 340, 342, 344, 350,
351, 367, 368, 371, 379,
380—384, 386, 388, 389,
390, 391, 392, 395, 397,
398, 399, 400, 404, 405, 411,
412—413, 414; XX, 19—22,
29, 32, 45, 87, 93—94, 96—
97, 108—109, 111—119, 170,
174, 183—186, 189—191,
198—201, 209, 228, 236—
248, 250—265, 267—271,
272—278, 278—286, 288—

Н

- Набиев Р. Н. XX, 190
- Навойи Алишер I, 464; II,
198, 212, 411, 432; III, 111;
IV, 73, 82, 86, 96; VI, 24,

300, 303—306, 309—310,
312—314, 323—325, 327—
363, 365, 368—375, 377—
383, 408
— «Чор девон» («Ҳазойин ул-
маоний») XIII, 35—67,
142—145, 228—233; XX,
258, 278—285
— «Хамса» XIII, 121—126,
158—199; XX, 285—292,
329—330, 336—349, 352—
380
— «Ҳайрат ул-аброр» XIII,
68—73, 126—128, 159—171;
XX, 258, 292—296
— «Фарҳод ва Ширин» XIII,
73—98, 128—131, 172—179,
184—186; XX, 296—303,
308
— «Лайли ва Мажнун» XIII,
98—102, 131—137, 179—
184, 186—189; XX, 303—
310
— «Сабъан сайёр» XIII, 137—
139, 189—193; XX, 310—
321
— «Садди Искандарий» XIII,
139—140, 193—197; XX,
321—329
— «Муҳокамат ул-луғотайн»
XIII, 226; XX, 332—336
— «Мажолис ун-нафоис» XIII,
215—219; XX, 335
Нажимов XIX, 177
Нажмиддин XX, 93—94
Назаров У. XIV, 339; XX, 48
Назарова Тамара XII, 236
Наимий XIII, 301
Нарзуллаев Лутфулла XIX,
242
Насриддин Абдуҳолиқ XIII,
343
Насриддин Умарбек XIII, 344
Нафисий Саид Али XX, 26
Некрасов А. Н. XIV, 34, 235,
305, 333; XIX, 164
Нектанеб XX, 323
Неруда, Пабло XX, 26
Ниалло Азиз XX, 410
Ниёзов Назарали XII, 69
Низом XIII, 302
Низомий II, 212; VI, 24, 41;
XIII, 57, 68, 98, 100; 236,
237, 244, 251, 256, 318;

XIX, 201, 204, 206, 217,
252; XX, 19, 108—109, 198,
286—290, 292, 297—298,
304—305, 311—314, 322—
324, 330, 335, 380, 416
Низомиддин Курт XIII, 390,
391
Низомиддин Суҳайли XIII, 19
Низомулмулк XIII, 19, 20, 22,
23, 28, 140, 146, 147, 148,
149, 238, 342, 343, 390, 391
Николаев А. Г. XX, 42
Николай I, II, 83
Нинова XX, 411
Нодим XX, 206
Нодири XIII, 289, 290, 395;
XIV, 30; XIX, 137, 161,
191, 192, 195
Ньютон Исаак I, 292, 450

О

Обидов Зоҳиджон I, 372; II,
367
Ободий XIII, 390
Обой II, 238, 436; XIV, 312,
313; XX, 32—33
Овечкин В. XIX, 25
Овидий XV, 196, 198
Огаҳий XIII, 286, 287, 403,
406; XIV, 29; XIX, 160;
XX, 207—208
Одилов Тешавой II, 139, 421
Одоевский XVII, 190
Ойдин I, 462; XIV, 75, 90,
96, 210, 217, 245, 307, 308;
XIX, 232, 253; XX, 65,
405, 409
Оймирзаев Жўлмирза XVIII,
84; XIX, 177
Октавиан XV, 196
Олача хон XIII, 376
Олимжонов Абдулла XX, 165
Олимов XIV, 47
Олимхон XIII, 288
Олтой XIV, 98
Омонуллахон XII, 130
Орлова XX, 69
Оргун XIII, 382
Островский Н. А. XIX, 245
Отажон Ҳошим XVIII, 14, 19
Оташ Олтинбой ўғли XX, 203
Отойи XII, 313; XIII, 46, 221,
251, 276, 277, 324, 325, 379,

413; XIV, 24, 25, 183;
XVIII, 293; XIX, 73, 137,
156, 190; XX, 19, 209
Охунбобоев Йўлдош III, 178;
XIV, 244; XIX, 29, 233,
245; XX, 405
Охундий Насрулло I, 462; II,
402, 414
Оқбўтавий XIII, 284
Оқ султон хоника XIII, 370
Оға бегим XIII, 370, 371
Оға Султон XIII, 376

П

Павленко П. А. XX, 79, 415
Парда Турсун XIX, 232; XX,
157
Пастернак II, 27, 408
Паҳлавон Муҳаммад XIII,
252, 380
Паҳлавон Равнақ XVIII, 300
Пеньковский Л. XX, 286—287,
289—296, 298
Петров XVII, 168; XX, 69
Петроний XV, 285
Петр I XIX, 279
Пиндар XVII, 169
Пирмуҳаммад XIII, 104, 308,
309, 333
Пифагор I, 292; XX, 352
Плавт XV, 7, 9
Платон (Афлотун) XIII, 52,
53; XX, 233, 269, 352, 362
Плеханов I, 424
Погодин XIX, 245; XX, 37
Полтошева Зайнаб XII, 236
Попович П. Р. XX, 42
Присгли XX, 418
Прометей II, 9, 367
Проперций XV, 196
Птоломей XVII, 164, 165
Пушкин А. С. I, 462; II, 27,
33, 37, 38, 39, 211, 212,
270, 272, 402, 407, 409,
411, 431—432; XII, 93, 210,
211, 223, 296, 347, 367;
XIII, 236, 244, 318; XIV,
11, 15, 34, 121, 180—182,
184, 192, 197, 200, 202,
234, 258, 260—269, 285,
286, 297, 298, 302, 305,
333, 356; XV, 198; XVII,
7, 125, 130, 139, 147, 148,

150, 162, 163, 166, 167—
174, 183; XVIII, 7—19, 23,
68, 224; XIX, 10, 93, 102,
108, 138, 142, 164, 170,
217, 273, 274; XX, 23—24,
26—27, 33, 46, 82, 99, 146—
147, 148—150, 158, 203,
386, 417
Пўлат Мўмин XIX, 239
Пўлкан XIV, 34; XIX, 165

Р

Рабле Ф. XX, 360, 372
Рабғузий XIII, 221, 273, 274,
322; XIV, 24; XX, 331
Радклиф XVII, 159, 186
Ражабий Юнус XIV, 353
Рамз Бобожон XIV, 39, 245,
247, 248, 257, 258; XVIII,
26, 30; XIX, 168, 171, 189,
228, 230; XX, 95, 105, 107,
406, 409, 411, 412
Расин XVII, 183
Расулев И. XIX, 239
Рафаэль XIX, 156; XX, 374
Раҳимзода Боқи XVIII, 93
Раҳимов Одил XX, 407
Раҳимов Собир XVIII, 24;
XIX, 170
Раҳимов Тоштемир XIX, 25
Раҳимов Эсон II, 403, 404
Раҳимхон II XIII, 287; XVIII,
301
Решетов В. В. XX, 179
Ризо Тавфиқ XIV, 284; XIX,
272
Риёзий XIII, 114; XX, 245
Рильский Максим II, 231,
435; XII, 386; XIX, 94
Ричард II XVII, 180, 181
Ричардсон XVII, 159
Робеспьер XV, 133
Робия Султон бегим XIII,
371
Рождественский Вс. XX, 282,
284
Розанов Н. XIV, 340
Ровякин II, 404
Роллан Ромен XVIII, 90
Руставели, Шота II, 212; XII,
296; XIII, 236, 237, 244;

XIV, 24; XIX, 216; XX,
372
Рустамбекова Х. XIX, 239
Рустамов Эргаш XX, 209—
210

С

Садр Котиб XIII, 302
Сандазимова Турсуной I, 139,
428
Сандносирова Зарифа I, 7,
418, 423, 426, 431, 432,
433, 442, 451, 461; II, 218;
433, 439, 441, 442
Саид Аҳмад XIV, 192, 210,
217, 246, 308, 324; XIX,
148, 232, 253; XX, 65, 157,
407
Саидахмад XIII, 274
Саид Назар XX, 95
Саид Чанг XIII, 106
Саид Гиёсиддин XIII, 313
Саид Ҳасан Ардашер XIII,
252, 304, 380
Сайёд Наво XX, 64
Сайёр XIV, 338; XX, 48
Сайфи Саройн XX, 195
Сайфиддин Муҳаммад XIII,
314
Саид Муҳаммад Охун XVIII,
300
Саккокий XIII, 221, 276, 310,
324, 325, 382, 413; XIV,
24, 25; XIX, 156, 190; XX,
209, 241, 331
Салтиков-Шчедрин XII, 222;
XIX, 79
Салье М. XX, 104, 116—117,
191, 409
Сальери А. XX, 52
Самад Вургун XX, 98
Самандарова Соня XII, 286
Самарқандий Абдураззоқ
XIII, 324, 381, 389; XVIII,
292
Самойлович XIII, 306
Санойи XIII, 56
Санназар XVII, 164, 165
Саримсоқов М. А. XIX, 38
Сатторов Саидохун II, 145,
404, 422
Сафаров Назир XIV, 214;
XIX, 232; XX, 405

Саъдий Абдурахмон XX, 183—
186
Саъдий М. XIII, 108, 222,
251; XIV, 53—57, 61, 63,
65—68, 72; XIX, 107, 190;
XX, 99, 233, 279
Саъдуллаева К. XIX, 238
Светлов М. А. XIV, 334; XX,
47
Сайтов К. XVIII, 53, 84; XIX,
178
Сейтмамутова Г. XIV, 178
Сентназарова Г. XIX, 178
Семенов А. А. XX, 271—272
Серафимович Ю. XIX, 108
Сервантес XVII, 160, 161;
XIII, 237; XX, 419
Сечко XIV, 246; XX, 412
Сельвинский И. XIV, 233
Симонов К. М. XIV, 233, 307;
XVIII, 42; XIX, 90, 170,
245; XX, 70, 79—80, 114,
118—119, 144, 416
Сичев II, 403, 404
Скоцирев П. XIX, 175; XX,
124, 126
Скотт Вальтер XVII, 128, 134,
141, 160, 161, 162, 173, 177
Смирнов II, 403, 404; XIX,
25
Смит Адам XVIII, 17
Смолич XX, 415
Снегов Б. XX, 160
Соатов Тулаган XII, 193
Собир XIX, 180, 256
Собир Абдулла XIV, 38, 97,
186, 216, 217; XIX, 26,
167, 275; XX, 14, 96
Собиоров Т. XIV, 308
Содиқ Қаландар XIX, 173,
236; XX, 405—406
Содиқов Толибжон XIV, 274
Сом-Мирза XX, 355
Сомова С. XIV, 245, 301; XIX,
235, 236; XX, 104, 131,
133, 145, 406, 409, 412, 413
Софокл XVII, 146, 182
Софронов А. В. XIII, 211
Соғарий XIII, 314
Соцредотова XX, 409
Спиноза XIII, 204; XX, 351
Сталин И. В. I, 391; II, 413
Стендаль XIV, 121
Субҳонқулихон XIII, 284;

XVIII, 295
 Суворов XIV, 32; XIX, 163
 Султон Али XIII, 367, 388
 Султон Аҳмад XIII, 341, 370, 376
 Султон Бегим XIII, 117, 341, 369; XX, 249, 259, 375
 Султон Жўра XIV, 214, 255, 256
 Султон Иброҳим XX, 243
 Султон Илк Маза XIII, 378
 Султон Маҳмуд XIII, 147, 341, 343, 370, 375, 376
 Султон Муҳаммад XIII, 368, 370, 371, 372, 374, 375, 376; XX, 238
 Султонов Юсуф XX, 192
 Сулаймон Боқирғоний XIII, 271
 Сулаймонов Ҳамид XIII, 397, 398, 399, 400, 401; XIV, 307
 Сумароков XVII, 184
 Сурков А. А. XIV, 307, XIX, 90
 Сутей XVII, 173
 Суҳайлий XIII, 118, 304, 314; XX, 288
 Суюн бека XIII, 370, 371
 Сукрот XII, 282; XIII, 353; XX, 269, 300, 310, 352, 362—263
 Сўфи Оллоёр I, 264, 448; XIII, 284, 318; XIV, 10, 86; XVIII, 295—296; XIX, 6; XX, 11, 16—18

Т

Табарий XX, 198, 297
 Тансиқбоев Урол XIV, 340, 341, 342
 Тарағай XIII, 103
 Тархоний XIII, 302
 Тафтазоний XIII, 324; XVIII, 292
 Тацит XV, 285
 Твардовский А. Т. XIV, 233, 234; XVII, 212; XVIII, 26; XIX, 171, 230; XX, 85, 411
 Темур VI, 13, 24; XIII, 10, 11, 12, 56, 101, 103, 104, 105, 115, 217, 228, 237, 274, 275, 278, 286, 288, 307,

308, 309, 310, 318, 324, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 354, 355, 357, 360, 367, 368, 369, 370, 371, 375, 376, 381, 413; XIV, 308; XVIII, 97, 104, 291, 292; XIX, 46, 79, 107, 196; XX, 228—232, 320—321, 330—332, 359
 Темур Барлос XIII, 103
 Темур Кўрагоний II, 357, 447
 Темур Малик II, 452
 Темур Фаттоҳ XIV, 38, 185, 215, 244, 245, 256, 257, 307, 308; XIX, 139, 168; XX, 23, 107, 405, 409
 Теокрит XVII, 163, 164, 165
 Терешенко Николай XII, 368; XIX, 94
 Тихонов Н. А. XII, 211; XIV, 233, 290, 305, 334, 350; XIX, 48, 90, 97, 277; XX, 35, 47, 70, 118—119, 127, 135
 Тичина Павло XII, 368; XIX, 94; XX, 49
 Тожибоев Абдулла XII, 353
 Тожибоев Қурбонбой XVIII, 84
 Тойн де Фрис XX, 26
 Толибий XIV, 308
 Толстов С. П. XX, 199
 Толстой А. Н. XIV, 121; XX, 37, 125
 Толстой Л. Н. II, 454; XII, 93, 222, 310; XIII, 237; XIV, 11, 121, 187, 192, 306, 333, 334; XVIII, 23, 76, 78, 79; XIX, 170, 217, 289; XIX, 102, 108, 146, 148, 170, 217, 289; XX, 29, 46, 82, 102, 203, 407
 Тошметов Икром II, 154, 404, 424
 Тошмуҳаммад Дадақўзи ўғли II, 418
 Тошмуҳамедов Бекжон II, 29, 370, 408
 Тошмуҳамедов Омон II, 370, 408
 Тошмуҳамедов Суюн II, 220, 433
 Тошмуҳамедова Гулранг II, 219, 433

Тоҳиров ХХ, 409
Трахтенберг ХІV, 42
Триоле Элъза ХХ, 26
Трегуб С. ХХ, 127, 134
Трумэн ХХ, 155
Туйғун ХІV, 217; ХІХ, 26;
ХІХ, 232, 233, 244; ХХ, 85,
159
Тукал хоним ХІІІ, 368
Туман ХІІІ, 368
Тун Султон ХІІІ, 376
Турбатий Камол ХІІІ, 112,
113, 218, 252, 379; ХХ, 243
Тургенев И. С. ХІІ, 201; ХІV,
189, 194; ХVІІІ, 23; ХІХ,
146, 150
Турди ХІІІ, 284; ХІV, 28;
ХVІІІ, 295; ХІХ, 159
Турди С. ХХ, 14
Турдиев Абдулла ІІ, 423—424
Туроб Тўла ХІV, 39, 245, 247,
248, 257, 307; ХVІІІ, 27,
30; ХІХ, 26, 168, 172, 174,
228, 233, 236, 245; ХХ, 65,
158, 406—407, 409
Турсунзода Мирзо ХІІ, 134,
314; ХІХ, 75, 95; ХХ, 49
Турсунқулов Ҳамроқул ХІХ,
24, 25
Турсунов П. ХІХ, 253
Тўйчиев У. ХVІІІ, 75
Тўхтаминш ХІІІ, 335
Тўхтагинов Маҳмуд ХVІІІ,
235

У

Убайдуллаев Нуриддин ХІХ,
25, 236, 237
Убайдуллаев О. ХХ, 165
Убайдулло ХІІІ, 283; ХVІІІ,
293, 294
Увайс Мирзо ХІІІ, 343
Увайсий ХІІІ, 289, 290, 395,
401; ХІV, 30; ХІХ, 161
Удалов А. ХІХ, 172; ХХ, 110,
160, 406, 408
Уйғун ХІV, 75, 77, 78, 80, 87,
89, 90, 94, 96, 100, 108,
185—187, 215, 217, 218,
243, 244, 252, 253, 255,
256, 257, 285, 301, 308;
ХVІІІ, 29, 30, 34; ХІV, 38;
ХІХ, 38; ХІХ, 26, 139, 167,

173, 233, 244, 296, 273;
ХХ, 11—12, 14—15, 35, 74,
85, 101—102, 105, 106, 107,
115—116, 136, 138, 159,
405—407, 409, 411—412,
414
Улоин Шоший ХІІІ, 114; ХХ,
245
Улжон ХІІІ, 369
Улус оға ХІІІ, 376
Улуғбек ІІ, 81, 311; VI, 41;
ХІІІ, 113, 120, 237, 275,
276, 307, 309, 310, 318,
342, 357, 358, 360, 368,
369, 370, 371, 372, 373,
374, 376, 382, 404; ХІV,
272; ХVІІІ, 292; ХІХ, 102,
130, 156, 217; ХХ, 29, 212,
231, 352
Ульрих ХХ, 134, 410
Умар Хайём ХІІІ, 222, 282;
ХІV, 27, 202; ХІХ, 137,
159, 190, 198; ХХ, 233,
282, 340
Умархон ХІІІ, 262, 288, 289;
ХІV, 30; ХVІІІ, 295, 298,
301; ХІХ, 161
Умарбеков У. ХІV, 339; ХХ,
48
Умарий Амин ХІV, 38, 186,
217, 256, 257
Умаршайх ХІІІ, 15, 104, 367,
368, 369, 376, 381
Уордсворт ХVІІ, 173
Упит А. М. ХХ, 49
Урзабекова М. ХІХ, 27
Усмон Носир І, 462; ХVІІІ,
16
Усмонов М. ХХ, 65
Усмонов Олим ХХ, 176

Ф

Фадеев А. А. ХІV, 289, 290;
ХІХ, 90, 108, 170, 276,
277; ХХ, 37, 78—79, 81—
84, 86, 88, 406, 407, 411,
414—417
Фазлий ХІІІ, 289; ХІV, 30,
184; ХІХ, 137, 161
Файз Аҳмад Файз ХІІ, 205;
ХІV, 348; ХІХ, 98
Файзиев Латиф ІІ, 435
Файзиев Ҳидоят І, 214, 441

Файлокус (Филипп) XX, 325
Фалес XX, 352
Фатхуллаева Зулфия II, 423
Фатхуллин Зиннат XII, 193;
XIX, 233; XIV, 214; XX,
117—118, 405, 409
Фаридун Барлос XX, 249
Федин XVIII, 89—91; XIX, 90;
XX, 49, 415
Фёдоров XX, 410
Феруза бегим XIII, 369, 371;
XX, 242
Фильдинг XVII, 159
Фирдавсий VI, 24, 41; XIII,
222, 255, 275, 318, 358;
XIV, 312; XX, 19, 32, 234,
254, 311, 322, 335
Фитрат XIV, 40, 41, 97
Фозил Йўлдош ўгли XIV, 34,
181; XIX, 153, 165; XX,
142, 153, 200—201, 382
Фонвизин XVII, 186
Фоний XX, 278, 320
Форобий XIII, 120, 404; XIV,
20
Фосс XVII, 265
Франко И. II, 410
Франс Анатолий XV, 439; XIV,
121
Фрунзе М. В. XIX, 235, 244
Фузулий II, 254; XIV, 11,
202, 283, 305, 312, 333;
XVIII, 298; XX, 32, 46,
209
Фурқат I, 405; XII, 296, 313;
XIII, 144; XIV, 31, 32, 184,
232, 343; 325; XVIII, 300;
XIX, 74, 101, 138, 162, 163,
256, 257; XX, 29, 197, 206

Х

Хадича Мастур XII, 201
Хадича бегим XIII, 28, 149,
390; XX, 375
Хаёлий XIII, 301, 379
Хазиний XIX, 255
Хатамов Абдулла XX, 141
Хемингуэй XIX, 232
Хилль XX, 418
Хиромий XVIII, 300
Хлебников В. XIX, 110
Хожа XVIII, 294
Хожа Абдулло XIII, 116

Хожа Фазлилло Абулайс XIII,
114, 368
Хожа Ҳасан XIII, 152, 153
Хондамир XIII, 31, 32, 110,
121, 123, 153, 156, 368,
392; XX, 236, 262, 268—
269, 355
Хонзода XIII, 333, 376
Хоразмий XII, 312; XIII, 274,
317; XIV, 24, 29; XVIII,
291; XIV, 31; XIX, 73, 155,
160, 189; XX, 194—196
Хоразмшоҳ М. XX, 66
Хотифий XX, 288
Худойберганов Жуманнёз II,
135, 383, 421
Худоёр III, 262
Худоёрхон XX, 206
Хусрав XIII, 98, 125, 312,
391, 412
Хусрав II XX, 297
Хусрав Амир Муҳаммад XIII,
373, 374
Хусрав Деҳлавий XIII, 251,
256, 380; XIX, 47; XX, 19,
198, 279—280, 287—290,
297—298, 312—314, 324,
335
Хусрав Ҳиндий XIII, 279, 318
Хўжа Абдулла Хотиб XIII,
355; XX, 248, 269
Хўжа Авҳат Муставфий XIII,
381
Хўжа Афзалиддин Муҳаммад
Кирмоний XIII, 20, 21, 28,
140, 390
Хўжа Ахрор XIII, 237, 245,
375; XVIII, 292; XX, 234,
254—255
Хўжа Мавлоно Қозий XIII,
378
Хўжа Мажидиддин XIII, 20,
21, 22, 329
Хўжа Муҳаммад XIII, 368
Хўжа Низомиддин Бахтиёр
XIII, 355; XX, 248
Хўжа Фазлуллоҳ Абулайсий
XIII, 17, 218, 301, 368; XX,
244—245
Хўжа Убайдулло XIII, 30
Хўжа Шаҳобиддин XIII, 30,
156; XX, 266
Хўжа Юнус Бурҳон XIII, 302,
381

Хўжа Гийёсиддин Деҳдор XIII,
147, 316
Хўжаев Қудрат XIX, 242
Хўжандий, Камол XIII, 277,
324; XVIII, 292

Ц

Цезарь Ю. XV, 133, 145, 286
Цеткин Клара XII, 227
Цицерон XV, 133, 134, 135

Ч

Чавчавадзе Илья XX, 31
Чепелев В. XX, 322
Черепанов XX, 410, 411
Чернишевский Н. Г. XII, 93
Черчилль У. II, 204, 431; XX,
155
Чехов А. П. XII, 93, 222, 310;
XIV, 185, 187, 189, 191,
192, 193, 194, 195, 217,
294, 306, 334; XVIII, 23;
XIX, 133, 146—150, 170;
XX, 29, 46—47, 82, 125,
203
Чингизхон II, 452; IV, 107;
XIII, 8, 9, 56, 101, 273,
308, 309, 316, 317, 355;
XIV, 23; XIV, 187, 226,
271; XV, 433; XIX, 46, 79,
140, 145; XX, 66, 219, 231,
395, 401
Чигатойхон XIII, 103; XX,
218—226, 393, 395
Чуковский К. И. XVII, 217
Чустий XIV, 216, 217; XIX,
139, 155; XX, 65
Чўлпон I, 412; XVIII, 16
Чўлпон мулк XIII, 369

Ш

Шавқий XIII, 304; XX, 206
Шагинян М. С. XX, 127
Шайбонийхон XIII, 32, 281,
283, 367, 371, 376; XIV,
27; XVIII, 293; XIX, 158;
XX, 349
Шайх Бурҳониддин XIII, 376
Шайхзода М. XIV, 90, 100,
109, 185, 187, 215, 217,
225, 227, 228, 235, 244,

253, 255, 256, 285, 297,
301, 308; XVIII, 30, 45;
XIV, 38; XIX, 20, 28, 139,
140, 167, 170, 174, 175,
228, 249, 251, 273; XX,
12, 15, 23, 29, 58, 66—68,
70, 74—76, 95—96, 105,
107, 113, 116, 121, 137,
405—407, 409, 411, 412,
414

Шайхулислом Абдумалик XIII,
309

Шамбердиева З. XIX, 235

Шамс XIII, 317

Шамснев Порсо I, 463; XX,
72

Шомуратов XIX, 177

Шарипов Жуманиёз I, 436,
454, 457; XIV, 39, 245;
XVIII, 68; XIX, 168; XX,
63, 81, 88, 96, 100, 113,
116—118, 141, 144, 405—
406, 412

Шарипов, Ҳусниддин XIV,
338; XX 48

Шаҳодат Назар қизи I, 408

Шевердин М. И. XIV, 245,
301; XVIII, 34, 36; XIX,
173, 234, 235; XX, 70, 102,
105, 132—135, 159, 406,
409

Шевченко Т. Г. XII, 367;
XIII, 244; XIX, 93, 95,
217, 268, 269, 270

Шекспир У. XII, 60; XIII, 237;
XIV, 202; XV, 7, 428;
XVII, 128, 135, 139, 141,
147, 173, 182, 183, 186;
XIX, 58, 108, 245; XX,
267, 360—361, 372—373,
409—410, 418—419

Шелли XX, 418

Шенье Андрей XVII, 174

Шерозиева Гулхан XVIII, 84

Шиллер Ф. XIV, 80; XVII,
149, 169, 173, 181, 182;
XIX, 108, 245

Шоабдураҳмонов Шоназар
XIX, 239

Шодмулк XIII, 370

Шолохов М. А. XII, 92; XIX,
25, 90, 108, 170; XX, 49,
79, 415

Шомуратов Жапақ XVIII, 84

Шорасул Зуннун I, 403
Шоҳ Маҳмуд XX, 243
Шоҳруҳ XIII, 104, 105, 106,
115, 276, 809, 310, 313,
324, 325, 318, 368, 369,
370, 371, 372, 381; XX,
230—231, 235, 237—238,
331

Шоҳий III, 381

Шпис XVII, 159

Шукрулло XIV, 245, 247, 248,
257, 258, 308; XVIII, 26;
XIX, 172; XX, 95, 405, 411

Шукур Саъдулла XIV, 97,
218, 309; XVIII, 67; XX,
14

Шукуров Ғқубжон XIX, 232

Шухрат XIV, 245, 246, 248,
257, 307; XVIII, 27; XIX,
172, 228; XX; 405, 411

Щипачев С. XIX, 90; XX, 88,
92, 407

Э

Эврипид XVII, 182

Эгам Раҳим XIX, 239

Элбек XIV, 97

Эминжон Аббос XIV, 98, 214;
XIX, 168; XX, 14, 85

Энгельс Ф. XIII, 206; XIV,
46, 107, 128; XIV, 129, 236;
XX, 178, 360, 364, 386

Энрике III, XX, 226

Эренбург И. Г. XX, 79, 415

Эргаш XIV, 75 90, 95 96; XX,
12—14

Эргаш Жуманбулбул ўғли
XIV, 34; XIX, 165

Эсхил XVII, 182

Эшонтўраева Сора XIX, 242

Ю

Ювенал XV, 251

Югнакий Аҳмад ибн Маҳмуд
XII, 312; XIV, 23; XIX,
73, 154

Юлиус Фучик XII, 311

Юнус Латиф I, 462; II, 402,
414

Юзеф Генк XII, 309

Юсупов Усмон II, 403, 404,
414; XII, 169; XX, 96, 114

Юсуф XIII, 340; XIV, 22

Юсуф Бадийий XIII, 114; XX,
245

Юсуф Бурҳон XIII, 31

Юсупов Юнус XIII, 406

Юсуф Хос Ҳожиб XIII, 319;
XVIII, 290; XX, 234

Юценко XX, 153

Я

Ягудаева Соня XII, 236

Яздий Шарафиддин Али VI,
39; XIII, 217, 278, 287,
301, 340, 368; XVIII, 292;
XX, 237—238

Якубовский А. Ю. XX, 191,
235

Яссавий Аҳмад I, 264, 448;
XIII, 56, 221, 276, 317, 319,
321, 322; XIV, 23, 86;
XVIII, 290; XIX, 73, 137,
154, 174, 189; XX, 11, 19,
331

Ястреблева С. XIX, 238

Яшин К. Н. XIV, 186, 187,
217, 239, 244, 301; XVIII,
30; XIX, 73, 137, 154, 174,
189; XX, 105, 117

Яқиний XIII, 303; XX, 209

Яҳё Камол XIV, 284; XVIII,
300; XIX, 238

У

Ўзбекхон XIII, 370, 371

Ўктой XX, 14

Ўразбоев Мамажон XIX, 38

Ўткир Рашид XVIII, 67; XIX,
245

Қ

Қадний XIII, 382

Қайс Ибн ал Мулавваҳ XX,
303

Қамар XIV, 348

Қаюмов Азиз XIII, 395

Қаюмов Сагтор XIII, 35

Қодирий Абдулла I, 462;
XIV, 113—116, 118—120,
123, 128—131, 136, 138,
139, 142, 146—150, 153,
155, 157, 158, 161, 167—

169, 175—177, 179, 286—
288; XVIII, 69, 72; XIX,
274, 275
Козий XIII, 378
Қорахон XIV, 22
Қосимов Солиҳ XIX, 239;
XX, 165, 194—196
Қудрат Ҳикмат XVIII, 67;
XIX, 239
Қулмуҳаммад XIII, 121
Қурбон ота XIV, 34; XIX,
165
Қутбиддин Ойбек XII, 208
Қутлуғ Нигор хоним XIII,
376
Қутб XX, 331
Қутбий XIII, 301

Ғ

Ғайратий XIV, 90, 94, 252,
254; XIX, 248, 249; XX,
12, 13
Ғаниев Наби XX, 410
Ғаниева Зебо II, 143, 422
Ғафур Ғулом I, 401, 407, 462;
II, 402, 412, 413, 414, 439;
XII, 314, 368; XIV, 75, 90,
92, 102—106, 108, 109, 185,
214, 217, 243, 244, 252,
253, 255, 256, 307, 308,
331; XIII, 23, 71; XIV, 35;
XIX, 75, 94, 138, 139, 166,
170, 228, 236, 249, 251,
253; XX, 12, 29, 35, 101—
103, 117, 405, 412
Ғиёсиддин XX, 235
Ғиёсиддин Баҳодир XIII, 367
Ғиёсиддин Кичкина XIII, 105,
251, 381, 413; XX, 236, 239
Ғиёсиддин Мансур XX, 237
Ғиёсиддин Тархон XIII, 370
Ғиждувоний XIII, 321
Ғаззолий XIV, 20
Ғозиев XIX, 239
Ғозий XIII, 289, 395
Ғуломов Аюб XX, 178, 179
Ғуломов XIV, 308
Ғуломов Яҳё XX, 190—191

Ҳ

Ҳабибий XIV, 217
Ҳавоий XX, 206

Ҳайдар XIII, 30, 49, 146, 367,
391; XX, 259, 261; XVIII,
300
Ҳайридин Салоҳ XIV, 338
Ҳализ XIX, 6
Ҳалил Мирзо XIII, 104
Ҳалил Султон XIII, 370, 372,
382
Ҳалилов В. XIV, 308
Ҳаким Назир XIV, 246; XVIII,
107; XIX, 232; XX, 409
Ҳамавий, Ибн Абдуллоҳ XX,
198
Ҳамадоний Юсуф XIII, 321
Ҳамза III, 166, 169, 170, 171,
172, 173, 174, 175, 176,
177, 178, 179, 181, 182,
184, 185, 187; XII, 61, 63;
XIV, 12, 13, 17, 34, 35,
250, 252, 325, 328—330;
XVIII, 71; XIX, 8, 9, 12,
13, 165, 166, 242, 243, 246,
247, 254, 257, 258, 259,
260, 261—264; XX, 37, 52—
54, 140—142, 168—169,
192, 197
Ҳамида II, 403
Ҳамидова Собира XIX, 236
Ҳамид Олимжон II, 414; VII,
368; XIV, 53—63, 65—72,
75, 76, 87—90, 108, 185,
186, 187, 197—206, 217,
252—257, 285, 297, 318,
319, 321, 323, 324, 325,
326, 327, 348; XVIII, 71;
XIV, 35, 37, 38; XIX, 94,
95, 140—144, 166, 167, 248,
249, 250, 251, 273; XX,
11—14, 23, 37—38
Ҳамид Ғулом XIV, 39, 217,
247, 248, 307; XIX, 168;
XX, 65, 82, 117, 158, 407
Ҳаририй Қаландар XIII, 302
Ҳасан Анвар XIII, 379
Ҳасан Пўлат I, 372; XIV, 39,
255, 256, 276, 277, 278,
279; XIX, 167; XX, 12, 14
Ҳасан Темур XIII, 341
Ҳидоятгов Аброр XII, 61; XIX,
242
Ҳидоятгова Замира XII, 62;
XIX, 242
Ҳилолий Бадриддин XX, 209—
210

- Ҳожи (боғбон) XIII, 313
 Ҳожи Муҳаммад Абул Ҳасан
 XIII, 304
 Ҳожи Собир XIII, 262; XVIII,
 299
 Ҳодиқ XIII, 289, 395; XIV,
 184; XVIII, 300; XIX, 137
 Ҳофиз XII, 83; XIII, 219, 222,
 239, 251, 276, 279, 290,
 318, 412; XIV, 10, 202;
 XVIII, 292; XX, 233, 279—
 280, 340
 Ҳошнмий XII, 203
 Ҳуррам шоҳ XIII, 376
 Ҳусайн Бойқаро (Султон Ҳу-
 сайн) VI, 16, 24, 27, 33,
 45, 48, 49, 76, 77, 78, 79,
 80, 81, 83, 84, 85, 90, 93,
 94, 97, 98, 99, 100, 101;
 XIII, 15, 16, 17, 18, 19,
 20, 21, 23, 25, 26, 27, 28,
 29, 30, 32, 33, 44, 58, 106,
 112, 113, 115, 116, 117,
 118, 123, 141, 142, 147,
 148, 149, 154, 156, 157,
 162, 169, 170, 171, 174,
 189, 192, 194, 195, 298,
 210, 225, 238, 246, 247,
 252, 253, 279, 280, 281,
 292, 300, 306, 307, 311,
 329, 341, 342, 344, 380,
 355, 367, 368, 369, 370,
 371, 375, 379, 381, 385,
 390, 391, 392, 414; XIV,
 26, 130, 131, 157, 192, 272;
 XIX, 192, 218, 219, 283,
 284, 204, 205, 206, 208;
 XX, 93—94, 231, 237, 242—
 250, 252, 255—263, 267—
 271, 272—278, 321, 324,
 326—327, 329—331, 335,
 349, 352, 359, 375
 Ҳусайн Баҳодир XIII, 374
 Ҳусайн Мурувват XX, 26
 Ҳусайн Шамс XIV, 109;
 XVIII, 65
 Ҳусанхўжаев И. II, 451; XIII,
 404
 Ҳусн Нигор XIII, 370

РАСМЛАР РЎИХАТИ

Ойбек. 1948 йил фотоси	7
Ойбек ўзбек адабиёти ва санъати декадасининг тантанали очилиш маросимида (Москва, 1951 йил)	173
«Алишер Навоий» адабий-танқидий очеркининг титул варағи	230
Ойбек. 1965 йил фотоси	394

МУНДАРИЖА

Мақолалар, нутқлар, тақризлар

Мақолалар ва адабий-танқидий лавҳалар

Поэзия Советского Узбекистана	11
Отобразить в литературе величие нашей эпохи	17
Замечательный документ эпохи	18
Узбекские классики	19
Повесть о Навои	22
[Моя работа над «Евгением Онегиным» Пушкина]	23
С новыми силами — за творческий труд	25
Внимание братским литературам	27
Слава русскому народу	28
[Илья Чавчавадзе]	31
Праздник литературы	32
Об узбекской поэзии 30-х годов	34
Любимый поэт	37
Бессмертная песня	39
Светоч мира и счастья	40
Не уставать вам, дорогие друзья	42
Одна большая и светлая судьба	43
Литература, открывшая передо мной новый мир	45
Факел в надежных руках	48
Художник мужественного таланта	49
Великий учитель	50

Нутқлар

Выступление на обсуждении киносценария «Хамза» в Союзе писателей Узбекистана 26 декабря 1940 года	52
Выступление на обсуждении романа «Священная кровь» в Союзе писателей Узбекистана 20 февраля 1941 года	55
Доклад на общегородском собрании, посвященном 100-летию со дня смерти И. А. Крылова	59
Выступление на заседании Президиума Союза писателей Узбекистана 6 сентября 1945 года	63
Выступление на диспуте, посвященном пьесе Шейхзаде «Джелаледдин» в Союзе писателей Узбекистана 2 октября 1945 года	66
Заключительное слово на общем собрании писателей г. Ташкента 29 октября 1945 года	69

Выступление на расширенном заседании Президиума Союза писателей Узбекистана 23 мая 1946 года	71
Выступление на общем собрании писателей г. Ташкента 5 июня 1946 года	73
Доклад на общегородском собрании писателей г. Ташкента 12 сентября 1946 года	78
Выступление на собрании писателей г. Ташкента 27 сентября 1946 года	89
Заключительное слово на обсуждении киносценария «Алишер Навои» 4 октября 1946 года	93
Выступление на заседании Президиума Союза писателей Узбекистана 5 октября 1946 года	95
Выступление на информационных сообщениях представителей республиканских Союзов писателей на заседании Секретариата Союза писателей СССР 18 октября 1946 года	96
Выступление на заседании Президиума Союза писателей Узбекистана 9 января 1947 года	100
Вступительное слово на конференции, посвященной 800-летию со дня рождения Низами 8 июля 1947 года	108
Выступление на заседании Президиума Союза писателей Узбекистана 16 октября 1947 года	110
Выступление на заседании Президиума Союза писателей Узбекистана 21 апреля 1948 года	111
Вступительное слово на расширенном заседании Президиума Союза писателей Узбекистана 20 мая 1948 года	122
Вступительное слово на заседании Президиума Союза писателей Узбекистана 1 июня 1948 года	127
Заключительное слово на конференции русских писателей Средней Азии 1 июня 1948 года	132
Выступление на заседании Президиума Союза писателей Узбекистана 19 июня 1948 года	136
Выступление на заседании Президиума Союза писателей Узбекистана 1 сентября 1948 года	140
Вступительное слово на заседании Президиума Союза писателей Узбекистана 2 ноября 1948 года	143
Выступление на заседании Президиума Союза писателей Узбекистана 18 мая 1949 года	146
Вступительное слово на научной сессии, посвященной 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина 5 июня 1949 года	148
Вступительное слово на III пленуме Союза писателей Узбекистана 9 июля 1949 года	151
Выступление на III пленуме Союза писателей Узбекистана 9 июля 1949 года	153
Вступительное слово на научной сессии Академии наук УзССР, посвященной 60-летию со дня рождения Хамзы Хакимзаде Ниязи 1 октября 1949 года	168
Заключительное слово на научной сессии Академии наук УзССР 17 мая 1948 года	170
Заключительное слово на конференции, посвященной вопросам узбекского языкознания	172

Тақризлар

Отзыв о диссертационной работе А. Саади на тему «Творчество Навои как высший этап в развитии узбекской литературы», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук	183.
Краткий отзыв о диссертационной работе С. Алиева на тему «Поэтическое творчество Бабура», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук	187
Рецензия на статьи сборника «Великий узбекский поэт»	189.
Предварительный отзыв о диссертационной работе Ю. Султанова на тему «Хамза Хаким-заде Ниязи как первый узбекский советский писатель», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук	192
Предварительный отзыв о диссертационной работе А. Ибрагимова на тему «Литературная деятельность Мухаммеда Салиха», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук	193
Отзыв о диссертационной работе С. Касимова на тему «Творчество Хорезми», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук	194
Отзыв о диссертационной работе А. Бабаханова на тему «Драматургия Хамзы Хаким-заде Ниязи в аспекте пьесы «Бай и батрак», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук	197
Отзыв о диссертационной работе М. Афзалова на тему «Народный вариант поэмы «Фархад и Ширин», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук	198
Отзыв о диссертационной работе Н. Давкараева на тему «Очерки по истории каракалпакской литературы», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук	202
Отзыв на автореферат диссертационной работы Г. Каримова на тему «Узбекский поэт-демократ Муками и литература его времени», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук	205
Отзыв о диссертационной работе С. Далимова на тему «Жизнь и творчество Агахи», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук	207
Отзыв о книге Э. Рустамова «Узбекская поэзия первой половины XV века»	209
Отзыв о диссертационной работе П. Г. Булгакова на тему «Абу Рейхан Бируни», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук	211

Ҳамкорликда ёзилган асарлар

<i>Айбек, А. И. Дейч.</i> Щит народа	215
<i>Айбек, А. И. Дейч.</i> Алишер Навои	228

Иловалар

Автобиография	387
«Путь славы» (творческая заявка)	388
«Махмуд Тараби», или «Щит народа» (творческая заявка Ай- бека и Александра Дейча)	391
Айбек, Ал. Дейч. «Щит народа» (сценарий пьесы)	392
Махмуд Тараби (сценарий оперы)	398
Отчетный доклад Союза писателей Узбекистана за период с 1 января по 1 декабря 1947 года	404
Тезисы выступления на пленуме Союза писателей Узбекистана	414
Отчет о поездке в Англию	417
Изоҳлар	421
Ойбек асарлари кўрсаткичи	461
Исмлар кўрсаткичи	472
Расмлар рўйхати	491

Ойбек Мусо Тошмухаммад ўғли.

Мукаммал асарлар тўплами/Таҳрир ҳайъати: М. Нурмухамедов ва бошқ. Қўшимча 20-том. Рус тилида ёзилган асарлар. Мақола-лар. Нутқлар. Тақризлар./[Масъул муҳаррирлар: Н. Владимирова, Н. Қаримов].— Т., «Фан», 1985, 496 б.

Сарл олдида: ЎзССР ФА А. С. Пушкин номидаги тил ва адабиёт ин-ти.

Парал. тит. ўзб. ва рус тилларида. Тек-ст рус тилида.

Айбек Муса Ташмухамедович. Полное собрание сочинений. Дополнительный 20-й т. Произведения, написанные на русском языке. Статьи, речи, рецензии.

Ўз 2

М. Т. АЙБЕК

Полное собрание сочинений

Том XX

На русском языке

СТАТЬИ, РЕЧИ, РЕЦЕНЗИИ

Ўзбекистон ССР ФА

*А. С. Пушкин номидаги Тил ва адабиёт институтининг Илмий совети,
ЎзССР ФА Тарих, тилшунослик ва адабиётшунослик
бўлими томонидан нашрга тасдиқланган*

Муҳаррирлар *Л. Хаймаханова, М. Қарась, Н. Қосимова*
Рассом А. Расулев
Техмуҳаррир *Ҳ. Бобомухамедова*
Корректорлар *О. Ҳожимухамедов, М. Содиқова*

ИБ № 3399

Теришга берилди 7.01.85. Босишга рухсат этилди 7.02.85. P02742. Формати 84×108¹/₃₂. Босмахона қоғози № 1. Адабий гарнитура. Юқори босма. Шартли босма. л. 26,04. Ҳисоб-нашриёт л. 24,6. Тиражи 5000. Заказ 14. Баҳоси 2 с. 80 т. Баҳоси 2 с. 80 т.

ЎзССР «Фан» нашриёти, Тошкент, 700047, Гоголь кўчаси, 70,
ЎзССР «Фан» нашриётининг босмахонаси, Тошкент, М. Горький проспекти, 79.